К 200-летию
со дня рождения
А. С. ПУШКИНА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А.С. ПУШКИН

ДНЕВНИКИ
ЗАПИСКИ

Издание подготовила

Я.Л. ЛЕВКОВИЧ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1995

ББК 84(0)5
П 91

Ответственный редактор

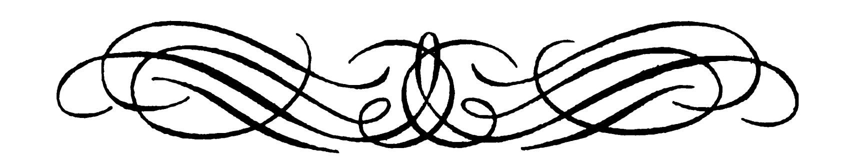
С. А. ФОМИЧЕВ

Федеральная целевая программа книгоиздания России

П $\frac{4702010000-529}{042(02)-95}$ Без объявления

ISBN 5-02-028134-4

ДНЕВНИКИ

⟨ИЗ ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА⟩

1815

...большой грузинский нос, а партизан[1] почти и вовсе был без носу. Д⟨авыдов⟩ является к Б⟨енигсену⟩:[2] „Князь Багратион,[3] — говорит, — прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу..."

— На каком носу, Д⟨енис⟩В⟨асильевич⟩? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Б⟨агратиона⟩, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворения.[4] — — —

---

28 ноября.

Щ⟨ишков⟩ и г-жа Б⟨акуни⟩на[5] увенчали недавно Кн⟨язя⟩ Шаховского лавровым венком; на этот случай сочинили очень остроумную пиесу под названием „Венчание Шутовского".[6] (*Гимн на голос: de Béchamel.*)

Вчера в торжественном венчанье
Творца *затей*[7]
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Он злой Карамзина гонитель,[8]
Гроза Баллад;
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову брат.[9]
И враг талантов записной!
Хвала, ⟨хвала тебе, о Шутовской!⟩

Хвала́, Герой!
Хвала, Герой!

Всей братьи дал свои он *Шубы*,[10]
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

И вот под сенью обветшалой
Старик седой![11]
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной.
Кругом поэтов бледный строй:[12]
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (bis)

И вдруг раздался за дверьми
И скрип и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам Герой!
Поет он гимн венчальный свой,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Я князь, поэт, директор, воин —[13]
Везде велик,
Венца лаврового достоин
Мой тучный лик.
Венчая, пойте всей толпой:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Писал я на друзей пасквили[14]
И на отца;
Поэмы, тощи водевили —
Им нет конца.
И *воды*[15] я пишу водой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!

Тебе, Герой!
Тебе, Герой!..

Еврей мой написал *Дебору*,[16]
А я списал.
В моих твореньях много сору —
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Потом к Макару[17] и Ежовой[18]
Герой бежит.
„Вот орден мой — венок лавровый,
Пусть буду бит,
Зато увенчан красотой!"
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

---

29 ⟨ноября⟩.

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья.
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!... нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волненьем стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!...[19]

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы! он знал любви одну лишь муку! —

Жуковский.[20]

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Б[акуниной]!
Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука! — — —
Но я был счастлив 5 минут — —

---

10 декабря. —

Вчера написал я третью главу „Фатама, или Разума человеческого: Право естественное".[21] Читал ее С.С.[22] и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — Поутру читал „Жизнь Вольтера".[23]

Начал я комедию[24] — не знаю, кончу ли ее. —

Третьего дни хотел я начать ироическую поэму „Игорь и Ольга[25]", а написал эпиграмму на Шах⟨овского⟩, Шихм⟨атова⟩ и Шишк⟨ова⟩, — вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихм⟨атов⟩, Шах⟨овской⟩, Шишк⟨ов⟩.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шиш⟨ков⟩, Шихм⟨атов⟩, Шах⟨овск⟩ой![26] —

Летом напишу я „Картину Царского Села".[27]

1. Картина *Сада.*
2. Дворец. — *День в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье. —
5. Вечернее гулянье. —
6. *Жители Царского Села.*

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее.*

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты[28] на голос: „Бери себе повесу".[29] Запишу, сколько могу упомнить:

НА ГЕОРГ⟨ИЕВСКОГО⟩[30]

Предположив — и дальше
На грацию намек.
{ Ну-с — Августин богóслов,
Профессор Бутервек.[31]
или:
Над печкою богóслов,
А в печке Бутервек.

Потом Ниобы группа,[32]
Кореджиев тьмо-свет,[33]
Прелестна грациозность
И счастлив он, поэт. —

НА КАЙД⟨АНОВА⟩[34]

Потише, животины!
Да долго ль, говорю?
Потише — Бонгольм, Борнгольм[35]
Еще раз повторю.

НА КАРЦ⟨ЕВА⟩[36]

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский,[37]
Вы ересь понесли.

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с Богом,
Назад не приходи.

А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив.[38]
Драгуна посылает,
или: ревнив
И граф послал драгуна,
Чтоб отпереть жену.

А Камараж[39] взбесился,
Роспини обокрал;[40]
А Фридебург[41] свалился,
А граф захохотал.

Наш доктор хромоглазый
В банк выиграл вчера,
А следственно, гоняет
Он лошадей с утра.

НА ШУМАХЕРА[42]

Скашите мне шастицы,
Как напрымер: wenn so,
Je weniger und desto,
Die Sonne scheint also. *

* Если так, чем меньше и тем ... Итак, солнце светит (*нем.*).

НА ГАКЕНА[43]

Мольшать! я сам фидала,
Мольшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала —
Пошалуюсь теперь.

НА ВЛ⟨АДИСЛАВЛЕВА⟩[44]

Матвеюшка![45] дай соли,
Нет моченьки, мой свет,
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

НА ЛЕВ⟨АШОВА⟩[46]

Bonjour, Messieurs, * — потише!
Поводьем не играй!
Уж я тебя потешу
A quand l'equitation.**

НА ВИЛЬ⟨МУШКУ⟩[47]

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено.
А Вильмушке, поэту, }
Стихи писать грешно.
или: А не даны поэту
Ни гений, ни вино.

НА ЗЯБ⟨ЛОВСКОГО⟩[48] И ПЕТР⟨ОВА⟩[49]

Какой столичный город?
Желательно бы знать?
— А что такое ворот?
Извольте мне сказать.

НА ИК⟨ОННИКОВА⟩[50]

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее взрасти?
Да на святой Руси!

---

* Здравствуйте, господа... (*франц.*).
** Когда будет урок верховой езды (*франц.*).

НА КУН⟨ИЦЫНА⟩[51]

Известен третий способ:
Через откупщиков;
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

---

17 декабря.

Вчера провел я вечер с Ик⟨онниковым⟩.

Хотите ли видеть странного человека, чудака, — посмотрите на Ик⟨онникова⟩. Поступки его — поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату, видите высокого, худого человека, в черном сертуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки, он дико смотрит на вас — вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует, — жмет руку, — хохочет задушевным голосом, кланяется, — садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. — Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, — спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении — он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, — ходит пешком из П⟨етербурга⟩ в Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан, — он беден, горд и дерзок, — рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, — легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен и честолюбив. — Ик⟨онников⟩ имеет дарованья, пишет изрядно стихи — и любит поэзию; вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, — зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас Гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. — Его любят — иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда. —

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМ

Шах⟨овской⟩ никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. — Шах⟨овской⟩ не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал „Нового Стерна":[52] холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль „Ломоносов":[53] представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал „Казак-стихотворец"[54] — в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые — но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о „Встрече незваных"[55] — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

Он написал поэму „Шубы"[56] — *и все дрожат*. Наконец он написал „Кокетку".[57] — И наконец написал он комедию, хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение 3⟨х⟩ первых действий холодную и скучную и без завязки, но все комедию. —

Первые ее явления скучны. Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце 5⟨го⟩ действия.

⟨ИЗ КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА⟩

1821

2 апреля. Вечер провел у H. G.[1] — прелестная Гречанка. Говорили об А. Ипсиланти[2] — между пятью Греками я один говорил как Грек: все отчаивались в успехе предприятия *Этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско[3] не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной. Храбрости достанет и у Ипсиланти.

3 ⟨апреля⟩. Третьего дни хоронили мы здешнего митрополита;[4] — во всей церемонии более всего понравились мне жиды — они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем ни одной улыбки, ни одного нескромного движения! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Ж⟨уковскому⟩. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков.*[5] Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.[6]—

9 апреля. Утро провел с Пестелем;[7] умный человек во всем смысле этого слова. „Mon coeur est matérialiste, — говорит он, — mais ma raison s'y refuse". * Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чедаева.[8] — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть.

В „С⟨ыне⟩ О⟨течества⟩" напечатали одно письмо мое к В⟨асилию⟩ Л⟨ьвовичу⟩.[9] Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.[10]

---

* Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (*франц.*).

Вчера К⟨нязь⟩ Дм. Ипсиланти сказал мне, что Греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский.[11]

4 мая был я принят в *масоны.*[12]

9 мая. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к К⟨нязю⟩ Ипсиланти,[13] с молодым французом, который отправляется в Греческое войско. — Вчера был у Кн. Суццо.[14]

Баранов умер.[15] Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев.[16] Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель — потом был я в здешнем остроге. NB. Тарас Кирилов.[17] Вечер у Крупенских.[18]

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Déguilly[19] *ex-officier français.*

Il ne suffit pas d'être un J⟨ean⟩ F⟨outre⟩, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc. *

Оставим этого несчастного.

⟨ВСТРЕЧА С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ⟩

1827

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи[1] в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова „Духовидца",[2] но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем.[3] „Вероятно, поляки?" — сказал я хозяйке.[4] „Да, — отвечала она, — их нынче отвозят назад". Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.[5] Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?[6]

Луга.

---

* К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера. Недостаточно быть дрянью, надо еще быть ею открыто. Накануне дрянной дуэли на саблях не пишут на глазах жены иеремиад, завещания и пр. и пр. (*франц.*).

⟨КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК⟩

1829

15 мая. Георгиевск.

Ив Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова.[1] — Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. — Я приехал к нему в 8 часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. — Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию.[2] С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова Тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает портрет, писанный Довом.[3] Он был в зеленом Черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. — Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл Графа Эриванского Графом Ерихонским. „Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на Пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например, на Пашу, начальствовавшего в Шумле,[4] — и Паскевич пропал". Я передал Ермолову слова Гр. Толстого,[5] что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтобы отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. „Можно было бы сберечь людей и издержки", — сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки.[6] Он недоволен Историей Карамзина;[7] он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход Русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках Кн. Курбского [8] говорил он con amore.* Немцам досталось.[9] „Лет через 50, — сказал он, — подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительственная такими-то немецкими Генералами". Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. — Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.—

Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. — Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи Одесской. Мне случалось в сутки проехать не более 50 верст. —

* с увлечением (*ит.*).

Смотря на маневры ямщиков, я со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций.[10] Наконец Воронежские степи оживили мое путешествие. Я свободно покати⟨лся⟩ по зеленой равнине — и я благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел Графа Вл. Пушкина,[11] также едущего в Тифлис, — я сердечно ему обрадовался, и мы поехали вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка, мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вины и съестные припасы. — В южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc. — С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами [саблями] и проч. — На каждой станции выгружается часть северных запасов, и, таким образом, мы проводим время как нельзя лучше. —

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее. — Леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет бóльшую силу растительности (végétations); показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу, и спокойно смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.[12]

Кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необозримую однообразность степи. Разные народы разные каши варят.[13] Калмыки располагаются около станционных хат. — Татары пасут своих вельблюдов, и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников.

На днях, покаместь запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянуто⟨м⟩у белым войлоком, с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство: котел варился посередине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные. — Замечу, что порода калмыков начинает изменяться и первобытные черты их лица мало-помалу исчезают. — Я сел подле нее. — Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — Десять и восемь. — Что ты шьешь? — Портка. — Кому? — Себя. — Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. — Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого б то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться. — Я хлебнул, стараясь не перевести духа, — я попросил заесть чем-нибудь — мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. — Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием,[14] подобным нашей балалайке. — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —*

* *Последняя фраза приписана позже, когда было уже написано стихотворение „Калмычке", датированное 22 мая (ПД, № 841).*

В Ставрополе увидел я на краю неба белую неподвижную массу облаков, поразившую мне взоры тому ровно 9 лет. — Они все те же, все на том же месте. — Это были снежные вершины Кавказа — — —

Подъезжая к Георгиевску, яснее увидел я их светлую цепь и темные массы передовых пред⟨горий⟩. Они обнимали всю правую сторону горизонта и ярко рисовались на ясном утреннем небе. Я увидел остроконечный Бешту, окруженный Машуком, Змеиной и Лысой горою — [как царь своими вассалами].

Несмотря на мое намерение доехать до Грузии, я решился пожертвовать одним днем и из Георгиевска отправился в телеге к Горячим водам. Я нашел на водах большую перемену. — В мое время ванны находились в бедных лачужках, наскоро построенных.[15] — Посетители жили кто в землянках, кто в балаганах. Источники, по большей части в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе серные и селитровые следы. — У целебных ключей старый инвалид подавал вам ковшик из коры или разбитую бутылку. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. — Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные партеры, мостики, павильоны. — Ключи обделаны, выложены камнем, и на стенах ванн прибиты полицейские предписания. — Везде порядок, чистота, красивость — — —

Что сказать об этом. — Конечно, Кавказские воды нынче представляют более удобностей, более усовершенствования. — Таков естественный ход вещей. — Но признаюсь: мне было жаль прежнего их дикого, вольного состояния. — Мне было жаль наших крутых каменистых тропинок, кустарников и неогражденных пропастей, по которым бродили мы в прохладные кавказские вечера. — Конечно, этот край усовершенствовался, но потерял много прелести. — Так бедный молодой шалун, сделавшись со временем человеком степенным и порядочным, теряет свою прежнюю любезность — — —

С неизъяснимой грустью пробыл я часа три на водах; с полнотою чувства разговаривал я с любезными Же... и Жи... и старался изъяснить им мои печальные впечатления. Они меня поняли и дружески со мною распростились. Я поехал обратно в Георгиевск — берегом быстрой Подкумки. Здесь, бывало, сиживал со мною Н⟨иколай⟩ Р⟨аевский⟩, молча прислушиваясь к мелодии волн. — Я сел на облучок и не спускал глаз с величавого Бешту, уже покрывавшегося вечернею тенью. Скоро настала ночь. — Небо усеялось миллионами звезд — Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горными своими вассалами. Наконец он исчез во мраке. Я приехал в Георгиевск поздно и застал Гр⟨афа⟩ Пуш⟨кина⟩ уже спящего.

М⟨ая⟩ 22. Владикавказ.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога — почтовый тракт прекращается, нанимают лошадей до Владикавказа — дается конвой казачий и пехотный — и одна пушка — почта отправляется 2 раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются — это называется *оказией*. Мы дожидались оной недолго — почта пришла на другой день нашего приезда — и на третье

утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь [наш] караван, состоявший из 500 че⟨ловек⟩ или около. — [Наше общество представляло зрелище самое оживленное]. — Пробили в барабан. Мы тронулись. — Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами — фитиль горел, и они им раскуривали свои трубки — за нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую, за ними заскрыпел необозримый обоз двуколесных ароб. — По сторонам бежали конские табуны и стада волов, около них скакали проводники в бурках, в косматых шапках и с арканами. — Сначала нам это очень нравилось, но скоро надоело; нестерпимая медленность нашего похода (в первый день от Екат⟨еринограда⟩ до Пришиба мы прошли только 15 верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрып ногайских ароб выводили нас из терпения. — Татары тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. — На сей раз приятнее было бы нам путешествовать с плутами. — Дорога довольно однообразна — равнина, по сторонам холмы — на краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше — крепости достаточные для здешнего края — со рвом, который каждый из нас перепрыгнул ⟨бы⟩ не разбегаясь, с заржавой пушкой, не стрелявшей со времен Гр⟨афа⟩ Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон уток и цыплят. В крепости несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока. —

Первое замечательное место есть крепость Минарет. — Приближаясь к нему, наш караван ехал по прелестной долине — между курганами, обросшими липой и чинаром. — Это могилы нескольких тысяч умерших чумою — блистали цветы, порожденные зараженным пеплом. — Справа все сиял снежный Кавказ. — Слева шумел Терек, впереди возвышалась огромная лесистая гора. — За нею находится крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула. — И легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения, называемого Татартуб[16] и бывшего одно из главных в Б⟨ольшой Кабарде⟩. — Кругом его высокие горы. Он стройно возвышается между грудами камней на берегу иссохшего потока — памятник, переживший многое. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался на то место, где уже не раздается голос муллы. — Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах проезжими офицерами. — Суета сует. Гр. П⟨ушкин⟩ последовал за мною. — Он начертал на кирпиче имя ему любезное — имя своей жены[17] — счастливая — а я свое

Любите самого себя,
Любезный милый мой читатель.[18]

Дорога наша сделалась очень живописна. — Горы тянулись над нами — на вершинах ползали чуть видные стада. — Мы различили и человека, их пасущего. Кто ж это был, вольный черкес или бедный пленник? Он видит нас, но с каким чувством, с сильной ⟨?⟩ ненавистью или с волнением грусти и жаждой свободы? — Мы встретили еще курганы, еще развалины. — Два, три надгробных памятника стояли на краю дороги. — Там по обычаю старых Черкесов погребены их наездники. — Татарская надпись, изображения ша-

шек, кинжалов — танга — оставлены хищнику-внуку в память хищного предка. —

Черкесы нас ненавидят, и Русские в долгу не остаются. — Мы вытеснили их из привольных пастбищ — аулы их разрушены — целые племена уничтожены. — Они далее, далее уходят и стесняются в горах, и оттуда направляют свои набеги — дружба мирных черкесов не надежна. — Они всегда готовы помочь буйным своим одноплеменникам. Все меры, предпринимаемые к их укрощению, были тщетны. — Но меры жестокие более действительны. — [Древний] дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков — никогда на пехоту, и бегут, завидя пушки. — Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд — или на беззащитного. — Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Не имеют никакой надежды их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили Кры⟨мских⟩ татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ими наследственных мщений и так называемого *долга крови*.

Кинжал и шашка суть члены их тела — и младенец начинает владе⟨ть⟩ ими прежде, нежели языком. — У них убийство — простое телодвижение. — Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием — заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, — и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Что делать с таким народом?

Пока Черкес вооруженный не будет почитаться вне закона, можно попробовать влияние роскоши — новые потребности мало-помалу сблизят с нами черкесов[19] — самовар был бы важным нововведением.* — Есть наконец средство более сильное, более нравственное — более сообразное с просвещением нашего века, но этим средством Россия доныне небрежет: проповедание Евангелия. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве Апостольство с нею несовместно? Разве истина дана для того, чтобы скрывать ее подспудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений, — и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братиям, доныне лишенным света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты. — Нам тяжело странствовать между ими, подвергаясь трудам, опасностям по примеру древних Апостолов и новейших рим⟨ско⟩-кат⟨олических⟩ миссионеров.

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства. — Христиане ли вы. — С сокрушением раскаяния должны вы потупить голову и безмолвствовать. — — — Кто из вас, муж Веры и Смирения, уподобился святым старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, без обуви, в рубищах, часто без крова, без пищи — но оживленным теплым усердием и смиренномудрием. — Какая награда их ожидает? Обращение престарелого рыбака или странствующего семейства диких, нужда, голод, иногда — мученическая смерть. Мы умеем спокойно блистать велеречием, упиваться похвалами слу-

* *Позднее приписано*: „Должно надеяться, что с приобретением части восточного берега Черн<ого> моря — черкесы, отрезанные от Турции". *Мысль эта закончена в печатном издании.*

шателей. — Мы читаем книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные. —

Предвижу улыбку на многих устах. — Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякий и не везде имеет право говорить языком высшей истины — я не такого мнения. — Истина, как добро Молиера, там и берется, где попадается.[20] —

Мы в первый раз переехали Терек.

Но мы во Владикавказе, в самом преддверии гор. Снежные горы над нами. Мы окружены аулами. Завтра святилище дикой природы будет нам доступно. —

Влад⟨икавказ⟩. 22 мая 1829.

25 мая. Коби.

Арзрум. 12 июля 1829.

Вот уже 6 дней, как я стою в Арзруме в доме Сераскира и долго не мог привыкнуть к этой мысли. Целый день бродил я по бесчисленным переходам, из комнаты в комнату, с лестницы на лестницу, с кровли на кровлю и долго не знал топографии этого лабиринта. — Везде следы роскоши, но Сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. — Тюфяк и подушки диванов были ободраны, ковры сняты — дворец казался разграбленным.

Здесь воображение поминутно поражено противуречием Случая. — Там, где грозный Паша молчаливо курил свою длинную трубку, окруженный бесчестными отроками, там ныне счастливый его победитель принимает донесения о победах своих генералов, разговаривает с ними о Байроне и Наполеоне, отпускает пленных, раздает подарки, там Султ⟨ан⟩ ⟨...⟩

14 июля. Арзр⟨умская⟩ баня — чума.

18 июля. Арзрум — карантин. Об⟨ед⟩ у Гр⟨афа⟩ Паск⟨евича⟩. — Харем. — Сабля.

Переход через Кавказ
Дариал, Казбек, осетинцы, похороны
Поэт Перси⟨дский⟩
Принц персидск⟨ий⟩. | Снеговая Крестовая гора
Грузия, Арагва, Душет
Тифлис
дорога до креп⟨ости⟩ ⟨?⟩ Карса. Гумры, Арарат, Граница. Гергеры. Карс.
Лагерь Гр. Паскевича
Перестрелка, рекогносцировка
война
Источн⟨ик⟩ Мост.
Гассан Кале

27 июня. Арзрум
дворцы
обратный путь.

⟨19 июля—начало августа. Арзрум—Тифлис (?)⟩.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-Кая — преддверия гор. Он окружен аулами, — и я посетил один из них — и попал на осетинские похороны.[21] — Около сакли толпился народ. — На дворе стояла арба, запряженная двумя волами, — родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон — [подъехав к сакле, они слезали с седла] и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаком в лоб, что меня очень ⟨*нрзб.*⟩.* — Женщины молчали. — Мертвеца вынесли на бурке и положили в арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул порох с полки и положил его подле тела — волы тронулись, и гости поехали следом. — Тело должно было быть похоронено в горах, в 30 верстах от аула. — К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из племен, обитающих Кавказ. — Женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. —

У ворот крепости встретил я двух — жену и дочь заключенного осетинца; они принесли ему обед. — Обе казались спокойны и смелы. — Однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись изодранными своими чадрами. — В крепости видел я черкесских аманатов — красивых и резвых мальчиков. — Они поминутно проказничают и убегают из крепости. Их держат в жалком положении. — Они ходят в лохмотьях, полунагие — и в отвратительной нечистоте — на иных видел я деревянные колодки. — Мудрено таким образом достичь желаемой цели: заставить их полюбить [русские] наши обычаи.

Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, без большого сожаления вспомнят свое пребывание во Владикавказе.

Пушка оставила нас, мы отправились с пехотой и казаками. — Кавказ принял на⟨с⟩ в свое святилище. Мы услышали глухой рев, скоро увидели Терек, разливающий⟨ся⟩ в разны⟨х⟩ направления⟨х⟩. — Мы поехали по его левому берегу — чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ужасным ревом бросал свои аспидные волны через камни, прегра⟨жда⟩ющие ему путь. — Погода была пасмурная, облако тянулось около черных вершин, туманное ущелье извивалось по течению Терека. Каменные подошвы гор обточены были его волнами. — Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный дикими красотами природы. — Гр⟨аф⟩ Пуш⟨кин⟩ и Ш⟨ернваль⟩, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке, на севере гремящей.*[22] Но я ни с чем не мог сравнить мне предст⟨оявшего⟩ зрелища.

* „Что меня очень" *вписано сверху, другим почерком, после* „кулаком в лоб", *однако мысль осталась незаконченной.*

Не доходя до *Ларса*,* отстал я от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между которыми хлещет Терек с бешенством неизъяснимым. Вдруг бежит ко мне солдат, говоря: — В⟨аше⟩ Б⟨лагородие⟩, не останавливайтесь: *убьют*! — Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным — дело в том, что осетинские разбойники, совершенно безопасные на той стороне Терека, здесь иногда из-за утесов стреляют по путешественникам. — Накануне нашего перехода они таким образом по⟨тревожили⟩ ⟨?⟩ конвой ген⟨ерала⟩ Бековича, проскакавшего под их выстрелами, — убили одну лошадь и ранили одного солдата. — — —

В Ларсе остановились мы ночевать. Там нашли путешествующего француза, который напугал нас предстоящею дорогою — переход через Крестовую гору в коляске, по его мнению, была вещь невозможная. Он пророчил, что мы бросим экипажи в Коби и проедем верьхом в Тифлис. С ним в первый раз мы пили кахетинское вино из *бурдюка* — вспоминая пирования Илиады:

И в козиих мехах вино, от⟨раду⟩ нашу.[23]

Здесь нашел я у ком⟨енданта⟩ рукопись Кавказского Пленника и, признаюсь, перечел его с удовольствием. Все это мол⟨одо⟩, многое неполно, но многое угадано. — Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали.

На другой день поутру отправились мы далее. — Турецкие пленные разработывали дорогу: они жаловались на пищу, им выдаваемую. Им невозможно было привыкнуть к черному хлебу. Это напоминало мне слова приятеля моего Ш⟨ереметева⟩ — приехавшего из Парижу: — Худо жить, брат, есть нечего — черного хлеба не допросишься.

Скоро притупляются наши впечатления. — Едва прошли одни сутки, уже шум Терека, уже его беспорядочное течение, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. — Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. — Я ехал мимо Казбека столь же равнодушно, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.[24]

На дороге ждали Перс⟨идского⟩ Пр⟨инца⟩.[25] В некотором расстояньи от деревни Казбек попались нам навстречу несколько колясок — и дорога затруднилась. — Конвойный офицер объявил, что он сопровождает придв⟨орного⟩ поэта Фазиль Хана, — и по моему желанию представил меня ему — я через переводчика начал было ему высокопарное восточное приветствие, отчасти увлеченный врожденной насмешливостью. — Но как мне стало совестно, когда Ф⟨азиль⟩ Х⟨ан⟩ отвечал на мо⟨ю⟩ неуместную затейливость просто, ⟨с⟩ умом ⟨и⟩ учтивостию порядочного человека. „Я надеялся застать вас в П⟨етер⟩б⟨урге⟩". Он жалел, что знакомство наше будет столь непродолжительным и проч. — Со стыдом принужден был я оставить полушутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Это мне был урок — не судить человека по бараньей папахе и по крашеным ногтям.

* *У Пушкина ошибочно*: „Карса".

[В Коби остались мы ночевать]. Местечко Коби находится у подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. — Мы тут остановились ночевать и стали думать о том, каким образом совершить ужасный подвиг — бросить ли наши коляски и брички и сесть на казачьих лошадей, или послать за осетинскими быками. — На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана красноречивую просьбу К***, начальствующему в здешнем краю, и мы легли спать в ожидании подвод. —

На другой день около 12 часов мы услышали шум, дикие крики ⟨и⟩ увидели зрелище необыкновенное. 15 пар тощих и малорослых быков, окруженных полунагими осетинцами, тащили легенькую Венскую коляску моего приятеля Ор — — — —. Это зрелище разрешило все мои сомнения. — Я решился отправи⟨ть⟩ мою тяжелую коляску обратно в Влади⟨кавказ⟩ и верхом доехать до Тифлиса. — Гр⟨аф⟩ П⟨ушкин⟩ не хотел следовать моему примеру. Он préféra* впречь целое стадо в огромную свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, — и торжественно перевезти ее через снеговой хребет. — Мы расстались. Я поехал с полк⟨овником⟩ Ога⟨ревым⟩, осматривающим здешние дороги. —

Мы подымались все выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах. Мы достигли снежной вершины Кавказа. — В это время услышал я глухой грохот. — Обвал, — сказал мне полковник. Я оглянулся и увидел в стороне огромную груду снега, которая сыпалась и медленно съезжала с крутизны. Наконец увидели мы на самой вершине горы *крест*[26] — памятник Петра, обновленный Ермоловым, и начали спускаться.—

Мгновенный переход от грозного дикого К⟨авказа⟩ к прелестной, миловидн⟨ой⟩ Грузии восхитителен. С высоты Гут-горы открывается Кашаурская долина — с ее обитаемыми скалами, с ее цветущими нивами, — с ее богатыми темно-зелеными садами, — с ее синим, синим, прозрачным небом, с ее светлой Арагвой, *ми⟨лой⟩ сестрою свирепого Терека.* — Дыханье благовонного Юга вдруг начинает повевать на путешественника. — Видны развалины старинного замка, облепленного бедными саклями, как будто гнездами ласточек. — [Здесь] Челяев.

⟨Начало августа 1829, Тифлис (?)⟩.

Мы ехали из Арзрума в Тифлис. — 30 человек линейских казаков нас конвоировали, возвращающихся на свою родину, — перед нами показался линейский полк, идущий им на смену. — Казаки узнали своих земляков и поскакали к ним навстречу, приветствуя их радостными выстрелами из ружей и пистолетов. — Обе толпы съехались и обнялись на конях при свисте пуль и в облаках дыма и пыли — обменявшись известиями, они расстались — и догнали нас с новыми прощальными выстрелами.

— Какие вести, — спросил я у прискакавшего ко мне урядника, — все ли дома благополучно. — Слава богу, — отвечал он, — старики мои живы; жена здорова. — А давно ли ты с ними расстался? — Да вот уже три года, хоть по

* предпочел (*франц.*).

положению надлежало бы служить только год. — — А скажи, — прервал его молодой арт⟨иллерийский⟩ офицер, — не родила ли у тебя жена во время отсутствия? — Ребята говорят, что нет, — отвечал веселый урядник. — А не ⟨.........⟩ ли без тебя? — Помаленьку, слышно, ⟨.........⟩. — Что ж, побьешь ты ее за это? — А зачем ее бить? Разве я безгрешен. — Справедливо; а у тебя, брат, — спросил я другого казака, — так ли честна хозяйка, как у урядника? — Моя родила, — отвечал он, стараясь скрыть свою досаду. — А кого бог дал? — Сына. — Что ж, брат, побьешь ее? — Да посмотрю, коли на зиму сена припасла, так и прощу, коли нет — так побью. — И дело, — подхватил товарищ, — побьешь, да и будешь горевать, как старик Черкасов; с молоду был он дюж и горяч, случился с ним тот же грех, как и с тобой, поколотил он хозяйку, так что она после того 30 лет жила калекой. — С сыном его случилась та же беда, и тот было стал колотить молодицу — а старик-то ему: „Слушай, Иван, оставь ее — посмотри-ка на мать, и я с молоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад". — Так и ты, — продолжил урядник, — жену-то прости, а выблядка посылай чаще по дождю. — Ладно, ладно, посмотрим, — отвечал казак [уряднику]. — А в самом деле, — спросил я, — что ты сделаешь с выблядком? — Да что с ним делать, корми да отвечай за него как за родного. — Сердит, — шепнул мне урядник, — теперь жена не смей и показаться ему — прибьет до смерти. —

Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов. — Каких лет у вас женят? — спросил я. — Да лет 14-ти, — отвеч⟨ал⟩ у⟨рядник⟩. — Слишком рано, муж не сладит с женою. — Свекор, если добр, так поможет — вот у нас старик Суслов женил сына да и сделал себе внука.

⟨ДНЕВНИК 1831 г.⟩.

26 июля. Вчера Государь Император отправился в военные поселения (в Новгородской губ⟨ернии⟩) для усмирения возникших там беспокойств.[1] Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли в Ижору с повинной головою и с распискою одного из офицеров, которого пред смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться Гр⟨афа⟩ Орлова,[2] посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. „Тогда я вас прощу", — сказал он им. Кажется, все усмирено, а если нет еще, то все усмирится присутствием Государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть всуе употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Царю не должно сближаться лично с народом. Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с Государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Доныне Государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтиться в толпе голос для возражения. Таковые разговоры непри-

личны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя.[3] Россия имеет 12 000 верст в ширину; Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива, как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но коль скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточно цепию, военною силою, — суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины, народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, о угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.[4]

---

29. Третьего дня Государыня[5] родила Великого Князя Николая.[6] Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова.[7]

Государь приехал перед самыми родами Императрицы. Бунт в Новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля Прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце; над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного майора, они подходили к нему с шутками: „Ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои, вы так смирны", — и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек; один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однако ж его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино,[8] чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского Короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом; но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт,[9] находившийся при нем, сказал им с негодованием: „Вам бы должно вынести кутью". Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы,

приложился ко кресту и обратился к мятежникам. Он разругал их, объявил, что не может их простить, и требовал, чтоб они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и с изумлением говорят о мужестве и силе духа Императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.[10]

Сент⟨ября⟩ 4. Суворов[11] привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич[12] ранен в бок. Мартынов[13] и Ефимович[14] убиты; Гейсмар[15] ранен. — Наших пало 6000.[16] Поляки защищались отчаянно. — Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: „Du moins j'ai fait mon devoir".* Гвардия все время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан Князем и Светлейшим. Скржнецкий[17] скрывается: Лелевель[18] при Раморино;[19] Суворов видел в Варшаве Montebello (Lannes),**[20] Высоцкого,[21] начинщика революции, Гр. А. Потоцкого[22] и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

На днях скончался в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ Фон-Фок,[23] начальник 3-го отделения Государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleures et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer".*** Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини[24] о польской кампании: Главная ошибка Дибича[25] состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия — наперекор здравому смыслу, 15 дней разницы не сделали бы. Счастие во многом помогло Паскевичу: 1) Он не мог перейти со всеми силами Вислу; но на Палена[26] Скржнецкий не напал; 2) Он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20 000 и ушли слишком далеко. Ошибка Скржнецкого состояла в том, что он пожертвовал 8000 избранного войска понапрасну под Остроленкой.[27] — Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржнецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа — и Польша погибла.

„Сколько в Суворовском полку осталось?" — спросил Государь у Суворова. — „300 человек, ваше величество". — „Нет, 301: ты в нем полковник".

---

* По крайней мере я исполнил свой долг (*франц.*).

** Монтебелло (Лан) (*франц.*).

*** Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и сожалеть, что не мог его любить (*франц.*).

⟨ЗАПИСЬ О 18 БРЮМЕРА⟩

M-r Paëz, alors secrétaire d'Ambassade à Paris, m'a confirmé le récit de Bourienne.[1] Ayant appris quelques jours avant qu'il se préparait quelque chose de grave, il vint à St. Cloud et se rendit à la salle des Cinq-cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sant suite, il vit d'Estrem et Briot le saisir au collet, le secouer. Bonaparte était pâle (de colère, remarque M-r Paëz). Quand il fut dehors et qu'il harangua les grenadiers, il trouva ceux-ci froids et peu disposés à lui prêter mainforte. Ce fut sur l'avis de Talleyrand et de Sieyès, qui se trouvaient près, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui-ci s'écria: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère etc... Il n'en était rien, au milieu du tumulte les Cinq-cents demandaient le général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connaissait pas encore ses projets, mais on avait senti d'instinct, l'illégalité de sa démarche.

10 août 1832 c'est hier que l'ambassadeur d'Espagne me donna ces détails à dîner chez le C-te I. Pouchkine.*[2]

ДНЕВНИК 1833—1835 гг.

1833

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной[1] — видел Жуковского.[2] Он здоров и помолодел. Вечером Rout у Фикельмонт.[3] — Странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишиневских приятелей. Это был Суццо,[4] бывший Молдавский Господарь. Он теперь посланником в Париже; — не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал Этерию — представя ее Императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. — Обед у Энгельгардта,[5] — говорили о Сухозан⟨ете⟩,[6] назначенном в

---

*Г-н Паэс, тогда секретарь Парижского посольства, подтвердил мне рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней о том, что готовятся важные события, он явился в Сен-Клу и отправился в залу Пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, прося слова, он слышал его сбивчивую речь, видел, как Дестрем и Брио схватили его за шиворот, трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, замечает г-н Паэс). Когда он вышел из помещения и обратился к гренадерам, они отнеслись к его словам холодно и были мало расположены оказать ему помощь силой. По совету Талейрана и Сийеса, находившихся рядом, один офицер подошел и сказал что-то на ухо Люсьену, президенту. Тот воскликнул: „Вы хотите, чтобы я привлек к ответственности моего брата" и т. д. Не в том было дело, среди общего шума члены Совета Пятисот требовали, чтобы генерал принес извинения собранию. Еще не знали о его намерениях, но бессознательно чувствовали противозаконность его поведения.

10 августа 1832 г. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности на обеде у гр. И. Пушкина (*франц.*).

начальники всем корпусам. „C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements",* — сказал Энг⟨ельгардт⟩.

Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом[7] — особенно в настоящее время, бедное и бедственное.[8] —

Вечер у Вяз⟨емских⟩.

28. Раут у С. В. Салтыкова.[9] Гр. Орл⟨ов⟩[10] говорит о турецком посланнике:[11] „C'est un animal." — „Il a donc un secrétaire?" — „Oui, un Phanariote, et c'est tout dire."**

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля — педераста[12] и отъявленного игрока, товарища Мартынова[13] и Никитина.[14] Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в Государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов. 2) Дамские мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера ф.-Бринкена[15] курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; Г⟨осударь⟩ не приказал его судить по законам, а отдал его на суд Курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между Дворянином Псковским и Курляндским; между Гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли Г⟨осудар⟩ю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина Русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны Г⟨осудар⟩я есть что-то рыцарское, но Г⟨осударь⟩ не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? Поздно!

Молодая Графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен)[16] умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельм⟨онт⟩.

Вчера играли здесь „Les enfants d'Edouard",***[17] и с большим успехом. — Трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн[18] удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай,[19] кажется, прав.

30 нояб⟨ря⟩. Вчера был у Бутурлина (Жомини).[20] Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности П⟨етер⟩Б⟨урга⟩? но он защищен Кронштадтом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бут⟨урлиным⟩.) Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. В⟨еликий⟩ К⟨нязь⟩[21] их застал за ужином, кого в шлафорке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. — Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования А⟨лександра⟩ офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии...

---

* „Это, по-видимому, для того, чтобы дать другой оборот этим заведениям" (*франц.*).

** „Это животное." — „Значит, у него есть секретарь?" — „Да, фанариот, и этим все сказано" (*франц.*).

*** „Дети Эдуарда" (*франц.*).

При открытии Александровской колонны,[22] говорят, будет 100 000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833. — 3. Вчера Гос⟨ударь⟩ возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов.[23] В Москве его не ожидали. — Во дворце не было ни одной топленой комнаты. Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку: *Как И⟨ван⟩ Ив⟨анович⟩ поссорился с Ив⟨аном⟩ Тимоф⟨еевичем⟩*,[24] — очень оригинально и очень смешно. —

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.).[25] Разговор о Екатерине: Нат⟨алья⟩ Кир⟨илловна⟩ была на галере вместе с Петром III во время революции.[26] Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на Кн⟨ягиню⟩ Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Д⟨ашкова⟩ спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашк⟨ова⟩ на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту — поговорила с сыном о святости того места — и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали Государыню, в том числе и Дашкова. Вдруг дверь отворилась, и Государыня влетела, и прямо к Дашк⟨овой⟩. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашк⟨ова⟩ извинялась во вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь.[27] —

— Как вам не стыдно, — отвечала Екатерина, — вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться... Нат⟨алья⟩ Кир⟨илловна⟩ рассказала анекдот с большой живостию. Кн⟨ягиня⟩ Кочубей[28] заметила, что Дашк⟨ова⟩ вошла, вероятно, в алтарь в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал. —

Шум о дамских мундирах продолжается, — к 6-му мало будет готовых. Позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкий (автор записок)[29] был некогда адъютантом у Графа Кир⟨илла⟩ Разумовского.[30] — У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*.[31] Это знала Нат⟨алья⟩ Кир⟨илловна⟩ от *прежних* елисаветинских фрейлин.

Государыня пишет свои Записки...[32] Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алекс⟨еевна⟩ писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Фед⟨оровна⟩ также.[33] — Государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елис⟨авета⟩[34] хотела завещать свои Записки Карамзину (слыш⟨ал⟩ от Кат⟨ерины⟩ Андр⟨еевны⟩).

6 дек⟨абря⟩. Именины Гос⟨ударя⟩. Мартынов комендант.[35] 4 полных генералов. Перовский[36] — генерал-лейтенант. Меншиков[37] — адмирал. — Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев[38] безрукий сказал Кн. В-ой:[39] я отдал бы последние три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обедал у Гр. А. Бобр⟨инского⟩[40]... Мятлев[41] читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых В⟨еликий⟩ К⟨нязь⟩ застал ночью в неисправности и которые содержались под арестом, прощены.

14 дек⟨абря⟩. Обед у Блая, вечер у См⟨ирновых⟩.

11-го получено мною приглашение от Бенк⟨ендорфа⟩ явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен „Медный всадник" с замечаниями Государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшею ценсурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою Царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), — все это делает мне большую разницу.[42] Я принужден был переменить условия со Смирдиным.[43]

Кочубей[44] и Нессельроде[45] получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Все это очень соблазнительно. — В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе;[46] Имп⟨ератрица⟩ была нездорова. Поутру обедня и молебен.

16. Бал у Кочубея. — Имп⟨ератрица⟩ должна была быть, но не приехала. Она простудилась. Бал был очень блистателен. Гр. Шувалова[47] удивительно была хороша. —

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur,* ученик Тиков,[48] читал „Фауста" — неудачно, по моему мнению.

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать;[49] дело пошло по начальству. — Кн. В. Долгорукий[50] нарядил следствие. — Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн[51] был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видимо, занимается политикой, а не ворами и мостовою. —

Блудова[52] обокрали прошедшей ночью.

1834

1 янв⟨аря⟩. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам).[53] Но Двору хотелось, чтобы Н⟨аталья⟩ Н⟨иколаевна⟩ танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.[54]

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою.[55] Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. — Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам Государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

---

* любитель (*франц.*).

Встретил Новый год у Нат⟨альи⟩ Кир⟨илловны⟩ Загр⟨яжской⟩. Разговор со Сперанским[56] о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царств⟨ования⟩ Алекс⟨андра⟩, о Ермолове[57] etc. —

7-го. Вигель[58] получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. — Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложестве. — Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Мэрман,[59] сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее. — Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну: „Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице — как помню ее 60 лет тому назад". Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записи, — на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых. — Он еще под арестом. — Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобр⟨азов⟩ не останется флигель-адъютантом.[60]

Гос⟨ударь⟩ сказал княгине Вяз⟨емской⟩: „J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui" etc. etc.* Великий Кн⟨язь⟩[61] намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили.

17. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. — Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем „Пугачеве", он сказал мне: „Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской" (с 1774-го году!).[62] Правда, она жила на свободе в предместии, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском[63] с большим добродушием. —

26-го янв⟨аря⟩. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал, оставя N[аталью] Н[иколаевну], и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. С⟨алтыкову⟩. Гос⟨ударь⟩ был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: „Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faiteslui des reproches."**

В четверг бал у Кн. Тр⟨убецкого⟩,[64] траур по каком-то Князе (т. е. Принце).[65] Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на полчаса. Сказал жене: „Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu der-

---

* „Я надеюсь, что Пушкин принял по-хорошему свое назначение. До сих пор он сдержал данное мне слово, и я был доволен им" и т.д. и т.д. (*франц.*).

** „Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему" (*франц.*).

nièrement?"* (Мундирные пуговицы. Старуха Гр. Бобр⟨инская⟩[66] извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты).

Барон д'Антес[67] и Маркиз де Пина,[68] два Шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

Безобразов отправлен на Кавказ; жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен. — Множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна и около двух недель не выезжала. — Я представлялся. Государь позволил мне печатать „Пугачева"; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями[69] (очень дельными). В воскресение на бале, в концертной, Г⟨осударь⟩ долго со мною разговаривал: он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения. —

Вчера обед у Гр. Бобринского. Третьего дня бал у Гр. Шувалова. — На бале явился цареубийца Скарятин.[70] В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ говорил множество каламбуров: полиции много дела (такой *распутной* масленицы я не видывал). Сегодня бал у Австр⟨ийского⟩ посланника.

6 марта. Слава богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня (*4-го мар⟨та⟩*) масленицы даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. — Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов Князя Кочубея; таким образом, ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли. Все это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясалась.[71]

Царь дал мне взаймы 20 000 на напечатание *Пугачева*.[72] Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой Княгини С⟨уворовой⟩[73] с Графом В⟨итгенштейном⟩. — Заметили на ней новые бриллианты, — рассказывали, — что она приняла их в подарок от В⟨итгенштейна⟩ (будто бы по завещанию покойной его жены), что С⟨уворов⟩ имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Все это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К-вой, золовке С⟨уворово⟩й, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение С⟨уворо⟩вой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, Царь еще пуще. С⟨уворова⟩ расплакалась. „Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès — voilà pourquoi l'on m'envie, etc."** С⟨уворова⟩ очень глупа и очень смелая кокетка, если не хуже.

Соб⟨олевский⟩[74] говорит о Графе Вел⟨ьгорском⟩:[75] „Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins."***

---

* „Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз?" (*франц.*).

** „Ваше величество, я молода, я счастлива, имею успех, — вот почему мне завидуют, и т.д. " (*франц.*).

*** „Он держится середины, потому что всегда навеселе" (*франц.*). (Игра слов: juste milieu — „золотая середина" и название правительственной партии во Франции; entre deux vins — „навеселе", буквально: „между двух вин").

3 марта был я вечером у Кн. Од⟨оевского⟩.[76] — Соб⟨олевский⟩, любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: „Le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon — cul".* Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская)[77] не могли воздержаться от смеха. Княгиня Од⟨оевская⟩[78] обратилась к нему, позеленев от злости. — Соб⟨олевский⟩ убежал. —

13 июля 1826 года — в полдень, Гос⟨ударь⟩ находился в Царск⟨ом⟩ Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. — В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр... подняла платок в память исторического дня.[79] —

8 марта. Вчера был у См⟨ирновой⟩, ц. н.[80] — анекдоты. Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит Государь с Гр. Бенкенд⟨орфом⟩[81] и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца! Скар⟨ятин⟩ снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го. — Княжна Туркистанова,[82] фрейлина, была в тайной связи с покойным Государем и с Кн. Вл⟨адимиром⟩ Гол⟨ицыным⟩,[83] который ее обрюхатил. Княжна призналась Государю. Приняты были нужные меры, — и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Имп⟨ератрица⟩ Мария Фед⟨оровна⟩ приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Госуд⟨арыня⟩ сердилась, узнав обо всем: Вл. Гол⟨ицын⟩ разболтал все по городу. —

На похоронах Уварова[84] пок⟨ойный⟩ Государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): „Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?" (Уваров один из цареубийц 11-го марта). —

Гос⟨ударь⟩ не любит Аракчеева.[85] „Это изверг", говорил он в 1825 году (*après avoir travaillé avec lui et en rentrant chez l'imp⟨ératrice⟩ dans le plus grand désordre de toilette*).**

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча[86] об издании Русского Conversation's Lexikon.*** Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: „Плюшар[87] в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его". Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин,[88] Полевой[89] и Свиньин.[90] Гаевский[91] подписался, но с условием. Кн⟨язь⟩ Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича[92] и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для

* „Небо не чище недр моего зада" (*франц.*).

** поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме (*франц.*).

*** Энциклопедический лексикон (*франц.*).

экзамена 1814 года мои *Воспоминания в Ц⟨арском⟩ Селе.* Устрялов[93] сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у Австр⟨ийского⟩ посланника.[94] Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо $5\frac{1}{2}$, и ждал несколько времени хозяйку; 2) приехал в сапогах, что сердило меня во все время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но пок⟨ойный⟩ Государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. — NB. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать Дворянство по случаю совершеннолетия Г⟨осударя⟩ Наследника.[95] К⟨нязь⟩ Долгорукий (об⟨ер⟩шталмейстер и П⟨етер⟩Б⟨ургский⟩ предводитель) и Г⟨раф⟩ Шувалов распоряжают этим. Долг⟨орукий⟩ послал Нарышкину[96] письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нар⟨ышкин⟩ отвечал: „М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩, из перевода с письма В⟨ашего⟩ с⟨иятельст⟩ва усмотрел я etc.". — Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что Гр⟨афиня⟩ Полье[97] идет замуж за какого-то Принца, вдовца и богача. Похоже на шутку; но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у Кн. Мещ⟨ерского⟩.[98] Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карцов,[99] женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На днях (в прошлый четверг) обедал у Кн. Ник. Труб⟨ецкого⟩[100] с Вязем⟨ским⟩, Нор⟨овым⟩[101] и с Кук⟨ольником⟩,[102] которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его *Тасса* и не видал его *Руки* etc. Он хороший музыкант. Вяз⟨емский⟩ сказал об его игре на фортепьяно: „Il brédouille en musique comme en vers".* Кук⟨ольник⟩ пишет *Ляпунова.* Хомяков[103] тоже. — Ни тот ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен[104] имеет более таланта. —

Третьего дня в Англ⟨ийском⟩ клобе избирали новых членов. Смирнов[105] (кам⟨ер⟩-юнкер) был забаллотирован; иные говорят потому, что его записал Икскуль;[106] другие — потому, что его смешали с его однофамильцем игроком.[107] Неправда: его не хотели выбрать некоторые гв⟨ардейские⟩ офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общим мнением не годится и что надлежит снова баллотировать. Закон говорит именно, что раз забал-

---

* Он лепечет в музыке, как в стихах (*франц.*).

лотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения: Гр. Чернышев[108] (воен. министр) и Гладков[109] (об⟨ер⟩-полицмейстер). Их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова, и он был выбран. Это, впрочем, делает ему честь — он не Министр и не Обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должен быть ему приятен.

Кн. Одоевский, Доктор Гаевский, Зайцевский[110] и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурак. Этот Лексикон будет не что иное, как „Северная пчела"[111] и „Библиотека для чтения"[112] в новом порядке и объеме. —

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из П⟨етер⟩Б⟨урга⟩ по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: „Ваше Превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают". —

Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: „*Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага.*" Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

7 апреля — „Телеграф"[113] запрещен. Уваров представил Государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым,[114] по совету Блудова.) Ж⟨уковский⟩ говорит: „*Я рад, что Тел⟨еграф⟩ запрещен, хотя жалею, что запретили.*" „Телеграф" достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом Правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.

Вчера rout у Гр. Фик⟨ельмон⟩. S.[115] не была. Впрочем весь город.

Моя „Пиковая дама"[116] в большой моде. — Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старухой Графиней и Кн. Н⟨атальей⟩ П⟨етровной⟩[117] и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал Историю Русской Критики.

8 апреля. Вчера rout у кн. Од⟨оевского⟩. Изъяснение с S. К.[118] — Вся семья Гр. Л**,[119] Гр. Кас..., идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться Царице.[120]

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича,[121] Шереметев,[122] Болховской,[123] два Корфа,[124] Вольховский[125] и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: „Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel P⟨ouchkine⟩ me sera présenté. — Il se trouve que c'est vous! . . Comment va votre femme? Sa tante[126] est bien impatiente de la voir à bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption..."* и

---

* Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представляться. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка в нетерпении увидеть ее в добром здравии — дочь ее сердца, ее приемную дочь... (*франц.*).

перевернулась. Я ужасно люблю Царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36.

Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию. В⟨олховской⟩ сказывал мне, что Воронцову[127] вымыли голову по письму Котляревского[128] (Героя). Он (т. е. Б.) очень зло отзывается об Одесской жизни, о Гр. Вор⟨онцове⟩, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc. — Хвалит очень Графиню Воронцову.[129]

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апр⟨еля⟩. Вчера вечер у Уварова[130] — живые картины. — Долго сидели в темноте. S.[131] не было — скука смертная. После картин вальс и кадриль, ужин плохой. — Говоря о Свиньине, предлагающем Р⟨оссийской⟩ Академии свои манускрипты XVI-го века, Ув⟨аров⟩ сказал: „Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков".

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор! —

11-е апреля. Сейчас получаю от Гр[афа] Строгонова[132] листок „Франкф⟨уртского⟩ журнала", где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg. 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée...

(Дело идет о празднике, данном в Брисселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем,[133] Пулавским,[134] Ворцелем[135] и другими. Праздник был дан в годовщину 14-го декабря).[136]

...après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque, où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposers une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellion polonaise il se trouve énoncé dans son poème *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le s. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète *rélegué aux confins réculés de l'empire* notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...*

---

* С.Петербург, 27 февраля. Со времени крушения Варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывают нам своими словами и писаниями, что они не боятся ни

14 апреля. Вчера концерт для бедных. — Двор в концерте[137] — 800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала[138] в представительницы П⟨етер⟩Б⟨ургского⟩ Дворянства: Княгиню К. Ф. Долгорукую[139] и Графиню Шувалову. Первая — наложница Кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная; надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды. —

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩, подтверждается.[140] Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Н⟨аталью⟩ Н⟨иколаевну⟩ до Ижоры.[141] Возвратясь, нашел у себя на столе приглашения на Дворянский Бал и приказ явиться к Графу Литте.[142] Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так вышло: Ж⟨уковский⟩ сказал мне, что Государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: „Если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить".

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным,[143] сказал с жаром: „Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre." На что Нар⟨ышкин⟩ возразил: „Pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur".* Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях.[144] Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Сувор⟨ова⟩ брюхата и, кажется, не во время.[145] Любопытные справляются в „Инвалиде" о времени приезда ее мужа в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩. Она уехала в Москву.

лжи, ни клеветы в подкрепление своих намерений и в оправдание своего прежнего поведения: поэтому никто не удивится новым доказательствам их упорного бесстыдства...

...извратив в таком роде историю минувших веков, чтобы извлечь из нее свидетельства в пользу своего дела, г-н Лелевель так же насилует и новейшую историю. В этом пункте он последователен.

Он на свой лад пересказывает последовательное развитие революционного начала в России, он называет одного из лучших русских поэтов нашего времени, чтобы обрисовать на его примере политические устремления русской молодежи. Не знаем, правда ли, что А. Пушкин в годы, когда его замечательный талант был еще в брожении и не освободился от накипи, написал строфы, приводимые Лелевелем; но мы можем уверенно утверждать, что он будет раскаиваться в своих первых опытах, особенно если узнает, что они дали повод врагу его родины предположить в нем какое-нибудь соответствие мыслей и устремлений. Что же до мнения Пушкина по поводу польского восстания, то оно выражено в его стихотворении „Клеветникам России", которое он напечатал в свое время.

Так как, однако, названный Лелевель, кажется, интересуется судьбой этого поэта, якобы „сосланного в отдаленные края империи", то присущее нам человеколюбие заставляет нас осведомить его о пребывании Пушкина в Петербурге и отметить, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением государя (*франц.*).

*Но есть же определенные правила (регулы) для камергеров и камер-юнкеров. — Извините, это только для фрейлин (*франц.*).

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество Государственное и семейственное. В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться — и залился слезами. Государь и Государыня плакали также. — Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки — и потом подвел сына к Императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища. Многие плакали, а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с К⟨атериной⟩ И⟨вановной⟩ З⟨агряжской⟩ — я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут: их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. — Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбирал для паремии Главу из Книги Царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих.* К. А. Нар⟨ышкин⟩ сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим. —

Милостей множество. Кочубей[146] сделан Государственным Канцлером.

Мердер умер,[147] — человек добрый и честный, незаменимый. В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ еще того не знает. От него таят известие, чтоб не отравить его радости. — Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев,[148] и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор Новгородский приехал в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩ и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний на счет бумаг, у Графа находящихся. „Это не мое дело, — отвечал Блудов, — отнеситесь к Бенкендорфу". В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве.[149] Разговоры несносны. Слишком везде одно и то же. — Одна См⟨ирнова⟩ по-прежнему мила и холодна к окружающей суете. — Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.[150] —

3 мая. Прошедшего апр⟨еля⟩ 28 был наконец бал,[151] данный Дворянством по случаю совершеннолетия В⟨еликого⟩ Кн⟨язя⟩. Он очень удался, как говорят. — Не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии. — Великому Князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о Русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одною из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.[152]

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды,[153] — было экипажей десять. Гр⟨афиня⟩ Хреб⟨тович⟩,[154] однако, поплелась туда же — мало ей рассеяния.

Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы Русской скупость.
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.[155]

Гоголь читал у Дашкова свою комедию.[156] Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole etc.*

Вяземский отвечал:

Как! будет Граф Ламбер и с ним его супруга,
Зовите ж и Лаваль. —

Лифл⟨яндское⟩ Дворянство отказалось судить Бринкена, потому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и поделом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Ж⟨уковского⟩ записочку из Ц⟨арского⟩ С⟨ела⟩. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что Г⟨осударь⟩ об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне.[157] Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н⟨аталье⟩ Н⟨иколаевне⟩, и нашед в нем отчет о присяге В⟨еликого⟩ Кн⟨язя⟩, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции.[158] Полиция, не разобрав смысла, представила письмо Г⟨осудар⟩ю, который сгоряча также его не понял. К счастию, письмо показано было Ж⟨уковскому⟩, который и объяснил его. Все успокоилось. Г⟨осударю⟩ неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у царя небесного.[159] Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего Правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читáть Царю (человеку благовоспитанному и честному), и Царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока[160] и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть Самодержавным!

12. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Грузина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае незапной смерти поручая то Государю. — Он умер, не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа,

---

* Мольер с Тартюфом должен там играть свою роль,
И Ламбер, что еще важнее, дал мне свое слово и т.д. (*франц.*).

дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником Графу А⟨ракчееву⟩ Кадетский Новогородский корпус, которому и повелено назваться Аракчеевским.

21. Вчера обедал у См⟨ирновых⟩ с Полетикой,[161] с Вельг⟨орским⟩ и с Жук⟨овским⟩. Разговор коснулся Екатерины. Пол⟨етика⟩ рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков,[162] человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце. Зубов[163] подошел к нему и обнял его, говоря: „Ах ты, мой красавец!". Чертков был очень дурен лицом. — Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: „Я, сударь, своею фигурою фортуны себе не ищу". Все замолчали. Екатерина, игравшая тут же в карты, обратилась к Зубову и сказала: „Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по им⟨ени⟩ и о⟨т⟩ч⟨еству⟩), а я его помню и могу вас уверить, что он очень был недурен".

Конец ее царствования был отвратителен. Константин[164] уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с Графом Зубовым. Все негодовали; но воцарился Павел, и негодование увеличилось. Laharpe показывал письма молодого великого Князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. — Я видел письма его же Ланжерону,[165] в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: „Je vous écris peu et rarement car je suis sous la hache."* Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: „Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe".** В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Пол⟨етика⟩ сказал: „L'Emp⟨ereur⟩ Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionnaire."*** Кто-то сказал о гос⟨ударе⟩: „Il y a beaucoup du praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand".****

2 июня. Много говорят в городе об Медеме,[166] назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции*, как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена.[167] — Блай недоволен. Он говорит: „Mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec".***** Гос⟨ударь⟩ не хотел принять Каннинга (Strangford),******[168] потому что, будучи Вел⟨иким⟩ Кн⟨язем⟩, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.[169]

На другой день представлялся Вел⟨икой⟩ Кн⟨ягин⟩е.[170] Нас было человек 8, между прочим Красовский (славный цензор).[171] В⟨еликая⟩ К⟨нягиня⟩ спросила его: „Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît". — „Oui, V. A. I., — отвечал он, — la littérature actuelle est si détestable

---

* „Я вам пишу мало и редко, так как нахожусь под ударом топора" (*франц.*).

** „Вот как он мне писал; он обращался ко мне как к другу, доверял мне все, — и я ему был предан. Но теперь я готов развязать собственный шарф" (*франц.*).

*** „Император Николай положительнее: у него есть ложные идеи, как и у брата, но он менее фантастичен" (*франц.*).

**** „В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого" (*франц.*).

***** „Но ведь Медем совсем молодой человек, т.е. желторотый" (*франц.*).

****** Странгфор (Стратфорд).

que c'est un supplice."* В⟨еликая⟩ Кн⟨ягиня⟩ скорей от него отошла. — Говорила со мной о Пугачеве.[172]

Вчера вечер у К⟨атерины⟩ А⟨ндреевны⟩. Она едет в Тайцы,[173] принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У ней был Вяз⟨емский⟩, Жук⟨овский⟩ и Пол⟨етика⟩. — Я очень люблю Полетику. — Говорили много о Павле I-м — романтическом нашем Императоре.

3-го июня обедали мы у Вяз⟨емского⟩: Жук⟨овский⟩, Давыдов[174] и Киселев.[175] Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших Государственных людей, не исключая Ермолова,[176] великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у См⟨ирновых⟩; играл, выиграл 1200 р.[177]

Генерал Волховской[178] хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: „Помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел?" — „Что я видел? — возразил Б⟨олховской⟩. — Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую ж... Государыни" (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa[179] им и живет.

19 числа послал 1000 Нащ⟨окину⟩.[180] Слава богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти Кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; Государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в Государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: — C'était un esprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc**. Без него Совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит Граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей.
Не знаю, черт меня убей.[181]

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь Прусский Кронпринц[182] с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет.[183] —

---

* „Вам, вероятно, очень скучно читать по обязанности все, что выходило в свет. — Да, ваше величество, современная литература так отвратительна, что это пытка" (*франц.*).

** Это был ум в высшей степени примирительный; никто так превосходно не решал трудных вопросов, не приводил мнений к согласию и т.д. (*франц.*).

Маршал Мезон[184] упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. — Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал Кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.[185]

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале.[186] Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему на зло, не велел ему выезжать из города. Трощинский остался в П⟨етер⟩Б⟨урге⟩, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучится, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что Государь его требует и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину Великого Князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Панин, обнял и поздравил с новым Императором. Трощинский нашел Государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся к нему на шею, и сказал: „Будь моим руководителем". Тут был тотчас же написан манифест и подписан Государем, не имевшим силы ничем заняться.

---

28 ноября. Я ничего не записывал в течение трех месяцев.[187] Я был в отсутствии — выехал из П⟨етер⟩Б⟨урга⟩ за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — своими товарищами,[188] — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизма в голове.[189] — Может быть, это пройдет. — Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. — „Какие мы разбойники? — говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь".[190] Гр⟨афа⟩ Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет. В Зав⟨оде⟩[191] прожил я 2 недели, потом привез Н⟨аталью⟩ Н⟨иколаевну⟩ в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили — а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно[192] — воротился к 15 окт⟨ября⟩ в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩, где и проживаю. „Пугачев" мой отпечатан.[193] Я ждал все возвращения Царя из Пруссии. Вечор он приехал.[194] В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ Мих⟨аил⟩ Пав⟨лович⟩ привез эту новость на бал Бутурлина.[195] — Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 дек⟨абря⟩. Завтра надобно будет явиться во дворец.[196] — У меня еще нет мундира. — Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-

юнкерами, — молокососами 18-летними.[197] Царь рассердится, — да что мне делать? Покамест давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва, хотя уж и не то, что прежде, но все-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'Aristocratie.* Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место Екатерининских Бригадиров, — они роптали, глядя, как он ухаживал за молодою Княгиней Д⟨олгоруковой⟩ (за дочерью Сашки Булгакова![198] — говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с Московскими Актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голиц⟨ын⟩[199] взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Н⟨ижнем⟩-Новегороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера бал у Лекса.[200] Я знал его в 821 году в Кишиневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салт⟨ыкова⟩. — N. N. сказала: „Voilà M-me Jermolof la sale (Lassale)".** Ермолова[201] и Курваль[202] (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мной царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта. —

18-го дек. Третьего дня был я наконец в А⟨ничковом⟩. Опишу все в подробности, в пользу будущего Вальтер Скотта.

Придв.⟨орный⟩ лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в $8\frac{1}{2}$ в А⟨ничковом⟩, мне в мунд⟨ирном⟩ фраке, Н⟨аталье⟩ Н⟨иколаевне⟩ как обыкновенно. — В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую Г⟨рафиню⟩ Бобр⟨инскую⟩, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в А⟨ничков⟩ ездят с круглыми шляпами; но это еще не все). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. Г⟨осудары⟩ня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; Г⟨осуда⟩рь в кавалергардском мундире. Г⟨осудары⟩ня очень похорошела. Г⟨раф⟩ Бобр⟨инский⟩, заметя мою Δ ⟨треугольную⟩ шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился. Г⟨осуда⟩рь очень прост в своем обращении, совершенно по-домашнему. Тут же были молодые сыновья Кеннинга[203] и Веллингтона. У Дуро[204] спросили, как находит он бал. — Ja m'ennuis, — отвечал он. — Pourquoi cela? — On est debout, et j'aime à être assis.*** Я заговорил с Ленским[205] о Мицкевиче[206] и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: „Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. — Choisissons un terrain neutre, chez l'amb⟨assadeur⟩ d'Autr⟨iche⟩ par exemple."**** Бал кончился в $1\frac{1}{2}$.

---

* Аристократические потуги (*франц.*).

** Вот г-жа Ермолова грязная (Лассаль) (*франц.*).

*** Мне скучно. — Почему это? — Все стоят, а я люблю сидеть (*франц.*).

**** Друг мой, здесь не место для разговоров о Польше. Изберем нейтральную территорию, например у австрийского посла (*франц.*).

Утром того же дня встретил я в Дв⟨орцовом⟩ саду В⟨еликого⟩ Кн⟨язя⟩. „Что ты один здесь философствуешь?" — „Гуляю". — „Пойдем вместе". Разговорились о плешивых. „Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают". — „Государь Ал⟨ександр⟩ и К⟨онстантин⟩ П⟨авлович⟩ оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, — и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?" — „Есть, да нехороши, не смею представить их Вашему Высочеству". — „У меня их также нет; я замерз". Доведши В⟨еликого⟩ К⟨нязя⟩ до моста, я ему откланялся (вероятно, противу Етикета).

Вчера (17) вечер у S.[207] Разговор с Нордингом[208] о Р⟨усском⟩ дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc.[209] Гербы наши все весьма новы.[210] Оттого в Гербе Князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. — В середу был я у Хитровой. Имел долгий разговор с В⟨еликим⟩ Кн⟨язем⟩. Началось журналами. — „Вообрази, какую глупость напечатали в «Сев⟨ерной⟩ Пч⟨еле⟩»;[211] дело идет о пребывании Государя в Москве. «Пч⟨ела⟩» говорит: «Г⟨осударь⟩ И⟨мператор⟩, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть Вел⟨икого⟩ Г⟨осуда⟩ря, преклоняющего священную главу перед гражданами Московскими!» — Не забудь, что это читают лавочники". В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве. В⟨еликий⟩ К⟨нязь⟩ был противу постановления о почетном гражданстве:[212] зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять *tiers état*,* сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в Государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле Государя. Если во дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле Г⟨осуда⟩ря, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом Дворянстве, я сказал: „Nous, qui sommes aussi bons gentilshommes que l'Empereur et vous ... etc".**[213] В⟨еликий⟩ Кн⟨язь⟩ был очень любезен и откровенен. „Vous êtes bien de votre famille, — сказал я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs".*** — „Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation que me manquait".**** Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его

* *Третье сословие* (*франц.*).
** Мы такие же родовитые дворяне, как Император и вы... и т.д. (*франц.*).
*** Вы истинный член своей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители (*франц.*).
**** вот репутация, которой мне недоставало (*франц.*).

высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра! —

Ценсор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в „Библ⟨иотеке⟩" Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если-де я был бы Богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои.[214] Митрополит[215] (которому досуг читать наши бредни) жаловался Государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. — Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты Бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.[216]

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был Архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А все виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил Бога говорить языком Дениса Давыдова,[217] ценсор подумал, что Он[218] пустился во все тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835

8 янв⟨аря⟩. Начнем новый год злословием, на счастие...

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Н⟨атальи⟩ Н⟨иколаевны⟩, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок.[219] Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в Кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно Государь приказал К⟨нязю⟩ В⟨олконскому⟩[220] принести к нему из Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 руб. К⟨нязь⟩ В⟨олконский⟩ принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. — „Дороже нет", — отвечал Волконский. „Если так, делать нечего, — отвечал Государь: — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе." Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в Кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.

В⟨еликая⟩ Кн⟨ягиня⟩[221] взяла у меня Записки Екатерины II[222] и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова,[223] милая молодая девушка. —

В конце прошлого года своячсница моя[224] ездила в моей карете поздравлять В⟨еликую⟩ Кн⟨ягиню⟩. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и К⟨атерина⟩ Н⟨иколаевна⟩ принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками; но такой скотины, каков Мартынов,[225] мы еще не видали.

6-го бал придворный (приватный маскарад).[226] Двор в мундирах времен Павла I-го; Г⟨раф⟩ Панин (товарищ министра)[227] одет дитятей. Бобр⟨инский⟩

Брызгаловым[228] (кастеланом Мих⟨айловского⟩ замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства*). Гос⟨ударь⟩ полковник Изм⟨айловского⟩ полка[229] etc. В городе шум. Находят это все неприличным.

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На днях в театре Г⟨раф⟩ Фикельмон, говоря, что Bertrand и Raton[230] не были играны на П⟨етер⟩Б⟨ургском⟩ театре по представлению Блума,[231] Датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: „Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark". Я прибавил: „Pas plus qu'en Europe".*

Филарет сделал донос на Павского,[232] будто бы он лютеранин. — Павский отставлен от В⟨еликого⟩ Князя. Митрополит и Синод подтвердили мнение Филарета. Гос⟨ударь⟩ сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков,[233] который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в числе членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова,[234] плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: „Я вас рекомендовал Государю". Qui est-ce que l'on trompe ici?**

В публике очень бранят моего „Пугачева", а что хуже — не покупают.[235] Уваров большой подлец.[236] Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия Государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина[237] был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в Президенты Ак⟨адемии⟩ Наук как Кн⟨ягиня⟩ Дашкова[238] в През⟨иденты⟩ Р⟨оссийской⟩ Ак⟨адемии⟩. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр),[239] который прежде был с ним приятель, встретив Жук⟨овского⟩ под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: „Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!"

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.[240]

Времена Красовского[241] возвратились. Никитенко глупее Бирукова.[242]

---

* Не знаю почему; в комедии нет вовсе речи о Дании. — Не более чем в Европе (*франц.*).
** Кого здесь обманывают? (*франц.*).

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАПИСИ ДНЕВНИКОВОГО ХАРАКТЕРА

Владимир 1820 Августа 24.[1]

---

31 mars 1821 Harting.[2]
⟨Перевод: 31 марта. Гартинг (*франц.*).⟩

---

4 июня ночью. 5 поутру. *Дегилье.*[3]

---

18 juillet 1821 nouvelle de la mort de Napoleon. Bal chez l'archevêque Armenien. 1821.[4]

⟨Перевод: 18 июля 1821. Известие о смерти Наполеона. Бал у армянского архиепископа (*франц.*).⟩

---

27 мая 1822. Кишинев. Pouschin Alexeeff Pou Пушкин.[5]
⟨Перевод: Пущин Алексеев Пу (*франц.*).⟩

---

3 nov. 1823. u⟨n⟩ b⟨illet⟩ d⟨e⟩ M⟨-me⟩ R⟨iznic⟩.[6]
⟨Перевод: записка мадам Ризнич (*франц.*).⟩

6⟨?⟩ nov. 1823 20 p⟨age⟩ a. A⟨lexeeff⟩.[7]
⟨Перевод: 6 ноября 20 страниц Алексееву (*франц.*).⟩

---

8 févr⟨ier⟩ la nuit 1824. — Joué avec Sch⟨achovskoy⟩ et Sin⟨iavin⟩ — perdu — soupé chez C⟨omtesse⟩ E⟨lise⟩ W⟨oronzoff⟩.[8]

⟨Перевод: 8 февраля 1824 ночь играл с Шаховским и Сенявиным — проиграл — ужинал у графини Элизы Воронцовой (*франц.*).⟩

1824 19/7 avr.⟨il⟩ mort de Byron.[9]
⟨Перевод: 1824 19/7 апреля смерть Байрона (*франц.*).⟩

Veux tu m'aimer 18/19 Mai 1824. pl. v. D.[10]
⟨Перевод: Полюбишь ли ты меня (*франц.*).⟩

Mai 26. Voyage, vin de Hongrie.[11]
⟨Перевод: Мая 26. Поездка, венгерское вино (*франц.*).⟩

Juillet 30 — Turco in Italia
31 — départ
Août 9 — arrivé à Michailovsky.[12]
⟨Перевод: Июля 30 — Турок в Италии
31 — отъезд
Август 9 — приехал в Михайловское (*франц.*).⟩

---

5 сентяб⟨ря⟩ 1824. u⟨n⟩ l⟨ettre⟩ de L⟨ise⟩ V⟨oronzoff.⟩[13]
⟨Перевод: Письмо от Лизы Воронцовой (*франц.*).⟩

---

5 сентября 1824 ПОУ.[14]

---

30 июня ⟨1825⟩ После обеда во сне видел Кхлбкр.
1 июля день счастливый. Пшкн. Нкшп. Нщп.[15]

---

14 juillet 1826 Gouv⟨erneur⟩.[16]
⟨Перевод: 14 июля 1826. Губернатор (*франц.*).⟩

Усл⟨ышал⟩ о см⟨ерти⟩ Ризнич 25 ⟨июля 1826⟩.
У⟨слышал⟩ о с⟨мерти⟩ Р⟨ылеева⟩ П⟨естеля⟩ М⟨уравьева⟩ К⟨аховского⟩ Б⟨естужева⟩ 24 ⟨июля 1826 г.⟩.[17]

---

1 сент⟨ября⟩ 1826 изв⟨естие⟩ о корон⟨ации⟩.[18]

---

23 nov⟨embre⟩ С⟨ело⟩ Козырьково. E⟨lise⟩ W⟨oronzoff⟩.[19]

---

2 août 1827 j⟨ournée⟩ h⟨eureuse⟩.
4 août 1827 R⟨yleeff⟩ J⟨anno⟩. P⟨estel⟩ Jich⟨areff⟩ en songe.[20]
⟨Перевод: 2 августа 1827 день счастливый.
4 августа Рылеев, Жанно, Пестель, Жихарев во сне (*франц.*).⟩

Decembre 1827.
12. pr⟨emier⟩ bil⟨let⟩.
13. Jouk⟨offsky⟩.
14. Semenov —
15. Corb⟨eau?⟩.
16. Mag⟨asin⟩ Ang⟨lais⟩.
18. 2 lett⟨res⟩.[21]

⟨Перевод: Декабрь 1827.
12. первая записка.
13. Жуковский.
14. Семенов.
15. Ворон (?).
16. Английский магазин.
18. 2 письма (*франц.*).⟩

---

9 мая 1828. Море. Ол⟨енина⟩ Дау.[22]

---

18 мая у кн⟨ягини⟩ Голиц⟨ыной⟩ etc.[23]

---

20 мая 1828 При⟨ютино⟩.[24]

---

25 июня ⟨1828⟩ Фанни. Няня †. Elisa e Claudio, ня⟨ня⟩.[25]

---

2 окт⟨ября⟩ ⟨1828⟩ Письмо к Ц⟨арю⟩ le cadavre — Dorliska — вечер у Кн. Dolg⟨orouky⟩.[26]
⟨Перевод: труп — Дорлиска (*франц.*).⟩

---

16 окт⟨ября⟩ 1828 — С.П.Б. Ям⟨ская⟩ 33. Гр⟨аф⟩ Т⟨олстой⟩ от Гос⟨ударя⟩.[27]

⟨Первая половина июля 1830⟩ Захарово NB.[28]

---

9 сентяб⟨ря⟩. Болдино 1830. Письмо от Nat⟨alie⟩.[29]

---

25 сентября 1830. Письмо от N⟨atalie⟩. Кист⟨еневские⟩ кр⟨естьяне⟩ Пор⟨учение?⟩, pt. ка⟨рантины?⟩.[30]

---

17 окт⟨ября 1830⟩. Пров⟨аи⟩ч⟨еский?⟩ разб⟨ор⟩ ст⟨атей⟩.[31]

---

19 окт⟨ября⟩ ⟨1830⟩ сожж⟨ена⟩ X песнь.[32]

---

10 mars 1832. Bibl⟨iothèque⟩ de V⟨oltaire⟩.[33]
⟨Перевод: 10 марта 1832. Библиотека Вольтера (*франц.*).⟩

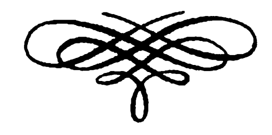
---

8 ноя⟨бря⟩ 1832. Крест⟨ины⟩ В⟨еликого⟩ К⟨нязя⟩ 2 часа $\frac{1}{2}$.[34]

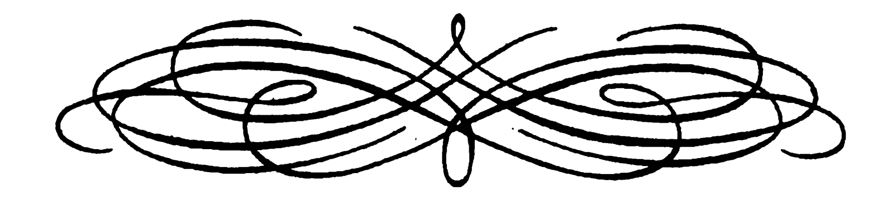
9 дек. 1833. С.П.б. 7$\frac{1}{2}$ вечера.[35]

Купл⟨ена⟩ 17 июля 1835 года, день Демид⟨овского⟩ праздника, в годовщину его смерти.[36]

ЗАПИСКИ

ОСТАТКИ УНИЧТОЖЕННЫХ ЗАПИСОК

„ВЫШЕД ИЗ ЛИЦЕЯ...”

1824. Ноябр⟨я⟩ 19. Михайловское.

Вышед из лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери.[1] — Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, ⟨что⟩ деревня est la premier...*

...попросил водки. Подали водку — налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили...[2]

⟨...запечат⟩лены печатью вольномыслия.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой.[1] Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянье; но через 6 нед⟨ель⟩ я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своей прелестию. Это было в феврале 1818 года. Первые 8 томов „Русск⟨ой⟩ Истории” Кар⟨амзина⟩ вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностию и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки

---

* *Край листа оборван.*

были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога Ист⟨ории⟩ Карам⟨зина⟩. Одна дама,[2] впрочем, весьма почтенная, при мне, открыв II-ю часть, прочла вслух: „*«Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...»* *Однако!..* Зачем не *но? Однако!* как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!*" — В журналах его не критиковали. — Качен⟨овский⟩ бросился на одно предисловие.[3]

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты* „Русск⟨ой⟩ ист⟨ории⟩"[4] свидетельствуют обширную ученость Кар⟨амзина⟩, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Кар⟨амзин⟩ печатал „Историю" свою в России; что Государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностию историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что „Ист⟨ория⟩ Гос⟨ударства⟩ Российского" есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.[5]

Некоторые из людей светских письменно критиковали Кара⟨мзина⟩. Ник⟨ита⟩ Муравьев,[6] молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие, или введение: предисловие!.. Мих. Орл⟨ов⟩ в письме к Вяз⟨емскому⟩[7] пенял Карамз⟨ину⟩, зачем в начале „Истории" не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т.е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.[8] —

Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы.[9] Оспоривая его, я сказал: „Итак, вы рабство предпочитаете свободе". Кара⟨мзин⟩ вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Скоро Кар⟨амзину⟩ стало совестно и, прощаясь со мною, как обыкно⟨венно⟩, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: „Вы сегодня сказали на меня, чего ни Ших⟨матов⟩,[10] ни Кутузов[11] на меня не говорили". В течение 6-ти летнего знакомства[12] только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю

уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск[13] и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

ПРОГРАММА ЗАПИСОК

I

Семья моего отца[1] — его воспитание — французы-учителя. — [Mr.] Вонт.* секретарь Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии.[2] Их литературные знакомства.[3] — Бабушка и ее ⟨моя⟩ мать — их бедность.[4] — Ив⟨ан⟩ Абр⟨амович⟩.[5] — Свадьба отца. — Смерть Екатерины.[6] — Рожд⟨ение⟩ Ольги.[7] — От⟨ец⟩ выходит в отставку, едет в Москву.[8] — Рож⟨дение⟩ мое.[9]

Первые впечатления. Юсупов сад.[10] — Землетрясение.[11] — Няня.[12] Отъезд матери в деревню. — Первые неприятности.[13] — Гувернантки.[14] [Ранняя любовь].[15] — Рождение Льва.[16] — — Мои неприятные воспоминания. — Смерть Николая.[17] — Монфор — Русло — Кат. П. и Ан.Ив. — Нестерпимое состояние.[18] — Охота к чтению.[19] Меня везут в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩.[20] Езуиты. Тургенев. Лицей.[21]

1811

Дядя В⟨асилий⟩ Л⟨ьвович⟩. — Дм⟨итриев⟩. Дашк⟨ов⟩. Блуд⟨ов⟩.[22] Возня с ⟨его?⟩ Ан.Ник.[23] — Светская жизнь. — *Лицей.* Открытие. Государь. Малино⟨вский⟩, Куницын, Аракчеев.[24] — Начальники наши.[25] — Мое положение. — Философич⟨еские⟩ мысли. — Мартинизм.[26] — Мы прогоняем Пилецкого.[27]

1812 г.[28]

1813

Государыня в С⟨арском⟩ С⟨еле⟩.[29] Гр. Коч⟨убей⟩.[30] — Смерть Мал⟨иновского⟩ — безначалие, Чачков, Фролов — 15 лет.[31]

1814

[Экзамен, Галич, Державин — стихотворство — смерть][32]

Извес⟨тие⟩ о вз⟨ятии⟩ Парижа.[33] — Смерть Малиновск⟨ого⟩. Безначалие. — Больница.[34] Приезд матери.[35] Приезд отца.[36] Стихи etc.[37] — Отношение к товарищам. Мое тщеславие.

---

* *Чтение предположительное.*

1815

[Экзамен. — Сти]

II

[Нрзб]* Кишинев. — Приезд мой из Кавказа и Крыму[1] — Орлов[2] — Ипсиланти[3] — Каменка[4] — *Фонт.*[5] — Греческая революция[6] — *Липранди*[7] — *12 год* — mort de sa femme[8] — *le rénégat.* — Паша Арзрумский.[9]

⟨ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОГРАММЕ ЗАПИСОК⟩

Древние и нынешние обряды. Кто бы я ни был — не отрекусь. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

Несколько раз принимался я за ежедневные записки[1] и всегда отступался [из лености]; в 1821 году начал я свою биографию[2] и несколько лет сряду занимался ею. — В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки.[3] Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, кот⟨орые⟩ после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства.[4] Теперь некоторая торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей.

Зато буду осмотрительнее в своих пока⟨заниях⟩, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от Прусского Выходца *Радши* или *Рачи*[5] (*мужа честна*, говорит Летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время Княжества Св. Александра Ярославича Невского.[6] От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефетдиновы и Товарковы.[7] Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории.[8] В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных.[9] Григорий Гаврилович Пушкин[10] принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин[11] во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина,

---

* *Вписано сверху перед словом Кишинев.*

сделал честно свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых,[12] а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества[13] (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич,[14] уличен был в заговоре противу Государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери Графа Головина,[15] первого Андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях.[16]

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе.[17] Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был Негр,[18] сын владетельного Князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе Государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его Биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света.[19] Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец Государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

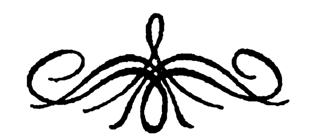
После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно[20] в Ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда Императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: „Помяни мя, егда приидеши во царствие свое". Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню *Раголу*, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

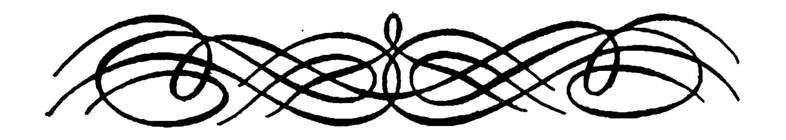
В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и присудил ей постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.[21]

Старший сын его, Иван Абрамович,[22] столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочим Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович[23] (настоящее имя его был Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт*, говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери Тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пыл-

кие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя Императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь,[24] а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году,[25] в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

МАТЕРИАЛЫ К ЗАПИСКАМ

NOTE SUR LA RÉVOLUTION D'IPSYLANTI

Le hospodar Ipsylanti[1] trahit la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga[2] etc.

Son fils A⟨lexandre⟩[3] fut éthériste, probablement du choix de Capo-d'Istr⟨ia⟩[4] et de l'aveu de l'e⟨mpereur⟩; ses frères, Кант⟨акузин⟩,[5] Кантогони, Сафианос, Mano;[6] — Michel Souzzo[7] fut reçu éthériste en 1820; Alexandre Souzzo,[8] hosp⟨odar⟩ de Valachie, apprit le secret de l'Ethérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alexandre Ips⟨ylanti⟩ en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Al⟨exandre⟩ Souzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés tout de suite. — Mich⟨el⟩ Souzzo écrivit à Kichéneff. — On empoisonna Al⟨exandre⟩ S⟨ouzzo⟩ et Ipsyl⟨anti⟩ passa à la tête de quelque⟨s⟩ arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants — corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et un dernier lieu *Formaki*,[9] Iordaki-Olimbiotti,[10] Калакотрони,[11] Кантогони, Anastasas[12] etc. — Iord⟨aki-⟩Ol⟨imbiotti⟩ fut dans l'armée d'Ipsyl⟨anti⟩. Ils se retirèrent ensemble vers les frontières de la Hongrie. — Al⟨exandre⟩ Ips⟨ylanti⟩ menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h⟨ommes⟩ combattit 5 fois l'armée turque, s'enferma enfin dans le monastère (de Sekou), trahi par les juifs, entouré de turcs il mit le feu à sa poudre et sauta.

Formaki, capitan, éthériste, fut envoyé de la Morée à Ips⟨ylanti⟩, se battit — en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Const⟨antinople⟩.*

---

* **Заметка о революции Ипсиланти**

Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т.д. Его сын Александр был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора); его братья Кантакузин, Кантогони, Сафианос, Мано; — Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 г.; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о тайном существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел сберечь тайну и выдал ее. Александр Ипсиланти в январе 1821 г. послал некоего Аристида в Сербию с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой

⟨NOTE SUR PENDA-DÉKA⟩

Penda-Déka[1] fut élevé à Moscou — en 1817 il servit de truchement à un évêque grec réfugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Ist⟨ria⟩. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux cents grec⟨s⟩ assassinèrent 150 turcs; 60 de ces derniers furent brûlés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P⟨enda⟩-D⟨éka⟩ vint quelque⟨s⟩ jours après à Ibraïl comme espion — il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoja calmer les troubles de Yassy il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1 500 h⟨ommes⟩ tandis qu'il n'en avait que 1300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузин arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka.[2] Kant⟨akuzin⟩ envoya P⟨enda⟩-D⟨éka⟩ reconnaître les ennemis; l'avis de Penda-Déka fut de se fortifier à Barda (1-re station vers Yassy). Kant⟨akuzin⟩ se retira à Skoulian et demanda que P⟨enda⟩-D⟨éka⟩ fit son entrée dans la quarantaine.[3] P⟨enda⟩-D⟨éka⟩ accepta.

P⟨enda⟩-D⟨éka⟩ nomma son second Papas-Ouglou arnaute.

Il n'y a pas de doute que le p⟨rince⟩ Ips⟨ylanti⟩ eut pu prendre *Ibrahïl et Jourja*. Les turcs fuyaient de toute part croyant voir les Russes à leur⟨s⟩ trousse⟨s⟩. A Boucharest — les députés bulgares (entre autres Capigi⟨-bachi⟩) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays — il n'osa!

Le massacre de Galatz[4] fut ordonné par A.Ipsyl⟨anti⟩ — en cas que les Turcs ne voulûssent pas rendre les armes.*

армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь. Это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо написал в Кишинев. Александр Суццо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе горсточки арнаутов, провозгласил революцию.

Капитаны — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т.д., и наконец — Формаки, Иордаки-Олимбиотти, Калакотрони, Кантогони, Анастас и т.д. Иордаки-Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерским границам. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан, гетерист, был послан из Мореи к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Обезглавлен в Константинополе (*франц.*).

* ЗАМЕТКА О ПЕНДА-ДЕКЕ

Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 г. он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они укрывались. Несколько дней спустя Пенда-Дека прибыл в Браилов в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Тырговиште он присоединился к Ипсиланти; тот послал его успокоить волнения в Яссах. Он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли их. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 1300. В течение двух месяцев он был князем Молдавии. Кантакузин прибыл и принял командование. Отступили к Стинке. Кантакузин послал Пенда-Деку разведать о врагах. Пенда-Дека полагал нужным укрепиться в Барде (1-я станция по дороге в Яссы). Кантакузин отступил в Скуляны и предложил Пенда-Деке вступить в карантин. Пенда-Дека согласился.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием Европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе.*

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон.**

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость Государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования Дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких[3] и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей Государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения Аристократии с Деспотизмом остались только два указа Петра III-го *о вольности дворян*,[4]

Пенда-Дека назначил своим помощником арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог овладеть Браиловом и Журжей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи баши) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не решился!

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти в случае, если бы турки не захотели сложить оружие (*франц.*).

* Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы.

** *Дальше следует зачеркнутое*: „История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким,[1] и письмо с берегов Прута[2] приносят великую честь необыкновенной душе самовластного Государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Все дрожало, все безмолвно повиновалось".

указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила ⟨их⟩ на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать, значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в Государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою Истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными, победами в северной Турции.*

Униженная Швеция и уничтоженная Польша,[5] вот великие права Екатерины на благодарность Русского народа. Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест Государства,** об обезьяне Графа Зубова, о кофейнике К⟨нязя⟩ К⟨утузова⟩[6] и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и Грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная Государыня развратила и свое Государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства,[7] а

---

* *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Фр⟨анцузской⟩ Рев⟨олюции⟩, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот. *У Пушкина ссылки отмечены цифрами.*

** П⟨отемкин⟩ послал однажды адъютанта взять из казенного места 100 000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. П⟨отемкин⟩ на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е... м...

раздарила около миллиона Государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского*[8] в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжин умер под розгами[9] — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в Государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к Отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо Греческое Вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях Римско-католических. Там оно, признавая главою своею Папу, составляло особое общество, независимое от Гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней Религии, оно всегда было посредником между Народом и Государем, как между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей Историею, следственно и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших Депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие: „Наказ" ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный „Наказ", нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают шутку Г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation.*[**10]

2 августа 1822 г.

---

* Домашний палач кроткой Екатерины.

** Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою (*франц.*).

БИОГРАФИЯ А.П.ГАННИБАЛА

А⟨брам⟩ П⟨етрович⟩ Ан⟨нибал⟩[1] был действительно заслуженный Генерал в Имп⟨ераторской⟩ Русской службе, кавал⟨ер⟩ орд⟨енов⟩ Алекс⟨андра⟩ Невск⟨ого⟩ и Ан⟨ны⟩. Родом был африканский арап из Абиссинии, сын в тогдашние времена сильного Владельца в Абиссинии, столь гордого своим происхождением, что выводил оное прямо от Аннибала.[2] Сей Владелец был Вассалом Отом⟨анской⟩ Имп⟨ерии⟩ в конце прошедшего столетия, взбунтовавшимся противу Тур⟨ецкого⟩ Правл⟨ения⟩, вместе со многими другими князьями, утесненными налогами. После многих жарких битв сила победила. И сей Ганнибал 8 лет,[3] как меньшой сын Влад⟨ельца⟩, вместе с другими знатными юношами был отвезен в залог в Конст⟨антинополь⟩. Жребий сей должен был миновать отрока. Но мать его была последняя из 30 жен Афр⟨иканского⟩ Владельца. — Прочие Княгини, поддержанные своими связями, чрез интриги родственников, обманом посадили его на корабль, назначенный для отвоза залогов. — Единственная, любимая сестра его, старее его несколькими годами, имела довольно духа, чтоб бороться за него. — Она уступила силе, проводила его до лодки, надеясь просьбами его избавить или искупить жертвою всех своих драгоценностей. — Но видя, что все ее старания были тщетны, бросилась она в море и утонула. — В самой глубокой старости текли слезы его в воспоминании любви и дружбы — и всегда живо и ново представлялась ему сия картина. — Вскоре после привезен был А⟨ннибал⟩ в Конст⟨антинополь⟩ и вместе с другими юношами принят в сераль Султана, где пробыл год и несколько месяцев.

Петр имел горесть видеть, что подданные его упорствовали к просвещению, желал показать сим пример над совершенно чуждою породою людей и писал к своему посланнику, чтоб он прислал ему Арапчинка с хорошими способностями. — Сей (за одно с Визирем) с немалой опасностию прислал ему 3. Между тем один из его братиев наследовал их престарелому Отцу. В сие время посланник послал Ибрагима Аннибала, другого арапа, и еще одного Рагузинца. Имп⟨ератор⟩ был чрезвычайно доволен и принялся с большим вниманием за его воспитание, придерживаясь главной своей мысли. Петр, по своей прозорливости, увидел тотчас расположения детей. ⟨Аннибала⟩ как живого, смелого назначил в военную службу, *рагузинца*[4] тихого, рассудительного, глубокомысленного — в статскую — и сей был известен впоследствии под именем Графа Рагузинского.

Ган⟨нибал⟩ неразлучный с Императором спал то в его кабинете, то в его *токарне* и вскоре потом сделался тайным секретарем своего Имп⟨ератора⟩. — Государь имел всегда над своей постелью Аспидную доску; государь писал ночью приходившие ему мысли, а Ан⟨нибал⟩ утром переписывал и рассылал* по разным коллегиям. — Государь был день ото дня более убежден дарованиями сего юноши, и под собственным своим надзором дал ему лучших учителей — особенно математиков. Сии занятия продолжались беспрерывно, в самых трудах и походах Имп⟨ератора⟩ до 1707, где он в Польше крещен — Государем и Королевою Польскою, супругою Августа II. Он получил имя

---

* *У Пушкина написано ошибочно*: „развылать".

Петра, но, имея уже привычку называться Ибрагимом, с позволения Петра подписывался везде Ибрагимом — хотя в книге свидетельства церковного назван Петром, а как Имп⟨ератор⟩ заступал ему место отца — Петр⟨ом⟩ Петровичем.[5] —

В сие время брат его, полагая его в Конст⟨антинополе⟩ и, вероятно, побужденный к тому матерью сего последнего — послал брата* для искупления сего нового Иосифа.[6] — Он приехал и в Петербург, но, к сожалению двух братьев, горячо простившихся на веки, *Петр* его не отпустил. Впоследствии старик хотел возобновить требование на Африканское владение,[7] но Ив. Абр. Ганнибал ⟨нрзб⟩ отсоветовал ему сию странную мысль — говоря для [Царского] Княжеского звания нужно и царское** богатство, и старый арап с ним согласился. В государстве, где так хорошо заслуги награждаются, легко было бы Аннибалу иметь великое богатство, естьли б он жил с меньшею расточительностию. Имп⟨ератрица⟩ Елиз⟨авета⟩ отличала его ото всех, называла братом и осыпала его своими милостями. Но он никогда сим не пользовался ни для себя, ни для родных, и удовольствовался одними подарками. После его смерти осталось только 1400 душ.

Петр с удовольствием видел успехи своего ученика, и для усовершенствования в науках послал его с рекомендательными письмами и с хорошим пансионом к Регенту, который поместил его в *Ecole militaire*, где он окончил курс матем⟨атических⟩ Наук под руководством Belior,[8] выпущен был оттуда офицером *артил⟨лерии⟩*, служил в Гишпанской наследственной войне капитаном арт⟨иллерии⟩, был во всех походах, был употреблен в копании мин, ранен в голову в одном подземном сражении и взят в плен. Петр I не спускал с него глаз и слышал часто свидетельства о его прилежании, способностях и хорошем поведении, и лет через 6 вызвал его в Россию. —

Но просвещение, роскошь и самый климат Франции остановили молодого арапа — и для того он отлагал свое возвращение, то под предлогом болезни, то неокончания Наук. Петр угадал причину сию, и писал Регенту, что он Анниб⟨ала⟩ принуждать никак не намерен вступить в свою службу, что он совершенно свободен и что предоставляет он все его совести. — Герцог показал Ганнибалу сие письмо. Ганнибал немедленно оставил службу, благодарив французов за их ласки и честь. Государь поехал к нему навстречу с Екатериной до 27 версте до Красного села[9] и сделал его (28 лет) бомбардирской роты Л.Г.Преображенского полка, коего полка сам Петр был — капитаном, капитан-лейтенантом, в коем чине мог он Государя всегда видеть без доклада, после был он употребляем в разных делах, более и более заслуживая доверенность Петра.

Перед смертию Петра послан он был для поправки укреплений в Ригу. Причем Государь пожаловал ему 2000 черв⟨онцев⟩ Голл⟨андских⟩. Петр, умирая, просил об нем свою наследницу и Великую Княжну Елизавету, дабы его как чужестранца ______ . После его смерти возвратился он в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩, оплакивая с верными Слугами Отеч⟨ества⟩ потерю Государя. Много труда стоило ему получить было деньги свои, в чем помогла ему Елизавета. Екате-

---

* *В автографе не исправлено*: „братиев".

** *Вероятно, Пушкин забыл заменить слово* „царское" *словом* „княжеское".

рина сделала его учителем математики Петра II, коим он был очень любим, — во все 2 года Царст⟨вования⟩ Екат⟨ерины⟩. После ее смерти Петр II взошел на престол, и Ан⟨нибал⟩ был отдален от двора.*

Меньшиков под предлогом благовидным сослал Африканца на берега Амура мерить Китайские границы, препоручение, найденное токмо для его удаления. После падения ⟨Меншикова. — *Я.Л.*⟩ Долгорукие не почли за нужное призвать Аннибала, он все оставался там.** но Миних помог ему возвратиться из Сибири и спрятан был в Перновский Гарнизон Инженерным Маиором.

Женился он там на дочери Капитана Матфея фон *Шеберха* — урожденного Шведа, женатого на Лифляндке, рож⟨денной⟩ ф⟨он⟩ *Альбедиль*, — и вышел в отставку. — Купил он себе около Ревеля деревню *Корикула*, где жил со своею фамилиею. —

Елизавета воцарилась — Анни⟨бал⟩ написал ей только — Помяни мя Г⟨оспо⟩ди Егда etc. — Она тотчас подарила ему 600 душ в Пск⟨овской⟩ Губ⟨ернии⟩ и село *Рагола* около Ревеля, сделала его бригадиром, обер-комендантом Ревеля, Ген⟨ерал⟩-Маиором, после Генерал-Инженером, Ген⟨ерал⟩-Аншефом и Директором Каналов в Кронштадте и Ладожского сообщения. При Петре III попал он в отставку по болезни, подагре, и кончил жизнь философом, 1781 14 мая на 93 ⟨году⟩ погреб⟨ен⟩ в *Суйде* близь своей супруги.

Первая жена называлась Авдотья Алексеевна — (греч⟨еского⟩ исповедания), родила ему дочь *Авдотию*, пострижена в Тихвине; дочь умерла невестою — вторая жена его Христина-Регина ф⟨он⟩ Шеберх умерла 13 мая 1781 г. на 76 году, имел 11 детей от нее.

⟨ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ УШАКОВЫХ⟩

⟨ПЕРВЫЙ СПИСОК⟩	⟨ВТОРОЙ СПИСОК⟩
Наталья I[1]	Мария[1]
Катерина I[2]	Анна[2]
Катерина II[3]	Софья[3]
NN[4]	Александра[4]
Кн. Авдотья[5]	Варвара[5]
Настасья[6]	Вера[6]
Катерина III[7]	Анна[7]
Аглая[8]	Анна[8]
Калипсо[9]	Анна[9]
Пульхерия[10]	Варвара[10]
Амалия[11]	Елизавета[11]
Элиза[12]	Надежда[12]
Евпраксея[13]	Аграфена[13]
Катерина IV[14]	Любовь[14]

* *Здесь оставлена четверть страницы чистой.*

** *Далее оставлено более чем четверть страницы чистой.*

Анна[15]	Ольга[15]
Наталья[16]	Евгения[16]
	Александра[17]
	Елена[18]
	Елена[19]
	Татьяна[20]
	Авдотья[21]

ХОЛЕРА

В конце 1826-го года я часто видался с одним Дерптским студентом[1] (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera morbus подошла к нашим границам и через 5 лет будет у нас.[2]

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская Княгиня,[3] набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. — Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных, и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых она зарождается от гнилых плодов и прочее — все, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом, в дальном уезде ⟨Псковской⟩ губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя 5 лет я был в Москве, и домашние обстоятельства требовали непременного моего присутствия в Нижег⟨ородской⟩ деревне.[4] Перед моим отъездом В⟨яземский⟩ показал мне письмо,[5] только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской г⟨убернии⟩ в Саратовскую. — По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу.[6]

Приятели (у коих дела были в порядке или в привычном беспорядке, что совершенно одно) упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку,[7] прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

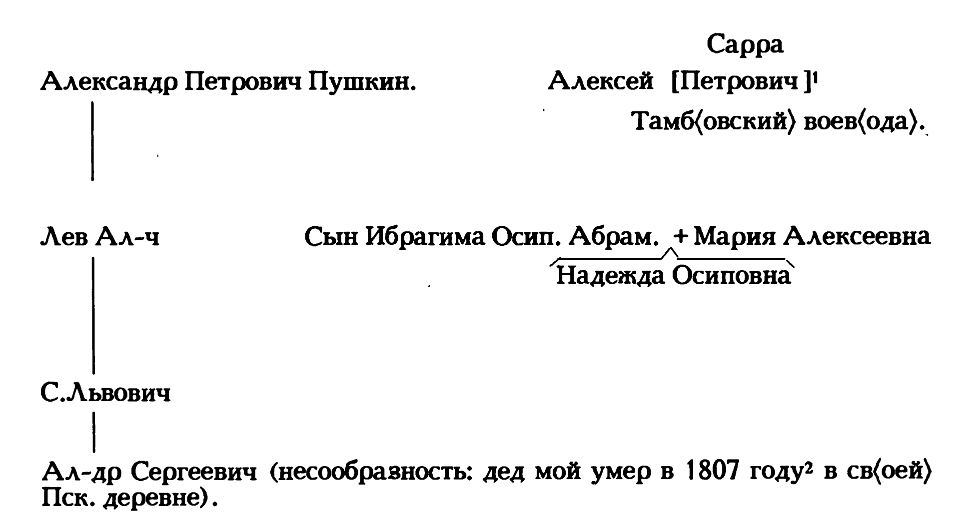
Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой. —

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантины. [Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестное и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там].[8]

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа,[9] сочиняя сказки[10] и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве.[11] Страх меня пронял — в Москве — — — но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. — — Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО ПУШКИНЫХ

⟨ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ⟩

⟨I⟩

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ

мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным Авторским себяотвержением. К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны. Если в течение 16-ти летней Авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы. Разборы „В⟨естника⟩ Е⟨вропы⟩" и приговоры „Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩" достаточны для нас. Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику потому только, что она еще находится во младенчестве, значит презирать юную литературу за то, что она еще не возмужала. Это было бы несправедливо. Но как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою „Историю" Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан 12 года Жуковского[1] и несколько цветов северной элегической поэзии — так и наша Критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей, глубоких воззрений и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. — Время их еще не приспело.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб недоставало во мне охоты, веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons,*[2]

или от нечего делать идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, „Полтаву", выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*.[3] Что бы мог я отвечать ему на это? А так поступали почти все его товарищи. Критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще одна причина и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на бестолковость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражение. Нынче в несносные часы карантинного заключения,[4] не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смею уверить моего читателя (если

* А я утверждаю, что стихи мои хороши (*франц.*).

Господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

2 окт⟨ября⟩

„Руслана и Людмилу" вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в „В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩",[5] в которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дельных „Вопросов",[6] изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой etc.

За вступление не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию „Двенадцати спящих дев";[7] за последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эсфетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в „Руслане" хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть, например, Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень смягченное подражание Ариосту (Orl⟨ando⟩, canto V, o⟨ttava⟩ VIII).

„Кавк⟨азский⟩ Плен⟨ник⟩" — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Н⟨иколай⟩ и А⟨лександр⟩ Р⟨аевские⟩ и я, мы вдоволь над ним насмеялись.

„Бахч⟨исарайский⟩ фонт⟨ан⟩" слабее „Пленника" и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Зар⟨емы⟩ с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Р⟨аевский⟩ хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама.

Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе раз-

бойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня все еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни „Евг⟨ения⟩ Онегина". Разбор сих глав, напечатанный в „Атенее",[8] удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? камин дышит*, вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед?*

Как думаете, что бы такое значило:

мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винит⟨ельный⟩, а не родительный падеж; *времян* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *времян*)

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую молвь и конский топ.

„Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать Русский язык?" Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в „В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩". *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение** (следств⟨енно⟩, и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу Русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из Русской сказки:

---

* Он шип пустил по-змеиному.
Др⟨евние⟩ Русск⟨ие⟩ Стихотв⟨орения⟩.

„И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь".

Бова К⟨оролевич⟩.

Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств Русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отриц⟨ательною⟩ частицею, требует уже не вин⟨ительного⟩, а род⟨ительного⟩ п⟨адежа⟩. Напр⟨имер⟩: *я не* пишу *стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я *не* могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отриц⟨ательной⟩ частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? потому что все им⟨ена⟩ сущ⟨ествительные⟩, кончающиеся на *анин, янин, арин* и *ярин*, имеют свой род⟨ительный⟩ во множ⟨ественном⟩ на *ан, ян, ар* и *яр*, а им⟨енительный⟩ множ⟨ественного⟩ на *ане, яне, аре* и *яре*. Все же сущ⟨ествительные⟩, конч⟨ающиеся⟩ на *ан* и *ян, ар* и *яр*, имеют во множ⟨ественном⟩ им⟨енительный⟩ ⟨на⟩ *аны, яны, ары* и *яры*, а род⟨ительный⟩ на *анов, янов, аров, яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки Г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочим и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают* вместо *решу, решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

Иностранные собств⟨енные⟩ им⟨ена⟩, кончащиеся на *е, и, о, у*, не склоняются. Кончащиеся на *а*, ъ и ь склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гет*ем* и проч.

Как надобно писать: *Турков* или *Турок*? то и другое правильно. *Турок* и *Турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):[9]

1. остановлял взор *на отдаленные громады*
2. на *теме* гор (темени)
3. *воил* вместо *выл*

4. *был отказан*, вместо *ему отказали*

5. *игумену* вместо *игумну*.

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г**.[10]

Многие пишут *юпка, сватьба* вместо *юбка, свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *двѣнадцать*. *Две* сокращено из *двое*, как *тре* из *трое*.

Пишут: *тѣлега, телѣга*. Не правильнее ли: *телега* (от сл.⟨ова⟩ *телец* — телеги запряжены волами)?

Разговорный язык простого народа (не читающего иностр⟨анных⟩ книг и, слава Богу, не выражающ⟨его⟩, как мы, своих мыслей на фр⟨анцузском⟩ языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням.Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согл⟨асными⟩ в нем изменены. Мы даже говорим *женщины, нослег* (см. Богдановича).

[Шпионы подобны букве ъ. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться.]

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в Евг⟨ении⟩ Онег⟨ине⟩, которые я не мог или не хотел напечатать, этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив.[11] Смиренно сознаюсь также, что в „Д⟨он⟩ Жуане" есть 2 выпущенные строфы.

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу,[12] заметил однако ж мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *Уж*, что и назвал он *ужами*, а что в Риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово

корова и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что конечно неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою*:

В избушке распевая, дева
Прядет...

Шестой песни не разбирали, даже не заметили в „В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩" латинской опечатки.[13] Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал лат⟨инской⟩ книги и совершенно забыл лат⟨инский⟩ яз⟨ык⟩. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, лат⟨инский⟩ язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

Критику 7-ой песни в „Сев⟨ерной⟩ Пчеле" пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было.[14] Других критик я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Критику „Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩" напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из „Ив⟨ана⟩ Выжигина",[15] ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия „Борис Годунов" взята из его романа.

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный Анекдот: в Лицее один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи
Де⟨львиг⟩ пишет стихи.

Каково же было нам, Де⟨львигу⟩ и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного „В⟨естника⟩ Евр⟨опы⟩" найти следующую шутку: Альманах „С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩" разделяется на прозу и стихи — хи, хи![16] Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи-хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в „Сев⟨ерной⟩ пчеле": „*хи-хи*, как весьма остроумно сказано было в «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩» etc."

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение:[17] Древняя Муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? — Журналисты наши, о которых г.Киреевский отозвался довольно непочтительно, — обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, все та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

---

*Сам съешь.** Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. *Сам съешь* есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. — Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, — и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: *сам съешь*.[18]

Поэтому вздумалось описать любопытное собрание *букашек*.[19] — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь.

Г⟨оспода⟩ чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин.[20] Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов. Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие Гербов и Грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, г⟨оспода⟩ чин⟨овные⟩ журн⟨алисты⟩ с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное *Сам съешь*! К несчастию, в „Литературной газете" отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? а публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е., что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском Анекдоте № 1.

---

* Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных* дам, как журналисты называют дам, им не знакомых).

Отчего издателя „Лит⟨ературной⟩ Газеты" и его сотрудников называют Аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их Аристократия? В том ли, что они дворяне? — Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в „Лит⟨ературной⟩ Газете" доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратьев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедуют сей тон и другим собратьям, но проповедуют в пустыне. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (niaiserie). (NB: не одно просторечие). Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей* и т. п. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах, о паркетных* (?) дамах. Не они провозгласили себя опекунами высшего общества; не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих Господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas. Не они разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом; не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными. Отчего же они аристократы (разумеется, в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абр⟨ам⟩ Пет⟨рович⟩ Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)*, отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩ Гр. Ф.Г. Орлову), Генерал-Аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому.[21] — Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ⟨ни⟩ России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью [русский характер] священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к Князю**..... ⟨Юсупову⟩. В свете оно тотчас было замечено и..... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое

---

* Голиков говорит, что он ⟨Ганнибал⟩ был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч. Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочими Орлов и Р⟨умянцев⟩ — родоначальник историч⟨еских⟩ фамилий.

послание за лесть италианского аббата[22] — и в статейке, заимствованной у „Минервы",[23] заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы.

⟨II⟩

О „Цыганах" одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойник Р⟨ылеев⟩ негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. В⟨яземский⟩ повторил то же замечание.[24] (Р⟨ылеев⟩ просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее.) Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. — В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, ma tanto meglio.*

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны лит⟨ературного⟩ имени. К тому же главные сцены *уже* напечатаны или искажены в чужих *подражаниях*. [Раскрыв наудачу исторический роман г. Б⟨улгарина⟩, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В.Шуйский. У меня Борис Год⟨унов⟩ говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Б⟨улгарина⟩ также. Все это драматический вымысел, а не историческое сказание].

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою „Евгения Онегина" и видели в ней ужасное корыстолюбие.[25] Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели „Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩"? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по р⟨у⟩б⟨лю⟩ экз⟨емпляр⟩, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае Автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20 000 экз⟨емпляров⟩ одной книги и продать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного[26] нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и

---

* Но тем лучше (*ит.*).

светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их? —

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор Р⟨асиновой⟩ „Федры" (если б, к несчастию, написал ее русский и в наше время).

„Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа(!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей(!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на неповинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (!!) — после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется и точка. И вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература, кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!" — Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли ⟨и⟩ можно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли это глубокомыслием?

Если б „Недоросль", сей единственный памятник народной сатиры, „Недоросль", которым некогда восхищалась Ек⟨атерина⟩ и весь ее блестящий двор, если б „Н⟨едоросль⟩" явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Ф. Визина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою*(!!). „Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!" — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (Бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

⟨III⟩

„Граф Нулин" наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется, в журналах,[27] — в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Нат⟨альи⟩ Павл⟨овны⟩ сделали П⟨етер⟩Б⟨ургские⟩ дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным обра-

зом) — подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю стыдливости моих критиков; верю, что „Гр⟨аф⟩ Нулин" точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей Ариост, Бокачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить „Душеньку" в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать „Модную жену", сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эрот⟨ические⟩ стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстраним уже неравенство поэтического достоинства. „Граф Нулин" должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая — и все, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc.! как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, славу богу, может себе прочесть без опасения и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и все, что про себя читают сами г. критики, — если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes ⟨donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas⟩
Que toute votre peau ne me tenterait pas.*

В „В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩" с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем „Графе Нулине" этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствовую; но хоть бы и было, что за беда?

---

* Однако вы очень податливы на искушение
И тело производит сильное впечатление на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И когда б я увидела вас голым с головы до пят, —
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила (*франц.*).

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастие общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ⟨ее⟩ с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В Альм⟨анахе⟩, изданном г-ном Федоровым, между найденными Бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева.[28] Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.[29]

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Б⟨естужева⟩ вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, „Она мила, скажу меж нами") или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, „Послание к Ю⟨рьеву⟩").

Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще *печатный лист кажется святым.*[30] Мы все думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Habent sua fata libelli,*[31] „Полтава" не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.[32]

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщи-

---

* Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

на влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому гетману (NB исторически доказанная)[33] не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.[34]

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмалиона[35] — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупый старичишка*.[36] Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опровергнутая литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю*! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Конисского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли меня в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*. Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями. Как быть!

В „Вестнике Европы" заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпиграф. Так и „Бахчисарайский фонтан" в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о „Полтаве"; критики упомянули, однако ж о Байроновом „Мазепе"; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой „Истории Карла XII". Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни

Карла, ни сего *мрачного, ненавистного, мучительного* лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в „Мазепе" именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и все: но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Прочитав в первый раз в „Войнаровском" сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,[37]

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Д⟨ельвиг⟩ дивился, как я мог заняться таковым предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. „Полтаву" написал я в несколько дней,[38] долее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

[В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве].[39] Род мой один из самых старинных дворянских.[40] Мы происходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества свят⟨ого⟩ Александра Ярославича Невского (см. „Русск⟨ий⟩ Летописец" и „Историю Российского государства"). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости ⟨к⟩ пок⟨ойному⟩ Гр⟨афу⟩ Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г.Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым *сделал честно свое дело*. При избрании Ром⟨ановых⟩ на ⟨царство⟩ 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под ⟨соборным деянием⟩ о уничтожении местнич⟨ества⟩ (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшой дочери адмирала гр⟨афа⟩ Головина, первого в

России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. — Единственный его сын, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.

Если быть старинным дворянином значит подража⟨ть⟩ английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, одного из самых старинных Р⟨усских⟩ родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

Образованный француз иль англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, падшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. [И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением].

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные — но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

Примеч⟨ание⟩. Будем справедливы: г-на Полевого нельзя упрекнуть в низк⟨ом⟩ подобострастии пред знатными, напротив: мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику и читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. Будущий мой биограф, коли Бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом, дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

⟨ЗАМЕТКА О „ГРАФЕ НУЛИНЕ"⟩

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая „Лукрецию", довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола[1] не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.[2]

Мысль пародировать историю Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. „Гр⟨аф⟩ Нулин" писан 13 и 14 дек⟨абря⟩. — Бывают странные сближения.[3]

ДЕЛЬВИГ

I

Дельвиг родился в Москве (1798 году, 6 августа). Отец его, умерший Генерал-майором в 182⟨8⟩ году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А.Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле. — Будучи еще пяти лет отроду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание Русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием;[1] Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды „К Диону", „К Лилете", „Дориде" писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814 году) покойный Влад. Измайлов был издателем „Вестника Европы". Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его[2] и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну Анонима. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо![3] Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

II

Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села. 10 августа 1830 поутру[4] мы вышли из городу. Вяземский должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

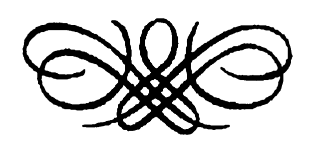
Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели они были написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными.

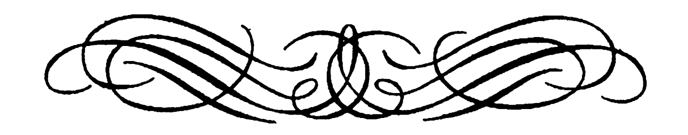
Таким образом, русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса.

La raison de ce que D⟨elvig⟩ a si peu écrit tient à sa manière de composer.*

---

* Причина, почему Дельвиг так мало писал, заключается в его манере сочинять (*франц.*).

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

*

Ученый без дарования подобен тому бедному Мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

*

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б.[1]

*

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного.[2] Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

*

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

*

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностию, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиасма и чувствительности.

*

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

*

ПРИМЕРЫ НЕВЕЖЛИВОСТИ

В некотором Азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят Бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспоривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

Я человек и шла путями заблуждений...

Критик подчеркнул стих, усумнясь, может ли женщина называться человеком. Это напоминает славное решение, приписываемое Петру I: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей; и т. п.[3]

*

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит". — „Как же, братец? — отвечал ему Шувалов, — у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую". — „Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон", — отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пиита Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий Статс-Секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

*

Один из наших поэтов[4] говорил гордо: Пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

*

„Все, что превышает геометрию, превышает нас", — сказал Паскаль.[5] И вследствие того написал свои философические мысли!

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème.*[6] Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

*

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.** Хорошо было сказать это в первый раз, но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике литературных скептиков; но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал également bons.***[7]

*

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей изо всего русского театра и еще не игранной и не напечатанной. В сем последнем случае Ансело чуть ли не прав.[8] Забавная словесность!

*

Л., состаревшийся волокита, говорил: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.****

*

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

---

* Безупречный сонет один стоит длинной поэмы (*франц.*).
** Все жанры хороши, кроме скучного (*франц.*).
*** одинаково хороши (*франц.*).
**** Морально я остался плотским, но плотски я сделался моральным (*франц.*).

*

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию гордую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

*

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.[9] „Государственное правило, — говорил Карамзин, — ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному."[10] Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения. Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистию некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!*[11]

*

Сказано: Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples.** Но какой же народ вверит права свои тайным обществам, и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

*

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в „Д⟨он⟩ Жуане" описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Д⟨он⟩ Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге.* Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: Помилуй Бог, как чисто!.. Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста.[12] Есть и другие ошибки, более важные. — Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов[13] напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время Суворовских войн. В лице Нимврода

---

* Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью (*франц.*).

** Тайные общества — дипломатия народов (*франц.*).

изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

*

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

*

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова о Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин[14]

*

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

*

Coquette, prude.[15] Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прюдство* или смешно, или несносно.

*

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместия, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

*

М⟨осква⟩ девичья, а П⟨етербург⟩ прихожая.[16]

*

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

*

Появление „Истории Государства Российского" (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем, очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: „Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его... *Однако*! зачем не *но*? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?" В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. К⟨аченовский⟩ бросился на предисловие. Н⟨икита Муравьев⟩ молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). М⟨ихаил Орлов⟩ в письме к В⟨яземскому⟩ пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к Русской Истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, в государстве самодержавном; что Государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что „История Государства Российского" есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. (*Извлечено из неизданных записок*).[17]

*

Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях.[18]

*

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.[19]

МАТЕРИАЛЫ К „ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ"

Предисловие

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. „Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю о чем." — „Пиши все, что ни попало, — отвечал приятель, — мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань". Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы. В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону — несмотря на крики новейших критиков. — Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.[1]

*

Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству.

*

Если все уже сказано,[2] зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого, — неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов. В сем-то смысле счастливая шутка Князя Вяземского совершенно справедлива; он, оправдывая излишество эпитетов, [делающих] столь вялыми русские стихи, сказал очень забавно, что все сущест⟨витель-ные⟩ сказаны и что нам остается [заново оттенивать их прилагательными]. Добросовестные люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы и деепричастия и прочие части речи давно уже сказаны.

*

У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм.

*

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно — они составляют один народ, одну секту.

*

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Вероятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.[3]

*

Кс. находит какое-то сочинение глупым. [— Чем вы это докажете? — Помилуйте, — простодушно уверяет он, —] да я мог бы так написать.

*

Проза Князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли — к счастью, он мыслит, что довольно редко между нами.[4]

*

Есть различная смелость: Державин написал: „Орел, на высоте паря",[5] когда счастие „тебе хребет свой с грозным ⟨смехом⟩ повернуло,[6] ты видишь, видишь, как мечты сиянье вкруг тебя заснуло".

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
С высот и проч.[7]

Жуковский говорит о Боге:

Он в дым Москвы себя облек.[8]

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.[9]

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и поэтические картины.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *pavé*, помост.

Et baise avec respect le pavé de tes temples.*[10]

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vache*.**[11] Презренная словесность, повинующаяся такой мелочной и своенравной критике. — Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a,*** Гёте в „Фаусте", Мольера в „Тартюфе".

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, не Маротическую, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами:

Un bon mot de deux rimes orné.****[12]

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

Только революционная голова, подобная Мир⟨або⟩⟨?⟩ и Пет⟨ру⟩⟨?⟩, может любить Россию, так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке.

(1823)

*

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх нахмуренный, грозный, низ же, выражающий всегдашнюю улыбку. Это не нравилось Торвальдсену:

Questa è una bruta figura.*****

(1828)

*

[Литература у нас существует, но критики еще нет]. У нас журналисты бранятся именем *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами — не имея понятия ни о Вол⟨ьтере⟩, ни о фр⟨анмасонстве⟩.

(1829)

* И почтительно целует плиты твоих храмов (*франц.*).

** корова (*франц.*).

*** Данте, Мильтон (*франц.*).

**** Словцо, украшенное двумя рифмами (*франц.*).

***** Вот грубое лицо (*ит.*).

*

Франц⟨узские⟩ критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андр⟨ей⟩ Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать на французском языке формы греческ⟨ого⟩ стихосложения, — попал у них в романтические поэты.

(1830)

*

Первый несч⟨астный⟩ воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат лишь...* Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

(1830)

*

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

(1830)

*

Острая шутка не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас есть *три* Истории России: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостиного двора*.

(1830)

*

В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей[1] спрашивает: „Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая*?" Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?[2]

(1830)

*

Мильтон говаривал: „С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня". Это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время, только с небольшою переменою. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что „с них довольно и малого числа читателей, лишь бы много было *покупателей*".

(1830)

---

* *Недописано.*

*

В газете *Le Furet**[1] напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. — Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.[2]

(1830)

*

Переводчики — почтовые лошади просвещения.

(1830)

*

Зависть — сестра соревнования, следст⟨венно⟩ из хорошого роду.

(1830)

*

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs,** люди, хорошо понимающие свое дело, но не только не критики, но даже и не литераторы.

(1831 или 1832)

*

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа.*** У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

(1833)

*

Д⟨ельвиг⟩ — говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.

(1833)

*

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.

(1833)

*

Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом.

---

* „Хорек" (*франц.*).

** предприниматели (*франц.*).

*** Сии, с любовию изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащие.

Примеч. Пушкина.

*

L'exactitude est la politesse des cuisiniers.*

*

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.

⟨1834⟩

*

Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин первый, кажется, вздумал составить апофегмы из нашей азбуки. Он пишет: „Первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: Аз Бук (или Буг) ведю — т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живет на земле кто и как, люди мыслят. Наш Он покой, рцу. Слово (λόγος) твержу..." (и прочая, говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла). Как это все натянуто! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

ENO et IKAËL

Tragédie

Personnages

Le Prince Eno
La Princesse Ikaël, *amante du Prince Eno*
L'abbé Pécu, *rival du Prince Eno*
Ixe
Igrec } *garde du Prince Eno.*
Zède

Scène unique

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, l'abbé Pécu, gardes.

Eno. Abbé: cédez...
L'abbé. Eh! f...
Eno (*mettant la main sur sa hache d'arme*). J'ai hache!
Ikaël (*se jettant dans les bras d'Eno*). Ikaël aime Eno (*ils s'embrassent avec tendresse*).

---

* Точность — вежливость поваров (*франц.*).

Eno (*se retournant vivement*). Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! prenez m-r l'abbé et jettez-le par les fenêtres.*

*

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens* froid, хладномыслие, а не sang froid. Так писали это слово до самого 18 столетия. Dans son assiette ordinaire. *Assiette*** значит положение от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — в своей тарелке: —

> Любезнейший, ты не в своей тарелке.
>
> *Горе от ума.*

⟨1835—1836⟩

---

* ЭНО и ИКАЭЛЬ

Трагедия

Действующие лица

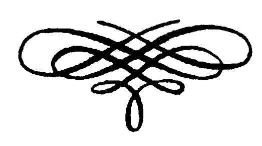
Принц Эно
Принцесса Икаэль, *возлюбленная принца Эно*
Аббат Пекю, *соперник принца Эно*
Икс, Игрек, Зед — *стража принца Эно*

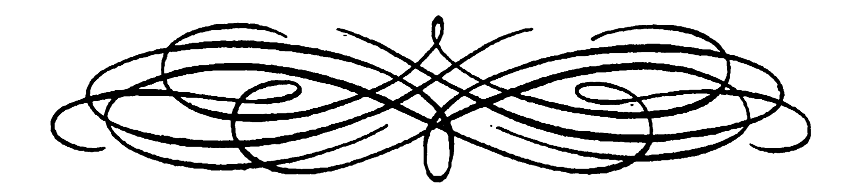
Сцена единственная

Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пекю, стража.

Эно. Аббат! уступи...
Аббат. Эх! черт...
Эно (*налагая руку на секиру*). У меня секира!
Икаэль (*бросаясь в объятия Эно*). Икаэль любит Эно (*они нежно целуются*).
Эно (*быстро оборачиваясь*). Пекю остался? Икс, Игрек, Зед, хватайте господина аббата и выкиньте его в окошко (*франц.*).
(*Слова действующих лиц созвучны названию букв французского алфавита. — Я.Л.*).

** В своем обычном состоянии (*франц.*).

РАЗГОВОРЫ

⟨ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1820—1822 гг.⟩

O⟨rloff⟩ disait en 1820: „Révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise en détrônant Napoléon".

Le général R⟨aiewsky⟩ disait à N. affligé d'un mal d'aventure: „Il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé".*

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: „Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau)".**

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement moquées de moi; toutes à l'exeption d'une seule ont fait avec moi les coquettes.***

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Когда б я был царь, то позвал бы А⟨лександра⟩ П⟨ушкина⟩ и сказал ему: „А⟨лександр⟩ С⟨ергеевич⟩, вы прекр⟨асно⟩ ⟨?⟩ сочиняете стихи". Пуш⟨кин⟩ поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством — а я бы продолжал: „Я читал вашу Оду «Свобода».[1] Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдуманно, но тут есть три строфы очень хорошие. Поступив очень неблагоразумно, [вы однако ж не] старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы.[2] Вы можете иметь мнения неосновательные, [но вижу], что вы уважили правду и личную честь даже в Царе." — „Ах,

---

* О⟨рлов⟩ говорил в 1820 году: „Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там... Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона" (*франц.*).

Генерал Р. говорил Н., заболевшему ногтоедой: „От высокого до сулемы один шаг" (*франц.*).

** сводник (*франц.*).

*** Я более или менее влюблялся во всех красивых женщин, которых встречал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением одной, со мной кокетничали (*франц.*).

В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩, зачем упоминать об этой детской Оде? лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь «Рус⟨лана⟩ и Люд⟨милы⟩», ежели не всю поэму, или I часть «К⟨авказского⟩ п⟨ленника⟩», или «Бахчис⟨арайский⟩ фонт⟨ан⟩». «Онегин» печатается, буду иметь честь отправить 2 экз. в библиотеку В⟨ашего⟩ В⟨еличества⟩ к Ив. Анд. Крылову,[3] и если В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩ найдете время..." — „Помилуйте, А⟨лександр⟩ С⟨ергеевич⟩. Наше Царское правило: дела не делай, от дела не бегай. Скажите, как это вы могли ужиться с Инз⟨овым⟩, а не ужились с Г⟨рафом⟩ Вор⟨онцовым⟩?" — „В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩, Генерал Инзов добрый и почтенный [старик], он Русский в душе, он не предпочитает первого Английского шалопая всем известным и неизвест⟨ным⟩ своим соотечественникам.[4] Он уже не волочится, ему не 18 лет от роду: страсти, если и были в нем, то уж давно погасли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет ч⟨увства⟩ благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит *враже⟨ским⟩* ⟨?⟩ *паскв⟨илям⟩*. — В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы К⟨нязю⟩ Ц⟨ицианову⟩.[5] От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная". — „Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится". — „В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩, как можно судить человека по письму, писанному товарищу,[6] можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал и почи⟨таю⟩ вас как лучшего из европейских нынеш⟨них⟩ власт⟨ителей⟩ (ув⟨идим⟩, однако, что будет из Карла X),[7] но ваш последний поступок со мною[8] — и смело в том ссылаюсь на собств⟨енное⟩ ваше сердце — противоречит вашим правилам и просве⟨щенному⟩ образу мыслей". — „Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие"? — „Это не было бы оскорб⟨ительно⟩ Ваше⟨му⟩ В⟨еличеству⟩: вы видите, что я бы ошибся в моих расчетах..."

Но тут бы П⟨ушкин⟩ разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак*[9] или *Кочум*[10] разными (?) размерами с рифмами.

TABLE TALK*

Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда Граф Поццо ди Борго[1] прислал Государю свое мнение. (Гр⟨аф⟩ противился всеми силами исполнению сей великой ошибки.) Государь, прочитав его, сказал К⟨нязю⟩ Козловскому: „Le c⟨om⟩te Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire".**

---

* Застольные разговоры (*англ.*).

** „Граф Поццо умнее меня, признаю это. Но что я хорошо знаю, так это то, что я совестливее его, и Вы можете это ему сказать" (*франц.*).

Козл⟨овский⟩ не преминул. Поццо отвечал: „Cela peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur".*

Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: „Видно, Граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре". Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными Светлейшего. Несколько дней после [кто-то] один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом,[2] вздумал повторить самому Суворову: „Правда ли, В⟨аше⟩ С⟨иятельство⟩, что вы хотите въехать в рай на осетре?" Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: „Знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает".

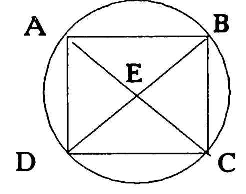
*Divide et impera*** есть правило государственное, не только махиавеллическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

Езуит Посвин,[3] столь известный в нашей Истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius,*** издавший „Il principe"**** в 1660 году, доказал, что Посевин никогда не читал Макиявеля, а толковал о нем понаслышке.

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале — (говорит Макиявель, сей великий знаток природы человеческой).[4]

Глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкре-Дюмениля — или Историей г. Полевого — и на него смотрят с презрением. Хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего. —

Форма цифров арабских составлена из следующей фигуры:

---

* „Это возможно, но в этом случае я же говорил не как исповедник" (*франц.*).

** Разделяй и властвуй (*лат.*).

*** Конрингиус (*лат.*).

**** „Государь" (*ит.*).

A
| (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD + AE (4) etc.
D

Римские цифры составлены по тому же образцу.

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux.... Si je l'étais jamais!..[5]*

Однажды маленький арап,[6] сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: „Государь! Государь! из меня кишка лезет". Петр подошел к нему и, увидя в чем дело, сказал: „врешь: это не кишка, а глиста" — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

Барков заспорил однажды с Сумароковым[7] о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая-нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и — — —

ДЕРЖАВИН[8]

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцаловать ему руку, руку, написавшую „Водопад". Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: „Где, братец, здесь нужник?" Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Держ⟨авин⟩ был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно; глаза мутны; губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои *Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩*, стоя в

---

* Я не ревнив.... Если бы я был ревнив!.. (*франц.*).

двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... —

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

Денис Давыдов явился однажды в авангард к Кн⟨язю⟩ Багратиону и сказал: „Главнокомандующий приказал доложить в⟨ашем⟩у с⟨иятельств⟩у, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить". Багратион отвечал: „Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать".[9] —

Д⟨ельвиг⟩ однажды вызвал на дуэль Булгарина. Б⟨улгари⟩н отказался, сказав: „Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил".[10]

Я встретился с Надеждиным у Погодина.[11] Он показался мне весьма простонародным, *vulgar*, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение; шутки были плоски.[12]

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат", — отвечал Рылеев. — „Так что же, сказал Д⟨ельвиг⟩, разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома есть кухня?"

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: „Чем ближе к небу, тем холоднее".

Сатирик М⟨илонов⟩[13] пришел однажды к Гнедичу[14] пьяный по своему обыкновению, оборванный и растрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Растроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: „Там, там найду я награду за все мои страдания..." — „Братец, возразил ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустят ли тебя туда?" —

Потемкину доложили однажды, что некто Граф Мор⟨елли⟩,[15] житель Флоренции, превосходно играет на скрыпке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к Графу М⟨орелли⟩, объявил ему приказ Светлейшего и предложил тот же час садиться в тележку и скакать в Россию. Благородный

виртуоз взбесился и послал к черту и П⟨отемкина⟩ и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрыпача, бедняка не без таланта и легко уговорил его назваться Графом М⟨орелли⟩ и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем Графа М. и дослужился до полковничего чина.

Один из адъютантов Пот⟨емкина⟩,[16] живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться. Родственники засуетились; не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле со святцами в руках. Вот их Разговор. *Пот⟨емкин⟩*: Ты, братец, мой адъютант такой-то? — *Ад⟨ъютант⟩*: Точно так, ваша светлость. — *Пот⟨емкин⟩*: Правда ль, что ты святцы знаешь наизусть? — *Ад⟨ъютант⟩*: Точно так. —

Пот⟨емкин⟩ (смотря в святцы): Какого же святого празднуют 18 мая?

Ад⟨ъютант⟩: Мученика Федота, В⟨аша⟩ Св⟨етлость⟩.

Пот⟨емкин⟩: Так. А 29 сентября?

Ад⟨ъютант⟩: Преподобного Кириака.

Пот⟨емкин⟩: Точно. А 5 февр⟨аля⟩?

Ад⟨ъютант⟩: Мученицы Агафьи.

Пот⟨емкин⟩ (закрывая святцы): Ну, поезжай же себе домой.

---

*Об Арапе графа С***. У Графа С** был арап, молодой и статный мужчина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У Графа С** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению. Но швейцар прогнал их, говоря сердито: „Ступайте прочь, не до вас. У нас Графинюшка родила арапченка, а вы лезете за милостыней".

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера Лицемер волочится за женою своего благодетеля — лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Ан-

джело лицемер — потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней Вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят. Он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проводя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив по привычке и по расчету. Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, изредка видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the Sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на все, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф:[17] сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III однажды в его присутствии повторял про себя: „Какой папинька хлаблий! Как папиньку Государь любит!" Мальчика подслушали и кликнули: „Кто тебе это сказывал, Володя?" — Папинька, отвечал Володя.

Когда Пугачев сидел на Меновом дворе,[18] праздные Москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: „Известно по преданиям, что Петр I, во время Персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидать хоть его кости..."* Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто**, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами.** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: „Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал".

6 октября 1834.

---

* *Было*: „хоть кости славного бунтовщика! — Вот какова наша слава!"

Дм⟨итриев⟩[19] предлагал Имп⟨ератору⟩ А⟨лександру⟩ Муравьева[20] в сенаторы. Ц⟨арь⟩ отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена.[21] Пален заставил М⟨уравьева⟩ писать конституцию — а между тем произошло дело 11-го марта. — М⟨уравьев⟩ хвастался в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию. Вздор.

План был начертан Рибасом[22] и Паниным.[23] Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла. — Паденье Панина произошло оттого, что он сказал, что все произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни М⟨арии⟩ Ф⟨едоровны⟩ — и Панин был удален.

(*Сл⟨ышал⟩ от Д⟨митриева⟩*).

Херасков[24] очень уважал Кострова[25] и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве, и не нашли. Вдруг Херасков получает от него письмо из Казани. Костров благодарит его за все милости, но, писал поэт, воля для меня всего дороже.

Костров был от Императрицы Екатерины именован *Университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1 500 р. жалования.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в Университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. „Помилуй, Ермил Иванович, — сказал ему Ректор, — ты-то как сюда попался?..” — „Из сострадания к человечеству, отвечал добрый Костров”.

Гр⟨аф⟩ К⟨ирилл⟩ Разумовский[26] был в заговоре 1762 ⟨г.⟩. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разум⟨овский⟩ еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит: к нему стучатся. „Кто там?” — „Орлов, отоприте”. — Алексей Орлов,[27] которого до тех пор Гр. Р⟨азумовский⟩ не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим, Л.А. П⟨ушкиным⟩ и не помню кем еще), не хочет ей присягать. Раз⟨умовский⟩ взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года.[28]

Славный анекдот об Указе, разорванном К⟨нязем⟩ Яковом Долг⟨оруким⟩, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне.[29] Д⟨олгорукий⟩ после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. К⟨нязь⟩ Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного Указа. Д⟨олгорукий⟩ изложил ему свое мнение. — „Разве не мог ты то же самое сказать, — заметил ему Петр, — не раздирая моего Указа?" — „Правда твоя, Государь, — отвечал Д⟨олгорукий⟩, но я знал, что если я раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие". Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал Царице, которая к Кн⟨язьям⟩ Долгоруким была особенно милостива, призвать Князя Якова и присоветовать ему на другой день при всем сенате просить прощения у Государя. Кн⟨язь⟩ Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате Государя и более чем когда-нибудь его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Сл⟨ышал⟩ от Кн. А.Н. Г⟨олицына⟩).

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостию чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за Европейским ходом вещей, нежели мы, гордые Бог ведает почему.[30]

Гете имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение ⟨творца⟩ Чильд Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с ⟨этим⟩ Великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.[31]

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их несправедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда Мелкомыслие и Невежество выражаются его языком.

Зорич[32] был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не обеспо-

коить Европу. Он был влюблен в Кн. Д⟨олгоруку⟩ю,[33] которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и Княгиня играла на нем в опере Annette et Lubin.* Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку и etc.

Когда Граф д'Артуа[34] приезжал в П⟨етер⟩Б⟨ург⟩, то Государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она Графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Ав⟨аре⟩, капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, — но государыня остановила его, сказав: Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois.**

(Слыш⟨ал⟩ от К⟨нягини⟩ К.Ф. Долг⟨оруковой⟩).[35]

Государь долго не производил Болдырева[36] в генералы за картежную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: „Болдырев, поздравляю тебя". Болдырев обрадовался; все бывшие тут думали, как и он, и поздравили его. Государь, вышед из церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказал ему: „Поздравляю тебя, ты, говорят, вчерась выиграл". Болдырев был в отчаянии.

Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре.[37] Графиня[38] выпросила у Государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцева[39] сказала: „Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах".

Кречетников,[40] при возвращении своем из Польши, позван был в кабинет Императрицы. „Исполнил ли ты мои такие-то приказания?" — спросила Императрица. — „Нет, Государыня", — отвечал Кр⟨ечетников⟩. Государыня вспыхнула. — „Как нет!" — Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить Высочайшие повеления. Императрица его не слушала, в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кр⟨ечетников⟩ ожидал своей погибели. Наконец Императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кр⟨ечетников⟩ стоял ни жив ни мертв. Через несколько минут Государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: „Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою

---

* Аннет и Любен (*франц.*).

** На этот раз лично я принимаю на себя обязанность капитана гвардии графа д'Артуа (*франц.*).

Волю?" Кр⟨ечетников⟩ повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: „Это дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?"

(Сл⟨ышал⟩ от гр. Вельгор⟨ского⟩).[41]

Французские принцы[42] имели большой успех при всех Дворах, куда они явились. Были, однако ж, с их стороны некоторые промахи: они сыпали деньги и дорогие подарки. В Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностию: Mais, mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.*

(Слыш⟨ал⟩ от гр. Вельг⟨орского⟩).

Июнь 1836.

Голландская Королева,[43] женщина с умом замечательным и резким, сказала Принцу Орлеанскому[44] на бале: „J'avais des projets hostiles pour vous". — „Et quoi donc, Madame?" — „Je voulais paraître inondée de fleurs de Lys". — „Madame, — отвечал Принц, — croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème".**

1836, июнь.

Генерал Раевский[45] был насмешлив и желчен. Во время Турецкой войны,[46] обедая у главнокомандующего Графа Каменского,[47] он заметил, что кондитор вздумал выставить Графский Вензель на крылиях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского, вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с Г⟨енералом⟩ Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: „Кажется, Ваше превосходительство принимаете меня за пушку без прикрытия".

Раевский говорил об одном бедном майоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

---

* Но, дорогой Брессон, это совсем неуместно; ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не к дому Ротшильдов (*франц.*).

** „У меня были враждебные замыслы против Вас". — „Какие же, Ваше величество?" — „Я хотела явиться вся в бурбонских лилиях". — „Ваше величество, поверьте, что отдал бы всю мою кровь, чтобы иметь право носить эту эмблему" (*франц.*).

Будри, профессор французской словесности при Ц⟨арско⟩сельском Лицее, был родной брат Марату.[48] Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата и однажды в классе, говоря о Робеспиере, сказал нам, как ни в чем не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit *de* Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac".* Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный.

Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам etc. etc. В молодости его, чтоб отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в гошпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

О ДУРОВЕ[49]

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила Георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе, в 1829, возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью в дороге он будил меня вопросом: „А⟨лександр⟩ С⟨ергеевич⟩! А⟨лександр⟩ С⟨ергеевич⟩! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?" Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. „Я об этом думал", — отвечал мне Дуров. — „Ну что же?" — „Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть". — „Ну, так украдьте полковую казну". — „Я об этом думал". — „Что же?" — „Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать; в двух или трех верстах можно будет разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?" — „Просите денег у Государя". — „Я об этом думал". — „Что же?" — „Я даже и просил". — „Как! безо всякого права?" — „Я с того и начал: В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но,

---

* Это он тайком обработал ум Шарлоты Корде и сделал из нее второго Равальяка (*франц.*).

В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩, на милость образца нет, и так далее". — „Что же вам отвечали?" — „Ничего". — „Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду". — „Я об этом думал". — „Что ж, за чем дело стало?" — „Да видите ли: один способ выманить у Р⟨отшильда⟩ сто тысяч было бы так странно и так забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!.." Словом: нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим *speech**: „гг. Англичане! я бился об заклад об 10 000 р⟨ублей⟩, что Вы не откажетесь мне дать взаймы 100 000. Гг. Англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я в надежде на Ваше всему свету известное великодушие". Дуров просил меня похлопотать об этом в П⟨етер⟩Б⟨урге⟩ через Англ⟨ийского⟩ посланника, а свой прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — „хотите со мной биться об заклад, прерывал Д⟨уров⟩, что через 3 дня я буду ее иметь?" Стреляли ли в цель из пистолета, — Д⟨уров⟩ предлагал стать в 25 шагах и бился о 1000 р., что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также очень замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтоб он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Д⟨уров⟩ жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо: он пишет мне: „История моя коротка: я женился, а денег все нет". Я отвечал ему: „Жалею, что изо 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался".

3 окт⟨ября⟩ 1835.

Государыня (Ек⟨атерина⟩ II) говаривала: „Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом? и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано".

(Слышал от Кн. А.Н. Голицына).[50]

Петр I говаривал: „Несчастия бояться — счастья не видать".

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо и сказал: „Ну! этот плох. Однако записать его во флот. До мичма-

* речью (*англ.*).

нов авось дослужится". Старик любил рассказывать этот Анекдот и всегда прибавлял: „Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!"

(Слышал от кн. А. Н. Голицына).

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василья Тредьяковского: „*Вечный труженик*! Какой взгляд! какая точность в определении!" В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?[51]

Некто К⟨нязь⟩ Х.**,*[52] возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностью языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала Графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она *для такого бездельника*, каков Х., нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее.

Когда родился Иван Антонович,[53] то императрица Анна Иоановна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком — и, как добросовестные немцы, они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, ужаснуло обоих математиков — и они послали Императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил однако ж первый и показывал его Графу К. Разумовскому, когда судьба несчастного Ивана VI совершилась.

(Сл⟨ышал⟩ от Н.К. Загряжской). —

Граф Румянцев[54] однажды утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафроке и в колпаке стоял перед своею палаткою, и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел было скрыться, но Румянцев взял его под руку и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая со стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем, и потом уже отпустил, не сделав никакого замечания.

---

* Кн. Мих. Вас. Хованский.

Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его баловал, пришел однажды к С⟨умарокову⟩. „Сумароков великий человек! Сумароков первый Русский стихотворец!" — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: „Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только третий". Сумароков чуть его не зарезал.

Потемкин, встречаясь с Шешковским,[55] обыкновенно говаривал ему: „Что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?" На что Шешковский отвечал всегда с низким поклоном: „Помаленьку, ваша светлость!"

N.N.,[56] вышедший из певчих в действительные Статские Советники, был недоволен обхождением Князя Потемкина. „Хиба вин не тямит того, говорил он на своем наречии, що я такой еднорал, як вин сам". Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: „Что ты врешь? какой ты Генерал? Ты Генерал-бас".

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

Однажды Потемкин, недовольный Запорожцами, сказал одному из них: „Знаете ли вы, хохлачи: что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?" — „То не диво, отвечал Запорожец: у нас у Запорозцине е такие кобзары, що як заиграють, то аже у Петербурси затанцують".

Граф Самойлов[57] получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце Государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. „Граф Александр Николаевич, — сказала она ему — ваше место здесь впереди, как и на войне".

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, накопилось множество бумаг, требовавших немедленного его разрешения, но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чинов-

ник, по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою и с нетерпением ожидали, чтó из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесаный и грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему в чем дело, и положил перед ним бумаги. Потемкин молча взял перо и подписал их одна за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом: „Подписал!..“ Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют: „Молодец! нечего сказать“. Но кто-то всматривается в подпись — и что же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков, Петушков, Петушков...*

Молодой Ш. как-то напроказил.[58] Князь Б. собирался пожаловаться на него самой Государыне. Родня перепугалась. Кинулись к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: „...да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее“. — Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает Князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже, и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. „Скажи, брат, — говорит Потемкин, показывая ему свои карты, — как мне тут сыграть?“ — „Да мне какое делó, ваша светлость, — отвечает ему Ш. — играйте, как умеете!“ — „Ах, мой батюшка — возразил Потемкин — и слóва нельзя тебе сказать; уж и рассердился!“ Услыша таковой разговор, Князь Б. раздумал жаловаться.

Князь Потемкин во время Очаковского похода влюблен был в Графиню**. Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж Графини**, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: „Экое кири куку!“

Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне;
Коли не так,
Мать твою растак,
Лежи в говне.

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

Любимый из племянников Князя Потемкина был покойный Н.Н. Раевский. Потемкин для него написал несколько наставлений; Н.Н. их потерял и помнил только первые строки: *Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.*

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на которой она была повешена, непрочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. „Нет, — отвечал Крылов, — угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову".

Какой-то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: „Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать чрез другого". N, известный эгоист, прибавил: „Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя".

РАЗГОВОРЫ Н.К. З⟨АГРЯЖСКОЙ⟩

12 авг⟨уста⟩ 1835. — Вы слыхали про Ветошкина?[1] Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка; Государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisaient le commerce des grains)* крупами, что ли — и привозили на барках, не помню куда. Вот этот Ветошкин был приказчиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к Митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и Бог ведает что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с Графом А.С. Строгановым.[2] Ром[3] жил у них в учителях, — тот самый, что подписал потом определение... Он очень был умный человек, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse.** — Он у меня был каждый день с своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина. — Madame, c'est impossible. — Mon cher m-r Romme, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est vous pouvez voir Ветошкин chez le P⟨rince⟩ Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas.*** Ром отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. — Eh bien m-r? — Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant.**** Мне очень хотелось встретить Ветошкина. Ив.Ив. Шувалов[4] доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с

---

* торговали зерном (*франц.*).

** это была крепкая голова, большой мастер на всякие рассуждения; у него сам Апокалипсис стал бы вам ясным (*франц.*).

*** „Нет, это невозможно". — „Дорогой Ром, повторяю то, что мне все говорят. Впрочем, если Вам хочется узнать, в чем дело, можете повидать Ветошкина у князя Потемкина; он у него ежедневно бывает". — „Обязательно пойду" (*франц.*).

**** „Ну как?" — „Не могу прийти в себя от изумления: поистине это ученый" (*франц.*).

которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был щедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. — После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. „Сначала было трудно, отвечал он, а потом все легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, Граф Ник⟨ита⟩ Ив⟨анович⟩[5] да Князь Григ⟨орий⟩ Алекс⟨андрович⟩".[6] — „Вам, думаю, скучно в Торжке?" — „Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами". Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем. — Очень странный человек этот Ветошкин.

12 авг⟨уста⟩. — Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское,[7] — матушка,[8] сестра Елисавета Кириловна,[9] я — в одной карете, батюшка[10] с Василием Иван⟨овичем⟩[11] — в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что Государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ сказал ему: „Полно, не слушайся; я знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника!" Но курьер попросил батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: „Полно, перестань; что за глупость", и потом, оборотясь к часовому: „Мы приехали по приказанию Государя". — „Извольте же идти в караульню". — Батюшка пошел, а нас отправил к **, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Monplaisir.* Мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Monplaisir; видим множество дам, разряженных, en robe de cour.** А Государь с шляпою набекрень и ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, села на пол и закричала: „Ни за что не пойду на галеру". Насилу меня уговорили. Миних[12] был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня** ⟨Анна⟩ Карловна Воронцова[13] обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим Государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cale*** с Гр⟨афиней⟩ Лиз⟨аветой⟩ Ром⟨ановной⟩;[14] а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами, leur faisant la cour.**** Мы приехали в Ораниенбаум.[15] Государь вошел в крепость (?), а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже все. Государь был очень жалок. На ектинье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В П⟨етер⟩Б⟨урге⟩ народ принял

---

* Монплезир (*франц.*).

** в придворных платьях (*франц.*).

*** в трюм (*франц.*).

**** ухаживая за ними (*франц.*).

нас за Императрицу и кричал нам *Ура*. На другой день Государыня привезла матушке ленту.

---

12 авг⟨уста⟩. — Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки[16] была une maîtresse de clavecin.* Раз она мне говорит: „Madame, je ne puis rester à Pétersbourg". — „Pourquoi ça?" — „Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive". — „Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre".** Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: „Как ты хочешь, Потемкин, а Мамзель мою пристрой куда-нибудь". — „Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право не знаю". Что же? через несколько дней приписали мою Мамзель к какому-то полку и дали ей жалования. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff[17] était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у Государыни сказал он при нас: по одежке дери ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air d'un brigand avec sa balafre.***

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: „Наталья Кириловна, хочешь ты зе́мли?" — „Какие земли?" — „У меня там есть, в Крыму". — „Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати?" — „Разумеется, Государыня подарит, а я только ей скажу". — „Сделай одолжение". — Я поговорила об этом с Тамарой,[18] который мне сказал: „Спросите у Князя планы, а я вам выберу земли". Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. „Откуда, батюшки?" — „С ваших новых земель, — там ходят стада, и за это вот вам деньги". — „Спасибо, батюшки". Проходит еще год, другой. Тамара говорит мне: „Что ж вы не думаете о заселении ваших земель; десять лет пройдут, так худо будет; вы заплотите большой штраф". — „Да что же мне делать?" — „Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение". Я так и сделала; Батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу. Я ему и сказала: „Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только хлопоты". Что же? Эти земли давали после Кочубею 50 000 доходу. Я очень была рада.

---

* Учительница по клавесину (*франц.*).

** „Я не могу оставаться в Петербурге". — „А почему?" — „Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать карету или оставаться без работы." — „Нет, вы не уедете, надо это уладить так или иначе" (*франц.*).

*** Орлов был невоспитан и не умел себя вести. <...> Я нашла это выражение весьма пошлым и совершенно неуместным. Это был умный человек и впоследствии, думаю, остепенился. Вид его, с его шрамом, был как у разбойника (*франц.*).

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: „Ты не поверишь, как я о тебе грущу". — „А что такое?" — „Не знаю, куда мне будет тебя девать". — „Как так?" — „Ты моложе Государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком". Потемкин задумался и сказал: „Не беспокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро". И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff était régicide dans l'âme, c'était comme une mauvaise habitude.* Я встретилась с ним в Дрездене,[19] в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I. „Что за урод? Как это его терпят?" — „Ах, батюшка, да что ж ты прикажешь делать? ведь не задушить же его?" — „А почему ж нет, матушка?" — „Как! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна[20] вмешалась в это дело?" — „Не только согласился бы, а был бы очень тому рад". Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; Государь, который часто езжал к матушке, бывало, нарочно меня смешил разными гримасами; он не похож был на Государя.

Государь (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачом, и Государь хотел снять с него бесчестие (il voulait le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом.[1] Деньщик Петра Первого... ⟨Ведель⟩[2] заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав, для чего требуется яд, разбил склянку об пол. Деньщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Все это мало правдоподобно). Как бы то ни было, употребленный в сем деле деньщик был отправлен в дальную деревню, в Смол⟨енскую⟩ губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется, Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени** ⟨Ведель⟩ умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете. Она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых** ⟨Ведель⟩. — Кн⟨язь⟩ Одоевский[3] выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться

* Орлов в душе был цареубийцей, это было вроде дурной привычки (*франц.*).

на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем.

При Елисавете было всего три фрейлины. — При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная, как благодарить шестерых заговорщиков,[4] возведших ее на престол, заказала шесть вензелей с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных. — Но Никита Панин отсоветовал ей сие, говоря: „Это будет вывеска". Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

⟨О САЛЬЕРИ⟩

В первое представление „Дон Жуана",[1] в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, — раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы, в бешенстве, снедаемый завистию.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые нем⟨ецкие⟩ журн⟨алы⟩ говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.[2]

Завистник, который мог освистать „Д⟨он⟩ Ж⟨уана⟩", мог отравить его творца.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. „Я до сих пор не знала вас", — сказала Императрица. „Да и я, матушка Государыня, не знал вас до сих пор", — отвечал он простодушно. „Верю, — возразила она с улыбкой. — Где и знать меня, бедную вдову!"

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: „Мы отставим тебя от Академии", — „Нет, — возразил великий человек, — разве Академию отставите от меня".

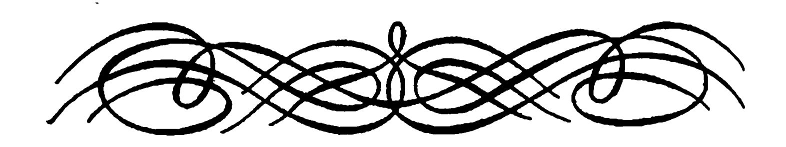
Разумовский, Никита Панин, conspirateurs.*

M-r Dachkof ambassadeur à Constantinople. Epris de Catherine. Pierre III jaloux d'Elisabeth Woronzof.** (M-me Щербинина).

---

* заговорщики.

** Г-н Дашков посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой (*франц.*).

ПУТЕШЕСТВИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К Д.

Из Азии переехали мы в Европу* на корабле. Я тотчас отправился на так называемую *Митридатову гробницу*[1] (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял — без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только. Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было; звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы.... „Вот Чатырдаг", — сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ими; справа огромный Аю-даг..... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный.....

В Юрзуфе жил я *сиднем*, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностию неаполитанского Lazzaroni. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот все, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти.

Я объехал полуденный берег, и путешествие М.[2] оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса[3] не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По Горной лестнице[4] взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! сердце мое сжалось: я начал уже тосковать о милом полудне — хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи и виноградные лозы. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатле-

---

* Из Тамани в Керчь.

ние. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.
. . . .
Ч⟨адаев⟩, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes**. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из-за ржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище,

но не тем
В то время сердце полно было —

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался.

Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?

* фонтан слез (*франц.*).

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА

Предисловие

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием: Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français.* Автор, по-своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами: Un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin non le sujet d'un poème, mais celui d'une satyre.**

Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А.С. Хомякове и об А.Н. Муравьеве. Оба находились в армии Графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход.

Никак бы я не мог подумать, что дело здесь идет обо мне, если бы в той самой книге не нашел я своего имени между именами Генералов отдельного Кавказского корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Géorgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Beboutof... le Prince Potemkine. le Général Raiewsky, et enfin — M-r Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.***

Признаюсь: эти строки Французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань Русских журналов. *Искать вдохновения* всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой, слишком непристойно. Я не вмешиваюсь в военные суждения. Это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение, коим Граф Паскевич отрезал Сераскира от Осман-Паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, все это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий Консул Фонтанье, автор путешествия на Восток): но я устыдился бы писать сатиры на прославленного Полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве Сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно

---

* Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства (*франц.*).

** Один поэт, замечательный своим воображением, в стольких славных деяниях, свидетель которых он был, нашел сюжет не для поэмы, но для сатиры (*франц.*).

*** Среди начальников, командовавших ею (армией князя Паскевича), выделялся генерал Муравьев... грузинский князь Чичевадзе... армянский князь Бебутов... князь Потемкин, генерал Раевский и, наконец, г. Пушкин... покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников (*франц.*).

быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как *все*, что мною было написано о походе 1829 года.

А. Пушкин

Глава первая

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказские воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказ. Осетинские похороны. Терек. Дарьяльское ущелие. Переезд чрез снеговые горы. Первый взгляд на Грузию. Водопроводы. Хозрев-Мирза. Душетский Городничий

...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова.[1] Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в 8 часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл Графа Эриванского Графом Ерихонским. „Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на Пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например, на Пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал". Я передал Ермолову слова Гр. Толстова, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтобы отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. „Можно было бы сберечь людей и издержки", — сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках Кн. Курбского говорил он con amore. Немцам досталось. „Лет через 50, — сказал он, — подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительственная такими-то немецкими генералами". Я пробыл у него часа 2. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорил он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит Курской ресторации.

До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи Одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец увидел я Воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине. В Новочеркасске нашел я графа П⟨ушкина⟩,[2] ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет бо́льшую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых[3]
Гордо бродят табуны.

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.[4]

На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. „Как тебя зовут?” — ***. — „Сколько тебе лет?” — „Десять и восемь”. — „Что ты шьешь?” — „Портка.” — „Кому?” — „Себя”. Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи.

В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были всё те же, всё на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи.

Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел я большую перемену. В мое время[5] ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем: на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых камен-

ных тропинок, кустарников и неогражденных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Р⟨аевский⟩, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...

На другой день мы отправились далее и прибыли в Екатериноград, бывший некогда наместническим городом.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из пятисот человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрыпел обоз двуколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали Нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только пятнадцать верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец беспрерывный скрып Нагайских ароб выводили меня из терпения. Татаре тщеславятся этим скрыпом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. На сей раз приятнее было бы мне путешествовать не в столь почтенном обществе. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше. Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен Графа Гудовича,[6] с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость Минарет.[7] Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находится крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос Муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сделалась очень живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили

и пастуха, быть может, Русского, некогда взятого в плен и состаревшегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю Черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка.

Черкесы нас ненавидят.[8] Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* Черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили Крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного Черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного Моря, отрезав Черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличались Мансур,[9] человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу Русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает Христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-кая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке...

> ...like a warrior taking his rest
> With his martial cloak around him;*[10]

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки

---

* ...подобно отдыхающему воину в его боевом плаще (*англ.*).

порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного Осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. В крепости видел я Черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе.

Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем у́же становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестию природы. Погода была пасмурная; облака тяжело́ тянулись около черных вершин. Гр⟨аф⟩ Пуш⟨кин⟩ и Ш⟨ернваль⟩, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке на Севере гремящей*.[11] Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища.

Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича издали: „*Не останавливайтесь, В⟨аше⟩ Б⟨лагородие⟩, убьют!*" Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что Осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на Генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы. На скале видны развалины какого-то за́мка: они облеплены саклями мирны́х осетинцев, как будто гнездами ласточек.

В Ларсе остановились мы ночевать. Там нашли мы путешественника француза, который напугал нас предстоящею дорогою. Он советовал нам бросить экипажи в Коби и ехать верхом. С ним выпили мы в первый раз кахетинского вина из вонючего *бурдюка*, воспоминая пирования Илиады:

> И в козиих мехах вино, отраду нашу!

Здесь нашел я измаранный список *Кавказского Пленника* и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно.

На другой день поутру отправились мы далее. Турецкие пленные разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к Русскому черному хлебу. Это напомнило мне слова моего

приятеля Ш⟨ереметева⟩[12] по возвращении его из Парижа: „Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!”

В семи верстах от Ларса находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник,[13] что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синеет над вашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта. К тому же и ущелье освещено совершенно в его вкусе. В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены каменья. Недалеко от поста мостик смело переброшен через реку. На нем стоишь как на мельнице. Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов. Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то Царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка. Дариал на древнем Персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния,[14] Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен, и проч. (смотрите путешествие Графа И. Потоцкого,[15] коего ученые изыскания столь же занимательны, как и Испанские романы).

Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели *Троицкие ворота* (арка, образованная в скале взрывом пороха) — под ними шла некогда дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое русло.

Недалеко от селения Казбек переехали мы через *Бешеную Балку*, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. Он в это время был совершенно сух и громок одним своим именем.

Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку.[16] Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше Преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются Грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище Русских). В дверях лежал пузастый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями.

Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.[17]

Ждали Персидского Принца.[18] В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного Персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою

неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! „Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.". Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные Европейские фразы. Вот урок нашей Русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе** и по крашеным ногтям.

Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадей или послать за Осетинскими волами? На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу к г. Ч⟨иляеву⟩, начальствующему в здешней стороне, и мы легли спать в ожидании подвод.

На другой день около 12-ти часов услышали мы шум, крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих Осетинцев, насилу тащили легкую Венскую коляску приятеля моего О***.[19] Это зрелище тотчас рассеяло все мои сомнения. Я решился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса. Граф П⟨ушкин⟩ не хотел следовать моему примеру. Он предпочел впрячь целое стадо волов в свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, и с торжеством переехать через снеговой хребет. Мы расстались, и я поехал с полковником Ога⟨ревым⟩, осматривающим здешние дороги.

Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце Июня 1827 года.[20] Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах.

В это время услышал я глухой грохот. „Это обвал", — сказал мне г. Ог⟨арев⟩. Я оглянулся и увидел в стороне груду снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Малые обвалы здесь не редки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе; обвал оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку; поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась через дорогу и покатилась в пропасть с своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым.

Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза; его вели под руки, и когда сняли с него повязку, тогда он стал на колени, благодарил Бога и проч., что очень изумило проводников.

Мгновенный переход от грозного дикого Кавказа к миловидной Грузии

---

* Так называются персидские шапки.

восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

Мы спускались в долину. Молодой месяц показался на ясном небе. Вечерний воздух был тих и тепел. Я ночевал на берегу Арагвы, в доме г. Ч⟨иляева⟩. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее.

Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх.

В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил Русского офицера, провожающего Персидского Принца. Вскоре услышал я звук колокольчиков, и целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, потянулся по дороге. Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой Азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище.

Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Эти десять верст стоили добрых двадцати. —

Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь все выше и выше. С дороги сбиться было невозможно; но местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинских пастухов, а вы́ли шакалы, звери в той стороне обыкновенные. Я проклинал свое нетерпение, но делать было нечего. Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к Городничему и потребовал за то с меня *абаз*.

Появление мое у Городничего,[21] старого офицера из Грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакана вина, в-третьих, абаза для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и посматривал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения *de la liberté grande*.* К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была

* за большую вольность (*франц.*).

мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для Грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. Поутру явился ко мне мой человек и объявил, что граф П⟨ушкин⟩ благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф П⟨ушкин⟩ и Ш⟨ернваль⟩ посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночую в Тифлисе.

Дорога была так же приятна и живописна, хотя редко видели мы следы народонаселения. В нескольких верстах от Гарцискала мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера.

Глава вторая

Тифлис. Народные бани. Безносый Гассан. Нравы Грузинские. Песни. Кахетинское вино. Причина жаров. Дороговизна. Описание города. Отъезд из Тифлиса. Грузинская ночь. Вид Армении. Двойной переход. Армянская деревня. Гергеры. Грибоедов. Безобдал. Минеральный ключ. Буря в горах. Ночлег в Гумрах. Арарат. Граница. Турецкое гостеприимство. Карс. Армянская семья. Выезд из Карса. Лагерь графа Паскевича

Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные Тифлисские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые Русские чиновники разъезжали верхами на Карабахских жеребцах. При входе в бани сидел содержатель, старый Персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе неодетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился. „Пойдем, пойдем, — сказал мне хозяин, — сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда". — „Конечно, не беда, — отвечал я ему, — напротив". Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою*; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshen'd glow

Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.

*Lalla Rookh**

Зато не знаю ничего отвратительнее Грузинских старух: это ведьмы.

Персиянин ввел меня в бани: горячий, железо-серный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее Тифлисских бань. Опишу их подробно.

Хозяин оставил меня на попечение Татарину-банщику. Я должен признаться, что он был без носу; это не мешало ему быть мастером своего дела. Гассан (так назывался безносый Татарин) начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу; после чего начал он ломать мне члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине вприсядку, *e sempre bene*).** После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас как воздух! NB: шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты в русской бане: знатоки будут благодарны за такое нововведение.

После пузыря Гассан отпустил меня в ванну: тем и кончилась церемония.

В Тифлисе надеялся я найти Р⟨аевского⟩,[22] но, узнав, что полк его уже выступил в поход, я решился просить у Графа Паскевича позволения приехать в армию.

В Тифлисе пробыл я около двух недель и познакомился с тамошним обществом. С⟨анковский⟩,[23] издатель „Тифлисских ведомостей", рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о К⟨нязе⟩ Цицианове, об А.П. Ермолове и проч. С⟨анковский⟩ любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр Императора Александра в 1802 ⟨г.⟩ Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку.

Голос песен Грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:

Душа, недавно рожденная в раю! Душа, созданная для моего счастия! от тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

---

* прелестная грузинская дева с ярким румянцем и свежим пыланьем, какое бывает на лицах дев ее страны, когда они выходят разгоряченные из Тифлисских ключей. Лалла Рук (*англ.*).

** и отлично (*ит.*).

От тебя, Весна цветущая, Луна двунедельная, от тебя, Ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою. Не хочу обладать миром; хочу твоего взора. От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! от тебя ожидаю жизни.[24]

Грузины пьют — [и] не по-нашему, и удивительно крепки. Вина их не терпят вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в *маранах*, огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами. Недавно Русский драгун, тайно открыв таковой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс[25] в бочке малаги.

Тифлис находится на берегах Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под 41 градусом широты. Самое его название (*Тбилис-калар*)[26] значит Жаркий город.

Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие, кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образоваться правильные площади. Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и персидских товаров, довольно дешевых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну. Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке. Граф С⟨амойлов⟩[27] и В., прослывшие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку.

В Тифлисе главную часть народонаселения составляют Армяне: в 1825 году было их здесь до двух тысяч пятисот семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось.[28] Грузинских семейств считается до 1.500. Русские не считают себя здешними жителями. Военные, повинуясь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые Титулярные Советники приезжают сюда за чином Асессорским, толико вожделенным.[29] Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание.

Климат Тифлисский, сказывают, нездоров. Здешние горячки ужасны: их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров. Лекаря кормят им своих больных безо всякой совести. Генерал С⟨ипягин⟩,[30] говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал оного больному. Здешние лихорадки похожи на Крымские и Молдавские и лечатся одинаково.

Жители пьют Курскую воду, мутную, но приятную. Во всех источниках и колодцах вода сильно отзывается серой. Впрочем, вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы незаметен.

В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля

серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Все прочее дорого в соразмерности.

Мы ездили в Немецкую колонию и там обедали. Пили там делаемое пиво, вкусу очень неприятного, и заплатили очень дорого за очень плохой обед. В моем трактире кормили меня так же дорого и дурно. Г⟨енерал⟩ С⟨трекалов⟩,[31] известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели Английские Офицеры в Генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери Тифлисского гастронома!

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил записку от Р⟨аевского⟩. Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день.

Я ехал верхом, переменяя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями. Солнце село, но воздух все еще был душен:

Ночи знойные!
Звезды чуждые!....

Луна сияла; все было тихо; топот лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго, не встречая признаков жилья. Наконец увидел уединенную саклю. Я стал стучаться в дверь. Вышел хозяин. Я попросил воды сперва по-Русски, а потом по-Татарски. Он меня не понял. Удивительная беспечность! в тридцати верстах от Тифлиса и на дороге в Персию и Турцию, он не знал ни слова по-Русски, ни по-Татарски.

Переночевав на казачьем посту, на рассвете отправился я далее. Дорога шла горами и лесом. Я встретил путешествующих Татар; между ними было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в чадры; видны были у них только глаза да каблуки.

Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был уже другой.

Человек мой со вьючными лошадьми от меня отстал. Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода. Я увидел в стороне груды камней, похожие на сакли, и отправился к ним. В самом деле я приехал в Армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле

подземной сакли. Я изъяснился коё-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока. Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько Грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?" — спросил я их. — „Из Тегерана". — „Что вы везете?" — „*Грибоеда*". — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.[32]

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: *Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux.** Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть Шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый Шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалом Персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игралищем Тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулей.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении.[33] Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском Телеграфе".[34] Впрочем, уважение наше к Славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав Славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию; уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия „Горе от ума" произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом[35] совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был Посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил.... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его

* Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей (*франц.*).

посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.[36]

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны....[37]

В Гергерах встретил я Б⟨утурлина⟩, который, как и я, ехал в армию. Б⟨утурлин⟩[38] путешествовал со всевозможными прихотями. Я отобедал у него, как бы в Петербурге. Мы положили путешествовать вместе; но демон нетерпения опять мною овладел. Человек мой просил у меня позволения отдохнуть. Я отправился один даже без проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переехав через гору и спустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил Армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. „Что нового в Эривани?" — спросил я его. — „В Эревани чума, — отвечал он; — а что слыхать об Ахалцыке?" — „В Ахалцыке чума", — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу. К вечеру прибыл я в Пернике. Здесь был казачий пост. Урядник предсказывал мне бурю и советовал остаться ночевать, но я хотел непременно в тот же день достигнуть Гумров.

Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще. От Пернике до Гумров считается двадцать семь верст. Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя провидению.

Прошло более двух часов. Дождь не переставал. Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, напитанного дождем. Наконец холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь меня промочил до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дуя на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец я достигнул Гумров около полуночи. Казак привез меня прямо к посту. Мы остановились у палатки, куда спешил я войти. Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день проехал я 75 верст. Я заснул как убитый.

Казаки разбудили меня на заре. Первою моею мыслию было: не лежу ли я в лихорадке. Но почувствовал, что слава Богу бодр, здоров; не было следа не только болезни, но и усталости. Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. „Что за гора?" — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: „Это Арарат".[39] Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую

гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения....

Лошадь моя была готова. Я приехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росою и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. „Вот и Арпачай", — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимою мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России.

До Карса оставалось мне еще 75 верст. К вечеру надеялся я увидеть наш лагерь. Я нигде не останавливался. На половине дороги, в Армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чюрек*, Армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили Турецкие пленники в Дариальском ущелии. Дорого бы я дал за кусок Русского черного хлеба, который был им так противен. Меня провожал молодой Турок, ужасный говорун. Он во всю дорогу болтал по-Турецки, не заботясь о том, понимал ли я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Казалось, он побранивал Русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иностранца. Навстречу нам попался Русский Офицер. Он ехал из нашего лагеря и объявил мне, что армия уже выступила из-под Карса. Не могу описать моего отчаяния: мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня. Офицер поехал в свою сторону; турок начал опять свой монолог; но уже мне было не до него. Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в Турецкую деревню, находящуюся в 20 верстах от Карса.

Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранию. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали на Караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку. Я стал требовать лошадь. Ко мне явился Турецкий Старшина. На все его непонятные речи отвечал я одно: *вербана ат* (дай мне лошадь). Турки не соглашались. Наконец я догадался показать им деньги (с чего надлежало мне начать). Лошадь тотчас была приведена, и мне дали проводника.

Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющий на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: *Карс, Карс*! и пускал вскачь свою лошадь; я следовал за ним, мучаясь беспокойством: участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию.

Между тем небо покрылось тучами и дождь пошел опять; но я об нем уж не заботился.

Мы въехали в Карс. Подъезжая к воротам стены, услышал я Русский барабан: били зорю. Часовой принял от меня билет и отправился к Коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани. Турок слез с лошади и стал стучаться у дверей. Никто не отвечал. Дождь ливмя лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой Армянин и, переговоря с моим Турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жилье своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по нескольку месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в двадцати пяти верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой Армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к Калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций. Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой Армянин) уже скакал подле меня на Турецком жеребце с гибким Куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о Турках и сражениях.

Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться. Прошло около двух часов; я взъехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Р⟨аевского⟩.

Глава третия

Переход через Саган-лу. Перестрелка. Лагерная жизнь. Язиды. Сражение с Сераскиром Арзрумским. Взорванная сакля

Я приехал вовремя. В тот же день (13 Июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Р⟨аевского⟩, слушал я молодых Генералов, рассуждавших о движении, им предписанном. Генерал Бурцов[40] отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу Турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским Драгунским полком, разговаривая с Р⟨аевским⟩, с которым уж несколько лет не видался. Настала ночь; мы остановились в долине, где все войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен Графу Паскевичу.

Я нашел Графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего В⟨ольховского⟩,[41] запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и М⟨ихаила⟩ П⟨ущина⟩,[42] раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!

Heu! fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...*[43]

Я воротился к Р⟨аевскому⟩ и ночевал в его палатке. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Р⟨аевский⟩ послал узнать причину тревоги: несколько Татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и Мусульмане (так зовутся Татаре, служащие в нашем войске) их ловили.

На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: „Смотри, брат, держись: как раз картечью хватят". В самом деле, местоположение благоприятствовало засадам; но турки, отвлеченные в другую сторону движением генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря.

Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...**[44]

---

* Увы, о Постум, Постум, быстротечные мчатся годы... (*лат.*).

** ... и армянская земля, друг Вальгий, не круглый год покрыта неподвижным льдом... (*лат.*).

Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Р⟨аевский⟩ послал осведомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с С⟨емичевым⟩ посмотреть новую для меня картину.[45] Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. „Много ли Турков?" — спросил С⟨емичев⟩.[46] — „Свиньем валит, Ваше Благородие", — отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склонении противуположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около пятисот Турков. Казаки отступали медленно; Турки наезжали с большею дерзостию, прицеливались шагах в двадцати и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые доломаны и блестящий убор коней составляли резкую противуположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек пятнадцать наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялися над горою, с высоты высматривая себе добычу. В это время показалась толпа Генералов и Офицеров: Граф Паскевич приехал и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкреплены четырьмя тысячами конницы, скрытой в лощине и в оврагах. С высоты горы открылся нам Турецкий лагерь, отделенный от нас оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проезжая нашим лагерем, я видел наших раненых, из коих человек пять умерло в ту же ночь и на другой день. Вечером навестил я молодого Остен-Сакена,[47] раненного в тот же день в другом сражении.

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы Азиатский шашлык Английским пивом и шампанским, застывшим в снегах Таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке Генерала Раевского собирались Беки Мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы Закавказских наших областей и жители земель, недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на Язидов,[48] слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около трехсот семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество Русского Государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от Язида правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы Язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого Бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за Язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее.

Человек мой явился в лагерь через три дня после меня. Он приехал вместе

с вагенбургом, который в виду неприятеля благополучно соединился с армией. NB: во все время похода ни одна арба из многочисленного нашего обоза не была захвачена неприятелем. Порядок, с каковым обоз следовал за войском, в самом деле удивителен.

17 Июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели Карабахский полк возвращающимся с осмью Турецкими знаменами: Полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за каменными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман Паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись.

18-го Июня лагерь передвинулся на другое место. 19-го, едва пушка разбудила нас, все в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю Божию. Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? подумал я и поехал далее. Я увидел Генерала Муравьева,[49] расставлявшего пушки. Вскоре показались Дели-Баши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками. Между тем густая толпа их пехоты шла по лощине. Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечь хватила в самую середину толпы. Турки повалили в сторону и скрылись за возвышением. Я видел Графа Паскевича, окруженного своим штабом. Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал П⟨ущина⟩ осмотреть овраг. П⟨ущин⟩ поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп. Все засмеялись. Граф велел выставить пушки и палить. Неприятель рассыпался по горе и по лощине. На левом фланге, куда звал меня Бурцов, происходило жаркое дело. Перед нами (противу центра) скакала Турецкая конница. Граф послал против нее Генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татаре наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены Полковником Симоничем.[50]

Сражение утихло; Турки у нас в глазах начали копать землю и таскать каменья, укрепляясь по своему обыкновению. Их оставили в покое. Мы слезли с лошадей и стали обедать чем Бог послал. В это время к Графу привели нескольких пленников. Один из них был жестоко ранен. Их расспросили. Около шестого часу войска опять получили приказ идти на неприятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами и вскоре зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда ⟨сводный⟩ уланский полк[51] переехал бы через меня. Однако Бог вынес. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор. Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Турки бросались в овраги, находящиеся по обеим сторонам дороги; они уже не стреляли; по крайней мере ни одна пуля не просвистала мимо моих ушей. Первые в преследовании были наши Татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повода, от них не отставала;

я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого Турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет осемнадцать; бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею. Я поехал шагом; вскоре нагнал меня Р⟨аевский⟩. Он написал карандашом на клочке бумаги донесение Графу Паскевичу о совершенном поражении неприятеля и поехал далее. Я следовал за ним издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждом шагу. Граф Паскевич повелел не прекращать преследования и сам им управлял. Меня обогнали конные наши отряды; я увидел Полковника Полякова, начальника Казацкой артиллерии, игравшей в тот день важную роль, и с ним вместе прибыл в оставленное селение, где остановился Граф Паскевич, прекративший преследование по причине наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровле подземной сакли перед огнем. К нему приводили пленных. Он их расспрашивал. Тут находились и почти все Начальники. Казаки держали в поводьях их лошадей. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы, речка шумела во мраке. В это время донесли Графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Граф оставил саклю со всею своею свитою. Мы поехали к нашему лагерю, находившемуся уже в 30 верстах от места, где мы ночевали. Дорога полна была конных отрядов. Только успели мы прибыть на место, как вдруг небо осветилось, как будто метеором, и мы услышали глухой взрыв. Сакля, оставленная нами назад тому четверть часа, взорвана была на воздух: в ней находился пороховой запас. Разметанные камни задавили несколько казаков.

Вот все, что в то время успел я увидеть. Вечером я узнал, что в сем сражении разбит Сераскир Арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-Паше с тридцатью тысячами войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках. Граф Паскевич не дал ему время распорядиться.

Глава четвертая

Сражение с Гаки-Пашою. Смерть Татарского Бека. Гермафродит. Пленный Паша. Аракс. Мост пастуха. Гассан-Кале. Горячий источник. Поход к Арзруму. Переговоры. Взятие Арзрума. Турецкие пленники. Дервиш

На другой день в пятом часу лагерь проснулся и получил приказание выступить. Вышед из палатки, встретил я графа Паскевича, вставшего прежде всех. Он увидел меня. „Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?" — „Mais un peu, M-r le Comte". — „J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes".*

* „Вы не устали после вчерашнего?" — „Немножко, г. граф." — „Мне за вас досадно, потому что нам предстоит еще один переход, чтобы нагнать Пашу, а затем придется преследовать неприятеля еще верст тридцать" (*франц.*).

Мы тронулись и к осьми часам пришли на возвышение, с которого лагерь Гаки-Паши виден был как на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всех своих батарей. Между тем в лагере их заметно было большое движение. Усталость и утренний жар заставили многих из нас слезть с лошадей и лечь на свежую траву. Я опутал поводья около руки и сладко заснул, в ожидании приказа идти вперед. Через четверть часа меня разбудили. Все было в движении. С одной стороны колонны шли на Турецкий лагерь; с другой — конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом В⟨ольховский⟩ проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался навстречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил Генерала М⟨уравьева⟩ с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить. Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших Татарских Беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий Бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга. В лощине собрано было человек пятьсот пленных. Несколько раненых Турков подзывали меня знаками, вероятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которую я не мог им подать. Из лесу вышел Турок, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного Турку и насилу привел его, изнеможенного и истекающего кровию, к кучке его товарищей. При них был Полковник А⟨нреп⟩.[52] Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в Турецком лагере. Пленные сидели, спокойно разговаривая между собою. Почти все были молодые люди. Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в пятнадцати нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более осьмидесяти верст.

На другой день войска, преследовавшие неприятеля, получили приказ возвратиться в лагерь. Тут узнали мы, что между пленниками находился гермафродит. Р⟨аевский⟩ по просьбе моей велел его привести. Я увидел высокого, довольно толстого мужика с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. Erat vir, mammosus ut femina, habebat t. non evolutos, p. que parvum et puerilem. Quaerebamus, sit ne exectus? — Deus, respondit castravit me.* Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих Татар и у Турков. *Хоос* есть турецкое название сим мнимым гермафродитам.

Войско наше стояло в Турецком лагере, взятом накануне. Палатка Графа Паскевича стояла близ зеленого шатра Гаки-Паши, взятого в плен нашими

---

* Это был мужчина с женской грудью, зачаточными половыми железами и органом маленьким и детским. Мы спросили его, не был ли он оскоплен. Бог, отвечал он, кастрировал меня (*лат.*).

казаками. Я пошел к нему и нашел его окруженного нашими офицерами. Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока. Важность и глубокое спокойствие изображалось на прекрасном лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофию и чтоб его избавили от вопросов.

Мы стояли в долине. Снежные и лесистые горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли вперед, не встречая нигде неприятеля. Селения были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидели Аракс, быстро текущий в каменистых берегах своих. В пятнадцати верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынником на высоте холма, где доныне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселяне стекаются к ней на поклонение. Мост называется *Чабан-Кэпри* (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него.

В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины Караван-Сарая. Я не нашел в нем никого, кроме больного осла, вероятно брошенного здесь бегущими поселянами.

24 Июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой Князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надеялся отдохнуть; но вышло иначе.

Перед выступлением конницы явились в наш лагерь Армяне, живущие в горах, требуя защиты от Турков, которые три дня тому назад отогнали их скот. Полковник А⟨нреп⟩, хорошо не разобрав, чего они хотят, вообразил, что Турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадроном Уланского полка поскакал в сторону, дав знать Р⟨аевскому⟩, что три тысячи Турков находятся в горах. Р⟨аевский⟩ отправился вслед за ним, дабы подкрепить его в случае опасности. Я почитал себя прикомандированным к Нижегородскому полку и с великою досадою поскакал на освобождение армян. Проехав верст двадцать, въехали мы в деревню и увидели несколько отставших Уланов, которые, спешась, с обнаженными саблями, преследовали нескольких кур. Здесь один из поселян растолковал Р⟨аевскому⟩, что дело шло о трех тысячах волах, три дни тому назад отогнанных Турками и которых весьма легко будет догнать дня через два. Р⟨аевский⟩ приказал уланам прекратить преследование кур и послал полковнику А⟨нрепу⟩ повеление воротиться. Мы поехали обратно и, выбравшись из гор, прибыли под Гассан-Кале. Но таким образом мы дали 40 верст крюку, дабы спасти жизнь нескольким Армянским курицам, что вовсе не казалось мне забавным.

Гассан-Кале почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста Армянских семейств. Лагерь наш стоял в широкой равнине, расстилающейся перед крепостию. Тут посетил я круглое каменное строение, в коем находится горячий железо-серный источник.

Круглый бассейн имеет сажени три в диаметре. Я переплыл его два раза и вдруг, почувствовав головокружение и тошноту, едва имел силу выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востоке, но, не имея порядочных лекарей, жители пользуются ими наобум и, вероятно, без большого успеха.

Под стенами Гассан-Кале течет речка Мурц; берега ее покрыты железны-

ми источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский нарзан, и отзываются медью.

25 Июня, в день рождения Государя Императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен. За обедом у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Граф объявил поход к Арзруму. В пять часов вечера войско уже выступило.

26 Июня мы стали в горах в пяти верстах от Арзрума. Горы эти называются *Ак-даг* (белые горы); они меловые. Белая, язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску. Близость Арзрума и уверенность в окончании похода утешала нас.

Вечером Граф Паскевич ездил осматривать местоположение. Турецкие наездники, целый день кружившиеся перед нашими пикетами, начали по нем стрелять. Граф несколько раз погрозил им нагайкою, не переставая рассуждать с Генералом Муравьевым. На их выстрелы не отвечали.

Между тем в Арзруме происходило большое смятение. Сераскир, прибежавший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном разбитии Русских. Вслед за ним отпущенные пленники доставили жителям воззвание Графа Паскевича. Беглецы уличили Сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении Русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошел мятеж. Несколько Франков были убиты озлобленной чернию.

В лагерь наш (26 утром) явились депутаты от народа и Сераскира; день прошел в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними Генерал Князь Бекович, хорошо знающий Азиатские языки и обычаи.

На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась Турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на Турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят. Я приехал туда с поэтом Ю⟨зефовичем⟩.[53] На оставленной батарее нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в лощине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-Дагу. Несколько их пронеслись над головою Графа Паскевича; „Voyez les Turcs, — сказал он мне, — on ne peut jamais se fier à eux".* В сию минуту прискакал на Топ-Даг Князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что Сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных Арнаутов под предводительством Топчи-Паши овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к Графу, прося позволения заставить молчать Турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец дал повеление, сказав: „Полно им дурачиться". Тотчас подвели пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-пома-

---

* Смотрите, каковы турки... никогда нельзя им доверяться (*франц.*).

лу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 Июня, в годовщину Полтавского сражения, в шесть часов вечера Русское знамя развилось над Арзрумской цитаделию.

Р⟨аевский⟩ поехал в город — я отправился с ним; мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Християн! Християн!.. Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения.

Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество, — лавки были заперты. Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: Сераскир и четверо Пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из Пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим Генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. П⟨ущин⟩ дал мне титул поэта. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через проводника: „Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат Дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются".

Восточное приветствие Паши всем нам очень полюбилось. Я пошел взглянуть на Сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии. Около него была толпа наших офицеров. Выходя из его палатки, увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с мехом (outre) за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой, Дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали.

Глава пятая

Арзрум. Азиатская роскошь. Климат. Кладбище. Сатирические стихи. Сераскирский дворец. Харем турецкого Паши. Чума. Смерть Бурцова. Выезд из Арзрума. Обратный путь. Русский журнал

Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы,[54] поднесены были Персидскому Послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человечьих.

Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до ста тысяч жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится через Арзрум. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор,[55] пишущий, что в Арзруме больной может умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе.

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: Азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: Азиатская бедность, Азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии.

Климат Арзрумский суров. Город выстроен в лощине; возвышающейся над морем на семь тысяч футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодоносна. Она орошена множеством источников и отовсюду пересечена водопроводами. Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые Мусульмане пьют и не нахвалятся. Лес доставляется из Саган-лу.

В Арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, сабель, ржавеющих, вероятно, еще со времен Годфреда. Мечети низки и темны. За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою. Гробницы двух или трех Пашей отличаются бóльшей затейливостию, но в них нет ничего изящного: никакого вкусу, никакой мысли... Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены.

Нововведения, затеваемые Султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу.[56]

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут — и так оставят,
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил.
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух,
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

Я жил в Сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. Целый день бродил я по бесчисленным переходам из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу. Дворец казался разграбленным; Сераскир, предполагая бежать, вывез из него что только мог. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулял я по городу, Турки подзывали меня и показывали мне язык. (Они принимают всякого Франка за лекаря.) Это мне надоело, я готов был отвечать им тем же. Вечера проводил я с умным и любезным С⟨ухоруковым⟩,[57] сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностию и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены.

Дворец Сераскира представлял картину вечно оживленную: там, где угрюмый Паша молчаливо курил посреди своих жен и бесчестных отроков, там его победитель получал донесения о победах своих Генералов, раздавал Пашалыки, разговаривал о новых романах. Мушский Паша[58] приезжал к Графу Паскевичу просить у него места своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турок остановился в одной из комнат, с живостию проговорил несколько слов и впал потом в задумчивость: в этой самой комнате обезглавлен был его отец по повелению Сераскира. Вот впечатления настоящие Восточные! Славный Бей-булат,[59] гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами Черкесских селений, возмутившихся во время последних войн. Они обедали у Графа Паскевича. Бей-булат, мужчина лет тридцати пяти, малорослый и широкоплечий. Он по-Русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду.

Осман-Паша, взятый в плен под Арзрумом и отправленный в Тифлис вместе с Сераскиром, просил Графа Паскевича за безопасность харема, им оставляемого в Арзруме. В первые дни об нем было забыли. Однажды за обедом, разговаривая о тишине Мусульманского города, занятого десятью тысячами войска и в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата, Граф вспомнил о хареме Осман-Паши и приказал г. А⟨брамовичу⟩[60] съездить в дом Паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды. Я просил позволения сопровождать г. А. Мы отправились. Г-н А. взял с собою в переводчики Русского офицера, коего история любопытна. Осмнадцати лет попался он в плен к Персиянам. Его скопили, и он более двадцати лет служил евнухом в хареме одного из сыновей

Шаха. Он рассказывал о своем несчастии, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны.

Мы пришли к дому Османа-Паши; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, — на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для Мусульманского гарема: *тебе подобает связывать и развязывать.* Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец Османа-Паши, пришел от имени жен благодарить Графа Паскевича, — но г. А. сказал наотрез, что он послан к женам Османа-Паши и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны. Едва Персидский пленник успел все это перевести, как старик, в знак негодования, защелкал языком и объявил, что никак не может согласиться на наше требование и что если Паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему старику и всем служителям харема велит отрубить голову. Прислужники, между коими не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но г. А. был неколебим. „Вы боитесь своего Паши, — сказал он им, — а я своего Сераскира и не смею ослушаться его приказаний". — Делать было нечего. Нас повели через сад, где били два тощих фонтана. Мы приблизились к маленькому каменному строению. Старик стал между нами и дверью, осторожно ее отпер, не выпуская из рук задвижки, и мы увидели женщину, с головы до желтых туфель покрытую белой чадрою. Наш переводчик повторил ей вопрос: мы услышали шамкание семидесятилетней старухи; г. А. прервал ее: „Это мать Паши, — сказал он, — а я прислан к женам, приведите одну из них"; все изумились догадке гяуров: старуха ушла и через минуту возвратилась с женщиной, покрытой так же, как и она, — из-под покрывала раздался молодой приятный голосок. Она благодарила Графа за его внимание к бедным вдовам и хвалила обхождение Русских. Г-н А. имел искусство вступить с нею в дальнейший разговор. Я между тем, глядя около себя, увидел вдруг над самой дверью круглое окошко и в этом круглом окошке пять или шесть круглых голов с черными любопытными глазами. Я хотел было сообщить о своем открытии г. А., но головки закивали, замигали, и несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал. Я повиновался и не поделился моею находкою. Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у двери с г. А., была, вероятно, повелительницею харема, сокровищницею сердец — розою любви — по крайней мере, я так воображал.

Наконец г. А. прекратил свои расспросы. Дверь затворилась. Лица в окошке исчезли. Мы осмотрели сад и дом и возвратились очень довольные своим посольством.

Таким образом, видел я харем: это удавалось редкому Европейцу. Вот вам основание для восточного романа.

Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 Июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни! Я проклинал нечистую простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от К⟨оновницына⟩,[61] стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг кто-то ударил меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

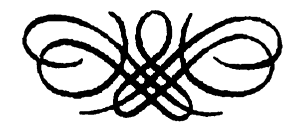
Любопытство однако превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность стать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух Турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город.

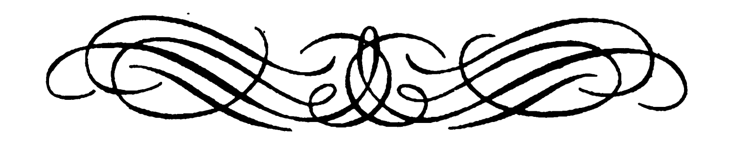
19 Июля, пришед проститься с Графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что Генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась! Граф предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении. В тот же день я оставил Арзрум.

Я ехал обратно в Тифлис по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием пятнадцати тысяч войска, были молчаливы и печальны. Я переехал Саган-лу и едва мог узнать место, где стоял наш лагерь. В Гумрах выдержал я трехдневный карантин. Опять увидел я Безобдал и оставил возвышенные равнины холодной Армении для знойной Грузии. В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен Грузинских. Я отправился далее. Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь,[62] озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками. Бешеная балка также явилась мне во всем своем величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали поток. Множество осетинцев разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконец я выехал из тесного ущелия на раздолье широких равнин Большой Кабарды. Во Владикавказе нашел я Д⟨орохова⟩[63] и П⟨ущина⟩.

Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У П⟨ущина⟩ на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи.[64] Я стал читать ее вслух. П⟨ущин⟩ остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии. Требование П⟨ущина⟩ показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца.

Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве.

ДОПОЛНЕНИЯ

УЧАСТЬ МОЯ РЕШЕНА. Я ЖЕНЮСЬ...

(С французского)

Участь моя решена. Я женюсь...

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — Боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувство⟨м⟩ жизни моей. Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятел⟨ей⟩ говаривал: „Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа".

Жениться! Легко сказать — большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафорк.

Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак — в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии, я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих — а где мне взять его. —

Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя,[1] которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет меня: повеса мой молод, ему не до меня. Я ни с кем не в переписке, долги свои выплачиваю каждый месяц. Утром встаю когда хочу, принимаю кого хочу, вздумаю гулять — мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самовар⟨ом⟩, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо — учитель ее бранит — я шагом еду мимо... Приеду домой — разбираю книги, бумаги — привожу в порядок мой туалетный столик — одеваюсь

небрежно — если еду в гости, со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы; если ж В⟨альтер⟩ Ск⟨отт⟩ и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса — то требую бутылки шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне 17-ть рублей и что могу позволять себе эту шалость. Еду в театр — отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер провожу или в шумном обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и все и где никто меня не замечает, или в любезном избранном кругу, где говорю я про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно; засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять еду верхом — переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепьяно. Она твердит на фортепьяно вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась. — Вот моя холостая жизнь...

Если мне откажут, думал я, поеду в чужие краи, — и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся: морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег — My native land, adieu.[2] Подле меня молодую женщину начинает тошнить — это придает ее бледному лицу выражение томной нежности... Она просит у меня воды — слава Богу, до Кронштадта есть для меня занятие...[3]

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу — вот их дом — вхожу в переднюю — уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце; говорят о моей любви на своем холопском языке!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку — она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Над⟨енька⟩ подала мне хол⟨одную⟩, без⟨ответную⟩ руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Итак, уж это не тайна двух сердец. Это сегодня новость домашняя, завтра — площадная.

Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи[4] при свете луны, продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками.

Все радуются моему счастию, все поздравляют, все полюбили меня. Всякий предлагает мне свои услуги: кто свой дом, кто денег взаймы, кто знакомого бухарца с шалями. Иной беспокоится о многочисленности будущего моего семейства и предлагает мне 12 дюжин перчаток с портретом m-lle Зонтаг.

Молодые люди начинают со мной чиниться — уважают во мне уже неприятеля.[5] Дамы в глаза хвалят мне мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте: „Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой безнравственный...”

Признаюсь, это начинает мне надоедать.[6] Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту. На другой день представлял уже он ее городским сплетницам как свою супругу. У нас приуготовляют к семейственному счастию печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазном всякого рода...

....

ОТРЫВОК

Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кроме права ставить винит⟨ельный⟩ вместо родит⟨ельного⟩ падежа после частицы *не* и кой-каких еще т⟨ак⟩ называемых стих⟨отворческих⟩ вольностей, мы никаких особенных преимуществ за стихотворцами не ведаем) — как бы то ни было, несмотря на всевозможные их преимущества, эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю о их обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности, вошедшей в пословицу, о зависти и клевете братьи, коих они делаются жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон падающих на них, если произведения их не нравятся, — но что, кажется, может сравниться с несчастием для них неизбежимым; разумеем суждения глупцов? Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. — Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотв⟨орца⟩ есть его звание, прозвище, коим он заклеймен и которое никогда его не покидает. — Публика смотрит на него как на свою собственность, считает себя вправе требовать от него отчета в малейшем шаге. По ее мнению, он рожден для ее удовольствия и дышит для того только, чтоб подбирать рифмы. Требуют ли обстоятельства присутствия его в деревне — при возвращении его первый встречный спрашивает его: не привезли ли вы нам чего-нибудь нового? — Явится ль он в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников, — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляет он себя ждать.[1] Задумается ли он о расстроенных своих делах, о предположении семейственном, о болезни милого ему человека, — тотчас уже пошлая улыбка сопровождает пошлое восклицание: верно изволите сочинять. — Влюбится ли он, — красавица его нарочно покупает себе альбом и ждет уже элегии. Приедет ли он к соседу поговорить о деле или просто для развлечения от трудов, — сосед кличет своего сынка и заставляет мальчишку читать стихи *такого-то*, и мальчишка самым жалостным голосом угощает стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще называется торжеством. Каковы же должны быть невзгоды? Не знаю, но последние легче, кажется, переносить. По крайней мере один из моих приятелей, известный стихотворец, признавался, что

сии приветствия, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бесили его, что поминутно принужден он был удерживаться от какой-нибудь грубости и твердить себе, что эти добрые люди не имели, вероятно, намерения вывести его из терпения — —

Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек, хотя и стихотворец. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), то он запирался в своей комнате и писал в постеле с утра до позднего вечера, одевался наскоро, чтоб пообедать в ресторации, выезжал часа на три, возвратившись, опять ложился в постелю и писал до петухов. Это продолжалось у него недели 2, 3 — много месяц и случалось единожды в год, всегда осенью. Приятель мой уверял меня, что он только тогда и знал истинное счастие. Остальное время года он гулял, читая мало и не сочинял ничего, и слыша поминутно неизбежимый вопрос: скоро ли вы нас подарите новым произведением пера вашего? Долго дожидалась бы почтеннейшая публика подарков от моего приятеля, если б книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имея поминутно нужду в деньгах, приятель мой печатал свои сочинения и имел удовольствие потом читать о них печатные суждения (см. выше), что называл он в своем энергическом просторечии — подслушивать у кабака, что говорят об нас холопья.

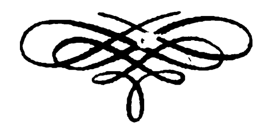
Приятель мой происходил от одного из древнейших дворянских наших родов, чем и тщеславился со всевозможным добродушием. Он столько же дорожил 3⟨мя⟩ строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер 3⟨мя⟩ звездами двоюродного своего дяди. Будучи беден, как и почти все наше старинное дворянство, он, подымая нос, уверял, что никогда не женится или возьмет за себя Княжну Рюриковой крови, именно одну из Княжен Елецких,[2] коих отцы и братья, как известно, ныне пашут сами и, встречаясь друг со другом на своих бороздах, отряхают сохи и говорят: „Бог помочь, Князь Антип [Кузьмич], а сколько твое Княжое здоровье[3] сегодня напахало?" — „Спасибо, Князь Ерема Авдеевич..." — Кроме сей маленькой слабости, которую, впрочем, относим мы к желанию подражать Лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворения, приятель мой был un homme tout rond, человек совершенно круглый, как говорят французы, homo quadratus, человек четвероугольный, по выражению латинскому, — по-нашему очень хороший человек.—

Он не любил общества своей братьи литераторов, кроме весьма, весьма немногих. Он находил в них слишком много притязаний у одних на колкость ума, у других на пылкость воображения, у третьих на чувствительность, у 4⟨ых⟩ на меланхолию, на разочарованность, на глубокомыслие, на филантропию, на мизантропию, иронию и проч., и проч. Иные казались ему скучными по своей глупости, другие несносными по своему тону, третьи гадкими по своей подлости, четвертые опасными по своему двойному ремеслу, — вообще слишком самолюбивыми и занятыми исключительно собою да своими сочинениями. — Он предпочитал им общество женщин и светских людей, которые, видя его ежедневно, переставали с ним чиниться и избавляли его от разговоров об литературе и от известного вопроса: Не написали ли вы чего-нибудь новенького?

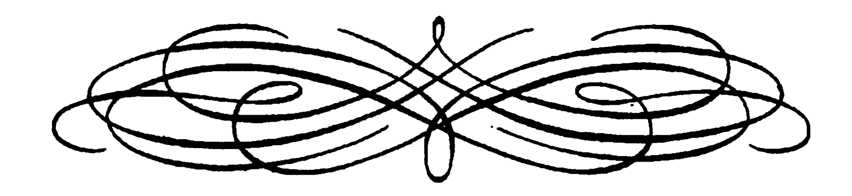
Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых,

потому, что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться, — во-вторых, что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него.

Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной. — Мы не хотели его уничтожить...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Я. Л. Левкович

ПУШКИН-МЕМУАРИСТ

В литературе о Пушкине иногда высказывалось сожаление, что он „нигде не сформулировал своих взглядов на задачи мемуариста".[1] Однако в письмах, статьях, высказываниях Пушкина этому вопросу отведено определенное место.

Исследуя отношение Пушкина к мемуарной литературе, нельзя пройти мимо его известного суждения о „Записках Байрона" в письме к Вяземскому из Михайловского: „Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо, — а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его Лалла-Рук в его поэтическом отношении. Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc. потому, что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он мал и мерзок — не так, как вы — иначе". И дальше — о самом себе (в это время, т. е. в ноябре 1825 г., Пушкин писал свои мемуары): „Писать свои Mèmoires заманчиво и приятно. Никого так не знаешь, никого так не любишь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью, — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать — braver — суд людей не трудно; презирать [самого себя] суд собственный

[1] См. вступительную статью С. Я. Гессена в кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1936. С. 7.

невозможно" (вторая половина ноября 1825 г.).[2] Это письмо толкуется исследователями как осуждение интимных мемуаров, „вводящих читателя за кулисы личной жизни автора".[3] Пафос его отчасти вызван проблематикой, которая впервые возникла в связи с „Исповедью" („Confessions") Руссо, — возможно ли и нужно ли для мемуариста быть совершенно искренним.

Через пять лет после письма к Вяземскому в „Путешествии в Арзрум" Пушкин пишет строки, на первый взгляд противоположные этому письму: „Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и не любопытны..." (YIII, 462).

Как же согласуются эти два, казалось бы, противоположных мнения? Ю. Айхенвальд видел в них противоречие между „теоретическим убеждением" Пушкина и потребностью „голоса дружбы и человечности".[4] Теоретическое убеждение Пушкина, по его мнению, состояло в том, что „читатель должен навещать писателя только в его кабинете, т. е. в его писаниях, а не проникать любопытствующими глазами в его частную жизнь".

Существует еще одно высказывание Пушкина, относящееся к 1830 г. Это его слова из „Опровержения на критики": „Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты и тому под. Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics) к одному из главнейших условий высоко образованных обществ ⟨...⟩. Таким образом, дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности" (XI, 162—163).

Это высказывание может служить ключом при решении проблемы понимания Пушкиным цели мемуарной литературы. Мысль о том, что читателю или критику — „дело до ⟨...⟩ книги и только", т. е. до творчества писателя, кажется Пушкину поверхностной.

Читательский интерес к личности писателя, к его „домашней" жизни Пушкин связывает с общественным значением „дружины ученых и писателей", и поэтому приметы общественного положения („старинный ли я дворянин или из разночинцев"), общественного поведения („ползаю ли в ногах сильных или даже с ними не кланяюсь") писателя и черты морально-этические („добр ли я или зол") он выдвигает на первый план.

Другое требование Пушкина к мемуарной литературе связано с его тя-

---

[2] *Пушкин А. С.* Поли. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949. Т. XIII. С. 243—244 (далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома — римской цифрой, страницы — арабской).

[3] *Гессен С.Я.* С. 8.

[4] *Айхенвальд Ю.* Пушкин. 2-е изд. М., 1916. С. 43—44.

готением к историографическим занятиям, с его историческими интересами.

В записках современников Пушкин видел документальную, фактическую основу для будущих исторических исследований. Как свидетель своей эпохи он сознавал долг своих современников и свой фиксировать „впечатления бытия". „Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться", — говорил он А. Н. Вульфу.[5] Еще в начале своей литературной деятельности Пушкин понимал значение деталей для воссоздания исторического процесса и картин жизни. П. В. Анненков передает рассказ Ф. Ф. Матюшкина о советах, „как вести журнал путешествия", которые он получил от Пушкина „при первом своем отправлении вокруг света": „Он рассказывал нам, что Пушкин долго изъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы".[6] В 1833 г., отправляясь в поездку по пугачевским местам, Пушкин ищет свидетелей „пугачевщины" — он считал равноценными и воспоминания о Державине, который „из поэтического любопытства" (IX, 498) повесил несколько „бунтовщиков", и рассказы очевидцев-крестьян.[7] Мемуарист, по его мнению, должен излагать обстоятельства и „подробности жизни", т. е. фактический материал, стараясь избегать мнений и оценок („излишнего разбора впечатлений").

Теоретические высказывания Пушкина подтверждаются его практическим опытом — тем путем, которым он шел в работе над автобиографической прозой. Во всех фрагментах автобиографических записей Пушкина его личная жизнь отступает перед описанием современных общественных, политических и литературных событий. Однако здесь следует различать дневниковые записи и писавшиеся позднее с использованием этих записей мемуары, или Записки.

К сожалению, Записки поэта в своем целостном виде до нас не дошли. В 1834 г., приступая в очередной раз к работе над Записками, Пушкин писал: „Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв".

Первый дневник Пушкин начал вести в Лицее. От лицейского дневника сохранилось семь вырванных из тетради листов, на которых записи идут подряд, с 28 ноября по 17 декабря 1815 г. Первая запись, сделанная до 28 ноября, начинается с анекдота о Денисе Давыдове и Бенигсене. Этот анекдот в 1835 г. Пушкин с уточнениями перепишет для „Table talk". Вслед за

---

[5] *Вульф А. Н.* Из „Дневника" // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 416.

[6] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин. Соч. СПб., 1855. Т. 1. С. 165.

[7] См.: *Овчинников Р. В.* Над „пугачевскими" страницами Пушкина. М., 1981.

анекдотом в дневнике фраза: „Жуковский дарит мне свои стихотворения", а за ней начинаются уже датированные записи.

В дневнике шестнадцатилетнего поэта отмечаются не только события, но и переживания. Однако уже в этом юношеском дневнике интимные переживания уступают литературным интересам Пушкина. Его дневник включает первую известную нам критическую заметку — памфлетную характеристику заядлого врага „Арзамаса" князя Шаховского, самый ранний отрывок художественной прозы — портрет лицейского гувернера Иконникова и первый записанный Пушкиным исторический анекдот. Главным предметом ежедневных записок юного поэта, по его собственному признанию, является творчество — творческие планы и записи о написанном.

Кишиневские дневниковые записи дошли до нас на двух листочках, вырванных из тетради № 832. На сохранившихся листах записи идут подряд, со 2 апреля до 6 июня 1821 г. Дневниковые записи могли перебиваться черновиками писем или творческими заготовками (об этом можно судить по аналогии с сохранившимся кавказским дневником — см. ниже), но в основном начальные записи были, по-видимому, дневником, который велся без перерывов. Листы эти, по-видимому, случайно уцелели, когда в 1826 г. Пушкин чистил свой архив после декабрьского восстания.

Когда Пушкин начал вести дневник в Кишиневе, мы не знаем,[8] но бросил он свои „ежедневные записки" не позже 18 июля. В тот день он узнал о смерти Наполеона и сразу же записал эту новость, однако сделана эта запись не в подневном ряду, а на л. 45 тетради № 831. Это может служить свидетельством, что с дневником Пушкин уже расстался. Отдельные записи, как и запись о смерти Наполеона, время от времени могли появляться на разных листах его тетрадей, но уже без строгого порядка. В это время Пушкин работает над Записками. Возникший в Кишиневе замысел Записок, очевидно, и отодвинул подневные записи. Записки предполагают описание прошлых лет и сегодняшних событий укрупненно, без скрупулезных сведений о ежедневных происшествиях.

Прекращение дневника в середине 1821 г. можно считать признаком того, что в это время Пушкин намеревался закончить Записки кишиневским изгнанием.

Кишиневский дневник заполнен литературными новостями, значительными общественными событиями, отмечает близость к ним Пушкина. Это освободительная борьба греков, связь Пушкина с „гетеристами" и его отношение к „Этерии", общение с Пестелем, впечатление от стихов Вяземского, Баратынского. Записи ведутся предельно скупо и, как правило, фиксируют события, а не эмоции. Исключение — позднейшая, 1827 г., запись — взволнованный рассказ о случайной встрече с арестованным Кюхельбекером.

---

[8] С. А. Фомичев, давая описание тетради № 832, полагает, что Пушкин начал вести дневник в марте 1821 г., после возвращения из Каменки. (См.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832: Из текстологических наблюдений // П. Исслед. и мат. Л., 1986. Т. 12. С. 231). Число листов, вырванных подряд перед сохранившейся частью дневника, позволяет предположить, что Пушкин завел его раньше.

С 1821 г. подбор записей в дневниках определен не случаем, сохранившим для нас свидетельства общественной жизни поэта и уничтожившим записи о его интимных переживаниях. „Ежедневные записки" теперь служили материалом для другого труда — воспоминаний, и естественно, что первая стадия отсева фактов для этого труда проходила уже в дневниках.

Вновь Пушкин принимается за дневник в 1829 г., во время поездки в действующую армию, куда он отправился для встречи с друзьями юности и для того, чтобы быть наблюдателем важных для России событий. На основе этих записей (с привлечением книжных источников) в 1835 г. было написано „Путешествие в Арзрум". На примере „Путешествия в Арзрум" мы видим, как в горниле творчества дневники поэта перерабатывались бы в его задуманные, но так и не осуществленные Записки.

В следующий раз он обращается к дневнику в кризисный и тягостный для России год — 1831, когда разразились холерные бунты и началось восстание в Польше. Эти записи представляют большой исторический интерес. Подробности „бунта в Новгородской колонии" изложены здесь с тем же пристальным вниманием к фактам, которое через два года проявится в „Истории Пугачева". Описание расправы „мятежников" с офицерами и докторами предваряют страшные и выразительные картины, изображенные в историческом труде Пушкина.

К дневникам можно отнести и записанный рассказ бывшего секретаря испанского посольства в Париже Паэса о 18 брюмера (18 брюмера, или 9 ноября 1799 г., — день, когда Наполеон совершил государственный переворот). В конце рассказа Паэса Пушкин сообщает, когда, при каких обстоятельствах он его слышал: „10 августа 1832. Вчера испанский посланник Паэс сообщил мне эти подробности на обеде у графа И. Пушкина" (XII, 204). Разговор велся на французском языке, и, стремясь к возможной точности в передаче важного исторического события, услышанного от одного из его участников, Пушкин воспользовался этим языком и для своей записи. Приписка в конце оформляет запись как дневниковую.

Высокая требовательность мемуариста, понимающего историографическое значение своего труда, высказанная в теоретических суждениях Пушкина, отразилась в его дневниках. В этом убеждают записи 1831 г., запись о 18 брюмера, сделанная в 1832 г., и особенно последний дневник Пушкина, который представляет собой уже не отрывочные записи, а тетрадь, начатую в ноябре 1833 г. и оконченную в феврале 1835 г.

По своему содержанию — это дневник свидетеля и участника общественной жизни страны. Текущая придворная жизнь Петербурга, новости государственного управления, вопиющие факты, характеризующие современный общественный строй, минувшие исторические события перемежаются в нем историческими анекдотами и личными заметками.

Ошибкой было бы утверждать, что в мемуарах Пушкин не собирался писать о своих душевных волнениях, раскрывать эпизоды своей внутренней жизни. Судя по „программам" Записок, составленным в 1833 г., психологические моменты относятся только к детству поэта: их нет в той части, которая касается Лицея и кишиневской жизни.

Переживаниям детства, оказавшим влияние на формирование его ду-

шевного склада, Пушкин придавал особое значение.[9] Вопрос о том, как собирался он писать о своей домашней жизни, о „себе самом" подсказывает начатая им в 1835 г. биография Байрона. В основу ее положены материалы записок Байрона, которые вышли в 1830 г. в обработке Томаса Мура[10] (подлинник Мур уничтожил, не желая делать достоянием толпы исповедь поэта). Пользуясь материалами, сохраненными Муром, Пушкин отбирает в них моменты, свойственные и его жизни, и задуманным мемуарам. Если бы Пушкин, прежде чем приняться за биографию английского поэта, набросал ее план, то там нашлись бы пункты, соответствующие его собственным Запискам („Началу автобиографии" и дошедшим до нас их „программам"). Это и родословная Байрона, и домашняя обстановка, в которой воспитывался поэт, и такие пункты, как „первые неприятности", „ранняя любовь", „нестерпимое состояние". За эпизодами жизни Байрона часто угадывается исповедь русского поэта. В заключительной части очерка Пушкин выделяет наследственные черты характера Байрона, которые вполне соотносятся с его собственными. Выражаясь современным языком, мы видим один и тот же генотип: „Мур справедливо замечает, — пишет Пушкин, — что в характере Б⟨айрона⟩ ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны, смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой — необузданные страсти, причуды, дерзкое презрение к общему мнению" (XI, 278).

Биографию Байрона Пушкин начинает с родословной: „Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от нормандца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честию упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году". Завершается экскурс в историю рода характерным для Пушкина признанием: „Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молвы".

Пушкин пишет как будто о самом себе.

Его род — также один из самых старинных в русской аристократии, также ведет свое происхождение от иностранца, но не нормандского, а прусского выходца, его имя также „с честью" упоминается в летописях. „Мы ведем свой

---

[9] Поэтому не совсем прав Ю. М. Лотман, который считает, что „когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей, — детство он вычеркнул из своей жизни. Он был человек без детства" (*Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин: Биография писателя. Л., 1981. С. 132).

[10] Mémoires de Lord Byron / Publiés par Thomas Moor; Traduits de l'Anglais par M-me Louise; Sw.-Belloc. Paris, 1830 (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 696). Н. К. Мясоедова показала, что кроме книги Т. Мура Пушкин пользовался биографией Байрона, написанной Джоном Гэлтом (John Galt, 1779—1839) и приложенной к книге „The complete works of Lord Byron, from the last London Edition. Now first collected and arranged, and illustrated. With notes by Sir Walter Scott, Frensis Geffrey, professor Wilson... etc." (Paris, 1835). См.: *Мясоедова Н. К.* Об источниках статьи Пушкина о Байроне // Временник ПК. 1981. Л., 1985. С. 184—193.

род от прусского выходца *Радши*, или *Рачи (мужа честна*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского" (XII, 311), — так начинает свою „биографию" Пушкин.[11] Он гордился своим шестисотлетним дворянством, и ему „весьма понятно", что Байрон „своею родословною дорожил более, чем своими творениями" (XII, 275).

В сочувствии Байрону, творчество которого в это время для Пушкина было уже пройденным этапом, угадывается авторское волнение. Первый русский поэт также не может найти понимания себе, шестисотлетнему дворянину, оказавшемуся в неловком, не совместимом с его талантом и общественной значимостью положении камер-юнкера. Слава, им приобретенная, оборачивается для него, как и для Байрона, „мелочными оскорблениями" в журналах, и имя его также предается „позорной молве".

Гордясь своим происхождением, Пушкин одновременно подчеркивает „бескорыстный" характер своего уважения „к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства...".

Продолжая биографию английского поэта, Пушкин пишет о семейных условиях, формировавших его характер: „Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь" (XI, 278). И здесь опять проявляется личный жизненный опыт Пушкина. В „пылкой" и „безрассудной" мистрис Байрон угадываются черты Надежды Осиповны.

О доме Пушкиных писал М. А. Корф, лицейский сокурсник Пушкина, потом преуспевающий чиновник: „Мать поэта, урожденная Ганнибал, женщина не глупая и не дурная, имела, однако же, множество странностей, между которыми вспыльчивость, вечная рассеянность и особенно дурное хозяйничание стояли на первом плане. Дом их был всегда наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой — пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, с баснословной неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана".[12]

Картина, нарисованная Корфом, неприглядна. Она вполне вписывается в недоброжелательные, даже злобные его воспоминания о Пушкине. Корф пытается всячески унизить Пушкина как человека, показать, что если он и был высок в своем творчестве, то в жизни был низок и ничтожен. Но его воспоминания — одно из немногих свидетельств о домашней жизни поэта. И в этой своей части, очевидно, источник достоверный.

Собирался ли рисовать бытовую картину родительского дома в своих воспоминаниях Пушкин? На этот вопрос он ответил все в том же очерке о Байроне: „Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унизительными". В

---

[11] О предках Пушкина по отцовской линии см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 8—13.

[12] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 118.

программе Записок Пушкина семья его выглядит вполне благополучной. Гвардейское прошлое отца и дяди свидетельствует об их принадлежности к привилегированным слоям дворянства, а „литературные знакомства" — о духовной атмосфере в доме Пушкиных. „Бедность матери" уравновешивается внешним благополучием потомка Рачи С. Л. Пушкина.

„Домашние обстоятельства" жизни ребенка и юноши Пушкина в рассказе Корфа также выглядят „унизительными", но следов этих обстоятельств в „программах" Записок мы не находим.

Особое внимание обращает Пушкин на переживания Байрона, связанные с „первыми неприятностями" и „ранней любовью". „Первые неприятности" — врожденная хромота английского поэта. „Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбранила его хромым мальчишкою", — пишет Пушкин. И дальше: „Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства". И здесь угадывается психологический автопортрет Пушкина. В раннем детстве он также отличался от своих сверстников. Сестра поэта вспоминает, что он был тучен и молчалив и „своею неповоротливостью приводил иногда мать в отчаяние".[13] Ребяческая ущемленность привела к тому, что в Лицее „все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. В этом даже участвовало его самолюбие — бывали столкновения, очень неловкие", — так вспоминает о лицейских годах поэта И. И. Пущин.[14]

„Ранняя любовь" стоит в программе Записок непосредственно перед пунктом „Рождение Льва". Л. С. Пушкин родился в апреле 1805 г., когда поэту шел седьмой год. Именно в семилетнем возрасте и Байрон пережил первую влюбленность. Воспоминание о ней тревожило его и через много лет. Пушкин в своей статье приводит длинную выписку из дневника Байрона о его детской любви.

Воспоминание Байрона о детской влюбленности, очевидно, поразило Пушкина адекватностью ситуации и чувства, им самим испытанных. Возможно, благодаря этим страницам дневника Байрона в плане биографии и появился пункт „Ранняя любовь". Любопытно, что Лермонтов, изучая биографию Байрона (тоже по Муру и тоже в 1830 г.!), не только, подобно Пушкину, проецирует ее на свою, но и в тех же самых пунктах.[15] Мы сталкиваемся с типологией чтения и моделирования собственной биографии, хотя и разными людьми и с разными установками. Лермонтов в это время еще весь во власти байронизма, а для Пушкина — увлечение Байроном в давнем прошлом.

Последняя запись об интимной жизни — „Возня с его Ан. Ник.". Анна Николаевна Ворожейкина — гражданская жена В. Л. Пушкина. Значение этой записи раскрывают мемуары И. И. Пущина. Он вспоминает о „ранновременных шутках" и „некоторой свободе обращения с этой милой девушкой".[16] Эти

---

[13] Там же. С.44.

[14] Там же.

[15] См.: *Глассе А.* Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 91—101.

[16] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 74.

„рановременные шутки”, или первые признаки возмужалости, Пушкин также считал значительным фактом своей жизни.

После этого эпизода мы видим в плане только внешние события и приметы жизни. Свое внутреннее „я” Пушкин, по-видимому, не думал раскрывать в Записках. Об этом свидетельствует и гневная тирада о записках Байрона в письме к Вяземскому.

Что мог знать Пушкин о записках английского поэта в ноябре 1824 г., когда писалось это письмо? Байрон работал над ними в 1818—1820 гг., а затем передал их своему другу, писателю Томасу Муру, с правом распоряжаться ими по своему усмотрению.

Записки были сожжены Муром, но некий капитан Медвин издал свои беседы с Байроном.[17] „Разговоры Байрона” были у Пушкина в Михайловском. Медвин приводит несколько высказываний Байрона о своих записках, так что Пушкин имел о них представление со слов самого Байрона. В одной из бесед Байрон говорил: „Жаль, что у меня нет списка моих записок; я отдал их Муру: или лучше, его мальчику, в Венеции. Я помню, что сказал ему: «Вот тебе, друг мой, две тысячи фунтов стерлингов. Но положим условием, чтобы они были изданы после моей смерти».

Впрочем, я не забочусь об их известности. Многие из моих друзей и друзей Мура читали их: они были доставлены к леди Бургерт. Возвращая их Муру, она сказала, что списала с начала до конца. Это уж было слишком, и Мур дал ей почувствовать, что не худо было бы сжечь список: она кинула его в огонь в присутствии Мура. Дуглас Конрад советовал мне взять назад рукопись, стращая, что с нее могут напечатать список неверный или даже точный. Но мне совершенно равно: пусть свет узнает содержание этих записок. В них есть приключения моей юности; но мало анекдотов, которые могли бы огорчить других. Это воспоминания о моей юности, даже о моем детстве, представленные без порядка, слогом простым и необработанным. Вторая часть послужит назидательным уроком для молодых людей; в ней описана моя беспорядочная жизнь и горькие последствия от развлечений. Почти все может быть прочитано женщинами, и я уверен, что они будут меня читать...”.

„В другой раз, — пишет Медвин, — он мне сказал: «В записках есть верное описание моего супружества с Леди Байрон, и нашего развода. Когда записки были кончены, я предлагал Леди Байрон рассмотреть их и показать мне или даже поправить неверности и упущения, там находящиеся. Она не приняла предложения и просила, пользою дочери, если материнская мне казалась недостаточною, не печатать записок. Письмо оканчивалось угрозою. Ответ

---

[17] Речь идет о „Разговорах Байрона”, впервые изданных в 1824 г. в Париже под заглавием „Jornal of the conversations of Lord Byron”; тогда же появились два французских издания, из которых одно называлось „Conversations de Lord Byron ou mémorial d'un séjour à Pisa auprès de Lord Byron, contenant de anecdotes curieuses sur le noble Lord”. В 1825 г. двухтомное издание „Разговоров Байрона” вышло в Лондоне: „Conversations of Lord Byron: noted during a residence with his lordship at Pisa in the years 1821 and 1822. By Thomas Medvin... A new adition”. Последнее издание сохранилось в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. № 1149) — очевидно, именно это издание после настойчивых просьб поэта и прислал Л. С. Пушкин в Михайловское. В 1835 г. появился и русский перевод „Разговоров Байрона”: *Капитан Медвин.* Записки о Лорде Байроне. СПб., 1835. Ч. 1—2. О Медвине см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XYIII—первая половина XIX в.). М., 1982. С. 459.

мой был чрезвычайно строг; я приводил в нем два места, одно из Шекспира, другое из Данте. Я писал, что она знает, что все, написанное мною, — правда и что ей не хотелось подтвердить этой правды. При конце я уверял ее, что записки будут напечатаны. Переписка эта происходила прежде, нежели я отдал рукопись Муру»".[18]

И еще одно упоминание о записках Байрона в книге Медвина: „Я был праздношатающийся Бонд Стрида, великий человек за кулисами, в кофейных, в игорных домах. Утро я убивал в визитах, в завтраках; таскался на кулачных бойцов, пил. Если б я знал вас раньше, едва ли были бы вы живы. Я помню, что мы, я, Девис и Г . . . . ., составили общую казну из девятнадцати фунтов стерлингов; тут было все наше богатство; мы проиграли его за карточным столом, потом мы начали пить, и, наконец, Девис и Г . . . . . поссорились. Скруп просил у меня пистолетов, хотел застрелиться. Я не исполнил его просьбы, и он остался жив.

Не думайте, чтоб эти беспорядки мне нравились; пагубные следствия их описаны в моих записках. Неограниченный господин самого себя в то время, когда мне наиболее нужен был путеводитель, преданный власти страстей в самую сильную минуту их буйности, с расстроенным состоянием до моего управления, с здоровьем, расстроенным от преждевременной невоздержанности, я пустился путешествовать в 1809 году; тогда я уже был полон унылого равнодушия к свету, который открывался передо мною во всей своей полноте".[19]

Итак, Байрон непременно хотел, чтобы записки его были напечатаны. Пушкин был рад, что это намерение не осуществилось. По книге Медвина, которому Байрон рассказывал эпизоды своей жизни, можно судить, что имел в виду Пушкин, когда писал о толпе, жадно читающей исповеди и жаждущей увидеть великого человека „на судне". В приведенных отрывках о записках Байрона угадываются и „унижение высокого", и „слабости могущего", о которых Пушкин писал Вяземскому. Для романтика Байрона характерна потребность в исповеди. Историю своей души (от пресыщенности к равнодушию) он стремится довести до сведения современников и потомков. Записки он дает читать друзьям и женщинам, завещает Муру их публикацию, предельно откровенен в своих беседах с Медвином. С подробностями раскрывает свои любовные увлечения и скандальную историю развода с женой.

В „Разговорах Байрона" Пушкин мог видеть много общего со своей петербургской послелицейской жизнью — это и дуэли, и любовь к театру, и страсть к карточной игре, и минутные увлечения. Сходство между своим петербургским образом жизни и жизнью Байрона, очевидно, настолько поразило поэта, что в Михайловском, готовя к печати свой сборник стихотворений, он к элегии „Погасло дневное светило", написанной еще в 1820 г., добавляет помету: „Подражание Байрону". В элегии Пушкин вспоминает недавнее прошлое и „прежних лет безумную любовь", и „пламя страстей", и отцветшую „в бурях" свою „потерянную младость", и „порочные заблуждения", и „наперсниц" этих заблуждений, „которым без любви" он „жертвовал собой". Но в отличие

---

[18] *Капитан Медвин.* Записки о Лорде Байроне. Ч. 1. С. 37—40.
[19] Там же. С. 81—83.

от Байрона в его элегии не исповедь, а сознание необходимости пересмотра жизненного пути.[20] Поэт хочет отрешиться от петербургских страстей, стремится к очищению. И в более поздних стихах („Воспоминание", „Вновь я посетил...") петербургские страсти вспоминаются с осуждением.

Позднее Пушкин запишет в альбом Е. Н. Ушаковой свой „дон-жуанский список", где назовет имена женщин, которые были предметами его увлечений. Список носит шуточный характер, в нем упоминаются только имена „цариц" его сердца (Пушкин и „нумерует" их как цариц: „Екатерина I", „Екатерина II"), но не называет фамилии. Для современников они были, вероятно, более скрыты, чем для дотошных биографов.

Байрон о своих похождениях с девицами и дамами рассказывает, не избегая деталей. Романтическая исповедальность претила Пушкину. Писать о „пламени страстей", „порочных заблуждениях" и о „наперсницах" этих заблуждений было для Пушкина „невозможностью физической". Личные переживания вплетались в ткань поэтических произведений — в автобиографии поэта они могли появляться только со строгим отбором.

Эмоции Пушкина находили выход и в прозе, однако проза эта была не мемуарной, а беллетристической. В этом смысле характерны два наброска — „Участь моя решена..." и „Отрывок" („Несмотря на великие преимущества..."). Первый открывает нам эпизод жизни поэта, его раздумья накануне женитьбы, и одновременно его можно рассматривать как беллетристический этюд, опыт анатомии состояния человека в переломный момент его жизни. Второй можно сопоставить со стихотворением „Поэт". Здесь образ поэта также дан в двух ипостасях — в обыденной, повседневной жизни и в часы творчества. Оба прозаических наброска являются образцами психологической прозы Пушкина — их автобиографичность завуалирована в одном случае подзаголовком „С французского", в другом — ссылкой на рассказ о некоем „приятеле" автора. Пушкин остался верен своему credo, высказанному в письме к Вяземскому. Так же, как Байрон, он „исповедовался в своих стихах" (добавим: и в художественной прозе), увлеченный „восторгом поэзии"; „исповедоваться" перед „толпой" в Записках он не хотел.

Показательны расхождения между лицейским дневником и предполагаемым описанием лицейской жизни в программе Записок. Дневник заполнен любовными переживаниями юного поэта. В планах Записок нет ни Бакуниной, ни крепостной актрисы театра В. В. Толстого Натальи, которой также был увлечен Пушкин. Следы увлечения „Наташей" остались только в стихах и в его „Дон-Жуанском списке". Жизнь сердца, которая так наглядно выражена в дневнике, из программы Записок поэта изъята.

Позднее Пушкин напишет, что в его Записках будут собраны „лица, достойные замечания" (наст. изд., с. 58). В программе перед нами проходит галерея таких лиц, как А. И. Тургенев, В. Л. Пушкин, И. И. Дмитриев, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов, Александр I, В. Ф. Малиновский, А. П. Куницын, Аракчеев, императрица Елизавета Алексеевна, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, М. Ф. Орлов, А. К. Ипсиланти, И. П. Липранди и др.

Записки несомненно включали бы рассказ о первых опытах стихотвор-

[20] См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 388—389.

ства. „Стихи etc." — читаем в программе. Стихи формировали сознание Пушкина. В Лицее он ощутил себя поэтом, был признан поэтом и считает необходимым ввести в Записки начальную точку отсчета своего поэтического творчества. Но зрелый Пушкин несколько иронично и снисходительно относится к своим первым успехам на этом поприще, и рядом с пунктом „Стихи etc." он записывает: „Отношение к товарищам. Мое тщеславие".

В программе Записок особенно выделяется пробуждение общественного сознания лицеистов. Пушкин подробно собирался писать об открытии Лицея, о речи Куницына в знаменательный день 19 октября 1811 г., когда тот провозгласил идею общественного служения как жизненное призвание лицеистов. Рядом с Куницыным другое имя — „Всей России притеснитель" Аракчеев. 2 апреля 1834 г. в дневнике Пушкин запишет свою реплику в разговоре со Сперанским: „Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: «Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага»". Куницына с его выступлением на открытии Лицея можно назвать выразителем идей Сперанского. „Лица, достойные замечания", появляются в программе в порядке знакомства Пушкина с ними, В Записках эти первые впечатления могли быть развернуты в объемные характеристики.

Если бы Пушкин успел осуществить свой замысел, его жизнь проходила бы на фоне больших общественных событий эпохи. Залогом этого являются такие пункты программы, как „Смерть Екатерины", „Лицей", „Мартинизм", „1812 год", „Ипсиланти", „Каменка", „Греческая революция". Для реализации отдельных пунктов пушкинского плана у него были заготовки. Автобиографические наброски (об Александре I, о мартинизме) находим в поздней статье „Александр Радищев". Поездка в Крым описывается в письме к брату от 24 сентября 1820 г. Для того чтобы писать о Греческой революции, Пушкин загодя собирал рассказы очевидцев. Таковы его „Note sur la révolution d'Ipsylanty", „Note sur Penda-Deka".

Наше знание биографии Пушкина, воспоминания современников помогают нам догадываться, как развивалась бы фабула Записок поэта.

Психологическим стимулом для начала работы над Записками была перемена образа жизни. Рассеянная петербургская жизнь кончилась. Был пройден новый возрастной барьер („старость нашей молодости" — как шутливо назвал его Пушкин в письме к Дельвигу. — XIII, 26). Ссылка утвердила отношение к своей судьбе как событию историческому. Перед отъездом из Петербурга Пушкин писал Вяземскому: „...с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц С⟨анкт⟩ Петербурга, я глупею и старею, не неделями, а часами" (XIII, 15). Это признание соответствовало утвердившемуся общественному самосознанию поэта. В общественной ситуации преддекабрьской поры его судьба приобретала всеобщий интерес и значение. Он был свидетелем, участником исторических событий (стихами и поступками), наконец, их жертвой. В перечне „исторических лиц", которые должны были стать героями его Записок, значительным лицом был и он сам.

С какого момента жизни Пушкин начал свои Записки в первом приступе?

В приведенной выше цитате особое внимание обращают слова: „В 1821 году начал я свою биографию" и „В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки". Можно ли доверять словам самого Пушкина, подтверждаются ли названные им даты известными фактами?

Первое упоминание о „воспоминаниях" содержится в письме от 23 марта 1821 г. к Дельвигу: „...скажу тебе, что у меня в голове бродят еще две поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать скоро новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями?" (XIII, 26). Слово „перевариваю" показывает, что Записки были уже в процессе создания.

Письмо к Дельвигу совпадает с признанием, сделанным в 1834 г. У нас нет оснований не верить поэту — работа над Записками была начата в 1821 г. Но как сочетается это с его словами в письме к Дельвигу „теперь ничего не пишу"? Друзья знали Пушкина-поэта и естественно ждали от него новых стихов и поэм. Но поэт ничего этого не писал, а был занят новым замыслом, который еще не до конца обдумал.

Прежде всего для Записок нужны были заготовки. Такими заготовками могли и должны были быть дневники и письма. Вспомним, что в 1833 г. Плетнев жаловался Жуковскому: „Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену по балам".[21] В 1833 г. Пушкин в очередной раз вернулся к замыслу Записок — к этому году относится составленная им их программа.

В кишиневской тетради № 832 черновики писем сочетались с дневниковыми записями и творческими заготовками и текстами. Эта тетрадь, как и другие, сильно пострадала, когда Пушкин уничтожал „крамольные" записи в своих бумагах после декабрьского восстания. Из тетради № 832 были вырваны 64 листа, из тетради № 834 — 17 листов. Кроме черновых писем и дневников могли быть вырваны и первые наброски Записок. Следов их, относящихся к 1821 г., в тетрадях не осталось.[22] В тетради № 832 находим и

---

[21] *Плетнев П. А.* Соч. СПб., 1885. Т. 3. С. 524.

[22] С. А. Фомичев полагает, что первые наброски Пушкин делал на французском языке: в тетради № 832 вырвано большое число листов с французским (насколько можно судить по корешкам вырванных листов) почти беловым текстом. (См.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832). Иную точку зрения на вырванный текст высказала Т. Г. Цявловская. Публикуя французское письмо к неизвестной, записанное на л. 30 этой тетради, она пишет: „...за три листа до только что приведенного письма, вырвано 17 листов. 10 из них вырвано одним движением сразу. На оставшихся отрывках имеются либо начала, либо концы строк французского текста. Исписанных было 12 и через некоторый промежуток — 5 страниц. По оставшимся кусочкам текста можно с уверенностью сказать, что здесь были любовные письма. Наводят на это слова «charme» (очарование), «bête» (глупо), постоянные личные местоимения (je) и восклицательный знак" (*Цявловская Т. Г.* Три письма Пушкина к неизвестной // Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 210—220). Действительно, эмоциональная окраска текста (восклицательный знак) не свойственна сохранившимся отрывкам Записок Пушкина, однако мы не можем согласиться и с тем, что все 17 вырванных листов были заняты любовными письмами. Черновики таких писем (например, к К. Собаньской) мы находим в его рабочих тетрадях. Вырванные листы содержали, скорее всего, крамольные записи, но были ли это наброски Записок или письма (может быть, не любовные, а к друзьям), с уверенностью сказать нельзя.

черновую заметку „О прозе":„Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: «Не выхваляйте Бюфона, этот человек пишет: „Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч." Зачем просто не сказать — лошадь?» Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением" (XI, 18). Заметка написана не раньше конца марта 1822 г.

Согласимся с исследователем, что она „связана с размышлениями Пушкина о собственной прозе",[23] с размышлениями, уже проверенными практикой: летом 1821 г. в тетради № 831 появились черновые строки „Заметок по русской истории XVIII века".[24]

Следующие упоминания о Записках находим уже в письмах из Михайловского. В Михайловском Пушкин появился в первой половине сентября и сразу же принялся за работу. С первой половины ноября 1824 г. и до конца ноября следующего года в его письмах постоянно появляются сообщения о своей работе над Записками и интерес к новинкам мемуарной прозы. Можно предположить, что эту работу Пушкин прервал только после того, как узнал о декабрьском восстании. Многие участники восстания, как и члены тайного общества, были действующими лицами его мемуаров. Потом, в „Начале автобиографии", он напишет о своих уничтоженных Записках: „...я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства". После восстания члены тайных обществ, их речи и поступки открывались новыми гранями. Записки устарели, еще не будучи завершенными. Записки были сожжены, однако сделал это Пушкин не сразу, а лишь летом 1826 г., когда имел основания беспокоиться уже за свою собственную судьбу и бояться возможного обыска.[25] Уцелели только два небольших отрывка о Карамзине („⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия") и рассказ о встрече со своим двоюродным дедом Петром Абрамовичем Ганнибалом после окончания Лицея. Первый отрывок уцелел, потому что Пушкин видел ему конкретное применение, т. е. собирался его напечатать. Второй, по всей вероятности, сохранился случайно. Отрывок о Карамзине с сокращениями был напечатан в „Северных цветах" на 1828 г. в составе статьи „Отрывки из писем, мысли и замечания" с пометой: „Извлечено из неизданных записок".

„Отрывки из писем, мысли и замечания" были напечатаны в „Северных цветах" анонимно. Читатели альманаха Дельвига не знали, кто был автором „неизданных записок".[26]

Поэт называет источник, из которого он заимствовал жанр „Отрывков":

---

[23] *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832. С. 232.

[24] Там же. Фомичев датирует их весной—летом 1822 г. Н. Я. Эйдельман, анализируя положение черновиков в тетради № 831, приходит к выводу, что Пушкин работал над ними в июле—сентябре 1821 г. (См.: *Эйдельман Н. Я.* „По смерти Петра I..." // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 335—339). Эта датировка сочетается с признанием самого Пушкина, что работу над Записками он начал в 1821 г., т. е. является еще одним свидетельством, что „Заметки по русской истории XVIII века" должны были служить введением в Записки.

[25] См.: *Левкович Я. Л.* Когда Пушкин уничтожил записки // Врем. ПК. 1979. Л., 1982. С. 102—106; ср. *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 76—82.

[26] Историю публикации „Отрывков" см.: *Вацуро В. Э.* „Подвиг честного человека". С. 29—34.

„...так писывали Сенека и Монтень" (XI, 59). Этот жанр давал возможность свободно монтировать материалы собственной биографии с анекдотами, размышлениями о читателях и читательницах, о современных писателях — Дельвиге, Баратынском, Грибоедове.

Впоследствии Пушкин воспользуется возможностью свободного контекста для своих Записок. Но это будет потом. Пока же вернемся к первым мемуарным опытам Пушкина. Прежде чем он уничтожил Записки, их замысел прошел не одну стадию.

В сочинениях Пушкина, в разделе „Историческая проза", печатаются под условным названием „Заметки по русской истории XVIII века" размышления поэта о российской истории от Петровских времен до конца царствования Павла I.

Со времени первых публикаций этой статьи сложилась традиция относить ее к автобиографической прозе Пушкина. И. Л. Фейнберг считал статью остатком сожженных Записок.[27] К мысли, что „Заметки" могут быть частью Записок Пушкина, независимо от Фейнберга пришел Б. В. Томашевский.[28] По его мнению, историко-публицистические „Заметки" могли выполнять функцию „быстрого введения" в Записки. К Запискам Пушкина относит эту статью и С. А. Фомичев.[29]

Это мнение разделяют не все исследователи. Так, например, скептически относится к нему Н. Я. Эйдельман. Посвящая „Заметкам по русской истории XVIII века" специальную статью, он пишет: „Чрезвычайно соблазнительно было бы видеть в прекрасной, зрелой исторической прозе «Замечаний» начало автобиографии поэта, нечто вроде исторической экспозиции к ней; соблазнительно, но не обязательно". И дальше: „Не исключено, что независимо от Записок замышлялась большая работа «О новой России» со вступлением «О России древней»".[30] Присоединяясь к позиции Томашевского и Фейнберга, мы попытаемся ее аргументировать и уточнить.

Главный аргумент для того, чтобы считать „Замечания" отрывком из Записок, оставил сам Пушкин. В черновике записки „О народном воспитании" мы находим пометы, которые свидетельствуют, что поэт в трех местах

---

[27] *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1976. С. 252—265.

[28] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Т.1. С. 567. Более определенно свою точку зрения Томашевский высказал в статье „Историзм Пушкина". Он пишет: „Внимательный анализ этой публицистической записки показывает, что она имеет характер введения в какое-то произведение, до нас не дошедшее. Таким произведением могли быть только Записки Пушкина, им позднее сожженные. Эти Записки Пушкин осмыслял не как автобиографию в узком смысле слова, а как воспоминания о виденном, летопись своего времени, которая могла бы явиться ценным материалом для будущих историков. К сожалению, кроме двух отрывков (о Державине и Карамзине), из этих Записок нам ничего не известно, но пометы на полях черновика записки о воспитании показывают, что какое-то место в Записках отведено Александру, а из собственных признаний Пушкина мы знаем, что много места занимали рассказы о встречах с декабристами" (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 169. Впервые: Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1954. № 173. Сер. филол. наук; Вып. 20).

[29] *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 96—98.

[30] *Эйдельман Н. Я.* „По смерти Петра I..." // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 347; ср.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 133—134.

собирался дополнить черновик вставками из Записок. Приведем эти пометы в контексте черновика.

„Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Политические изменения, вынужденные у других народов долговременным приготовлением, но у нас еще не требуемые ни духом народа, ни общим мнением, были любимою мечтою молодого поколения. Несчастные представители сего буйного и невежественного поколения погибли.

Любопытно видеть etc. — из записок 2 гл. ⟨...⟩

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел П<етр> I, того требовало тогдашнее состояние России. —

Александр (из записок) ⟨...⟩

Патриархальное воспитание, из записок" (XI, 311—314).

И. Л. Фейнберг выбрал упомянутые сюжеты из записки „О народном воспитании" и предложил считать их сохранившимися отрывками „биографии" Пушкина.[31] Это предложение оспорил Томашевский, отметив, что „сличение окончательного текста с черновым показывает, что Пушкин намеченных выписок не сделал".[32]

Пометы Пушкина свидетельствуют, что та часть Записок, которую он собирался использовать, не была уничтожена, но ее не было в Михайловском в ноябре 1826 г., не было ее и в Москве, куда вернулся из Михайловского Пушкин, и что в этой части был раздел, обозначенный Пушкиным „2 гл.".

Судя по пометам Пушкина, в Записки его были включены рассуждения о склонности молодого поколения к политическим преобразованиям, о мерах Александра I, связанных с существованием „Табели о рангах", наконец, о преимуществах общественного воспитания по сравнению с домашним и частным. Таким образом, часть Записок (вторая глава их), на которую ссылается Пушкин, касалась современной ему поры, т. е. царствования Александра I. Но общественные процессы, сопутствующие этому времени, начались в предшествующую эпоху. Этому периоду жизни русского общества и посвящены „Некоторые исторические замечания". Здесь в обзоре деятельности Петра I и его „ничтожных наследников" Пушкин исходит из интересов своего времени, прибегает к рассмотрению недавнего прошлого с целью дать ответ на сегодняшние, еще не решенные вопросы.

„Состояние народа" при Петре требовало введения „Табели о рангах", разрушающей кастовую замкнутость дворянства. При Александре „чины сделались страстию русского народа". Петр сознавал „выгоды просвещения" и „не боялся народной свободы" — непременного следствия просвещения. Екатерина II подражала Петру, но лицемерно — провозглашая любовь к просвещению и преследуя его носителей. В связи с „выгодами просвещения" и шли, по-видимому, у Пушкина размышления о „патриархальном воспитании".

Мысль о том, что развитие просвещения неминуемо ведет к свободе, является центральной в „Замечаниях". Просвещение и свободу Пушкин ставит в неразрывную связь. „Замечания" преисполнены также верой в силу общественного мнения. Все это обусловлено настроениями, которые владели Пуш-

[31] *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. С. 265—276.

[32] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Т. 1. С. 567.

киным в 1821—1822 гг., когда он приветствовал европейские революции и ждал политических преобразований в России.

Пометы на полях записки „О народном воспитании" указывают на несомненную связь между Записками Пушкина и „Некоторыми историческими замечаниями". Именно эти пометы послужили основанием для Томашевского определить „Замечания" как „быстрое введение" Пушкина в свою биографию.

Однако мы знаем, что когда в 1830-х гг. Пушкин вновь принялся за свои Записки, никакого исторического введения там уже нет, — он начинает их прямо с родословной Пушкиных и Ганнибалов. Это может быть свидетельством в пользу мнения Н. Я. Эйдельмана, что „Некоторые исторические замечания" и Записки не имеют ничего общего, но может свидетельствовать и об изменении замысла последних. Нам кажется вероятным второе предположение.

Чтобы обосновать это мнение, необходимо объяснить, как могли строиться Записки в первом варианте, т. е. как и где должен был обозначиться переход от „быстрого введения" к собственно биографии поэта, и почему первоначальный замысел был изменен.

Следы первоначального замысла Записок обнаруживает лист 12_1 тетради № 832. Как уже говорилось, когда после декабрьского восстания поэт „чистил" свой архив, наибольшее число листов было вырвано из этой тетради, т. е. тетрадь № 832 — одна из тех, которые Пушкин переписывал набело, работая над Записками.

Лист 12_1 начат как заглавный к стихотворению „Таврида" — посередине запись: „«Таврида». 1822" и эпиграф из Гете: „Gieb meine Jugend mir zurück".[33] На обороте сверху набросана программа стихотворения: „Страсти мои утихают, тишина царит в душе моей, ненависть, раскаяние, все исчезает — любовь, одушевление (?)". На этом же листе (12 об.) — черновые строфы первой главы „Евгения Онегина" и дата: „16 april 1822". Лист 12 об., как вензелем, окружен цифровой записью годов от 1811 до 1833. Года записаны по порядку, некоторые даты повторяются по несколько раз. Учитывая, что Пушкин уже работал над Записками, можно предположить, что хронологический вензель связан с размышлениями о начатом труде.

Это предположение подтверждает известный план Записок, который составлялся Пушкиным уже в 1830-х гг., когда он вновь вернулся к работе над своей „биографией". Часть этого плана состоит также из последовательной записи дат: 1811, 1812, 1813, 1814, 1815. Некоторые из пунктов-дат развернуты, другие обозначены только годом.

Хронологический вензель, конечно, нельзя назвать планом, но в нем несомненно угадываются размышления Пушкина о начатом труде. Отметим, что цифровая запись фиксирует не только воспоминания о прошлом, но и размышления о будущем, т. е. указывает на протяженность замысла (годы с 1811 по 1824 идут подряд, потом сразу появляются тридцатые годы — 1830 и 1833: поэт как бы перешагивает через десятилетие). Расположение цифр

---

[33] Верни мне мою юность (*нем.*).

свидетельствует, что они написаны после даты „16 апреля 1822",[34] но теми же чернилами и одинаково заточенным пером, — т. е. записи, относящиеся к „Тавриде", и цифровая запись, скорее всего, сделаны в один и тот же день. 1 сентября Пушкин посылает Вяземскому письмо, которое, нам кажется, также связано с работой над Записками: „Ты меня слишком огорчил предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы, мало для отчизны 〈...〉 понимаю тебя — лета клонят к прозе 〈...〉 неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов. Предприими постоянный труд, пиши 〈?〉 в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах, — а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться" (XIII, 44). Конечно же, Пушкин намекает здесь на возможную перемену общественной ситуации (может быть, даже революцию) и сопутствующие ей перемены в жизни общества и в собственной жизни, т. е. на возможное возвращение из ссылки („тогда надеюсь с тобою сблизиться"), на грядущую свободу печати („люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России"), на широкое развитие публицистики, когда можно будет, выработав „метафизический язык", писать не для „славы", а для „отчизны".

Обращаясь к Вяземскому, Пушкин по сути дела пишет о себе. Это его, а не Вяземского, „лета клонят к прозе", он, а не Вяземский, уже приступил к „постоянному труду", зачин которого можно назвать публицистическим. О каком „труде" пишет Пушкин? И. М. Дьяконов полагает, что речь идет о „Евгении Онегине".[35] Действительно, „постоянным трудом"Пушкин впоследствии назовет„Онегина". Но это будет в 1830 г., при завершении романа. Даже если предположить, что замысел романа уже мелькал в сознании Пушкина, то в 1822 г. он не мог думать, что работа над ним затянется. Кроме того, эпитет „постоянный" не может быть применен к творческому труду, когда этот труд существует еще на стадии замысла. Только дневник или Записки можно назвать „постоянным трудом" даже в начале работы над ними, так как только дневник или Записки могут вестись „постоянно", пока продолжается жизнь автора. Убеждая Вяземского, что публицистике скоро будет открыта дорога, сам Пушкин осознает свой труд как труд публицистический, который тоже будет „нужен в России". Когда писалось это письмо, Пушкин уже начал „выдавать в свет" свои Записки, правда, пока только в рукописных списках, минуя цензуру. С „Некоторых исторических замечаний" кишиневский приятель Пушкина Н. С. Алексеев в том же 1822 г. снял копию.[36]

Таким образом, в 1822 г. Пушкин занимается окончательной обработкой „быстрого введения" в Записки и обдумывает их продолжение. 2 апреля

---

[34] В первое упоминание об этой записи в связи с Записками вкралась ошибка. Вместо „16 апреля" было напечатано „16 августа" (см. *Левкович Я. Л.* Пушкин в работе над Записками // РЛ. 1982. № 2. С. 142).

[35] *Дьяконов И. М.* Об истории замысла „Евгения Онегина" // П. Исслед. и мат. М.; Л., 1981. Т. 10. С. 70—105.

[36] По этой копии Е. И. Якушкин и напечатал отрывки „Замечаний" в „Библиографических записках" (1859. № 5. С. 130—132).

перебеливает текст первой главы „Замечаний", после этого переписывает вторую главу (о такой последовательности работы свидетельствует запись „№ 1", поставленная в начале „Замечаний"). Очевидно, до апреля 1822 г. свой замысел, его план и структуру Пушкин „еще не ясно различал" и собственно „воспоминания" (т. е. рассказ о себе) не были начаты.

16 апреля появляется хронологический вензель в кишиневской тетради — наметка последовательных, погодных воспоминаний уже о своей жизни, а 1 сентября, приступив к „постоянному труду", Пушкин дает Вяземскому совет обратиться к публицистике и признается, что его самого „лета клонят к прозе".

Знаменательно, что хронологическая запись в кишиневской тетради и хронология дат в позднейшем плане начинаются с одного и того же года — 1811 (в первом варианте ему предшествуют „Замечания", во втором — родословная Пушкина). Что такое 1811 г. для Пушкина? Это год поступления в Лицей, т. е. первые шаги его сознательной жизни. Лицей — одно из проявлений „прекрасного начала" царствования Александра I. В 1811 г. для Пушкина смыкаются жизнь историческая и жизнь частная. В день открытия Лицея поэт и его друзья впервые сознают себя гражданами, „сынами отечества". В первоначальном замысле Записок основание Лицея и поступление туда Пушкина, вероятно, и были тем сюжетным звеном, которое соединяло „быстрое введение" с собственно жизнеописанием поэта, его биографией.

Таким образом, хронологический вензель помогает предположить первоначальный план Записок, как они мыслились Пушкину в Кишиневе: от „№ 1" („Замечаний") к № 2 (Александровской поре) и к 1811 г. — году основания Лицея. Вспомним, что одна из отсылок к Запискам в черновике записки „О народном воспитании" касалась преимуществ общественного воспитания перед „патриархальным", т. е. домашним. Несомненно, что в Записках рассуждения о „патриархальном воспитании" были бы вполне уместны при переходе к рассказу о Лицее. Так обозначилась бы связь Пушкина и его поколения с историей своего времени.[37]

Из сказанного можно сделать вывод, что в апреле 1822 г. „Некоторые исторические замечания" мыслились еще как непременная часть Записок.

Обычно (особенно в Кишиневе) Пушкин сообщал друзьям о своих новых замыслах и трудах. Но Записки в письмах этого времени почти не упоминаются. Письмо к Вяземскому о необходимости „постоянного труда" и шутливое „перевариваю воспоминания" в мартовском письме к Дельвигу — два намека на начатую работу в пушкинской переписке этого времени.

Постоянные упоминания о Записках встречает только в Михайловском. Предложенный нами план Записок (от „№ 1" и „2 гл." к основанию Лицея) в Михайловском, по-видимому, изменился. Изменения связаны с переменой образа жизни Пушкина и с особенностями его мировоззрения. Брожение общественной жизни на юге, кишиневские встречи, участие в масонской ложе „Овидий", политические споры, причастность (пусть неосознанная) к

---

[37] Б. В. Томашевский так определил функцию „Замечаний" в составе общего замысла: „Дошедшая до нас записка 1822 г. в качестве предисловия вводила в события, сопутствовавшие сознательной жизни автора" (*Томашевский Б. В.* Пушкин. Т. 2. С. 169).

деятелям тайных обществ, революционное движение в Европе — все вело Пушкина к стремлению отразить и объяснить в своих Записках современную общественную ситуацию, назревшую необходимость „народной свободы".

В первоначальном замысле Записок исторические события подаются в крупном масштабе, где нет места для родословной поэта. Казалось бы, что, начав говорить о „выгодах просвещения", осознанных „северным исполином" Петром, Пушкин кстати мог бы упомянуть Абрама Ганнибала. В „Замечаниях" не упоминаются и Пушкины, хотя судьба их рода была связана с петровскими реформами, когда старинное дворянство уступило место новой знати.

Между „Некоторыми историческими замечаниями" и работой над Записками в Михайловском прошел 1823 г. — кризисный в мировоззрении Пушкина, связанный с разочарованием в близком достижении идеала свободы.

Поражение европейских революционных движений 1821—1823 гг., не поддержанных народом, принесло Пушкину глубокое разочарование. Это было поводом для размышлений на более общие и более близкие вопросы о соотношении между носителями революционных идей и народом. Вопросы о политическом преобразовании России и мыслимых формах революционного преобразования, поставленные в „Замечаниях", требовали теперь уже новых размышлений и нового подхода.

В движении замысла Записок несомненную роль сыграл и переезд в Михайловское, обостривший интерес Пушкина к своей родословной. Нам кажется вероятным предположение, что тот тип Записок, который мы видим в программе (1833), определился в 1824 г. в Михайловском. В „Начале автобиографии" (1834) судьба предков уже не растворяется в общих рассуждениях об историческом процессе, а становится исходным моментом биографии поэта. Историей Ганнибалов Пушкин начинает интересоваться именно в это время и именно в Михайловском. Здесь еще были свежи предания о них, и даже был жив двоюродный дед Пушкина Петр Абрамович Ганнибал, которому и посвящен один из уцелевших отрывков Записок.

15 февраля 1825 г. вышла первая книга „Евгения Онегина". В примечании к ней Пушкин поместил краткую биографию Абрама Ганнибала. „Автор со стороны матери происхождения Африканского" (VI, 530) — так начинается это примечание. И дальше — вкратце — Пушкин сообщает сведения о жизни своего знаменитого прадеда. Заключается примечание выразительным обещанием: „В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию" (VI, 530).[38]

В Михайловском впервые проявляется интерес поэта и к роду Пушкиных. Одного из своих предков он вводит в число действующих лиц „Бориса Годунова". Но историю рода Пушкиных поэт не изучил еще так досконально, как это будет в 1830 г., когда он вновь вернется к своей родословной. Сетуя на

[38] О встрече Пушкина с П. А. Ганнибалом и полученной от него немецкой биографии „Аннибала" см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи Пушкина. С. 115—119.

судьбу „ссылочного невольника", он пишет Дельвигу: „6 Пушкиных подписали избирательную грамоту (под избранием Романовых на царство. — *Я. Л.*)! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я?" (XIII, 182). Позднее, в „Родословной", он упомянет: „При избрании Ром⟨ановых⟩ на царство 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою" (XI, 161).

С переменою замысла Записок публицистическое введение оказывалось лишним. „№ 1" , как и неизвестная нам „2 гл.", отделились от Записок и начали самостоятельное бытование. Для дальнейшей работы над биографией рукописи этих двух глав были Пушкину не нужны. Поэтому он вполне мог отдать их кому-нибудь для прочтения (как когда-то в Кишиневе отдал переписать „№ 1" своему приятелю Алексееву).

То, что рукопись осталась цела и не была уничтожена в то время, когда Пушкин „чистил" свой архив, свидетельствует, что ее не было в Михайловском. Не было ее и в Тригорском — иначе необходимые вставки Пушкин мог бы сделать.

Нам кажется, что еще один след той же „2 гл." (или № 2) Записок мелькает в пушкинском отрывке из „Романа в письмах". В письме девятом читаем: „Состояние помещика, по-моему, самое завидное. Чины в России необходимость, хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей". Дальше в рабочей тетради Пушкина (ПД, № 841) следовал пропуск. В своем комментарии Б. В. Томашевский пишет: „По-видимому, часть 9-го письма утрачена".[39] После пропуска читаем текст: „Пустившись в важные рассуждения, я совсем забыл, что теперь тебе не до того" (VIII, 54). Ссылку на Записки при рассуждении о чинах мы видели в черновике записки „О народном воспитании". Не исключено, что пропуск в рукописи нарочитый и что в 1829 г., когда писался „Роман в письмах", Пушкин еще надеялся вернуть свои „Замечания" и переписать в письмо девятое отрывок из них.

Из сказанного следует, что по первоначальному плану Записки Пушкина должны были включать историко-публицистическое введение, от которого поэт впоследствии отказался. Это введение было написано Пушкиным и состояло из двух глав, или разделов. Первая глава печатается под редакторским названием „Заметки по русской истории XVIII века" в разделе „Историческая проза". Вторая до нас не дошла.

Новый приступ Пушкина к Запискам относится уже к 1830-м годам.

Свой автобиографический труд Пушкин называл то „записками", то „мемуарами", то „биографией". „Записки", „мемуары", „биография" (в значении „автобиография") для него — синонимы, т. е. жизнеописание.

Определение „биография" свидетельствует, что прежде всего Пушкин собирался писать не только о „лицах исторических", но и о себе. Жанр биографии формировался в процессе работы. Вопросы соотношения авторского „я" и „исторических лиц", введение личных моментов (степень исповедальности, ее необходимость) решались на ходу. Вспомним уже цитиро-

[39] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 51.

ванное нами высказывание Пушкина в письме к Вяземскому о записках Байрона, уничтоженных Т. Муром: „Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов".

Эти строки написаны уже тогда, когда работа над „биографией" значительно продвинулась, т. е. несомненно продиктованы собственным опытом мемуариста. Здесь существенно сопоставление „стихов" и „хладнокровной прозы", т. е. для Пушкина очевидно, что и в Записках о себе, и в стихах неизбежно будут присутствовать одни и те же моменты, эмоции, настроения. Некоторые стихотворения дают нам ключ к пониманию тех проблем, которые вставали перед поэтом и которых он не мог избегнуть в своей „биографии".

Почти одновременно с замыслом Записок появляются стихи, в которых поэт пытается оглянуться на прошлое, осмыслить пройденный путь. Первым итоговым стихотворением Пушкина была элегия „Погасло дневное светило". „Здесь, — отмечает Б. В. Томашевский, — впервые намечены общие очертания поэтической биографии автора. Эта тема воспоминания затем органически войдет в поэзию Пушкина".[40]

Элегия сопряжена с письмом Пушкина к брату от 24 сентября 1820 г. „Ночью на корабле написал я элегию, которую тебе присылаю" (XIII, 19), — писал он. „Ночью на корабле", т. е. при переезде из Феодосии в Гурзуф, который и описывается в письме. Хотя элегия только „прилагается" и формально отделена от текста, она все же является его частью, т. е. конструктивно с ним связана, а содержание ее служит как бы введением в повествование, подводя черту под петербургским периодом жизни поэта. В элегии Пушкин изображает себя на переломе, в письме утверждает новый этап жизненного пути.

Таким же итоговым произведением, но замыкающим уже южный этап ссылки, был и „Разговор книгопродавца с поэтом". Здесь впервые в поэтической форме высказана существенная и для мировоззрения, и для мироощущения Пушкина, и для его поведения и жизненных обстоятельств мысль о профессионализации писательского труда, о взаимоотношениях между поэтом-создателем и публикой, которая платит за результаты поэтического труда. На уговоры книгопродавца:

> Позвольте просто вам сказать:
> Не продается вдохновенье,
> Но можно рукопись продать,

поэт отвечает: „Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся" (II, 324). До „Разговора..." эта тема была осознана, продумана и даже сформулирована Пушкиным в письмах. Сперва в письмах к друзьям и к брату (см., например, в письме к Л. С. Пушкину: „Я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит, — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма" (XIII, 86)). Наиболее четко эта мысль выражена

---

[40] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Т. 1. С. 389.

в черновых письмах к А. И. Казначееву: „7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти 7 лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы вовсе не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость". И дальше: „Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2 000 в. от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника" (XIII, 93).

Мысли, высказанные в этих письмах, были выношены Пушкиным и стали его убеждениями. В торговые отношения между поэтом и книгопродавцем вскоре вмешалась фигура „насмешника" — критика. Позволим себе высказать предположение, что тема принципиально нового отношения к поэзии как к товару, тема отношений между поэтом и публикой, а следовательно, и между поэтом и критикой не могла бы обойти „биографию" Пушкина. Если поэт собирался писать не только об „исторических лицах", но и о себе, представить себя публике в „хладнокровной прозе", — он, по-видимому, должен был коснуться и этого весьма важного для него и характерного для его времени процесса — торговых отношений в литературе и своих отношений с критикой.

К этому нас ведут и следующие попытки Пушкина вернуться к оставленному замыслу. Тема критики вводится уже в „Путешествие в Арзрум". „Путешествие" писалось на основе дневниковых записей и является по существу обработанными для печати (в традиционном жанре „путешествия") Записками. Первые издатели Пушкина правильно, с нашей точки зрения, помещали „Путешествие в Арзрум" в раздел Записок. Мнение первых издателей поддерживается и современными пушкинистами. Так, например, Т. Г. Цявловская, составляя раздел автобиографической прозы в сочинениях Пушкина, считала необходимым мотивировать исключение „Путешествия" из этого раздела. Она пишет: „Мы не касаемся здесь «Путешествия в Арзрум», законченность этого произведения, высокие его художественные качества, то обстоятельство, что Пушкин сам его печатал, создали традицию относить его к художественной прозе".[41] „Путешествие" заканчивается пассажем: „У Пущи-

[41] См.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 414. Автор одной из последних работ о мемуарной прозе Пушкина справедливо пишет: „«Путешествие в Арзрум», несмотря на свою мемуарную основу, традиционно относится к художественным текстам, так как сам Пушкин его печатал и издавал. Совпадение организации материалов в эскизе о Грибоедове (в „Путешествии" — *Я. Л.*) с теоретическими замечаниями Пушкина о замысле биографий Дельвига и Байрона позволяет рассматривать эти материалы как подступы Пушкина к художественной биографии" (*Мясоедова Н. Е.* Наблюдения над поэтикой мемуарной прозы Пушкина: (Поэтика биографических текстов) // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. Рига, 1983. С. 51). Под „теоретическими замечаниями" Пушкина о замысле биографии Дельвига имеется

на на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи". Далее следует иронический пересказ статьи Надеждина в „Вестнике Европы" о „Полтаве". „Надобно знать, — пишет Пушкин, — что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии". Знаменательна ироническая концовка: „Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве" (VIII, 483).

Ироническая концовка „Путешествия" по сути дела первая антикритика Пушкина. Для нас существенно, что эта антикритика включена в контекст его автобиографической прозы.

Ключ к замыслу Пушкина, вернее, к одному из аспектов замысла Записок, оставил П. Плетнев, готовивший раздел „Отрывки из записок А.С. Пушкина" в томе XI „посмертного" собрания сочинений поэта. В упомянутый раздел вместе с „Началом автобиографии", отрывками из кишиневского дневника, отрывками о Карамзине из сожженных Записок он поместил заметки, которые в сочинениях Пушкина печатаются под общим (редакторским) заглавием „Опровержение на критики".

Нам кажется, что именно эта статья послужила толчком, вернувшим Пушкина к оставленному замыслу Записок. Насколько эта статья может считаться материалом для „биографии"? Чтобы подойти к решению этого вопроса, необходимо обратиться к известным автобиографическим отрывкам и наброскам 1830-х гг.

В Большом академическом издании с этим новым замыслом связываются следующие отрывки и планы: заметка „Холера", два плана, или „программы", Записок, „Начало автобиографии", отрывок из воспоминаний о Дельвиге („Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву"). Б. В. Томашевский дополнил этот список заметкой о Державине, вложенной Пушкиным в папку с надписью „Table talk".[42] Затем его расширил И. Л. Фейнберг, предположив, что к Запискам относятся еще три заметки (о Дурове, Будри и Александре Давыдове) из „Table talk" и отрывки из „Путешествия в Арзрум", где даны характеристики Ермолова и Грибоедова.[43]

Остановимся на этих фрагментах.

Заметка „Холера" бесспорно подготовлена для Записок. Пушкин начинает ее с воспоминания о разговоре с „дерптским студентом" (А. Н. Вульфом), потом упоминает о „старой молдаванской княгине", умершей в 1822 г. от этой болезни, затем рассказывает о своем пребывании в Болдине и о

в виду отрывок из его письма к Плетневу: „Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковали обо всем, что душу волнует, что сердце томит. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым, чистым разумом и надеждами" (XIV, 148—149).

[42] См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 8. С. 65.

[43] *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. С. 298—325.

попытке прорваться через карантины в Москву 2 октября (дата указана в заметке).

Почему в отрывке, который можно назвать мемуарной зарисовкой, Пушкин не называет Вульфа по имени? Псковский ловелас, кратковременный приятель Пушкина, он не принадлежал к лицам „историческим" и даже к „достойным замечания". Назвав имя, Пушкину пришлось бы давать и более подробную характеристику вводимому в Записки лицу. Поэтому поэт ограничился только его социальной характеристикой („дерптский студент", „гусарский офицер"). Примечательно, что даже в письмах к друзьям Пушкин не упоминает ни о ком из семейства Осиповых-Вульф по имени, хотя известно, как привязан он был к ним и как скрашивали они его михайловские будни. Рассказывая В. Ф. Вяземской в конце октября 1824 г. о своей деревенской жизни, он пишет: „В качестве единственного развлечения я часто вижусь с одной милой старушкой (это о П. А. Осиповой! — *Я. Л.*) — я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал" (XIII, 114; подлинник по-французски). Очевидно, что работая над Записками, Пушкин имел определенный, выработанный масштаб, которым определялись лица, „достойные замечания", и Ал. Вульф, как и вся семья Осиповых-Вульф, под этот масштаб не подходили. Особенности их личностей, характеров, образ жизни давали материал для художественного творчества, но не для Записок.

Заметка „Холера" имеет определенную сюжетную завершенность — ее трудно представить в контексте повествования, которое развивалось бы строго хронологически. Сама по себе она захватывает несколько временных слоев: 1822 г. — смерть молдавской княгини от холеры, 1826 г. — рассказ „дерптского студента", 1830 г. — болдинский карантин. Такой же автономной зарисовкой о роли случая в истории народа и жизни поэта является и „Заметка о «Графе Нулине»".

Заметки о холере и „Графе Нулине" свидетельствуют, что в 1830 г. Пушкин приступил к заготовке материалов для Записок, но для Записок уже в новом качестве.

Обратимся к программе Записок. Программа содержит загадку: почему она не соответствует реально написанному „Началу автобиографии"? Это условно называемое „Начало автобиографии" состоит из двух частей: первая часть — введение („Несколько раз принимался я..."), вторая — так называемая „Родословная Пушкиных и Ганнибалов". Введение имеется только в черновике, „Родословная" представляет собою перебеленный текст, в рукописи первый лист оставлен чистым — на этом чистом листе должен был разместиться переписанный набело черновик вступления, которое было написано позже и которое поэт не удосужился переписать, оставив или отложив работу над Записками.

Для нас „Родословная" особенно интересна потому, что сюжет ее предшествует программе Записок, т. е. Пушкин ведет родословную своих предков (по отцовской и материнской линиям) до тех моментов, которые зафиксированы в программе. Излагая исторически значительные и романтически яркие эпизоды из жизни предков Пушкиных начиная от легендарного Рачи, поэт заканчивает ее эпизодами из жизни Льва Александровича Пушкина, упоми-

ная и о его политической оппозиционности, и о своевольном нраве. Рассказ о Л. А. Пушкине завершается признанием: „Все это я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли". Прервав родословную Пушкиных в том месте, где источником сведений является предание, поэт начинает родословную Ганнибалов. Дальнейшая история семьи отражена только в плане: „Семья моего отца — его воспитание — французы учителя ⟨...⟩ — Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства". Пункт „Семья моего отца" — это уже не рассказ о деде Льве Александровиче и его „странностях" (о которых в семье старались не говорить), а сведения о том поколении, к которому принадлежал Сергей Львович. Пункт „Отец и дядя в гвардии" вводит дядю, т. е. Василия Львовича, как лицо, уже известное в „биографии". У Льва Александровича было семеро детей — пятеро сыновей и две дочери, которые и составляли „семью ⟨...⟩ отца".

Равным образом нет в программе и истории рода матери; единственный из Ганнибалов, который в ней обозначен, — Иван Абрамович, но он упоминается лишь как родственник, помогавший семье брата Осипа в ее бедственном положении (см. в программе: „Бабушка и ее ⟨моя⟩ мать — их бедность. — Ив⟨ан⟩ Абр⟨амович⟩"). Славные страницы из жизни Ганнибалов, которыми Пушкин так гордился и которым отвел достаточно места в „Родословной", в программе отсутствуют.

Следует отметить особенности рукописи „Родословной". В начальной ее части (там, где речь идет о Пушкиных) почти нет помарок и вариантов, текст складывался сразу, без конструктивных перемен. Помарки (главным образом стилистического характера) начинаются там, где излагается родословная матери. Отсутствие помарок свидетельствует, что текст „Родословной" в основных чертах был готов. И действительно, родословная Пушкиных с небольшими уточнениями и дополнениями повторяет отрывок, уже записанный в „Опровержении на критики".

Отрывок из „Опровержения" составляет основной костяк текста, дополнения состоят главным образом из сведений, заимствованных из источников, которых, очевидно, не было под рукой у Пушкина в 1830 г. в Болдине. Так, в „Родословную" введен дополнительный перечень фамилий, родоначальником которых был предок Пушкина Радша, поясняется характеристика, которую дает ему летописец („мужа честна", т. е. знатного, благородного), особенно подчеркивается, что предки Пушкина играли активную роль в истории России, уточнено имя „окольничьего" Пушкина, который „подписался под соборным деянием об уничтожении местничества", и т. д. Таким образом, принимаясь всерьез за Записки, Пушкин прежде всего обратился к тексту „Опровержения", и здесь указание П. А. Плетнева обретает достоверность факта, т. е. мы имеем бесспорный случай, когда отрывок из „Опровержения" стал фрагментом нового замысла — Записок.

В какой степени это может касаться других отрывков? Может ли фактическое использование одного отрывка быть основанием, на котором строится предложенная Плетневым интерпретация „Опровержения на критики"?

Вспомним, что „Путешествие в Арзрум" заканчивалось своеобразной антикритикой — упоминанием о статье Надеждина в „Телескопе". Возвращение

домой обращало поэта к одному из наиболее значительных аспектов бытия творческой личности — отношениям с читателями и критиками, читательского спроса, интереса. Тема поэта и публики — одна из центральных тем пушкинской поэзии 1830-х гг.

„Опровержение на критики", как уже отмечалось, условное редакторское название, объединяющее серию заметок Пушкина. Впервые состав этой статьи, последовательность работы над отдельными ее частями были раскрыты в Большом академическом издании.[44] Редакторское название основано на пушкинском определении. В одной из заметок после небольшого введения, где дается характеристика современной критики и объясняются причины, почему он всегда избегал полемики, Пушкин пишет: „Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения" (XI, 144). Далее следуют заметки, отвечающие этим двум задачам:

1) заметки полемические, или „опровержение на все критики", и 2) „собственные замечания на собственные же сочинения". Второй тип заметок Ю. Г. Оксман назвал „острым автокомментарием к собственным сочинениям и их литературной судьбе".[45] Сам Пушкин писал Дельвигу из Болдина: „Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело, кого надлежит душить, Полевого или Булгарина" (письмо от 4 ноября 1830 г. — XIV, 121). Под „полемическими статьями" Пушкин имеет в виду полемику с сегодняшней, сиюминутной критикой („не получая журналов ⟨...⟩ не знаю ⟨...⟩ кого надлежит душить..."). „Собственные замечания на собственные же сочинения" предполагают и ретроспективный взгляд на них, а полемика вокруг них может относиться уже к воспоминаниям поэта.

Современная полемика по своему заданию (литературная борьба) и жанру (антикритика) не соответствовала той части статьи, которая касалась прошлого, т. е. носила мемуарный характер.[46] „Опровержение на критики", как отметил В. Гиппиус, осталось „недописанным и отмененным". Отрывочность этих набросков, резкие переходы от одной темы к другой, хронологическая непоследовательность и различная тональность, в которой они подаются (размышления, ирония, разъяснения, запальчивость), — все это наводит на мысль, что так называемое „Опровержение на критики" является заготовкой, которую Пушкин мог или собирался использовать для разных произведений. Одно из них он начал сразу же, в Болдине, — это „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". Перенеся в эту новую статью приведенный выше абзац о „несносных часах карантинного заключения", Пушкин его меняет, отбрасывая „собственные замечания на собственные же сочинения", а „возражения на все критики" заменяет фразой; „...возражения не на критики (на это я никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные,

---

[44] См.: *Гиппиус В. В.* Из материалов редакции академического издания Пушкина: О текстах критической прозы Пушкина. (Отчет о работе над XI томом) // П. Временник ПК. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 558—566.

[45] *Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1962. Т. 6. С. 367.

[46] Об „определенном мемуарном звучании" этой статьи писал и Ю.Г. Оксман.

которые нынче в большой моде". Последняя замена носит демонстративный характер. Пушкин подтверждает тезис о жалком состоянии современной критики, которым начинается статья: современная критика несостоятельна, от нее нельзя ждать серьезных „литературных" разборов, а журнальная полемика сводится к „личностям", т. е. обвинениям „нелитературным".

Конструктивный стержень „Опыта" — полемика вокруг „литературной аристократии", к которой Пушкин подключил впечатления от критики 1829—1830-х гг.[47]

За пределами этой статьи осталась бóльшая часть заметок из „Опровержения", заметок, которые сам Пушкин определил как „замечания на собственные же сочинения". Нам представляется, что „мемуарная" часть и явилась стимулом к возникновению нового замысла автобиографической прозы.

Присмотримся к наброскам, которые не соотносятся с „Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений". По содержанию и по форме они (в большинстве) носят мемуарный характер. По содержанию — это пробег по основным этапам творческого пути. Например: „*Руслана и Людмилу* вообще приняли благосклонно ⟨...⟩"; „*Кавк⟨азский⟩ Плен⟨ник⟩* — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Н⟨иколай⟩ и А⟨лександр⟩ Р⟨аевские⟩ и я, мы вдоволь над ним насмеялись"; „*Бахч⟨исарайский⟩ фонт⟨ан⟩* слабее *Пленника* и, как и он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил"; „Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных..." и т. д.

Отрывкам постоянно сопутствует биографический фон. С первых фраз этих в большинстве своем коротких заметок вводятся как уже известные события и факты биографии поэта — Лицей („...с тех пор, как вышел из Лицея..."), ссылка („...я был далеко в обстоятельствах не благоприятных"), былое увлечение Байроном, путешествие с Раевскими на Кавказ. Отметим исповедальную дневниковую тональность отрывка о „Борисе Годунове" („Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха..."). Трагедия уже в типографии; сидя в Болдине, Пушкин тревожится, успеет ли Плетнев напечатать посвящение трагедии Карамзину (см. письмо от конца октября 1830 г. — XIV, 118). Если отрывок задуман как одна из полемических заметок, то это полемика уже запоздалая: Пушкин не мог рассчитывать, что успеет напечатать свое „Опровержение" до выхода трагедии.

Биографический фон создается иногда сообщением обстоятельств, при которых поэт познакомился с критикой на свои сочинения („Критику 7-ой песни в Сев⟨ерной⟩ Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина..."; „Возвратясь из-под Арзрума, написал я..."). Иногда это самооценка, переданная через биографический эпизод с упоминанием лиц, имевших значение в жизни поэта, но не обязательно известных публи-

---

[47] О полемике вокруг „литературной аристократии" см. написанный В. Э. Вацуро раздел в книге „Пушкин: Итоги и проблемы изучения". (М.; Л., 1966. С. 213—228). Здесь же библиография вопроса. В связи с „Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений" эта полемика рассмотрена Н. Е. Мясоедовой (см. ее статью: Болдинские полемические заметки 1830 года и пушкинский замысел автобиографии // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 122—125).

ке (например, о „Бахчисарайском фонтане"): „Его, кажется, не критиковали. А. Р⟨аевский⟩ хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc." —

(XI, 145)

В журнальной антикритике называть имена друзей было бы неуместно, в то же время в Записки семья Раевских вводилась задолго до упоминания о южных поэмах. В мемуарном письме к брату от 24 сентября 1820 г. Пушкин описывает свое путешествие с Раевскими по Кавказу и Крыму и дает яркую характеристику всем членам этого семейства. Имя Александра Раевского могло упоминаться в Записках и в связи с творческой историей стихотворения „Демон".

В заметки вводятся толки в публике и лицейские воспоминания. Так, заведя речь о VII главе „Евгения Онегина", Пушкин пишет: „Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в Лицее один из младших наших товарищей и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи —
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Де⟨львигу⟩ и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного В⟨естника⟩ Евр⟨опы⟩ найти следующую шутку: Альманах С⟨еверные⟩ Ц⟨веты⟩ разделяется на прозу и стихи — хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке!" (XI, 150).

Стилистические, интонационные, событийные аспекты отдельных эпизодов „Опровержения на критики" опять возвращают нас к уже цитированному отрывку из письма Пушкина к Вяземскому: „Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать можно, быть искренним — невозможность физическая..." (XIII, 243—244).

В „Опровержении" мы находим и стремление „блеснуть искренностью" (см. приведенные выше отрывки о „Кавказском пленнике" и „Бахчисарайском фонтане"), и „невозможность физическую" „быть искренним", т. е. боязнь обнажить свою уязвимость. Из черновиков своих лирических стихотворений Пушкин вычеркивал все откровенные трагические признания, все конкретности, отражающие драматические, кризисные моменты его жизни (см., например, черновики таких стихотворений, как „Воспоминание", „...Вновь я посетил").[48] То же самое мы видим и в „Опровержении". Но здесь речь идет не об эмоциональной жизни поэта вообще, а об отношениях его с

---

[48] См.: *Левкович Я. Л.* 1) „Воспоминание" // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 107—120; 2) „...Вновь я посетил" // Там же. С. 306—322.

критикой и публикой. И поэт скрывает свои чувства за маской равнодушия или иронии.

Известно, что критика VII главы „Евгения Онегина" Пушкина очень задела. Прочитал он ее в Москве перед поездкой в Болдино. Статья была напечатана в двух номерах „Северной пчелы" (22 марта и 1 апреля 1830 г.), а уже 6 апреля „Литературная газета" поместила направленную против Булгарина статью Пушкина „О записках Видока", которая была послана в Петербург (как предполагает Б. Л. Модзалевский)[49] вместе с письмом к Бенкендорфу 24 марта. Через некоторое время после этого Пушкин спрашивает Плетнева: „Скажи, имел ли влияние на расход Онегина отзыв Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? У меня есть презабавные материалы для романа Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это" (XIV, 89). „Материалы для романа" — будущая статья „Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем", напечатанная в 1831 г. в „Телескопе". Мы видим, что критика „Северной пчелы" сразу же вызвала полемический отклик, потребность дискредитировать в глазах публики своего оппонента. В „Опровержении" поэт всячески акцентирует свою незаинтересованность, свое равнодушие к журнальным мнениям: „Критику 7-ой песни в Сев⟨ерной⟩ Пч⟨еле⟩ пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об жуке. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было.[50] Других критик я не читал, ибо — право — мне было не до них" (XI, 150). Здесь же со знаком NB следует иронический пассаж в адрес Булгарина („Критику Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩ напрасно приписывают г. Булгарину. 1) Стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из Ивана Выжигина, ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа". — XI, 150). Смысловой доминантой отрывка является пренебрежение как к мнению „Северной пчелы", так и других журналов.

Таким образом, все постулаты, предложенные Пушкиным для автобиографической прозы в 1825 г. в связи с размышлениями о записках Байрона и одновременно как вывод, итог собственного опыта, — все это мы находим в „Опровержении на критики".

Сообщение Плетнева о замысле Записок подтверждает и дошедший до нас отрывок о Карамзине.

Этот отрывок включает следующие элементы, или сведения: биографическая основа („Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал ⟨...⟩ Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера..."), появле-

---

[49] См.: *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 400.
[50] См.: Северная пчела. 1830. № 25, 39.

ние „Истории государства Российского" и ее издательский успех („Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экз⟨емпляров⟩ разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле"), толки в публике („Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога Ист⟨ории⟩ Карам⟨зина⟩").

Дальше Пушкин касается отношения к „Истории" „молодых якобинцев", упоминает „разборы" Н. Муравьева и М. Орлова (сделанные не для печати) и рассказывает, как „некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина". В этом же отрывке Пушкин выразил свое отношение к труду Карамзина как к „подвигу честного человека" и к современной критике („У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина..." — XII, 305). Таким образом, Пушкин отметил неспособность современной критики к серьезному разбору „Истории", иронически выделил „некоторые нелитературные обвинения" и изложил свое понимание научных достоинств этого труда, обозначив гражданственную позицию историка.[51]

В „Опровержении" повторяется та же схема: биографический фон, толки в публике и в литературных кругах („О «Цыганах» одна дама заметила мне, что во всей поэме только один честный человек, и то медведь. Покойный Р⟨ылеев⟩ негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. В⟨яземский⟩ повторил то же замечание. Р⟨ылеев⟩ просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее". Или: „Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным..."). Как и в отрывке о Карамзине, отмечается равнодушие или неспособность критики по достоинству оценить большое новаторское творение. В отрывке о Карамзине Пушкин пишет о беспримерном в России успехе „Истории" на книжном рынке, в „Опровержении" обстоятельно объясняет процесс „торговых оборотов" между книгопродавцами и „мещанами-писателями" (в заметке, которая начинается со слов: „Между прочими нелитературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие", — он пишет: „Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по р⟨у⟩б⟨лю⟩ экз⟨емпляр⟩, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстие автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже..." (XII, 153—154).

В отрывке о Карамзине Пушкин счел необходимым отметить общественную позицию историка, в „Опровержении" он развивает тезис о нравственном облике и социальном поведении писателя и ученого.

---

[51] См.: *Вацуро В. Э.* „Подвиг честного человека" // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. М., 1972. С. 32—113.

Следует обратить внимание и на оформление отрывка о Карамзине в контексте „Отрывков из писем, мыслей и замечаний", где он впервые был напечатан, т. е. на формальные признаки подачи материала в отрывке из Записок и в „Опровержении". Закончив рассказ об „Истории государства Российского", Пушкин делает отбивку и переходит к другой теме. Так же построено и „Опровержение на критики". Отбивки, отрывочность эпизодов, впервые испробованная в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях", на каком-то этапе становится конструктивным принципом мемуарной прозы.

Подобная конструкция давала возможность легко, без перестройки включать куски из „Опровержения" в общий контекст Записок или другого труда (так Пушкин и поступил, перенеся часть заметок из „Опровержения" в „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений"). Так же поступает он, печатая только одну часть из воспоминаний о Карамзине в составе статьи „Отрывки из писем, мысли и замечания" в „Северных цветах" на 1828 г.

Сходство мотивов, единство стилевой и художественной манер сохранившегося отрывка из Записок и из „Опровержения на критики" позволяет судить и об общности их назначения.

Из всех заметок, входящих в „Опровержение на критики", Пушкин напечатал только одну — свой ответ критикам „Полтавы" в альманахе М.А. Максимовича „Денница" под названием „Отрывок из рукописи Пушкина" („Полтава"). Примечательно, что название затушевывает жанровую принадлежность этой публикации. Пушкин подчеркивает, что его заметка не является только антикритикой (как можно было бы судить из содержания), а существует в некоем более обширном контексте „рукописи", не уточняя, о какой рукописи идет речь, — антикритика это или Записки.

Максимович сопроводил публикацию примечанием: „Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел".[52] Примечание свидетельствует, что Пушкин показывал Максимовичу „рукопись" (или рассказывал о ней). Публикация и упоминание о „рукописи" не могли не заинтересовать друзей поэта. Безусловно, не позже появления этой публикации познакомился с „Опровержением" и П. А. Плетнев. С ним, своим „наставником строгим", Пушкин несомненно делился соображениями, как и для чего „рукопись" может быть использована, а эти соображения и позволили Плетневу поместить наброски из „Опровержения" рядом с дневниковыми записями и отрывками из мемуаров и так уверенно озаглавить их „Отрывки из записок Пушкина".

Все сказанное позволяет с доверием отнестись к свидетельству Плетнева. В „экономном поэтическом хозяйстве" Пушкина, как назвал творческие заготовки поэта В. Ходасевич,[53] эти отрывки с наибольшей долей вероятности могли быть использованы в жанре Записок.

Можно думать, что при третьем приступе к Запискам размышления Пуш-

[52] Денница на 1831 год. М., 1830. С. 130.
[53] *Ходасевич В.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 16.

кина о древнем и новом дворянстве, как и о собственной судьбе, нашли бы там место, но уже не в качестве введения, так как в новом введении рассказывается о судьбе сожженных Записок.

Подведем итоги. Как же и в какой последовательности шла работа над Записками в 1830—1834 гг.? В 1830 г. складывается представление о мемуарах в новом качестве — вместо целостного текста Пушкин создает мемуарные фрагменты („Холера", о „Графе Нулине"). Появляется стремление осмыслить (тоже используя форму фрагмента) свой творческий путь и свои отношения с читателями и критикой („Опровержение на критики"); в составе „Опровержения" поэт набрасывает отрывок, с которого потом начнется текст новых Записок, — родословную Пушкиных.

В 1831 г. Пушкин делает несколько дневниковых записей, отмечающих важнейшие политические события этого года. К 1832 г. относится запись о „18 брюмера", которая типологически сочетается с дневниковыми записями Пушкина. В 1833 г. в Болдине поэт обдумывает и набрасывает дальнейшую программу Записок, по-видимому, повторяя в ней тот отрезок своей жизни, который однажды уже был оформлен им в Записки. В 1834 г. он принимается за новые Записки, пишет так называемое „Начало автобиографии".

В 1833 г. Пушкин начинает вести дневник, причем первая запись в нем сделана вскоре после приезда из Болдина в Петербург. Любопытная деталь: эта первая запись рассказывает о встрече с бывшим молдавским господарем Суццо, т. е. связана с Кишиневом, с воспоминанием о прошлом, о событиях, которые были и вновь должны были стать непременной частью Записок.

Новый дневник Пушкин ведет почти два года. Таким образом, хронологические рамки будущих Записок раздвигаются шире, чем это было обозначено в программе и зафиксировано в заметках из „Опровержения на критики".

Принято считать, что „автор дневника не может иметь никакого замысла или даже плана, ибо он не подчиняется имманентным законам художественного творчества, а идет вслед за жизнью".[54] Конечно, дневник не может иметь предварительного „плана", но некий „замысел" дневника 1833—1835 годов у Пушкина все же был.

В записи 18 декабря 1834 г. читаем: „Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу все подробности в пользу будущего Вальтер-Скотта". Что имел в виду Пушкин? Вальтер Скотт внес в свои романы понимание исторической эпохи как необходимого этапа в развитии народа. На основе исторического материала он стремился воскресить историю человека во всем своеобразии его нравов и представлений, не похожих на современные и обусловленных временем и средой, т. е., как писал Пушкин, „показать историю домашним образом" (XI, 195).

В 1830-х гг. стремление проникнуть в обыденную жизнь прошлых веков и через нее показать исторические факты вызвало особое внимание к таким

---

[54] *Предтеченский А. В.* Дневник Пушкина 1833—1834 годов // П. Исслед. и мат. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 267—277.

документальным жанрам, как дневники, мемуары, исторические анекдоты, т. е. к жанрам, которые передавали непосредственные наблюдения современников над образом жизни, привычками, поведением окружающих лиц, помогали воссоздать быт, нравы, характеры эпохи. Нравы воспринимаются как составная часть исторического процесса, а бытовые документальные материалы мыслятся как важнейший источник познания прошлого.[55]

Подробности частной жизни ушедших времен — это уже детали исторического художественного повествования. Особое внимание на них обращал Вальтер Скотт: „Мелкие указания на нравы и обычаи наших предков разбросаны повсюду, в различных исторических трудах; конечно, они представляют совсем ничтожный процент по отношению ко всему содержанию этих сочинений, но все же, собранные вместе, они могут пролить свет на vie privée[56] наших предков... Я убежден, что более упорные поиски подходящего материала и более удачное использование найденного всегда обеспечат успех собранному материалу".[57]

Собрание характерных бытовых эпизодов дало бы возможность „будущему Вальтер-Скотту" показать историческое прошлое „домашним образом". Дневник Пушкина изобилует характерными и острыми эпизодами российской истории и современности. Он заполнен примечательными и социально острыми чертами нравов, живописными эпизодами истории, краткими рассказами о забавных происшествиях, остроумными репликами, каламбурами.

Пушкин не пропускает метких слов современников и забавных новостей, сознательно выступает как мастер анекдота — исторического и современной жизни.

В его библиотеке сохранился № 12 „Revue Britannique" за 1830 г. со статьей „Caractére et vie de George IV, roi d'Angleterre", которая определяет значение мемуарной литературы: „Ее главный материал — анекдот, источник, иногда более правильный для уяснения действительности, чем официальные документы. Следует записывать самые мелочные факты, даже скандальные. Возмутителен порок, огромную опасность представляет тайна, которой он окружает себя. Заклеймить порок, сорвать покров тайны — оказать услугу человечеству".[58]

Хроника современности, насыщенная анекдотами, — так можно назвать дневник Пушкина. В истории его особенно занимают несколько сюжетов — убийство Павла I, эпизоды екатерининского царствования, события, связанные с декабристским восстанием. На страницах дневника несколько раз появляются записи о лицах, участвовавших в убийстве Павла I, — Скарятине, Волховском, Уварове. Намекает Пушкин и на ложное положение сыновей

---

[55] Об отношении к бытовым материалам в Пушкинскую пору см.: *Гроссман Л. П.* Этюды о Пушкине. М.; Пг., 1923. С. 37—75; см. также: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968. С. 72.

[56] частную жизнь (*франц.*).

[57] *Скотт В.* Собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1962. Т. 8. С. 23.

[58] См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. № 1514. Перевод цитируется по статье Л. В. Крестовой „Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»?" (П. Исслед. и мат. Т. 4. с. 272).

убитого императора — Александра I и Николая I, записывает подробности поведения Николая I в день казни декабристов, рассказы Ланжерона об Александре I, свои разговоры с М. М. Сперанским. Наиболее пространная запись из бесед со Сперанским отведена анекдоту. Пушкин передает рассказ Сперанского о том, как его в 1812 г. везли в ссылку. Фельдъегерю, который сопровождал его, на одной из станций не давали лошадей, и тот „пришел просить покровительства у своего арестанта: «Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают»" (2 апреля 1834 г.).

В малой форме анекдота отражен характерный эпизод александровской эпохи. Ссылка Сперанского знаменовала, что пора „дней Александровых прекрасного начала" кончилась, надежды на либеральные замыслы царя не оправдались и наступила мрачная полоса аракчеевщины.

Исторические анекдоты и анекдоты из современной жизни, которыми пестрят страницы дневника, — в прямом смысле „застольные беседы" Пушкина. С интересом ловит он и записывает свидетельства о лицах и нравах минувшей эпохи: „4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою и оба раза на Дашкову" (далее следует анекдот о Дашковой, которая прошла в Эрмитаж через алтарь, не зная, что женщинам входить в алтарь нельзя) (4 декабря 1833 г.); „Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc." (1 января 1834 г.); „Вигель рассказал мне любопытный анекдот" (7 января 1834 г.); „Вчера был у Смирновой, ц⟨арские⟩ н⟨аложницы⟩ — анекдоты" (8 марта 1834 г.); „Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов" (из этих „нескольких анекдотов" Пушкин записал только один) (21 мая 1834 г.); „Вчера вечер у Катерины Андреевны Карамзиной. ⟨...⟩ Говорили много о Павле I-ом, романтическом нашем императоре" (2 июня 1834 г.); „Вчера (17) вечер у S. ⟨Смирновой⟩. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc." (18 декабря 1834 г.).

Некоторые из анекдотов и разговоров раскрыты на страницах дневника (рассказ Н. К. Загряжской о Дашковой, один из„анекдотов", рассказанных Полетикой у Смирновых), но большинство только обозначено как памятные записи. Можно предположить, что Пушкин собирался в свободное время дополнить эти скупые записи, в чем убеждает внешний вид дневника. Каждая страница его как бы разделена здесь на две части, и записи делались только на одной половине страницы — вторая оставалась чистой и предназначалась, скорее всего, для дополнений. Некоторые конспективные записи дневника Пушкин, очевидно, полагал изложить более подробно на незаполненных половинках листов. Он успевает записать обстоятельства, при которых слышал тот или иной анекдот (когда и где), оставляя место для изложения самих анекдотов.

Намерение это не осуществилось, записи в дневнике прекратились в феврале 1835 г. Последняя запись (в 1835 г. их всего две) начинается словами: „С

генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. ⟨...⟩ Шиш потомству" (XII, 336).

В 1835 г. Пушкин был занят не только „Петром". К этому году относится множество работ, которые он так и не успел осуществить. В замыслах поэта был роман об Абраме Ганнибале („Часто думал я..."), большое полотно из современной жизни „Русский Пелам", „Повесть из римской жизни", „Марья Шонинг", статьи для „Современника", не был закончен так называемый Каменноостровский цикл его стихотворений.

В 1834—1835 гг. намечаются пути, по которым, быть может, развивалось бы творчество Пушкина в ближайшие десятилетия. Среди этого множества замыслов и занятий не было времени и охоты продолжать записывать события своей повседневной жизни, даже играть роль „русского Данжо" — летописца и обличителя придворных нравов.

Отложив дневник, Пушкин продолжает записывать анекдоты, стремясь собрать ускользающее от традиционной истории многообразие общественных и бытовых проявлений эпохи.

1835—1836 гг. датируются в Большом академическом издании заметки Пушкина, объединенные общим названием „Table talk"" („Застольные беседы"). В подборке „Table talk" содержится несколько типов записей: анекдоты исторические, анекдоты современные, портреты современников, записи автобиографического характера и заметки, близкие по жанру тем, которые сам Пушкин, печатая их в „Северных цветах" на 1828 г., определил как „Отрывки из писем, мысли и замечания".

Принято считать, что название „Table talk" подсказано незадолго до того вышедшей книгой английского поэта С. Т. Кольриджа, которую Пушкин купил 17 июля 1835 г.[59]

Собственно Кольриджа нельзя назвать автором этой книги. Книга представляет собой запись бесед с ним разных лиц, аккуратно ведущуюся неким H. N. C. Составитель книги — в числе постоянных собеседников английского поэта. Задача книги — показать облик Кольриджа, обаятельного и содержательного собеседника, похожего на философов афинского Ликея („He was to them as an old master of the Academy of Liceum", — пишет автор предисловия), с его разнообразными интересами и особенностями речи.

Вопросов собеседников в книге нет — есть только рассуждения мастера на разнообразные предложенные темы. Это могут быть высказывания о писателях и их произведениях, о музыке и художниках, размышления о жизни, размышления на темы морали, религии, философии, внутренней политики Англии и т. д. Но все это пропущено через призму собственного „я", изложено

---

[59] Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge: In 2 v. London, MDCCCXXXV. На внутренней стороне обложки рукою Пушкина карандашом написано: „Купл. 17 июля 1835 года, день Демид. праздника, в годовщину его смерти" (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. № 760). Под „годовщиной его смерти" Пушкин имел в виду смерть Кольриджа, умершего 25 (13 по ст. ст.) июля 1834 г. (См.: *Яковлев Н. В.* Пушкин и Кольридж // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 139).

в форме бесед или споров со знакомыми, иллюстрируется примерами из жизни самого Кольриджа. Иначе говоря, это эпизоды из его жизни и его политическая, моральная, этическая позиции, изложенные в виде отдельных, не связанных друг с другом эпизодов. Обязательно указана дата беседы. Каждая тема обозначена в заголовке, в пределах темы может быть помещено несколько отрывков, отделенных друг от друга чертой.

В библиотеке Пушкина находим еще одну книгу с тем же названием „Table talk", изданную гораздо раньше: *Hazlitt W.* Table talk, or Original essays. Paris, 1825. Книга Хэзлитта задумана иначе, чем книга о Кольридже и „Table talk" Пушкина. Это сборник статей по вопросам искусства и морали, достаточно серьезных по содержанию и значительных по размерам.

Гораздо ближе к пушкинскому замыслу другая книга Хэзлитта — „The spirit of the Age, or Contemporary Portraits" (Paris, 1825). Здесь собраны литературные портреты писателей — современников Хэзлитта: Байрона, В. Скотта, Кольриджа, Кэмпбелла, Крабба, Ирвинга, Макинтоша, Вордсворта и др.

Литературные портреты (Дурова, Будри, Державина) имеются и в „Table talk" Пушкина, только у него эти портреты даны не отвлеченно, как у Хэзлитта, а как эпизоды жизни самого поэта, когда ему приходилось сталкиваться с людьми знаменитыми и интересными.

Пушкин заимствует у Кольриджа и Хэзлитта жанровую форму „застольных бесед" на разные темы, но не их содержание. Он сужает рамки своих „бесед", отдавая предпочтение историческому и бытовому анекдоту, изложенному в свойственной самому Пушкину прозаической манере. Здесь „Table talk" смыкается с его последним дневником. Приемом раскрытия человеческой личности через беседы с нею Пушкин пользуется только в одном случае — когда передает рассказы Н. К. Загряжской.

Жанровый принцип „отрывков", заимствованный у Монтеня, перенятый Хэзлиттом и Кольриджем и уже дважды испробованный самим Пушкиным (первый раз в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях", второй — в „Опровержении на критики"), оставался притягательным для поэта. Если в „Отрывках из писем, мыслях и замечаниях" превалировали „мысли" (отрывок о Карамзине был исключением — это подчеркивалось и специальной пометой: „Извлечено из неизданных записок"), в „Опровержении на критики" большинство заметок было автокомментарием к собственным сочинениям, то в „Table talk" на первое место выходит исторический анекдот и записи автобиографические (портреты современников, примечательные черты их характеров, острые слова).

Жанр „застольных бесед" не обязывал проверять, дополнять, высказывать свои соображения. В канву исторических анекдотов вплетаются эпизоды собственной жизни поэта, пережитое, увиденное и сформулированное им самим. Биография Пушкина представлена автономными биографическими фрагментами.

В 1834 г., приступая к новому замыслу Записок, Пушкин писал: „Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении" (XII, 310). Замысел связных Записок не пошел дальше родословной и был отложен поэтом. Под-

борка „Table talk" позволяет предположить, что Пушкин снова (как и в „Опровержении на критики") предпочел ему свободную композицию мемуарного повествования, собирая в папке „Table talk" автономные биографические фрагменты.

Автографы „Table talk" свидетельствуют, что они явно готовились для печати. В некоторых отрывках видим незначительную правку рыжими чернилами и одинаковым почерком, резко отличным от почерка самих записей. Скорее всего, Пушкин готовил свою подборку для одного из ближайших номеров „Современника" и перед публикацией пересмотрел ее еще раз и прошелся по ней редакторским пером.

Жандармский досмотр зафиксировал листы „Table talk" так, как они были подобраны Пушкиным. Этот порядок расходился с принятым порядком публикации заметок в Большом академическом издании и в десятитомниках. Современные издания выстраивают заметки Пушкина, следуя хронологии событий, в них изложенных. Правильно ли это? Мне кажется, что этому противоречит самый жанр „застольных бесед" — жанр открытый, не связывающий автора стилистическими или сюжетными рамками: исторический анекдот, суждения о критике и грамматике, писателях и их творчестве могли здесь свободно сосуществовать. Для „застольных бесед" вполне подходили и записи из дневника (одну такую запись из лицейского дневника о Денисе Давыдове мы здесь встречаем), и свежие впечатления, записанные после бесед с друзьями или по памяти. Среди этих отрывков можно было свободно помещать как выразительные эпизоды своей биографии, так и характеристики лиц, которых Пушкин хотел собрать вокруг себя. Переданная через частные эпизоды история жизни поэта и близких ему лиц, как и приметы эпохи, входила бы в сознание потомства „домашним образом".

Возможно, что готовившаяся для „Современника" подборка была бы только первой из серии „застольных бесед", которые время от времени могли появляться на страницах пушкинского журнала.

Помочь разобраться в дальнейших замыслах Пушкина мог бы его рабочий кабинет. Допустим, что после смерти поэта была бы составлена опись бумаг, которые находились в его кабинете, со специальной целью выявить, над чем он работал в последние дни и месяцы своей жизни, т. е. какие бумаги лежали на его письменном столе и на полках, в каком порядке они были разложены, как сгруппированы. Мы знали бы с большей очевидностью, чем сейчас, какие из своих замыслов Пушкин предполагал первейшими, а каким придавал меньшее значение. „Посмертный обыск" перетасовал карты в колоде пушкинских рукописей, перетасовал, но не в такой степени, чтобы не оставить возможности для исследователя выявить определенные „блоки" рукописей, восстановить хотя бы частично порядок, нарушенный в свое время. А. Х. Бенкендорф вначале отдал распоряжение рассматривать бумаги Пушкина в III Отделении. После возражений Жуковского было решено провести эту операцию на его квартире с обязательным участием начальника штаба корпуса жандармов генерала-майора Л. В. Дубельта.

„Нужно отдать справедливость Дубельту, — пишет М. А. Цявловский, — дело по разборке бумаг Пушкина он провел с достаточной тщательностью и вниманием. Занятиям его велся «журнал», документ исключительной важности в истории рукописей Пушкина".[60]

Из „протоколов", которыми отмечался в этом журнале каждый день работы, мы узнаем, как и в каком порядке просматривались рукописи. В спешке „обыска" из бумаг Пушкина выделялись законченные вещи и черновые тетради, а все остальное делилось на две группы: стихи и прозаические произведения. Жандармы складывали отдельные листы, прошивали их посередине, в месте прошива листы сгибались — получалась тетрадь, в которой каждый из листов пушкинских рукописей делился пополам, так что первый лист „жандармской тетради" и последний ее лист были частями одного пушкинского автографа. Листы нумеровались красными чернилами, но нумеровали жандармы не пушкинские автографы, а листы сшитых ими тетрадей, поэтому один и тот же лист получал два „жандармских" номера — в первой половине тетради и во второй.

Конечно же, бумаги складывались в сундуки и вынимались из них аккуратно, и порядок, в котором они находились в кабинете Пушкина, до некоторой степени сохранился. Это подтверждает и наблюдение Цявловского: „Сшивка, — пишет он, — производилась механически: листы, исписывавшиеся Пушкиным один за другим, вкладывались один в другой и сшивались".[61]

В 1939 г. „жандармские тетради" по инициативе М. А. Цявловского были расшиты и каждый автограф помещен в отдельную папку. При этом предварительно с каждой расшиваемой тетради делался точный макет. Эти макеты и позволяют восстановить порядок, в котором брались в руки и сшивались бумаги Пушкина.

Особый интерес представляет для нас „жандармская тетрадь" № 4 (в ГБЛ, где до 1949 г. находилась бо́льшая часть рукописей Пушкина, она имела номер 2387 А). Тетрадь состоит из 84-х листов (т. е. из 42-х листов пушкинских). Если предположить, что со стола и с полок Пушкина к Жуковскому и потом к жандармам перешла пачка листов, составившая эту тетрадь, видим, что у Пушкина в одной стопке лежали: большая часть „Опровержения на критики" и „Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений" (л. 11—22, 63—74), включая и отрывок о родословной Пушкина („Начало автобиографии") (л. 23—26, 50, 59—62); перевод немецкой биографии А. П. Ганнибала на русский язык (л. 40—45); несколько документов, связанных с Ганнибалом: „Записка о Ганнибале" 1823 г., написанная П. А. Ганнибалом („Отец мой служил в Российской службе" — л. 37 и 48); прошение Ганнибала на имя императрицы Елизаветы Петровны от 15 марта 1781 г. (л. 39 и 46); письмо Екатерины II к П. А. Ганнибалу от 2 сентября 1869 г. (л. 31—32, 54—55);[62] отрывок из кишиневского дневника (л. 33), дневник 1831 г. (л. 31, 54, 55) и

---

[60] *Цявловский М. А.* „Посмертный обыск" у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 279.

[61] *Цявловский М. А.* Судьба рукописного наследия Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. С. 270.

[62] Полную публикацию первых двух документов см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 170—173. Здесь же указания на первые неполные публикации.

отрывок о Карамзине из сожженных Записок (л. 34—35, 51).[63] Такое соседство — остаток Записок, известные дневниковые записи, подробная биография Ганнибала (дополняющая уже написанную родословную) и „Опровержения на критики" — подсказывает, что все эти материалы были собраны воедино для дальнейшей работы над Записками, т. е. Пушкин подбирал и складывал, как мы бы сказали, „в одну папку" материалы, которые могли понадобиться ему в работе над одной темой. Для нас особенно важно соседство „Начала автобиографии", отрывка о Карамзине, дневниковых записей и „Опровержения на критики".[64]

В 1825 г. в Михайловском Пушкин настойчиво просил брата прислать ему „Conversations de Byron". Прочитав книгу, он мог составить представление о записках Байрона. Тогда же в письме к Вяземскому он осудил установку английского поэта на жанр исповеди, на самоанализ.

Но в 1835—1836 гг. Пушкину, отказавшемуся от мемуаров в их традиционной форме, могли вспомниться и другие особенности записок Байрона. Знаменательны признания последнего, что в записки его входили „анекдоты", которые касались не только его самого, но и „других лиц", и что воспоминания о его детстве и юности были изложены в них „без порядка", т. е., очевидно, с нарушением хронологии, и отдельные эпизоды („анекдоты") подбирались по принципу, который нам неизвестен.

„Разговоры Байрона" касались не только его личной жизни. Другим сюжетом, несомненно занимавшим Пушкина, было отношение к английскому поэту его читателей и критиков. В 1824—1825 гг., когда Пушкин писал свои „мемуары", эти темы еще не волновали его. Он был любимцем публики. Начиная с „Руслана и Людмилы" в нем видели надежду русской литературы, журналисты (кроме самых косных) хвалили поэмы Пушкина, стихи его были нарасхват, он готовился издать первый сборник своих стихотворений и, конечно, был уверен, что критики его встретят если не с восторгом, то по крайней мере приветливо.

Все изменилось в конце 20-х гг. Первая неожиданность — холодное отношение критики к „Полтаве", которую сам Пушкин высоко ставил („Полтава не имела успеха ⟨...⟩ я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям: к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся", — писал он в „Опровержении на критики"). С конца 1829 г. начались нападки на Пушкина Надеждина, Булгарина, Греча и хорошо известная полемика вокруг „литературной аристократии". Возникла потребность написать „опровержение", объяснить свои отношения с критикой, показать мелочность и ничтожность его оппонентов.

---

[63] Листы 36 и 49 — чистые. Между ними — немецкий текст биографии Ганнибала и относящиеся к нему документы. Возможно, эта подборка имела еще одно назначение — задуманную в 1825 г. биографию Ганнибала.

[64] Часть листов с автобиографическими записями была сложена в „пакеты" с „отдельными листами", как значатся они в „журнале", который вели Жуковский и Дубельт. Это отрывок „Вышед из Лицея..." (ПД, № 415), программа Записок (ПД, № 963), заметка „Холера" (ПД, № 826), лицейский дневник (ПД, № 869) и второй лист кишиневского дневника (ПД, № 824). Кишиневский дневник писался на бумаге небольшого формата, и первый лист не был прошит, как остальные листы тетради 2387 А, а подклеен к л. 32 этой тетради.

По-видимому, в это время Пушкин и вспомнил вторую, ведущую, тему „Разговоров Байрона" — поэт и его критики. Отдельные отрывки из „Разговоров Байрона" по характеру, стилистической оформленности, способу подачи темы смыкаются с „Опровержением на критики".[65]

„Опровержение на критики" сравнивают с книгой Кольриджа „Литературная биография, или Биографические наброски моей литературной жизни и мнений".[66] Однако „Опровержение" включает не только события литературной жизни, но также и „Родословную Пушкиных и Ганнибалов". Правда, в 1830 г. родословная еще „привязана" к полемике о „литературной аристократии", но в 1834 г. она уже станет началом нового замысла пушкинских Записок.

Равным образом близки жанру „Опровержения" и „Разговоры Байрона". Их сближает и содержание, и отсутствие точной хронологии, и изолированность сюжетов, когда каждый эпизод личной и литературной жизни поэта замкнут в свой сюжетный узел, каждый из которых является вехой в жизни поэта и его отношениях с критикой.

„Опровержение на критики", хотя и написанное, осталось не приведенным в окончательный порядок. На основе его, мы помним, Пушкин составлял „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". Заметки автобиографического характера выпадали из этого замысла.

В 1834 г., когда Пушкин писал „Начало автобиографии", полемика вокруг „литературной аристократии" (а она была непременной частью как „Опровержения", так и „Опыта отражения") перестала быть актуальной. Из категории современной, сегодняшней борьбы она перешла в категорию воспоминаний о прошлом и как воспоминание, очевидно, должна была занять место в Записках поэта. Равным образом это относится и к другим автобиографическим сюжетам из „Опровержения на критики".

И здесь мы снова вернемся в кабинет поэта, где в одну стопку бумаг были сложены листы „Опровержения", остатки Записок и заготовки для них — немецкая биография Ганнибала и листы с дневниковыми записями.

Сожженные Записки содержали непосредственные впечатления о людях, беседах, событиях, которые казались примечательными и заслуживающими внимания следующих поколений. Так, в сохраненном отрывке о Карамзине мы встречаем имена Михаила Орлова и Никиты Муравьева. Пушкин приводит их суждения об „Истории государства Российского" как услышанные из первого источника, т. е. непосредственно от самих оппонентов Карамзина. Декабристы были близки Пушкину, оказывали влияние на формирование его личности, его взглядов, в них он видел характеры, определяющие приметы эпохи.

„Взглянем на трагедию глазами Шекспира", — писал Пушкин Жуковскому (XIII, 250), когда прошло первое потрясение, вызванное поражением восстания. Взгляд „глазами Шекспира" — эстетическая мера пушкинского ис-

[65] Подробнее см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 214—218.

[66] *Coleridge S. T.* Biographia Literaria, or Biographical skethes of my literary, life and opinions. London, 1817. См.: *Мясоедова Н. Е.* Болдинские полемические заметки 1830 года и пушкинский замысел автобиографии // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 131—132.

торизма. Уже тогда, вскоре после восстания, Пушкин нашел в себе силы отрешиться от личных пристрастий и симпатий в оценке декабрьской катастрофы, попытаться понять историческую закономерность случившегося. „Друзья, братья, товарищи” стояли на подмостках истории, и писать о них собирался теперь не Пушкин-романтик, увлеченный „демагогическими спорами”, которые велись в Каменке (см. его письмо к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г.), а историк, уже погрузившийся в документальную стихию Крестьянской войны 1773—1775 гг. — „пугачевщины”.

16 сентября 1827 г. приятель Пушкина А. Н. Вульф записал в дневнике: „Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей Истории, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря»”.[67] Слова Пушкина выдают его замыслы — замыслы историка и летописца современности. Отметим, что Пушкин разделяет эти два замысла. „История ⟨...⟩ Александрова” предполагает труд законченный, социально-острый („пером Курбского”); описание „современных происшествий” — записки о современности, которым еще предстоит стать историей.

Вскоре после этого разговора отрывок о Карамзине из сожженных Записок появится в „Северных цветах” на 1828 г. в окружении „мыслей” об истинном патриотизме и необходимости знать историю своего отечества. Труд Карамзина Пушкин называл в этом отрывке „подвигом честного человека”. Так он обозначил отказ писателя от художественного творчества ради того, чтобы отдать „12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам” историка. Одновременно это была оценка общественной и нравственной позиции писателя, его гражданской независимости. Собираясь написать „историю ⟨...⟩ Александрову”, т. е. продолжить труд Карамзина, Пушкин перенимал от него и эстафету „честного человека”.[68]

Разговор с Вульфом происходил тогда, когда Пушкин переживал полосу оптимизма (в 1826 г. были написаны „Стансы”, в 1828 — „Друзьям”). Николай I предпринял ряд политических шагов, которые позволили надеяться на установление в стране законности и правопорядка; Россия наконец избавилась от аракчеевщины, и первому поэту России казалось, что близятся более либеральные времена.

Через два года после разговора с Вульфом Пушкин действительно описал „историю ⟨...⟩ Александрову” „пером Курбского” — в декабристских строфах главы „Странствие” „Евгения Онегина”. Эти строфы можно назвать публицистикой в стихах. Их постигла участь Записок — они были сожжены 19 октября 1830 г.

Декабристское движение и катастрофа 14 декабря 1825 г. были только частью исторического периода, на который приходилась сознательная жизнь Пушкина. В стихах, посвященных лицейской годовщине 1831 г., он называет вехи минувшего двадцатилетия:

---

[67] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 416.
[68] См.: *Вацуро В. Э.* „Подвиг честного человека”. С. 97.

Давно ль, друзья... но двадцать лет
Тому прошло, и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.[69]

Пушкин делает исторический пробег по событиям, свидетелем которых было его поколение: смерть Александра I, пожар Москвы, занятие Парижа русскими войсками, провозглашение независимости Греции в 1829 г., июльская революция 1830 г. во Франции, польское восстание 1830—1831 гг. Все эти темы присутствуют в письмах и дневниках Пушкина, в его стихах и беседах с друзьями. Естественно предположить, что они вошли бы и в его „биографию".

Обозначенные в строфе события как бы продолжают „программу" Записок („Лицей. Открытие. Государь", „1812 год", „Греческая революция"), а одно из них — „бунт Варшавы" — уже реализовалось в дневниковых записях Пушкина.

Когда писалась глава „Странствие", Пушкину могло казаться, что историю предыдущего царствования можно описывать „пером Курбского".[70] В 1830 г. он понял: нельзя, но все же зашифровал крамольные строфы — в надежде на будущее. Делом будущего были и его Записки. Данное в начале последнего приступа к ним обещание говорить об „исторических лицах" „с откровенностию дружбы или короткого знакомства" не могло быть выполнено и в 1834 г. Но Пушкин не отказался от своего намерения, свидетельство этого — подборка биографических материалов, зафиксированная „жандармской тетрадью". И мы видим, что отрывки „литературной биографии" Пушкина (материалы „Опровержения на критики") сочетаются здесь с материалами для мемуаров в более широком смысле, т. е. Пушкин готовился продолжать свою автобиографию так, как было заявлено в ее „начале", и так, как было намечено в его более ранних „программах", — с рассказом о себе и своей родословной, с привлечением значительных исторических (1812 г. и декабрьское восстание) и политических (восстание в Польше, холерные бунты) событий своего времени, с характеристикой примечательных лиц, с которыми его свела судьба, и с рассказом о своей литературной судьбе.

Подборка бумаг в кабинете поэта должна была послужить для его будущей автобиографии. Именно она могла стать наследницей сожженных Записок, но работа над ней, по-видимому, не принадлежала к первоочередным задачам Пушкина. Отложив работу над Записками, поэт начинает готовить к публикации автономные мемуарные фрагменты, составляя свою подборку „Table talk". Что из известных нам мемуарных отрывков появилось бы на страницах „Современника", что было бы оставлено для „биографии" и что повторилось бы в „биографии" — мы не знаем. Не знаем и того, как была бы построена его

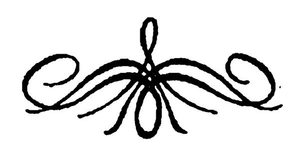
---

[69] В окончательном тексте эта строфа была зачеркнута Пушкиным. См.: *Левкович Я. Л.* Лицейские годовщины // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 89—90.

[70] См.: *Дьяконов И. М.* Об истории замысла „Евгения Онегина" // П. Исслед. и мат. Л., 1982. Т. 10. С. 91—100.

„биография" — традиционно, с последовательным изложением событий, обстоятельств и встреч, как было намечено в „программах" будущего труда, или, подобно запискам Байрона, „без порядка", с нарушением присущей этим „программам" хронологии. Смерть оборвала многие замыслы поэта, в том числе и замысел, который он лелеял почти всю сознательную творческую жизнь, — замысел Записок.

„История ⟨...⟩ Александрова" и „современные происшествия" под пером историка Пушкина могли быть и биографией поэта, и политическим очерком своего времени, написанным с живостью рассказа, отличавшим такого мастера прозы, каким был Пушкин.

КОММЕНТАРИИ

⟨ИЗ ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА⟩

Впервые опубликовано по автографу (Анненков. Материалы. С. 22—23 и 25—27): начальная запись без даты, начальные слова и две строфы стихотворения „Венчанье Шутовского", записи от 28 ноября 1815 г., запись от 29 ноября, пять отрывков записи от 10 декабря, запись от 17 декабря и первый абзац „Моих мыслей о Шаховском". Полностью напечатано Д. Н. Сапожниковым (*Сапожников Д. Н.* Вновь найденные рукописи Пушкина // РА. 1899. Кн. 1, вып. 2. С. 340—350).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1859 г. под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1869. Т. IV. С. 10—13).

Беловой автограф: ПД, № 869 (семь вырванных из тетради листов). Печатается по автографу.

Год записей — 1815.

[1] ...*партизан*... — Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), генерал-лейтенант, герой Отечественной войны, партизан, участник „Арзамаса". Этот анекдот с уточнениями записан также в „Table talk".

[2] *Бенигсен* Леонтий Леонтьевич (1745—1826), граф — генерал-от-кавалерии, в 1812 г. начальник штаба армии.

[3] *Багратион* Петр Иванович (1765—1812), князь — генерал-от-инфантерии, в 1812 г. командовал Второй Западной армией.

[4] Имеется в виду первая часть „Стихотворений Жуковского" (СПб., 1815), вышедшая в Петербурге около 7 декабря 1815 г.

[5] Эту аббревиатуру было принято раскрывать Б⟨уни⟩на. Правильное прочтение предложено В. Э. Вацуро. См. его „Записки комментатора". СПб., 1994. С. 71—75. *Бакунина* Варвара Ивановна — писательница, близкий друг А. А. Шаховского, сестра злейшего врага карамзинистов П. И. Голенищева-Кутузова.

[6] *Шутовской* — Шаховской Александр Александрович, князь (1777—1846), драматург, поэт, член „Беседы любителей русского слова". Венчанье лаврами Шаховского происходило в доме А. П. Буниной 24 сентября 1815 г., на следующий день после представления его пьесы „Урок кокеткам, или Липецкие воды", где пародийно изображался Жуковский. Вот что писал по этому поводу в своих воспоминаниях арзамасец Ф.Ф.Вигель: „В поэте Фиалкине, в жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит о своих балладах и произносит несколько известных стихов прозванного нами в шутку балладника. Это все равно, что намалевать рожу и подписать под нею имя красавца; обман немедленно должен раскрыться, и я не понимаю, как Шаховской не расчел этого. Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров! Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его!" (*Вигель Ф. Ф.* Записки / Ред. и вступ. статья С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 2. С. 61).

Это событие послужило поводом для создания „Арзамаса". В „Сыне отечества" Д. В. Дашков напечатал издевательски учтивое „Письмо к новейшему Аристофану", отрывки из которого и цитирует в дневнике Пушкин.

[7] Намек на комедию Шаховского „Полубарские затеи".

[8] Гонителем Карамзина Шаховской выступил в комедии „Новый Стерн".

[9] *Хлыстов* — Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1756—1835), бездарный поэт, член „Беседы

любителей русского слова", имя его было нарицательным для обозначения плодовитого графомана.

[10] *„Шубы"* — „Расхищенные шубы", „ироикокомическая поэма" А. А. Шаховского.

[11] *Старик седой* — Шишков Александр Семенович (1754—1841), адмирал, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения и глава Цензурного ведомства. Был одним из основателей „Беседы любителей русского слова".

[12] *„Поэтов бледный строй..."* — имеются в виду члены „Беседы".

[13] Шаховской служил в театральной дирекции как член репертуарной части; в 1812 г. принял начальство над одним из полков тверского ополчения.

[14] О „пасквилях" Шаховского см. „Мои мысли о Шаховском".

[15] Имеются в виду „Липецкие воды" и „Новый Стерн" Шаховского.

[16] Речь идет о Л. Н. Неваховиче (1776—1831), драматурге и переводчике, жившем в доме А. А. Шаховского. Для пьесы Шаховского „Дебора, или Торжество веры" (1811) часть сцен Невахович написал прозой, а Шаховской переложил их стихами.

[17] *Макар* — слуга Шаховского.

[18] *Ежова* Екатерина Ивановна (1788—1836) — драматическая актриса, гражданская жена Шаховского.

[19] Запись 29 ноября касается юношеской влюбленности Пушкина в сестру его лицейского товарища Екатерину Павловну Бакунину (1795—1869). Чувство к Бакуниной отразилось в ряде лицейских стихотворений Пушкина, в том числе и в цикле элегий 1816 г., посвященных безнадежной, неразделенной любви (см. об этом примечания Т. Г. Цявловской к стихотворениям „Осеннее утро", „Слово милой" в кн.: *Пушкин А. С.* Собр.соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 605, 607). Как „Катерина I" записана в так называемом „Дон-жуанском списке" Пушкина (РП. С. 629).

[20] Цитата из стихотворения Жуковского „Певец" („В тени дерев, над чистыми водами").

[21] „Фатам, или Разум человеческий" — несохранившийся роман Пушкина. В „Материалах" П. В. Анненкова читаем: „Некоторые из его (Пушкина. — *Я. Л.*) товарищей еще помнят содержание романа «Фатам», написанного по образцу сказок Вольтера. Дело в нем шло о двух стариках, моливших небо даровать им сына, жизнь которого была бы исполнена всевозможных благ. Добрая Фея возвещает им, что у них родится сын, который в самый день рождения достигнет возмужалости и вслед за этим почестей, богатства и славы. Старики радуются, но Фея полагает условие, говоря, что естественный порядок вещей может быть нарушен, но не уничтожен совершенно: волшебный сын их с годами будет терять свои блага и нисходить к прежнему своему состоянию, переживая вместе с тем года юношества, отрочества и младенчества до тех пор, пока снова очутится в руках их беспомощным ребенком. Моральная сторона сказки состояла в том, что изменение натурального хода вещей никогда не может быть к лучшему" (с. 24). По справедливому замечанию Б. В. Томашевского, „товарищи Пушкина, передававшие Анненкову и Гаевскому сюжет повести, сохранили в своей памяти только внешнюю связь событий и совершенно умолчали о эпизодах. А между тем запись в дневнике Пушкина показывает, что подобные эпизоды были. В частности, третья глава трактовала о естественном праве. Естественное право, наука по преимуществу политическая, преподавалось Куницыным в 1815/16 г. ⟨*Esymbol*ъ...⟩ По-видимому, Пушкин был увлечен лекциями по естественному праву и отразил их в главе своего романа. Поэтому можно думать, что тема, поставленная Пушкиным, связана была с политическими вопросами и давала изображение общества (вероятно, в сатирическом освещении) в связи с политической жизнью и гражданскими правами" (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 36—37).

[22] *С. С.* — товарищ Пушкина Семен Семенович Есаков (1798—1831) или надзиратель по учебной и нравственной части в Лицее Семен Степанович Фролов (1765—после 1843).

[23] *„Жизнь Вольтера"* — книга, вероятно, написанная Антуаном Кондорсе (1787).

[24] Речь идет о несохранившейся комедии „Философ". Об этом замысле товарищ Пушкина по лицею А. Д. Илличевский писал Фуссу 16 января 1816 г.: „Кстати о Пушкине: пишет теперь комедию в пяти действиях, в стихах, под названием «Философ». План довольно удачен — и начало: то есть 1-ое действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее, — стихи и говорить нечего — а острых слов — сколько хочешь" (*Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1911. С. 60). Со слов кого-то из лицеистов это сообщение дополняет В. П. Гаевский: „...он ⟨*Esymbol*ъПушкин⟩ начал комедию в стихах: «Философ»..., но сочинил только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное" (Современник. 1863. № 7. С. 155).

[25] Поэма „Игорь и Ольга", по-видимому, совсем не была написана.

[26] Эпиграмма направлена против членов „Беседы", и в том числе против поэта князя Пла-

тона Александровича Ширинского-Шихматова, директора Департамента народного просвещения, члена Российской Академии. Литературным образцом послужила Пушкину эпиграмма, приписывавшаяся Бомарше (см.: Поэтика. Л., 1929. Вып. V. С. 68—69).

27 Этот замысел также не был осуществлен. Б. В. Томашевский отмечает, что его иногда смешивают с „Воспоминаниями в Царском Селе", но для этого „нет достаточных оснований". Шесть пунктов, записанных в дневнике Пушкина, являются, вероятно, не программою стихотворения, а подзаголовками частей. Именно на замысел большой поэмы в шести частях указывает и время записи — декабрь, раскрывающий планы поэта на летние месяцы. Для описательных поэм, распространенных в это время, характерно разделение повествования на части дня. „Позднее, — отмечает Томашевский, — разочаровавшись в подобных формах, Пушкин писал Дельвигу: «Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени ⟨*Esymbol*ъгода⟩»" (23 марта 1821 г. — XIII, 25—26) (*Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1. С. 38).

28 „Куплеты" на воспитателей и товарищей были плодом коллективного творчества и назывались в Лицее „национальными песнями". Исполнение их входило в ритуал празднования лицейских „годовщин" (см.: *Грот К. Я.* Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него // ПиС. Вып. 13. С. 38—39). „Протоколы" лицейских годовщин, написанные Пушкиным и М. Л. Яковлевым, см.: Рукою П. С. 733—743.

29 *„Бери себе повесу"* — пародия на стихотворение И. И. Дмитриева „Карикатура" („Сними с себя завесу").

30 *Георгиевский* Петр Егорович (1791—1852) — адъюнкт-профессор русской и латинской словесности и эстетики в Лицее.

31 *Бутервек* (1766—1828) — немецкий философ и историк литературы, преподававший в Геттингене и оказавший большое влияние на романтиков. Особой популярностью пользовалась его „Эстетика", и, возможно, о ней говорил на своих занятиях Георгиевский.

32 *Ниобы группа* — знаменитая античная скульптура, украшавшая храм Аполлона.

33 Имеется в виду итальянский живописец эпохи Возрождения Корреджо Антонио Аллегри (ок. 1489—1534), пользовавшийся в своих картинах эффектами светотени.

34 *Кайданов* Иван Кузмич (1782—1845) — адъюнкт-профессор, преподаватель истории, географии и статистики в Лицее.

35 *Борнгольм* — остров в Балтийском море. Одна из повестей Н. М. Карамзина называется „Остров Борнгольм" (1793).

36 *Карцев* Яков Иванович (1785—1836) — адъюнкт-профессор, преподаватель физических и математических наук в Лицее.

37 *Вольховский* Владимир Дмитриевич (1798—1841) — товарищ Пушкина по Лицею. Успешно учился по математике, как и по другим наукам, и при выпуске был награжден I золотой медалью.

38 Доктором в Лицее был Франц Осипович Пешель (1784—1842).

39 *Камараж* — Илья Антонович Камараш (род. 1763), коллежский советник, надзиратель по хозяйственной части в Лицее.

40 *Роспини* — петербургский механик.

41 *Фридебург* — лицо неустановленное.

42 *Шумахер* Август Васильевич — преподаватель в Лицее.

43 *Гакен* Август-Фридрих (род. 1776) — бывший морской офицер, гувернер в Лицее.

44 *Владиславлев* Александр Андреевич — отставной капитан, гувернер в Лицее в 1813—1815 гг.

45 *Матвеюшка* — Матвей Алексеевич Золотарев (род. 1772) — помощник надзирателя по хозяйственной части в Лицее.

46 *Левашов* Василий Васильевич (1783—1848) — в 1815—1822 гг. командир л.-гв. Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Руководил обучением лицеистов верховой езде.

47 *Вильмушка* — Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846) — часто служивший предметом насмешек лицеистов. Этот куплет является намеком на эпиграмматический диалог „Демон метромании и стихотворец Газель", направленный против Кюхельбекера в рукописном журнале „Лицейский мудрец" (1815). Автор диалога неизвестен.

48 *Зябловский* Евдоким Филиппович (1764?—1846) — профессор географии и статистики в С.-Петербургском педагогическом институте. Присутствовал на переводных экзаменах лицеистов в январе 1815 г.

49 *Петров* Василий Владимирович (1761—1834) — академик, физик, по-видимому, также присутствовал на экзаменах.

50 *Иконников* Алексей Николаевич (1789—1819) — в 1811—1812 гг. был гувернером в

Лицее, писал стихи, сочинял пьесы для лицеистов, в постановках которых сам принимал участие. Из Лицея был уволен за пьянство.

[51] *Куницын* Александр Петрович (1782—1840). В 1811 г. был адъюнкт-профессором, а с 1816 по 1820 г. профессором нравственных наук в Лицее. В 1821 г. пострадал за изданные им лекции „Естественное право" (СПб., 1818), найденные „весьма вредными, противоречащими истинам христианским и клонящимися к ниспровержению всех связей, семейственных и государственных". Труд его был конфискован и уничтожен, а сам Куницын уволен из Лицея и из Университета (см.: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею: Материалы для словаря лицеистов I курса. СПб., 1913. Т. 3. С. 39). По свидетельству П. А. Плетнева, Пушкин всегда восхищался лекциями Куницына и „лично к нему до смерти своей сохранил неизменное уважение" (см.: *Мейлах Б.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 66).

[52] *„Новый Стерн"* — комедия Шаховского (1807), высмеивающая Карамзина.

[53] *Ломоносов* — опера-водевиль в 3-х действиях „Ломоносов, или Рекрут-стихотворец" Шаховского, поставленная на сцене в 1814 г.

[54] *„Казак-стихотворец"* — его же опера-водевиль в одном действии, поставленная в 1812 г.

[55] *„Встреча незваных"* — водевиль Шаховского „Крестьяне, или Встреча незваных" в одном действии, поставленная в 1814 г.

[56] *„Шубы"* — „Расхищенные шубы", см. примеч. 10.

[57] *„Кокетка"* — „Урок кокеткам, или Липецкие воды", см. примеч. 6.

ИЗ КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА

Впервые опубликованы записи от 2 и 3 апреля 1821 г. В. А. Жуковским в посмертном изд. собр. соч. Пушкина (СПб., 1841. Т.XI. С. 199—200) и часть записи 9 апреля — Е. И. Якушкиным в статье „Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта" (Библиогр. зап. 1859. № 5. Стб. 129).

В. Е. Якушкин напечатал по автографу следующий абзац: „Получил письмо..." кончая словами: „...писем: они" (РС. 1884. Декабрь. С. 552). Часть текста со слов „...его бы обрадовали..." до конца напечатана Н. О. Лернером в публикации „Из дневника Пушкина. Неизданный отрывок" (Нива. 1912. 4 февр. № 5. С. 93). Полностью по автографу напечатано Б. Л. Модзалевским в книге „Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина" (Пг., 1922. С. 225; факсимиле здесь же, с. 224—225).

В собр. соч. А. С. Пушкина входит начиная с издания 1841 г. (Т. XI. С. 199—200); полностью — с издания под редакцией С. А. Венгерова (СПб., 1911. Т. V. С. 413 и Пг., 1915. С. 173).

Кишиневские дневниковые записи дошли до нас на двух листочках, вырванных из тетради № 832. В начале этой тетради вырвана целая тетрадочка и еще несколько листов. По линии обрыва можно установить, что сохранившиеся листы дневника относятся к началу второй тетрадочки, т. е. им предшествовало 19 ил 20 листов. На сохранившихся листах записи идут подряд со 2 апреля до 6 июня 1821 г. Очевидно, какое-то время тетрадь № 832 использовалась главным образом как дневник. С. А. Фомичев полагает, что Пушкин начал вести дневник в марте 1821 г., после возвращения из Каменки (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832: Из текстологических наблюдений // П. Исслед. и мат. Л., 1986. Т. 12. С. 231). Число листов, вырванных подряд перед сохранившейся частью дневника, позволяет предположить, что Пушкин завел его раньше. С большей уверенностью можно предполагать, когда он свой дневник бросил. Это, по-видимому, случилось не позже 18 июля 1821 г. В этот день он узнал о смерти Наполеона. Однако эта запись (см. с. 48 наст. изд.) сделана не в подневном ряду, а на л.45 тетради № 831. Это может служить свидетельством, что с дневником Пушкин уже расстался.

[1] Высказывалось предположение, что под инициалами H.G. скрывается Елена Григорьевна Гартинг, урожд. Стурдза (1786—1831), сестра молдавского господаря Михаила Стурдзы, по первому мужу Гика (см.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 267). Однако принадлежащую к старинному молдавскому роду Стурдза Е. Г. Гартинг Пушкин не мог назвать „гречанкой". От К. К. Данзаса идет свидетельство, что в доме Гартинг жила гречанка, воспетая Пушкиным (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 338). У Гартинг Пушкин бывал не раз (см. запись на с. 48 наст. изд.), но 2 апреля, очевидно, впервые встретился с „прелестной гречанкой", жившей или появившейся недавно в ее доме. Запись сделана в разгар повстанческого движения в Дунайских княжествах. Греческое восстание было одним из наиболее ярких впечатлений Пушкина в период южной ссылки. Началось оно после

того, как 13 января 1821 г. умер валахский господарь Александр Суццо. Этеристы — члены Союза освобождения Греции от турецкого владычества (этерии) — поднялись для освобождения. В начале февраля Тудор Владимиреску поднял восстание в Молдавии. 23 февраля Александр Ипсиланти выехал из Кишинева к турецкой границе и в Яссах обнародовал прокламацию к грекам с призывом к единению и борьбе. Начало действий отмечено Пушкиным в письме к Н. И. Гнедичу из Михайловского от 23 февраля 1825 г.: „23 фев⟨*Esymbol*ъраля⟩, день объявления греческого бунта" (XIII, 145).

Запись сделана Пушкиным в разгар военных действий и перекликается с его восторженным письмом к В. Л. Давыдову, которое рисует начало революционных действий и самого Ипсиланти в восторженных тонах (см.: XIII, 23—24). Впоследствии отношение Пушкина к этерии и ее действиям изменилось (см.: *Левкович Я. Л.* Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года // Временник ПК. Вып. 21. С. 16—23). Кто были четыре грека (кроме „прекрасной гречанки"), о которых упоминает Пушкин, — сказать не можем.

[2] *Ипсиланти Александр* Константинович (1792—1828), князь — генерал-майор русской службы. Участник Отечественной войны, во время которой в сражении под Дрезденом потерял руку. По утверждению П. И. Бартенева (со слов В. П. Горчакова), Пушкин бывал в доме Ипсиланти (см.: *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914. С. 53). В „Кирджали" Пушкин писал: „Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли вождя, за которую взялся так горячо и так неосторожно" (VIII, 255). 7 июня в битве при Дрэгэшани армия Ипсиланти потерпела поражение. Охваченная деморализацией, она стала быстро разлагаться. В одиночку и группами повстанцы пробирались в Россию (см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 326).

[3] *Владимиреско* — Владимиреску Тудор (ок. 1770—1821), бывший валашский солдат, произведенный русским правительством в чин поручика. Возглавил демократическое крыло молдавского восстания. Его целью было избавить народ не только от турецкого ига, но и от ига местных дворян. А. Ипсиланти объявил Владимиреску изменником, арестовал его и казнил. Сделав это, он противопоставил себя народному движению и тем ускорил поражение восстания.

[4] *Митрополит* — Банулеску-Бодони Гавриил (1746—1821) — митрополит кишиневской епархии. Его упомянул Пушкин в стихотворении „Меж тем как генерал Орлов" (1821).

[5] Послание Вяземского Жуковскому („О ты, который нам явить с успехом мог") было напечатано в „Сыне Отечества" (1821, № 10). В следующих двух стихах этого послания „Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков, / Державин рвется в стих, а втащится Херасков," — Пушкин имел в виду сочетание двух „к" („к кому"). Это сочетание и вызвало каламбур „какофония" („како" — старое название буквы „к") (см.: *Сайтанов В.* Неизвестный цикл Пушкина // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Кн. 19. С. 372).

[6] Имеются в виду стихотворения Баратынского „Лиде" и „Страшно воет, завывает", напечатанные в „Сыне отечества" (1821. Март. № 10).

[7] После выступления А. Ипсиланти и издания им манифеста Пестель в начале марта 1821 г. был командирован начальником штаба 2-й армии генералом П. Д. Киселевым в Бессарабию, в Скуляны, на границу Валахии для собирания сведений о греческом восстании. В Кишиневе он встретился с Пушкиным и, судя по дневнику поэта, бывал у него. Л. А. Черейский пишет, что „можно предположить более раннее их знакомство в Тульчине (февраль 1821 г.)" (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 308). Липранди вспоминал, что Пестель не расположил к себе Пушкина и Пушкин говорил, что „он ему не нравится" и что, „несмотря на его ум, который он искал выказывать философическими сентенциями, никогда бы с ним не мог сблизиться" (П. в восп. М., 1974. Т. 1. С. 301).

[8] Это письмо, как и другие письма Чаадаева к Пушкину, не сохранилось. Две фразы этой записи („Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы"; „Никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя") настолько не соответствуют сжатому, бесстрастному стилю, принятому Пушкиным в дневнике, что, скорее всего, являются цитатой из письма, отправленного Чаадаеву. Далее в дневнике Пушкин также приводит часть своего письма к Дегильи.

[9] Речь идет о послании „Тебе, о Нестор Арзамаса", адресованном Василию Львовичу Пушкину и напечатанном в № 11 „Сына Отечества". Послание было написано еще в декабре 1816 г. и распространялось в списках.

[10] Это письмо к Н. И. Гречу не сохранилось.

[11] *Ипсиланти Дмитрий* Константинович (1793—1832) — брат Александра Ипсиланти, штаб-ротмистр л.-гв. Гусарского полка в 1815—1821 гг., адъютант Н. Н. Раевского-старшего,

гетерист. Сведения, переданные им Пушкину, оказались ложными, и уже в июне армии повстанцев были разгромлены.

[12] Пушкин был членом масонской ложи „Овидий", которая была открыта генералом П. С. Пущиным, членом „Союза Благоденствия", и состояла в связи с деятельностью кишиневской организации декабристов. 7 июня 1821 г. кишиневские масоны обратились к великой ложе „Астрее" с просьбой „даровать их ложе конституцию". Ложа была утверждена протоколом Великой ложи Астреи, однако не прошла, до своего закрытия, так называемой инсталяции — формального приема в масонство новых членов представителем Астреи и, таким образом, по уставу считалась неправомочной, а ее работа лишь временно разрешенной. В ноябре 1821 г. по особому царскому приказу закрываются все масонские ложи и запрещается учреждать их впредь. После декабрьского восстания, во второй половине января 1826 г., Пушкин писал Жуковскому из Михайловского: „Я был масон в Киш⟨иневской⟩ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи" (XIII, 257). Когда Пушкин писал это письмо, он несомненно сознавал, что ложа „Овидий" использовалась декабристами в политических целях. Историю закрытия ложи см.: *Кульман Н. К.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. С. 341—351; *Щеголев П. Е.* К истории Пушкинской масонской ложи // Голос минувшего. 1908. Кн. 5—6. С. 517—520. После закрытия ложи казначей ее Н. С. Алексеев передал Пушкину тетради, которые предназначались для бухгалтерских записей. Эти тетради стали рабочими тетрадями поэта (№ 834, 835, 836).

[13] Письмо это не сохранилось, но сама запись свидетельствует, что Пушкин был в тайной переписке с главой греческого восстания и письмо его, вероятно, было связано с желанием примкнуть к греческому войску. Ср. в письме к А. Дельвигу от 23 марта 1821 г.: „Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию" (XIII, 26). В августе 1821 г. в Москве распространились слухи о бегстве Пушкина в армию восставших греков. „Я слышал от верных людей, что он ускользнул к грекам", — сообщает о Пушкине М. П. Погодин в письме к В. Д. Корнильеву 11 августа 1821 г. (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 109).

[14] *Суццо* Михаил Георгиевич (1784—1864), князь — бывший господарь Молдавии, бежавший после начала греческого восстания из Ясс в Кишинев, где был агентом А. Ипсиланти.

[15] *Баранов* Александр Николаевич (1793—1821) — таврический гражданский губернатор. Пушкин вместе с Н. Н. Раевским-старшим его навестили в Симферополе в 1820 г. (см.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества Пушкина. Л., 1990. Т. 1. С. 150).

[16] *Алексеев* Николай Степанович (1788—1854) — приятель Пушкина. См. примеч. 12.

[17] *Тарас Кирилов* — заключенный в кишиневском остроге, которого Пушкин посетил накануне его бегства из острога. Сохранился (в передаче Н. И. Куликова) рассказ о разговоре Пушкина с Кириловым во время этого посещения (см.: РС. 1881. № 8. С. 613—614).

[18] *Крупенские* — Матвей Егорович (1781—не ранее 1848), кишиневский вице-губернатор, и его жена Екатерина Христофоровна (около 1792—1843).

[19] *Deguilly* — Дегильи, француз, уклонившийся от дуэли с Пушкиным. См. письмо от 6 июня 1821 г. (XIII, 30).

ВСТРЕЧА С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ

Впервые опубликовано: Анненков. Материалы. С. 117. Здесь напечатано начало записи кончая словами: „...недоволен сам собой". Продолжение записи кончая словами „...друг другу в объятия" и с купюрами, вызванными требованиями цензуры, опубликовано Е. И. Якушкиным в статье „Проза Пушкина" (Библиогр. зап. 1859. № 5. Стб. 132—133); несколько полнее, с полной фамилией Кюхельбекера, — в собр. соч. под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1869. Т. 4, примеч. С. IX—X); полностью (по копии) — в собр. соч. под редакцией П. А. Ефремова (СПб., 1881. Т. 5. С. 55—56).

Беловой автограф на отдельном листе: ПД, № 100. Печатается по автографу.

Датировано Пушкиным 15 октября 1827 г.

[1] *Боровичи* — почтовая станция в 23 верстах от следующей станции Залазы на пути Пушкина из Михайловского в Петербург.

[2] Имеется в виду книга „Духовидец. История, взятая из записок графа О***" и изданная Фридрихом Шиллером. Переведено с нем. с 3-го изд. В 6 частях (М., 1807; 2-е изд. М., 1818).

[3] Согласно предписанию „О порядке отправления государственных преступников по назна-

чению", декабристов следовало перевозить из крепости в крепость на отдельных тройках. На каждой тройке при преступнике должен был находиться жандарм; фельдъегерь имел отдельную тройку.

[4] А. С. Пушкин полагал, что везут членов польского национально-патриотического общества, имевших связи с декабристами. В действительности это были не „поляки", а декабристы. Их имена устанавливаются по донесению начальника Главного штаба барона Дибича от 14 октября 1827 г.: „Осужденных Верховным уголовным судом в каторжную работу государственных преступников Василия Дивова, Василия Норова и Вильгельма Кюхельбекера государь император высочайше повелел отправить вместо каторжной работы в крепостные арестанты, первых двух — в Бобруйск, а последнего — в Динабург (*Коржов С. Н.* Новое о встрече А. С. Пушкина с В. К. Кюхельбекером на почтовой станции Залазы) // Временник ПК. Л., 1988. Вып. 22. С. 72—81).

[5] О встрече Пушкина с Кюхельбекером сохранился рапорт фельдъегеря Подгорного, который сопровождал заключенных:

„Господину дежурному генералу Главного Штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову.

Фельдъегеря Подгорного

РАПОРТ

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для подписания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег, — сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он был посажен в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет.

Фельдъегерь Подгорный. 28 октября 1827 г."

Впервые рапорт фельдъегеря Подгорного опубликовал А. И. Герцен вместе с дневниковой записью Пушкина („Полярная звезда". 1861. Кн. 6. С. 127). В России рапорт впервые напечатан: РС. 1901. Март. С. 578.

Кюхельбекер был осужден по первому разряду и приговорен к смертной казни. На Сенатской площади он пытался стрелять в вел. князя Михаила Павловича. Великий князь „простил" Кюхельбекера и взял его под свое особое покровительство. „Во уважение ходатайства его императорского высочества Великого Князя Михаила Павловича" смертная казнь была заменена на 20-летнюю каторгу с последующим поселением (Восстание декабристов. Материалы. Дела следственной комиссии. М., 1980. Т. 17. С. 226). Покровительство обернулось для Кюхельбекера десятилетним заключением в одиночной камере сперва в Шлиссельбургской крепости, потом в Кексгольмской и Динабургской (в Двинске), после чего он был отправлен на поселение в Сибирь (см.: *Коржов С.Н.* Новое о встрече А. С. Пушкина...).

[6] Следующей после Залаз была расположенная в 22 верстах от нее станция Феофилова пустыня.

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК

Отрывок под названием „Военная грузинская дорога" напечатан Пушкиным в переработанном виде в „Литературной газете" (1830, № 6). Отрывок о коляске Вл. Пушкина опубликован в „Библиографических записках" (1859. Т. 2. С. 140). Частично, как отрывки черновых записей к „Путешествию в Арзрум", напечатан В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Ноябрь. С. 346, 347, 357). В Академическом издании Собр. соч. под заглавием „Путевые записки 1829" помещен в разделе „Другие редакции, планы, варианты к «Путешествию в Арзрум»", при этом опущено начало (встреча с Ермоловым), а часть записей обозначена как „Планы в рукописи «Путевых

записок»" и как „другие редакции" отрывков „Путевых записок" („Недавно поймали черкеса" и „Пушка оставила нас") (VIII, 1027—1046).

Реконструкция „Кавказского дневника" на основании анализа рабочей тетради Пушкина № 841 опубликована Я. Л. Левкович (см.: П. Исслед. и мат. Л., 1983. Т. 11. С. 5—27). В настоящем издании дневник печатается по этой реконструкции.

Автограф: ПД, № 841, л. 2—14, 104 об. — 100, 123.

[1] *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — герой Отечественной войны, главноуправляющий Грузией и командующий Отдельным Кавказским корпусом в 1816—1827 гг. С 1827 г. был в отставке из-за близости к оппозиционным (в частности, декабристским) кругам. Сам Ермолов об этой встрече с Пушкиным, со слов Д. В. Давыдова, рассказывал так: „Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила" (письмо к Вяземскому от 30 ноября 1829 г.).

[2] Друг и родственник Ермолова Д. В. Давыдов сообщает, что Пушкин, будучи в Орле, посетил Ермолова несколько раз (*Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 г. Л., 1985. С. 228). Об этом же свидетельствует и племянник Ермолова Н. П. Ермолов: „Когда Алексей Петрович жил в отставке в Орле, Пушкин был у него три раза" (*Шторм Г. П.* Новое о Пушкине и Карамзине // Известия АН СССР. Отд. яз. и лит. 1960. Т. 19. Вып. 2. С. 147).

[3] Портрет Ермолова был написан Джорджем Дау (1781—1829) для военной галереи Зимнего дворца.

[4] Имеется в виду Гусейн-аш паша, который был агою янычар, а позже принимал участие в их истреблении (см.:*Липранди И. П.* Битва и занятие позиций при Шумле... СПб., 1860. С. 3).

[5] *Толстой* Федор Иванович, граф (1782—1846), по прозвищу „Американец" — участник Отечественной войны 1812 г., бретер и карточный игрок. 27 мая—10 июня Пушкин писал ему о своей встрече с Ермоловым: „Путешествие мое было довольно скучно. Начать, что, поехав на Орел, а не прямо на Воро⟨неж⟩, сделал я около 200 ⟨верст лишних⟩, зато видел Ермо⟨лова⟩. Хоть ты его не очень жалуешь, принуж⟨ден⟩ я тебе сказать, что я нашел в нем разительное сходство с тобою не только в обороте мыслей, но даже и в чертах лица и в их выраже ⟨нии⟩. Он был до крайности мил" (XIV, 45—46).

[6] Записки Ермолова о его посольстве в Персию в 1817 г. были известны в многочисленных рукописных копиях; в 1817 г. частично и без имени автора они были опубликованы в „Отечественных записках" (ч. 33, кн. 2. С. 415—450; ч. 33, кн. 93—95. С. 107—145, 221—268, 395—442. См.:*Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа... М., 1990. С. 185). В 1833 г. Пушкин обратился к Ермолову с письмом, прося „дозволить" ему быть его историком и издателем его записок (XV, 38). Этот замысел не был осуществлен.

[7] Н. П. Ермолов свидетельствует, что во время встречи с А. П. Ермоловым Пушкин сказал о Карамзине: „Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как-будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновения наших царей" (*Шторм Г. П.* Новое о Пушкине и Карамзине. С. 147). Этот отзыв несомненно связан с впечатлениями от расправы с декабристами. Ср. отзыв об „Истории государства Российского" в отрывке из Записок, с. 55—56 наст. изд.

[8] *Курбский* Андрей Михайлович (1528—1583) — боярин и воевода, 30 апреля 1564 г., спасаясь от опалы Ивана Грозного, бежал в Литву, откуда посылал Грозному письма, обвиняя его в жестокости. В 1573 г. он написал „Историю о великом князе Московском" — политический памфлет, где выступил против усиления самодержавной власти. Публицистическое мастерство Курбского Пушкин отметил в беседе с А. Н. Вульфом. 16 сентября 1827 г. тот записал в дневнике: „Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей „Истории", говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского»" (П. в восп. Т. 1. С. 450).

[9] Любимой поговоркой Ермолова была: „Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед проситесь в немцы" (*Задонский Н. А.* Ермолов в Москве // Интересные современники. Любопытная старина. Воронеж, 1975. С. 254).

[10] Имеется в виду популярный роман Ф. Купера „Красный пират" („Red-Rower"), вышедший в 1828 г. Герой его — „благородный разбойник", борец за независимость Америки. А. Оленина в своем дневнике пишет, что „Красным пиратом" она назвала Пушкина (П. в восп. Т. 2.

С. 71—72), намекая на смелость и независимость его, а также на внешнее его сходство с героем Купера.

[11] *Граф Вл. Пушкин* — Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, член Северного Общества, за причастность к декабристскому движению был переведен из гвардии в Петровский пехотный полк, а в феврале 1829 г. в Тифлисский пехотный полк в звании капитана. По дороге к месту назначения и встретился с ним Пушкин. На Кавказ он ехал с братом своей жены Эмилием Карловичем Шернвалем фон Валленом (1806—1890), который был офицером генерального штаба при Паскевиче.

[12] Цитата из думы Рылеева „Петр Великий в Острогожске".

[13] *„Разные народы разные каши варят"* — цитата из поэмы Н. А. Львова „Добрыня, богатырская песня".

[14] Выражение „мусикийское орудие" заимствовано из книги Г. П. Успенского „Опыт повествования о древностях русских".

[15] Имеется в виду посещение вод в 1820 г. Оно описано Пушкиным в письме к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. (XIII, 17).

[16] Минарет Татартуб упомянут в поэме „Тазит": „Вблизи развалин Татартуба".

[17] В. А. Мусин-Пушкин был женат на сестре Э. К. Шернваля, известной красавице Эмилии Карловне (1810—1846).

[18] Измененная цитата из „Евгения Онегина" (гл. 4, строфа XXII).

[19] См. примеч. 8 на с. 305 наст. изд.

[20] Имеется в виду известное выражение „Je prends mon bien partout ou je le trouve". Источник его — испанская пьеса, которую играла труппа Мольера. Восходит оно к одному из положений римского права, которое гласит: „Ubi rem meam invenio, ibi vindico", т. е. „где я нахожу мое добро, там и беру его".

[21] Осетинские похороны описаны Пушкиным в поэме „Тазит".

[22] Измененное выражение из стихотворения Державина „Водопад". У Державина: „И ты, о водопадов мать! | Река на Севере гремяща". У Державина речь идет о водопаде Кивач на реке Суна.

[23] Цитата из 3-й песни „Илиады" Гомера в переводе Е. Кострова.

[24] Слова *„подпирающую небосклон"* являются измененной цитатой из стихотворения Д. Давыдова „Полусолдат" (1826): „С Кавказа глаз не сводит он | Где подпирает небосклон | Казбека груда снеговая".

[25] *Персидский принц* — Хозрев-Мирза (см. о нем с. 308 наст. изд.).

[26] *...крест — памятник Петра...* — гранитный крест, давший название Крестовой горе.

ДНЕВНИК 1831 г.

Впервые опубликован (частично) Е. И. Якушкиным в его статье „Проза А. С. Пушкина" (Библиогр. зап. 1859. № 5. С. 134—136), полнее — П. А. Ефремовым в собрании сочинений Пушкина (1880. Т. 5. С. 189—193).

Беловой автограф: ПД, № 1058.

Печатается по автографу.

Летом 1831 г. Пушкин жил на даче в Царском Селе, где и вел свои записи.

Дневниковые записи 1831 г. были обработаны Пушкиным в качестве образца политической информации, которую он хотел ввести в свою несостоявшуюся газету „Дневник". По свидетельству П. В. Анненкова, „некоторое время оставались в руках его друзей статейки, приготовленные им для газеты в виде образчика. Эти последние свидетели намерения его теперь сохраняются в бумагах его как примеры мастерского изложения событий" (Анненков. Материалы. С. 358). М. П. Погодин, прочитав это место книги Анненкова, записал следующее: „П⟨ушкин⟩ читал мне статью о возмущении на Сенной площади и в Старой Руссе" (коммент. Л. Б. Модзалевского в кн.: Пушкин. Письма. М.; Л., 1935. Кн. 3. С. 492). В дневниковых записях за 1831 г. возмущение на Сенной площади не упоминается. Л. Б. Модзалевский справедливо пишет, что, „возможно, этими дневниковыми записями Пушкин пользовался для составления своих статей, но самые статьи до нас не дошли" (там же). Тем не менее дневниковые записи, которые были их основой, напечатаны в академическом издании не среди дневников Пушкина, а в разделе критической прозы под заголовком „Материалы для заметок в газете «Дневник»" (XII, 199—202).

[1] *Беспокойства* — так называемый „холерный бунт", вспыхнувший 11 июля в новгородских военных поселениях и продолжавшийся до 21 июля. Поводом были меры, предпринимаемые правительством для пресечения эпидемии холеры: окуривание зараженного дома, карантины и т. п. Эти меры истолковывались народом как умышленное отравление врачами воды и хлеба.

[2] *Граф Орлов* — Алексей Федорович (1786—1861), впоследствии князь — шеф жандармов и главный начальник III Отделения, брат М. Орлова, члена Союза Благоденствия. Участвовал в подавлении восстания 14 декабря, что и способствовало его служебной карьере. В новгородские поселения Орлов приехал 20 июля и везде читал приказ Николая I, вызванный беспорядками.

[3] Говоря о „прениях площадных", Пушкин имеет в виду холерные бунты в Петербурге. В письме от 26 июня 1831 г. он писал Нащокину: „На днях на Сенной (площади. — *Я. Л.*) был бунт в пользу ее ⟨ холеры. — *Я. Л.* ⟩, собралось православного народу тысяч 6, отперли больницы, кой-кого (сказывают) убили; Государь сам явился на место бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог, чтоб и без кнута. Тяжелые времена, Павел Воинович!" (XIV, 181).

[4] См. заметку Пушкина „О холере".

[5] *Государыня* Александра Федоровна (1798—1860) — жена Николая I.

[6] *Великий князь* Николай Николаевич (1831—1891).

[7] *Россети* — Александра Осиповна Россет (1809—1882); была помолвлена с Николаем Михайловичем Смирновым 26 июля 1831 г. Свадьба состоялась 11 января 1832 г. в Петербурге. Об общении Пушкина с Россет летом 1831 г. см. ее воспоминания (П. в восп. Т. 2. С. 147, 158; *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. По указ.).

[8] *Грузино* — имение Алексея Андреевича Аракчеева (1769—1834), военного министра и начальника военных поселений при Александре I.

[9] *Арнт* — Николай Федорович Арендт (1785—1859), практикующий врач-хирург, с 1829 г. был лейб-медиком Николая I. Навещал раненого Пушкина и привез ему записку от Николая I.

[10] В Гатчине (под Петербургом) Николай I произвел смотр этим полкам. В августе начала работать военно-судная комиссия, которая определила расследование и наказание нижним чинам. Виновные в беспорядках были разделены на пять разрядов. Отнесенные к первому разряду были приговорены к наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу, ко второму — к наказанию шпицрутенами и розгами, отдаче в арестантские роты и ссылке на службу в Сибирь. Всего было осуждено более трех тысяч человек. Из тех, кто подвергался телесным наказаниям, около семи процентов умерло на месте экзекуции.

[11] *Суворов* — граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский (1804—1882), внук полководца. Варшава была взята русскими войсками 26 августа, в день годовщины Бородинского боя (1812), но известие это достигло Царского Села, где в это время находилась царская фамилия, только 4 сентября.

[12] *Паскевич* —граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский, был главнокомандующим армией против восставших поляков.

[13] *Мартынов* Николай Петрович (1794—1856) — генерал-майор, командир Астраханского и Суворовского полков; при штурме Воли 25 августа был тяжело ранен, но остался жив.

[14] *Ефимович* Матвей Яфимович — командир 1-й бригады 4-й пехотной дивизии; был убит 26 августа при взятии Варшавы.

[15] *Гейсмар* Федор Клементьевич (1783—1848), барон — командир 2-й конно-егерской дивизии. Был ранен при штурме Варшавы 26 августа.

[16] Пушкин приводит неверные данные. При штурме Варшавы, по официальным данным, погибло 10 500 человек. Штурм Варшавы длился два дня, 25 и 26 августа.

[17] *Скржнецкий* — Ян-Сигизмунд Скржинецкий (1787—1860) — польский генерал, главнокомандующий польской армией. После поражения под Остроленкой и вследствие общей тактики выжидания был отстранен от командования.

[18] *Лелевель* Иоахим (1786—1861) — польский историк, профессор Варшавского и Виленского университетов, политический и общественный деятель. После революции 29 ноября 1830 г. был избран членом временного правительства, а после поражения восстания эмигрировал в Париж, где возглавил Польский национальный комитет.

[19] *Раморино* Джероламо (1792—1849) — итальянец, участвовавший в походах Наполеона 1809—1815 гг. В 1831 г. вступил в польские войска и командовал двумя полками. После падения Варшавы отвел свои части в Галицию, где распустил их.

[20] *Montebello (Lannes)* — французский герцог Г. Монтебелло (1804—1875), младший сын

маршала Франции; с 1830 г. служил в кавалерии. Вместе с другими французами (главным образом из числа наполеоновских офицеров) сражался на стороне восставших поляков.

[21] *Высоцкий* Петр (1799—1837) — польский офицер, один из организаторов восстания 29 ноября 1830 г. Сослан русским правительством в Сибирь.

[22] *Граф А. Потоцкий* Александр Станиславович (1776—1845) — сперва служил в русской службе полковником Курляндского драгунского полка, затем был сенатором и обер-шталмейстером Царства Польского. После поражения восстания эмигрировал, но потом опять вернулся на русскую службу.

[23] *Фон-Фок* Максим Яковлевич (1777—1831) — управляющий III Отделением, правая рука Бенкендорфа, организатор агентурной разведки. Под его надзором состоял Пушкин.

[24] *Жомини* Антон-Генрих Вениаминович (1779—1869), барон — известный военный писатель-теоретик и историк первой половины XIX в., французский генерал; в 1813 г. перешел на русскую службу, был военным советником Александра I, впоследствии возвратился во Францию, но часто приезжал в Россию, консультируя русское правительство по военным вопросам.

[25] *Дибич* — Иван Иванович Дибич-Забалканский (1758—1831), граф, прусский офицер, перешедший на службу в Россию. Командовал армией во время польской кампании 1830—1831 гг.; потерпел ряд поражений, чем вызвал недовольство Николая I. Умер 29 мая 1831 г. от холеры, однако ходили слухи, что он покончил жизнь самоубийством. На его место был назначен Паскевич.

[26] *Пален* — граф Петр Петрович фон дер Пален (1778—1864), генерал-адъютант; в 1831 г. командовал 1-м пехотным корпусом и принял участие в штурме Варшавы.

[27] 9/21 мая 1831 г. под Остроленкой были разбиты войска Скржинецкого. Это сражение явилось переломным моментом в кампании, русские войска перешли в наступление.

⟨ЗАПИСЬ О 18 БРЮМЕРА⟩

Впервые опубликовано Т. Г. Зенгер в кн.: Лит. наследство. М., 1935. № 16—18. С. 882.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1936 г. под редакцией Ю. Г. Оксмана (Т. 6. С. 388—389). Автограф неизвестен. Печатается по фотокопии, хранящейся в Пушкинском Доме.

Запись сделана со слов дона Хуана Мигеля Паэса де ла Кадена, испанского посланника в России с 1825 по 1835 г.

[1] *Бурьенн* (1769—1834) — личный секретарь Наполеона, оставил о нем небольшие воспоминания. На основании этих воспоминаний Виллимарэ издал нашумевшие мемуары Бурьенна (Mémoires de la Bourrienne. Paris, 1829. T. I—X). Мемуары эти являются фальшивкой, но сам Бурьенн в это время был болен психически и не мог протестовать. Упоминаемый Пушкиным рассказ находится в т. X, гл. 8 и описывает разгон Совета пятисот французской республики 19 брюмера (т. е. 10 ноября 1799 г.), которым закончился переворот 18 брюмера.

[2] *Граф И. А. Мусин-Пушкин* (1783—1886) — гофмейстер, брат приятеля Пушкина Владимира Алексеевича, с которым Пушкин встретился на пути в Арзрум.

ДНЕВНИК 1833—1835 гг.

Дневник публиковался отрывками и постепенно.

Пять отрывков из записей 3 декабря 1833 г. и 7 апреля и 28 ноября 1834 г. опубликовал П. В. Анненков в собр. соч. Пушкина 1855 г. (т. 1, с. 390 и 402) без указания источника. Но еще до Анненкова дневник побывал не в одних руках. Так, например, Жуковский давал его читать Баратынскому, который в свою очередь показывал его Н. Путяте (см.: П. в восп. Т. 2. С. 272). Е. Ф. Розену Жуковский пересказывал в дневнике отзыв Пушкина о его драматургическом таланте (там же. С. 272). Очевидно, читали дневник Пушкина и другие его друзья. Однако по политическим и этическим соображениям упоминать прямо о дневнике в печати было нельзя. Только в 1874 г. в книге „Пушкин в Александровскую эпоху" Анненков, сославшись на „верный источник", упомянул, что Пушкин в 1833—1835 гг. вел дневник. До этого, в 1865 г., о дневнике также глухо упомянул П. И. Бартенев в примечаниях к воспоминаниям В. А. Соллогуба, назвав его „памятной книжкой Пушкина, где он записывал разные анекдоты, встречи и пр." (РА. 1865. С. 1219). Такое замалчивание дневника связано с тем, что дети Пушкина противились обнаро-

дованию политических намеков отца, а также мнений о его современниках, многие из которых были тогда еще живы. Поэтому дневник и прошел длинный путь частичных публикаций, прежде чем был опубликован его полный текст. Приводим перечень публикаций.

В журнале „Русская мысль" (1880. Кн. VI. С. 1—10 —„ Из неизданных записок А. С. Пушкина") С. А. Юрьевым, по сообщению А. А. Пушкина, напечатано 36 отрывков, извлеченных из записей 1833 г.: 30 ноября, 4 декабря; 1834 г.: января 1, 7, 17, 26, февраля 28, марта 6, 17, апреля 2, 7, 8, 11, 14, 16, 25, мая 3, 21, июня 2, 3, 19, июля 22, августа 9, ноября 28 и декабря 5.

П. И. Бартеневым напечатан отрывок из записи 24 ноября 1833 г. в „Русском архиве" (1881. II. № 2. С. 495 в статье „Эпизод из деятельности Пестеля").

Л. Н. Павлищевым напечатаны в „Русском обозрении" (1890. T.V, № 9. С. 159—165 — „Из семейных воспоминаний") 28 отрывков из записей 1833 г.: ноября 27, 30, декабря 4, 14, 17; 1834 г.: января 7, февраля 28, марта 6, 17, 20, апреля 2, 25, мая 3, 12, июня 3, 19, июля 22, декабря 18, 22; 1835 г.: января 8 и февральской записи.

В. Е. Якушкин по копии П. В. Анненкова в „Русских ведомостях" (1897. № 29, 29 января — „А. С. Пушкин. По поводу шестидесятилетия со дня его кончины") напечатал 19 отрывков из записей 1833 г.: ноября 24, 28, 29, декабря 3, 4, 6; 1834 г.: января 1, марта 8, апреля 8, 10, мая 3, 10, декабря 5, 18; 1835 г.: января 8.

П. А. Ефремов по той же копии в собр. соч. Пушкина (1903.Т. V. С. 630—664) напечатал еще 47 отрывков и отдельных фраз из записей 1833 г.: ноября 24, 29, декабря 4, 6, 14, 15, 17; 1834 г.: января 1, 7, 26, февраля 28, марта 6, 8, 17, 20, апреля 7, 8, 14, 16, 25, мая 3, 10, 21, июня 3, 19, августа 9, декабря 5, 22; 1835 г.: января 8 и февральской записи.

В том же собр. соч. (1903. Т. VII. С. 544) напечатан отрывок от 10 мая 1834 г.

Отдельные слова, пропущенные в предыдущих публикациях, восстанавливались в собр. соч. под редакцией П. О. Морозова (1904. T.VI. С. 539—550 — из записей 29 ноября 1833 г. и 8 марта 1834 г.; 1906. Т. VIII. С. 539 — из записей 3, 10 и 21 мая 1834 г. и 8 января 1835 г.), в собр. соч. под редакцией П. А. Ефремова (1905. Т. VIII. С. 544 — из записей 18 декабря 1833 г., 8 и 17 марта 1834 г., 3 и 21 мая 1834 г. и 8 января 1835 г.), в собр. соч. под редакцией С. А. Венгерова (1911. Т. V. С. 441—450 — из записей 28 февраля 1834 г., 8 и 17 марта 1834 г., 14 апреля 1834 г., 3 июня 1834 г. и февральской записи 1835 г.).

Полностью, с восстановлением всех ранее пропускавшихся слов, дневник Пушкина вышел в отдельных изданиях под редакцией Б. Л. Модзалевского (1923) и под редакцией В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского в том же году.

Автограф: ПД, № 843. Печатается по автографу.

Записи велись от 24 ноября 1833 г. до февраля 1835 г.

[1] *Карамзина Екатерина Андреевна* (1780—1851) — побочная дочь кн. А. И. Вяземского, единокровная сестра П. А. Вяземского, до замужества носила фамилию Колывановой, по месту рождения в Ревеле (Колыване); с 1804 г. — вторая жена Н. М. Карамзина. Одна из самых выдающихся женщин петербургского общества, она была хорошо образованна, живо интересовалась вопросами истории, литературы, политики. Литературный салон Карамзиных, возглавленный ею после смерти мужа в 1826 г., был одним из культурнейших центров Петербурга. После возвращения из ссылки Пушкин (сперва один, потом с женой) был постоянным посетителем ее салона и близким другом семьи. Во все серьезные моменты своей жизни он вспоминал о Карамзиной. В 1830 г., собираясь жениться, поэт писал Вяземскому: „Сказывал ли ты Катерине Андр⟨еевне⟩ о моей помолвке? Я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому" (XIV, № 473). Раненый Пушкин 28 января выразил желание проститься с ней. Об этом свидании сохранились записи Жуковского и других современников; сама Карамзина рассказала о нем сыну Андрею (см.: Карамзины. С. 186—187). Подробнее о Карамзиной см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Карамзины. С. 16—26; Дн. Модз. С. 31—35.

[2] *Жуковский* 1833 г. провел в Верне, в Швейцарии, куда уехал для поправки здоровья; весну и часть лета 1834 г. он был в Италии и Южной Франции, затем снова переехал в Верне, перенес операцию и конец лета прожил в Шлянгенбаде, где брал ванны. 4/16 сентября приехал в Дерпт, а оттуда, не заезжая в Петербург, в Царское Село и поселился там. 28 сентября В. Ф. Одоевский уже сообщал Пушкину: „Я видел Жуковского: он помолодел и поздоровел; нет и тени прежнего больного лица" (РА. 1864. Стб. 1005). О поздоровевшем Жуковском рассказывал и Вяземский в письме к И. И. Дмитриеву: „Жуковский здесь; здоровье его очень поправилось. Я съехался с ним в Дерпте и провел двое суток, а здесь еще не видал его, потому что он в Царском Селе и

прежде половины октября не возвратится в город, вместе с царскою фамилиею" (РА. 1868. Стб. 634).

[3] *Фикельмонт* — Фикельмон Карл-Людвиг, граф (1777—1857) — австрийский генерал и дипломат; с 1829 г. посол в Петербурге. Его жена, Дарья Федоровна (1804—1863) — дочь Е. М. Хитрово от ее первого брака с гр. Ф. И. Тизенгаузеном, погибшим под Аустерлицем. Пушкин часто бывал в доме Фикельмонов, пользовался книгами их библиотеки. Салон гр. Фикельмон в Петербурге был светским литературным и политическим центром, где, по словам Вяземского, „и дипломаты, и Пушкин были дома" (Вяземский. Т. 7. С. 226). В сочувственном тоне написано официальное донесение Фикельмона Меттерниху о дуэли и смерти Пушкина (Щеголев. С. 313—316). Об отношениях Пушкина и Фикельмонов см.: *Раевский Н. А.* Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976; *Измайлов Н. В.* Комментарий / Письма к Хитрово. С. 56—57: см. также: Письма последних лет. С. 480—481.

[4] *Суццо* Михаил Георгиевич, князь (1784—1864) — бывший господарь Молдавии, бежавший после начала Греческого восстания (февраль 1821 г.) из Ясс в Кишинев, где встречался с Пушкиным (см. с. 15 наст. изд.). Во время встречи с Пушкиным у Фикельмонов он был греческим чрезвычайным посланником и полномочным министром при французском дворе и приехал в Петербург, вероятно, в связи с хлопотами о получении господарства, однако хлопоты не увенчались успехом, и господарем в Молдавии был назначен в 1834 г. Михаил Стурдза (см.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев. СПб., 1881. Т. 2. С. 418). Уехав из Петербурга 27 декабря 1833 г. (Сев. пч. 1834. № 1), он вернулся сюда 6 сентября 1834 г. (там же. № 204) в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра короля Греции. Пушкин не совсем прав, приписывая Пестелю намерения скомпрометировать дело Греции, представив ее „отраслью карбонаризма". Такого намерения у Пестеля не было, однако в своем донесении он указал, что желание гетеристов „в случае совершенного успеха состояло в образовании федеральной республики" (*Павлов-Сильванский Н. П.* Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным судом. С. 174). В другом докладе Пестель писал: „Если существует 800 000 итальянских карбонариев, то, может быть, греков, объединившихся в братство с политической целью, еще больше ⟨...⟩. Сам Ипсиланти, я полагаю, только орудие в руках тайной силы, которая пользуется его именем как соединительной точкой" (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев. Т. 1. С. 138—139; Т. 4. С. 10—15). Прав Н. О. Лернер, что „упоминаний о республике, карбонариях, тайной силе было достаточно, чтобы русское правительство, служившее идеям Священного Союза, отшатнулось от греков. Но в этом уже не был виноват Пестель, старательно выполнивший возложенное на него поручение" (Нива. 1912. № 5. С. 165—166).

[5] *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — приятель Пушкина, отставной полковник, член „Зеленой лампы". По словам П. А. Вяземского, „расточительный богач, не пренебрегающий весельями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший, построитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на парижский Пале-Рояль со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что очень удачно играл словами. Острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу" (Вяземский. Т. 1. С. XVII—XVIII). В письме к брату из ссылки в декабре 1824 г. Пушкин посылал Энгельгардту поклоны и вспоминал об его обедах (XIII, № 120, 124). Когда Л. С. Пушкин задолжал за комнату в гостинице в доме Энгельгардта на Невском проспекте, 3 мая 1834 г. Пушкин выдал Энгельгардту вексель на 1300 рублей, который был оплачен опекой (см.: Рукою П. С. 378; Рук. ПД. 1964. № 1657).

[6] *Сухозанет* Иван Онуфриевич (1788—1861) — участник Отечественной войны, в 1819 г. был начальником артиллерии Гвардейского корпуса. В 1824 г. женился на фрейлине, княжне Екатерине Александровне Белосельской-Белозерской. Этот брак выдвинул его в кругу петербургского большого света. В день 14 декабря 1825 г. артиллерия Сухозанета открыла картечный огонь по восставшим войскам на Сенатской площади — отсюда началось быстрое продвижение его по служебной лестнице. В 1833 г. он был членом Военного Совета, Главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов (с 4 сентября) и Дворянского полка, а вслед за этим членом Совета о военно-учебных заведениях. Слова Энгельгардта о нем, приводимые Пушкиным, содержат намек на противоестественные склонности Сухозанета.

[7] *...дамские мундиры...* — форма для придворных дам. Сенатор П. Г. Дивов 2 декабря записал в дневнике: „Петербург занят преобразованием в костюме фрейлин и придворных дам. Придумали новый, как говорят, национальный костюм, который эти дамы будут обязаны носить в дни больших выходов при Дворе. Это нечто вроде офранцуженного сарафана, из бархата зеленого цвета — для статс-дам и пунцового для фрейлин" (РС. 1900. № 4. С. 136). Описание

новых костюмов имеется в письме Н. О. Пушкиной к дочери (см.: *Левкович Я. Л.* По неизвестным письмам // Звезда. 1974. № 6. С. 184).

[8] *...время бедное и бедственное.* — Пушкин имеет в виду тяжелый неурожай, затронувший значительную часть России в 1833 г. Во „всеподданнейшем докладе" министра внутренних дел называются губернии Новороссийская, Малороссийская, Воронежская, области Войска Донского, Харьковская, Тамбовская, Саратовская, Витебская, Смоленская, Могилевская, некоторые уезды Пензенской, Нижегородской, Костромской, Тверской, Псковской и Калужской. „В других губерниях, — пишет министр, — урожай был по большей части лишь посредственный; в некоторых ожидали обильного, но проливные дожди в июле и августе испортили жатву. Травы в полуденной части Империи от засухи почти совершенно пропали" (Сев. пч. 1834. 22 сент. № 214). Цена на хлеб повысилась в 7 и даже в 10 раз (см.: *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909).

[9] *Салтыков* Сергей Васильевич (1777—1846) — с 1800 г. отставной штаб-ротмистр л.-гв. Конного полка. В его доме на Малой Морской по вторникам устраивались танцевальные вечера, собиравшие светское общество Петербурга. По свидетельству современника, „свои вторники он называл «les mardis européens» (европейские вторники). Он был страшный болтун, но образован и полон познаний. Его значительная библиотека заключала в себе величайшие редкости" (*Ленц В. В.* Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. Кн. 1. С. 458).

[10] *Орлов* Алексей Федорович (1786—1861), граф — участник Отечественной войны. С января 1819 г. командир л.-гв. Конного полка, с которым участвовал в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.; в 1833 г. в результате его умелых переговоров с Портою был заключен союзный договор между Россией и Турцией (так называемый „Ункьяр-Искелесский"), по которому Россия гарантировала султану целость и неприкосновенность Оттоманской империи и обязалась поддержать ее военною силой в случае опасности. Этот договор считался крупным успехом русской дипломатии (см.: *Татищев В. Н.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 383); в награду за это А. Ф. Орлов был произведен в генералы-от-кавалерии.

[11] *Турецкий посланник* — Мушир-Ахмет-паша прибыл в Петербург для решения вопроса о взаимоотношениях Молдавии, Турции и России, и по конвенции 17 января 1834 г. эти взаимоотношения были определены, причем избрание господарей было предоставлено Турецкой Порте. А. Ф. Орлов познакомился с ним в Константинополе, когда находился там в составе дипломатической миссии. Прибытие турецкого посольства в русскую столицу возбудило среди петербургского общества всеобщее внимание. К. Я. Булгаков в своих письмах к брату неоднократно писал о нем (см.: РА. 1904. Кн. 2. С. 277, 278, 280). Сенатор Дивов в своих записках называет этот приезд „одним из выдающихся событий конца прошлого года" (РС. 1900. № 7. С. 186).

[12] *Яшвиль-педераст* — Яшвиль Лев Михайлович (1769—1836), князь, начальник артиллерии 1-й армии. Сухозанет был его адъютантом в начале своей служебной карьеры. Брат Яшвиля Владимир был в числе убийц Павла I. Яшвиль пользовался расположением Аракчеева и в армии, и в обществе считался ярким представителем аракчеевской системы (см.: *Потоцкий С.* Столетие конной артиллерии. СПб., 1894. С. 8).

[13] *Мартынов* Савва Михайлович (1780—1864) — небогатый пензенский помещик, дядя Мартынова, убившего Лермонтова. Ф. Вигель, дальний родственник Мартынова, рассказывал о нем следующее: „С ребячества был он примечателен гнусным безобразием и чрезмерным самолюбием; в первой молодости, получив первый офицерский чин и владея только ста душами, оставил он службу и начал думать о средствах заменить искусством скудость даров Фортуны. Он начал, как говорится, служить четырем королям (играть в карты) и веровать в одного Вольтера, которого, выучившись по-французски, он одного только прочитал: можно посудить о его правилах и религиозных чувствах. Посвященный, наконец, во все таинства картежной игры, он приметно начал разживаться; удачно и расчетливо выставляемая им роскошь и смелая болтовня дали в Пензе большой ему вес. Но он оставил ее, ибо Москва представляла ему гораздо большую добычу" (*Вигель Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 55—56). Жил подолгу Мартынов и в Петербурге, и с 1817 г. он числился членом петербургского Английского клуба.

[14] *Никитин* Павел Ефимович (1785—1842) — с 1819 г. служил в Сенате, был обер-прокурором в Межевом департаменте Сената. Государственный секретарь В. Р. Марченко рассказывает в своих „Записках", что во время междуцарствия 1825 г., когда Сенат, предписав „о повсеместной присяге императору Константину", должен был переслать донесение о том в Варшаву, служивший в Сенате игрок-миллионер Никитин подарил наложнице министра юстиции князя Д. И. Лобанова-Ростовского 10 000 рублей за то, чтобы с этим донесением послали его вместо обыкновенного сенатского курьера (РС. 1896. № 8. С. 445). Рассказ Никитина об этой поездке

см. в дневнике П. Г. Дивова (там же. № 3. С. 466—467). Запись о Никитине имеется в дневнике А. Н. Вульфа: „Обедал у одного известного г. Никитина, человека, нажившего себе карточною игрою большое состояние, — случай довольно редкий; он весьма забавен: занятый своим богатством, он везде старается оное выказать; также хочет он быть человеком лучшего тону и коротко знакомым с высокою аристократиею. Но все это ему не удается, везде видна в доме нечистота и безвкусие, которая дает дурное понятие о хозяйке, — она точно и оправдывает такое мнение о ней. Люди, которые у него бывают, по большей части его клиенты и почитатели, громко вторящие все, что говорит хозяин" (*Вульф А. Н.* Дневник. Пг., 1915. С. 9—10). Подробнее о Никитине см.: Пушкин. Дневник / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 50—51.

[15] *Бринкен* Рихард Егорович фон дер — подпоручик л.-гв. Семеновского полка. Произвел в Петербурге несколько краж и был пойман. О первой его краже в английском магазине К. Я. Булгаков рассказывал в письме к брату в Москву еще 29 сентября 1833 г. (РА. 1904. Кн. 1. С. 240). В письме от 24 ноября содержится еще одно сообщение об этом: „Кажется, я тебе рассказывал об украденном в Английском магазине серебре весьма искусным образом, но искусство не спасло виновного. Он хотел было сделать то же у русского купца, торгующего оружейными вещами, но тот был догадливее, — и этот несчастный был схвачен" (там же. С. 279). По распоряжению Николая I Бринкена судило курляндское дворянство, но наказание было определено самим императором в особом необнародованном указе, которым Бринкен лишался чинов, дворянства и ссылался в Оренбург рядовым без выслуги и с запрещением навсегда носить свою фамилию (указ приведен в кн.: Пушкин. Дневник. С. 52). Таким образом, дело не было предано огласке, и в полковой истории при имени Бринкена отмечено, что он „исключен из службы за нерадение" (см.: *Дирин П. П.* История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1833. С. 45).

[16] *Штакельберг* — Аделаида Павловна Стакельберг (1807—1833), урожд. графиня Тизенгаузен — приходилась родною племянницей первого мужа Е. М. Хитрово графа Ф. И. Тизенгаузена, смертельно раненного под Аустерлицем, и таким образом, была двоюродной сестрой его дочери Дарьи Федоровны Фикельмон.

[17] *„Les enfants d'Edouard"* — трагедия французского поэта Казимира Делавиня, посвященная изображению жизни и убийства детей английского короля Эдуарда IV — Эдуарда и Ричарда, убитых их дядей герцогом Глостерским. Была поставлена во вновь открытом 8 ноября 1833 г. Михайловском театре, построенном архитектором А. П. Брюлловым. Зрители сближали сюжет пьесы с убийством Павла I, однако она не только не была снята с репертуара, но игралась и в 1834 г. (см.: Сев. пч. 1834. № 3).

[18] *Экерн* — Геккерн Луи Борхард де Беверваард (1791—1884), барон — голландский дипломат, с 1823 г. поверенный в делах в Петербурге, с марта 1826 г. посланник при русском дворе. В 1833 г., возвращаясь из Гааги в Петербург, встретился по дороге с Дантесом, покровительствовал ему, а в апреле 1836 г. пытался его усыновить. В усыновлении голландское правительство ему отказало — после чего он ходатайствовал о разрешении Дантесу носить его имя и титул (см.: *Suasso F.* Dichter, dame, diplomat. Leiden, 1988).

[19] *Блай* (John Bligh) — Джон Дункан (1798—1872), английский поверенный в делах в Петербурге.

[20] *Бутурлин* Дмитрий Петрович (1790—1849), граф — участник Отечественной войны, а впоследствии и войны с Турцией 1828—1829 гг., член Военно-учетного комитета. В 1830 г. уволен из военной службы, вышел в отставку. В 1833 г. назначен сенатором. Впоследствии (со 2 апреля 1848 г.) назначен председателем негласного надзора за печатью и литературой (так называемого „Бутурлинского комитета"), отличавшегося чрезвычайной строгостью. Автор военно-исторических трудов, что и давало повод сравнивать его с известным военным специалистом генерал-адъютантом, генералом-от-инфантерии и почетным членом Имп. Военной Академии бароном Генрихом Вениаминовичем Жомини. Был остроумным собеседником и гостеприимным хозяином. Блестящие балы и вечера, которые давали Бутурлины, пользовались успехом. „Карта распространения России", о которой упоминает Пушкин, является приложением к книге Бутурлина „Военная история походов россиян в XVIII столетии" (1819—1823. Ч. 1—4).

[21] *Великий князь* — Михаил Павлович (1798—1849) — воспитывался вместе с будущим Николаем I под руководством генерала Ломсдорфа, привившего братьям тяготение к военному делу, строевым занятиям, парадам и муштровке. Вместе с тем человек остроумный, любитель каламбуров. Пушкин познакомился с ним, очевидно, сразу по приезде с женой в Петербург в 1831 г., возможно, у Е. М. Хитрово, которая еще 18 марта 1830 г. писала Пушкину о желании Михаила Павловича „с ним познакомиться, а еще больше того — побеседовать с ним обстоятельно" (XIV, № 453). Об откровенных беседах поэта с Михаилом Павловичем имеются неоднократные упоминания в его дневнике. После смерти Пушкина Вяземский счел необходимым

обратиться к Михаилу Павловичу с письмом, излагающим обстоятельства, связанные с дуэлью (см.: Щеголев. С. 221—231).

[22] *Александровская колонна*, воздвигнутая по проекту Монферана в память Александра I и его царствования, готовилась к открытию, которое состоялось 30 августа 1834 г. (в день именин Александра I). Пушкин перед этим уехал в Болдино (см. запись в дневнике ниже), чтобы не присутствовать на торжестве. На церемонии открытия был дипломатический корпус, царская фамилия и около 100 000 войск.

[23] Сообщение Пушкина о необычайной быстроте, с которой ехал Николай I, подтверждает П. Г. Дивов в своем дневнике (РС. 1900. № 4. С. 136). Рассказ об этой поездке см. в письмах А. Я. Булгакова к брату (РА. 1902. Кн. 1. С. 609—624).

[24] Речь идет о „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Также известно, что во время первого чтения комедии „Ревизор" (сюжет ее был подсказан Гоголю Пушкиным) у Жуковского 18 января 1836 г. Пушкин „катался от смеха" (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 6). По окончании первых глав „Мертвых душ" Гоголь также читал их Пушкину. Вспоминая об этом, Гоголь писал: „Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»" (П. в восп. Т. 2. С. 267). Подробно о Гоголе и Пушкине см.: Письма последних лет. С. 385—387 (заметка Н. Петруниной).

[25] *Загряжская* Наталья Кирилловна, урожд. графиня Разумовская (1747—1837) — тетка (по мужу) Н. И. Гончаровой (матери Н. Н. Пушкиной) и Ек. И. Загряжской, кавалерственная дама ордена св. Екатерины. Загряжская имела большой вес в дворцовых и светских кругах, была свидетельницей шести царствований; острый наблюдательный ум и отличная память делали ее интересной собеседницей и рассказчицей. Разойдясь с мужем, она отдала состояние свое родственникам Кочубеям и жила у них. По словам Вяземского, Пушкин „заслушивался рассказов Натальи Кирилловны; он ловил при ней отголоски поколений и обществ, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил прелесть историческую и поэтическую" (Вяземский. Т. 8. С. 184—185). Некоторые рассказы Загряжской поэт, по совету Жуковского, записал в дневник и включил в „Table talk" (см.: БЗ. 1858. Т. 1. № 18. С. 551). О Загряжской см.: *Майков Л. Н.* Пушкин. СПб., 1899. С. 397—413; Дн. Модз. С. 58—60.

[26] Подробный рассказ Н. К. Загряжской о свержении Петра III Пушкин записал еще раз 12 августа 1835 г. (см. наст. изд., с. 120—121).

[27] *Дашкова* Екатерина Романовна (1744—1810) — урожд. Воронцова, княгиня, статс-дама, президент Академии наук и Российской Академии. Крестница имп. Елизаветы Петровны. 28 июня 1762 г. приняла участие в государственном перевороте, возведшем на престол Екатерину II. В январе 1783 г. была назначена директором С.-Петербургской Академии наук, а осенью того же года по ее предложению была основана Российская Академия, во главе которой она также была поставлена. Неоднократно впадала в „немилость" императрицы, окончательный разрыв между ними произошел в 1793 г. Павел 1, вступив на престол, отставил ее от всех должностей и сослал в деревню, и только при Александре I она поселилась в Москве. После нее остались „Записки" (писавшиеся в 1804—1810 гг.), озаглавленные в рукописи „Mon histoire". Впервые напечатаны в английском переводе под заглавием „Memoires of the Princess Dashkow, lady of honour to Catharina II, written by herself " (Edited by Bradford. 2 voi. London, 1840). На русском языке изданы Герценом в Лондоне в 1859 г. в неудовлетворительном переводе. По рукописи напечатаны (на французском языке) в „Архиве кн. Воронцова" (1881. Кн. 21), а русский перевод с этого издания опубликован под редакцией и с предисловием Н. Ф. Чечулина в 1907 г. Пушкин знал записки Дашковой по рукописи и пользовался ими при своих работах о Радищеве. В его черновых рукописях сохранились французские выписки из них (см.: Рукою П. С. 589—593).

[28] *Княжна Кочубей* — Кочубей Мария Васильевна, урожд. Васильчикова (1779—1844) — жена В. П. Кочубея. Воспитывалась в доме своей богатой бездетной тетки Н. К. Загряжской. В 1799 г. вышла замуж за графа (потом князя) В. П. Кочубея. Молодым пришлось уехать в Дрезден, чтобы не испытать гнева императора, так как Павел I хотел женить Кочубея на своей фаворитке княжне А. П. Лопухиной. В 1807 г. пожалована в кавалерственные дамы ордена св. Екатерины, а в 1826 г. — статс-дамы. В доме Кочубеев устраивались роскошные балы и приемы.

[29] *Храповицкий* Александр Васильевич (1749—1801) — статс-секретарь Екатерины II, автор известного Дневника. Пушкин читал этот Дневник по копии, полученной от П. П. Свиньина в 1833 г. (см. письма П. П. Свиньина к Пушкину от 19 февраля 1833 г. и февраля 1833—марта 1834 г. — XIV. 52, 113), и цитировал его в статье „Александр Радищев" (XI, 174). Впервые

по частям и с большими пропусками и ошибками „Памятные записки" Храповицкого были изданы П. И. Свиньиным в „Отечественных записках" 1821—1828 гг. (части 7—18, 24, 27, 33 и 35). Полностью — под ред. Н. П. Барсукова в 1874 г.

[30] *Разумовский Кирилл* Григорьевич (1728—1803), граф — последний гетман малороссийский, брат фаворита Елизаветы А. Г. Разумовского.

[31] По поводу упоминания Пушкина о дочери Елизаветы Петровны *Будаковой* Б. Л. Модзалевский ссылается на записи „Камер-Фурьерского журнала" за 1725, 1748 и 1761 гг., в котором говорится „о мундшенке" Григории Будакове, впоследствии гоф-юнкере и камер-юнкере (1738—1742), жене его Авдотье, сыновьях их Алексее и Петре — пажах и дочери Прасковье Григорьевне — фрейлине (1752), 11 ноября 1761 г. в придворной церкви повенчанной с корнетом л.-гв. Конного полка бароном Сергеем Николаевичем Строгановым (род. 16 апреля 1738, ум. 27 августа 1771 г. — Петербургский некрополь. Т. IV. С. 184). „Появление камер-юнкера, пажей и фрейлины из никому не ведомого дома Будаковых, венчание Прасковьи Будаковой (родилась она, очевидно, около 1740 г.) и близость ее ко двору ⟨...⟩ — все это может служить как бы косвенным подтверждением передаваемого Пушкиным сообщения о существовании у Елизаветы побочной дочери Будаковой, в судьбе которой она принимала деятельное участие..." (Дн. Модз. С. 249).

[32] „Записки" государыни Александры Федоровны (1798—1860), охватывающие три года ее пребывания в России, с 1817 по 1820 г., в бытность ее еще великой княгиней, были напечатаны в журнале „Русская старина" (1896. Т. 88. № 10. С. 5—60). Воспоминания, или „Записки", ее за более поздние годы неизвестны.

[33] *Мария Федоровна* — вдова Павла I. По оставленному ею завещанию, бумаги ее были рассмотрены душеприказчиками, в число которых входил и вел. князь Михаил Павлович. На каждом пакете было указано, что с ним сделать — сжечь или сохранить (см.: РС. 1882. № 1. С. 128—129). Записки следовало сжечь, не читая.

[34] *Елизавета* Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I. Вела записки за все время пребывания в России и отрывки из них читала Н. М. Карамзину, который был ее лектором и частым посетителем. Ее биограф пишет: „Карамзин сумел заинтересовать государыню своими беседами и чтением «Истории государства Российского». Частенько для практики в русском языке императрица сама читала вслух произведения историка, при этом происходил оживленный обмен мыслей... За последующие годы доверие Елисаветы к Карамзину настолько окрепло, что она начала ему читать свои дневники за все время пребывания ея в России. Карамзина это чтение живо интересовало; бывали моменты, когда императрица не решалась ему вслух читать некоторые отрывки слишком интимного свойства; тогда она передавала тетрадь Николаю Михайловичу, и он молча прочитывал означенные строки. Родственники ея величества узнали об этом обстоятельстве только после смерти государыни. Им сообщил подробности князь Александр Николаевич Голицын, которому Карамзин на смертном одре передал их по секрету. Дневник императрица хотела завещать Карамзину, скончавшемуся две недели после нее, но желание государыни не было исполнено. Император Николай I нашел более целесообразным предать все забвению и лично сжечь эти дневники по соглашению с Марией Федоровной. Нам только осталось пожалеть об исчезновении драгоценного исторического материала" (Вел. кн. Николай Михайлович. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 3. С. 16—17). Некоторые деятели Союза благоденствия, будучи сторонниками конституционного правления, хотели возвести Елизавету Алексеевну на престол. К ним принадлежал, в частности, Федор Глинка, который начал „кампанию" в пользу Елизаветы, втянув в орбиту действий общества молодого Пушкина. Пушкинское стихотворение „К Н. Я. Плюсковой. В ответ на вызов написать стихотворение в честь императрицы Елизаветы Алексеевны" (1818) было откликом на агитацию Ф. Глинки.

[35] *Мартынов* Павел Петрович (1782—1838) — офицер Измайловского полка, пошедший в гору после 14 декабря 1825 г., когда его полк остался верен Николаю I. Занимая тогда пост бригадного начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии, он получил и звание генерал-адъютанта. Мнение Пушкина о Мартынове (см. ниже) разделяли и доброжелательно относившиеся к нему современники. С. Т. Аксаков называет его „служакой" (*Аксаков С. Т.* Сочинения. СПб., 1910. Т. 4. С. 233—234), а М. А. Корф после смерти Мартынова писал, что он был „человек без образования, без высокого ума, но правдивый, честный и добрый" (РС. 1899. № 6. С. 530).

[36] *Перовский* Василий Алексеевич (1795—1857) — офицер Измайловского полка и адъютант Николая I, как шефа этого полка. В день 14 декабря 1825 г. неотлучно находился рядом с императором, был пожалован во флигель-адъютанты, с 1829 г. занимал должность Директора Канцелярии Начальника Морского штаба. 6 декабря был пожалован в генерал-адъютанты. С 15

апреля 1833 г. был оренбургским военным губернатором и командиром оренбургского Отдельного корпуса. Во время поездки по пугачевским местам в сентябре 1833 г. Пушкин останавливался у Перовского и провел у него на даче два дня (см. об этом: *Попов П.* Пушкин под надзором в Нижегородской губернии // Пушкин в Болдине. Горький, 1937. С. 106—113). Высокообразованный человек, обладающий литературным даром (в „Северных цветах" Дельвига на 1825 г. были напечатаны его „Отрывки писем из Италии"), близкий друг Жуковского, Перовский вызывал симпатию Пушкина. После выхода „Истории Пугачевского бунта" Пушкин послал один экземпляр Перовскому (XVI, 22). О Перовском см.: Письма послед. лет. С. 443—444; Дн. Модз. С. 64—65.

37 *Меншиков* Александр Сергеевич (1787—1869), князь — правнук соратника Петра I, участник Отечественной войны и заграничных походов. В конце царствования Александра I впал в немилость и вышел в отставку. В 1826 г. вернулся на службу и был специалистом в морском деле. В 1830 г. был назначен членом Гос. совета. Современник характеризует его так: „Бесспорно, человек выдающегося и тонкого ума, больших способностей, разносторонне образованный и начитанный, с громадной памятью, князь Меншиков отталкивал от себя людей своею черствостью и тщеславием, себялюбием и злоязычием; его остроумные выходки, его колкие слова могут составить целый сборник анекдотов, но зато ему приписывают много такого, чего он не говорил" (Вел. кн. Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 149—151). Своим остроумием Меншиков несомненно привлекал Пушкина.

38 *Скобелев* Иван Никитич (1778—1849) — генерал и писатель. Сын солдата — сержанта, он не получил никакого образования, что не помешало ему дослужиться до генеральского чина и стать популярным писателем, автором рассказов из солдатского быта. После ранения в 1809 г. лишился двух пальцев на правой руке, а после ранения в 1831 г. (при Минске) ему ампутировали левую руку. В 1824 г., в январе, он сделал на поэта донос, в котором, приведя стихи его „на вольность" и другие, ходившие под его именем, рекомендовал немедленно содрать „несколько клочков шкуры" с сочинителя „сих вредных пасквилей" (РС. 1871. № 4. С. 669—673; *Бартенев П.* Пушкин. Т. 1. С. 92 и др.). Подробнее о нем см.: Дн. Модз. С. 67.

39 *Кн. В-ая* — либо статс-дама Александра Николаевна Волконская (1756—1834), мать декабриста, либо В. Ф. Вяземская.

40 *Бобринский* Алексей Алексеевич (1800—1868), граф — внук Екатерины II, воспитанник Муравьевского училища для колонновожатых, служил в гвардии, с 1827 г. в Департаменте уделов, в 1833—1846 гг. в Министерстве финансов. С 1834 г. — церемониймейстер двора. Пушкин был с ним в приятельских отношениях, был постоянным посетителем его дома. Во второй половине апреля 1836 г. Вяземский передал Бобринскому от Пушкина 2-й том „Современника" (XVI, 109). О Бобринском см.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1906. Т. III. С. 393—397; Дн. Модз. С. 68—70; Дн. Сав. С. 210—211; Письма посл. лет. С. 369—370.

41 *Мятлев* Иван Петрович (1796—1844) — известный поэт, „вельможа по богатству и положению в свете ⟨...⟩ творец известной «Мадам Курдюковой», «Нового года», «Фонариков» и множества других юмористических и сатирических стихотворений", — так писал о нем А. В. Мещерский (РА. 1901. Кн. 1. С. 485). Пушкин часто бывал у Мятлева с Вяземским, и вместе они сочиняли шуточные стихи, вроде известного „поминанья": „Надо помянуть, непременно помянуть надо...". О Мятлеве см.: Дн. Модз. С. 70—72.

42 Получив рукопись с замечаниями царя, Пушкин сделал некоторые исправления („кумир" заменил на „седок", „померкла старая Москва" на „главой склонилася Москва"), но поправки не привели ни к чему. „Поэма Пушкина о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не печатается", — писал А. И. Тургенев Вяземскому (Остафьевский архив. Т. 3. С. 262). При жизни Пушкина был напечатан лишь небольшой отрывок из вступления (Библиотека для чтения. 1834. Т. 7, кн. 12, отд. 1. С. 117—119). Вся поэма появилась в печати в посмертном томе „Современника" (т. 5) с пропусками и переделками Жуковского.

43 *Смирдин* Александр Филиппович (1795—1857) — известный книгопродавец и издатель, основатель „Библиотеки для чтения". В 1830 г. Смирдин приобрел право на издание в течение четырех лет всех ранее вышедших произведений поэта. Сам издавал или покупал полностью тиражи „Бориса Годунова" (1831), „Евгения Онегина" (1833), „Стихотворений" (Ч. 4. 1835), „Поэм и повестей Александра Пушкина" (1835). П. В. Анненков сообщает, что Смирдин платил Пушкину 11 руб. за стих и предлагал 2000 руб. в год, „лишь бы писал, что хотел" (Модзалевский. С. 340). Пушкин относился к Смирдину с уважением и называл его „libraire-gentilhomme" („книгопродавец-дворянин") (Портретная галерея. СПб., 1841. Вып. 1. С. 7). Подробнее см.: П. в восп. Т. 2. С. 300; *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 212—216, 241—244; Письма. Т. 2. С. 2 (Коммент. Л. Б. Модзалевского); Письма

посл. лет. С. 464—465 (Коммент. В. Вацуро); *Гордин А., Гордин М.* Путешествие в Пушкинский Петербург. Л., 1983. С. 196—199.

[44] *Кочубей* Виктор Павлович (1768—1834), князь — дипломат и государственный деятель, личный друг Александра I, когда тот был великим князем, а после вступления его на престол — участник „Негласного комитета", затем министр внутренних дел. При Николае I председатель Государственного совета и Комитета министров. Был одним из богатейших помещиков России.

[45] *Нессельроде* Карл (Карл-Роберт) Васильевич, граф (1780—1862) — министр иностранных дел, действительный тайный советник. В ведомствах этого министерства числился Пушкин с 1817 г., т. е. с момента своего вступления в службу. „К Пушкину, как к человеку или поэту, Нессельроде не проявлял ни малейшего внимания, — замечает Б. Л. Модзалевский, — и заинтересовался им, по-видимому, только в дни дуэли и посмертных осложнений этого дела — и то лишь с дипломатической его стороны, ибо, как министр иностранных дел, не мог быть безучастным к роли Нидерландского посланника Геккерна" (Дн. Модз. С. 74—75). Известно, что жена Нессельроде статс-дама Мария Дмитриевна (1786—1849) была в числе злейших врагов Пушкина. Она была посаженой матерью Дантеса при бракосочетании его с Е. Н. Гончаровой и принимала горячее участие в судьбе убийцы поэта. Можно предположить, что и симпатии К. Нессельроде тоже были на стороне противников поэта.

[46] Имеется в виду бал, посвященный 14 декабря, по случаю годовщины вступления на престол Николая I.

[47] *Гр. Шувалова* Текла Игнатьевна, урожд. Валентинович (1801—1873), в первом браке была за фаворитом Екатерины II князем П. А. Зубовым (ум. 7 апреля 1822 г.), а в 1826 г. вышла замуж за графа А. П. Шувалова (1802—1873). Одна из первых петербургских красавиц. Ею одно время был увлечен Вяземский. В начале 1836 г. он писал А. И. Тургеневу, что „полюбил ее за ее поэтическое чувство, которое не охладело и не увяло на петербургском холоде..." (Ост. архив. Т. 3. С. 284). В ответ на удивление и отзыв Тургенева в письме („Твоя Шувалова никогда не будет моей") Вяземский спрашивал: „За что ты на нее вдруг рассердился? В ней много милого и доброго; есть и темные места, но в ком их нет?" (там же. С. 340, 348). Мнение Тургенева разделял и Пушкин — см. запись от 14 апреля 1834 г.

[48] *Тик* Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик. Кто был „amateur", читавший неудачно „Фауста", — неизвестно.

[49] Ср. в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 4 января 1834 г.: „Здесь долго говорили о странном явлении в доме конюшни придворной: в комнатах одного из чиновников стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитые вином, кидались в потолок; призывали свидетелей, священника со святою водою, но бал не унимался. Не знаю, чем бал кончился, но дело в том, что рассказы не пустые, а точно что-то было; дьявольское ли наваждение или людское, неизвестно" (Ост. архив. Т. III. С. 254—255).

[50] *Долгорукий Василий* Васильевич, князь (1787—1858). В 30-х гг. состоял обер-шталмейстером, исправлял должность президента Придворной конюшенной конторы, а также был Петербургским губернским предводителем дворянства (*Долгорукий Ф.* Род князей Долгоруких. СПб., 1913. С. 88).

[51] *Сухтельн* — Сухтелен Петр Корнилович (1751—1836) — родом голландец, военный инженер, приглашенный в Россию в 1783 г. в качестве военного специалиста. Создал известную в свое время „Сухтельновскую систему" защиты крепостей. Под его руководством была составлена также первая „столистная" карта Российской империи. В 30-е гг. жил на покое в Инженерном (бывшем Михайловском) замке, занимался собиранием библиотеки и коллекций монет, медалей и карт.

[52] *Блудов* Дмитрий Николаевич (1785—1864), с 1812 г. граф — один из наиболее образованных деятелей эпохи Александра I и Николая I. Один из основателей „Арзамаса", в котором носил прозвище Кассандра. Само название Арзамаса заимствовано из сатирического очерка Блудова „Видение в какой-то ограде", действие которого происходит в арзамасском трактире (см.: Остафьевский архив. Т. 1. С. 409—413). Пушкин, по-видимому, не питал к Блудову особой симпатии и в письме к Жуковскому в апреле 1825 г. упрекал Блудова в „односторонности вкуса" и не советовал следовать советам Блудова при издании стихотворений Жуковского, мотивируя это тем, что он не видит в нем „бескорыстной любви" к славе Жуковского (XIII, 167).

[53] Н. М. Смирнов в своих „Памятных записках" рассказывает по этому поводу: „Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека тридцати четырех лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы иметь повод приглашать ко двору его жену. Притом на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателен,

малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности. Словом, он был огорчен и взбешен и решился не воспользоваться своим мундиром, чтоб ездить ко двору, не шить даже мундира. В этих чувствах он пришел к нам однажды. Жена моя (А. О. Смирнова-Россет. — *Я. Л.*), которую он очень любил и очень уважал, и я стали опровергать его решение, представляя ему, что пожалование в сие звание не может лишить его народности; ибо все знают, что он не искал его, что его нельзя было сделать камергером по причине чина его; что натурально двор желал иметь право приглашать его и жену его к себе и что государь пожалованием его в сие звание имел только в виду иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому церемониалу, установленному при дворе. Долго спорили, убеждали мы Пушкина; наконец полуубедили ⟨...⟩. Вот объяснения его производства в камер-юнкеры, по поводу которого недоброжелатели Булгарин, Сенковский, литературные его враги искали помрачить характер Пушкина" (П. в восп. Т. 2. С. 79—81). Подборку материалов о недовольстве Пушкина своим камер-юнкерством см.: Дн. Модз. С. 244. Недавно годы рождения 100 камер-юнкеров — современников Пушкина (из 161) рассмотрел С. А. Рейсер и установил, что Пушкин не был самым старшим по возрасту камер-юнкером. Старше Пушкина было 23 человека, моложе — 69 (см.: *Рейсер С. А.* Три строки дневника Пушкина // Временник ПК. 1981. Л., 1985. С. 150). Смирнов пишет о желании царя приглашать поэта и его жену „ко двору", Пушкин пишет конкретнее — о балах „в Аничкове". На придворные балы в „собственном" (Аничковом) дворце приглашался только узкий круг близких ко двору и лично к царской семье дворян (в отличие от балов в Зимнем дворце, куда допускался широкий круг дворянства и даже купечество).

54 *Маркиз де Данжо* (1638—1720) — приближенный Людовика XIV, автор мемуаров, сообщавших повседневные подробности частной жизни короля и придворного быта. Вопрос, почему Пушкин называл себя русским Данжо, вкладывая в это определение угрожающий смысл, решался по-разному. Первые комментаторы этой записи В. Ф. Саводник и Б. Л. Модзалевский в угрожающей формуле Пушкина видели только ироническое отношение к новому придворному званию (Дн. Сав. С. 20; Дн. Модз. С. IV). Д. П. Якубович истолкование этой фразы перенес в план личной жизни поэта. Угроза Пушкина для него — трагедия поэта, с горечью отмечавшего сходство своей судьбы с участью придворного рогоносца минувшей эпохи (см.: *Якубович Д. П.* Дневник Пушкина // Пушкин. 1934. Л., 1934. С. 31—35). Ясность в истолкование записи Пушкина внесла Л. В. Крестова. На основании материалов, доказывающих, что Данжо воспринимался современниками Пушкина как писатель-обличитель и что хроника его имела значение для широких политических обобщений (в работе П.-Э. Лемонте), Крестова пришла к выводу: называя себя русским Данжо, Пушкин „сознательно выполнял ту роль, которую Данжо осуществил непреднамеренно" (*Крестова Л. В.* Почему Пушкин называл себя „русским Данжо"? К вопросу об истолковании „Дневника" // Пушкин: Исслед. и мат. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 276).

55 *Безобразов* Сергей Дмитриевич (1801—1879) — с 1831 г. флигель-адъютант, ротмистр л.-гв. Кирасирского полка, „один из красивейших мужчин своего времени" (*Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931. С. 258). В конце 1833 г. Безобразов женился на фрейлине Л. А. Хилковой (1811—1859), однако брак оказался несчастливым. Причиной этого явилось подозрение Безобразова, что жена его была любовницей Николая I. См. об этом: *Цявловский М. А.* Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых // Звенья. Т. 8. С. 1—15.

56 *Сперанский* Михаил Михайлович (1772—1839) — в 1808—1812 гг. доверенное лицо и ближайший сотрудник Александра I. В 1812 г., после перехода Александра I на реакционный политический курс, был отстранен от всех должностей и выслан из Петербурга (о его высылке см. запись в дневнике на с. 36 наст. изд.). В 1816 г. возвращен на государственную службу генерал-губернатором Западной Сибири, в 1821 г. стал членом Государственного совета, руководил работами по изданию „Полного свода законов". „История Пугачева" печаталась в подведомственной Сперанскому типографии III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. Книга поступила в набор 5 июля 1834 г. Время издания этой книги — время наиболее частого общения Пушкина со Сперанским. Судя по дневниковым записям, Пушкин считал Сперанского наиболее выдающимся деятелем современной России. Сперанский в свою очередь высоко ценил Пушкина, сперва как поэта, потом и как историка. Еще в 1820 г. он писал дочери из Тобольска: „Руслана я знаю по некоторым отрывкам. Он действительно имеет замашку и крылья гения" (РА. 1868. Стб. 1780).

57 *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — генерал-от-инфантерии, герой Отечественной войны, командующий Отдельным Кавказским корпусом с 1816 по 1827 г. Был близок к декабристским кругам и после суда над декабристами находился в опале. Пушкин постоянно

интересовался личностью Ермолова, а по дороге в Арзрум заехал в его подмосковное имение. Побуждал Ермолова писать записки и в письме к нему от начала апреля 1833 г. выражал желание быть его издателем, однако записки так и не были написаны. Об отношении Пушкина к Ермолову см.: Письма. Т. 1—3; Дн. Модз., Дн. Сав. — по указ.

[58] *Вигель* Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник и литератор, один из основателей „Арзамаса", на заседаниях которого и познакомился с Пушкиным. Довольно близко они сошлись в Одессе, где Вигель некоторое время служил при Воронцове. К Вигелю относится стихотворение Пушкина „Проклятый город Кишинев" (1823). Вигель оставил „Записки", в которых содержатся ценные сведения о Пушкине (см.: П. в восп. Т. 1. С. 218—230, 488—499 — коммент. М. И. Гиллельсона). О Вигеле и Пушкине см.: Письма. Т. 1—3, по указ.; Письма посл. лет. С. 373 (заметка Б. Бессонова).

[59] ...*Норман или Мерман*... По предположению Вл. Ф. Саводника, „последнее имя, вероятно, записано Пушкиным неправильно" (Дн. Сав. С. 251). Сама Екатерина II в „Записках" имени своей кормилицы не называет и говорит только, что это была жена прусского солдата, красивая и веселая, и что ей было только 19 лет („Mémoires, commencés le 21 avril 1771" // Екатерина II. Собр. соч. / Под ред. А. Н. Пыпина. Т. 12. С. 5).

[60] Л. А. Безобразова уехала в Москву к своему брату князю С. А. Хилкову (1788—1854), генерал-лейтенанту. С. Д. Безобразов не был лишен флигель-адъютантского звания.

[61] *Великий князь* — Михаил Павлович.

[62] Очевидно, царь ошибся. Речь должна была идти не о сестре, а о младшей дочери Пугачева Аграфене. Она жила под надзором полиции не в Эрлингфосе (так иногда Пушкин называет Гельсингфорс), а в Кексгольме, где и умерла. Все родные Пугачева — брат Дементий, первая жена Софья, вторая жена Устинья, сын Трофим и две дочери Христина и Аграфена по распоряжению Правительствующего Сената содержались в Кексгольмской крепости. В 1803 г. Александр I разрешил им жить в городе.

[63] *В. А. Перовский* (см. с. 223) состоял адъютантом при Николае I, когда тот был еще великим князем, и Александра Федоровна его хорошо знала.

[64] *Трубецкой* Василий Сергеевич, князь (1776—1841) — герой Отечественной войны, генерал-от-кавалерии, сенатор, член Гос. совета. Интересовался искусством и литературой, был близко знаком с К. Н. Батюшковым. Пушкин бывал у Трубецкого вместе с Вяземским. См. о нем: Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 139—144; Дн. Модз. С. 87; Дн. Сав. С. 225.

[65] Траур при дворе был назначен 24 января в связи с кончиной герцога Фердинанда Вюртембергского, родственника покойной императрицы Марии Федоровны.

[66] *Бобринская* Анна Владимировна, урожд. баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846) — вдова графа А. Г. Бобринского (побочного сына Екатерины II и Г. Г. Орлова). Была, по словам Вяземского, женщиной „отменного ума и сердца", „жила жизнью общежительною, гостеприимною... все добивались знакомства с нею и ездили к ней охотно" (Вяземский. Т. 7. С. 221—222). В 1827 г. из-за какого-то, якобы неуважительного, отзыва Пушкина о Бобринской у него чуть было не произошла дуэль с В. Д. Соломирским (см. письмо его к Пушкину от 15 апреля 1827 г. — XIII, № 325; см. также: *Лернер Н. О.* Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 г. // РС. 1907. № 7. С. 101—102). Бобринская была расположена к Пушкину. В 1834 г. ее сын А. А. Бобринский был назначен церемониймейстером, поэтому „старая" Бобринская нередко выручала поэта, когда он нарушал правила придворного этикета.

[67] *Д'Антес* (потом Геккерн) Жорж, барон (1812—1895) — убийца Пушкина, французский роялист, участник заговора герцогини Беррийской в Вандее, имевшего целью восстановление на престоле Бурбонов. В Россию приехал в октябре 1833 г. с рекомендацией на имя Николая I от его шурина принца Вильгельма прусского. При поддержке В. Ф. Адлерберга и И. О. Сухозанета в январе 1834 г. был допущен к офицерскому экзамену на льготных условиях, не зная русского языка, и был принят корнетом в Кавалергардский полк. Названием „шуаны" (подсказанным известным романом Бальзака „Шуаны", 1829) Пушкин определил политическую физиономию Дантеса как крайнего легитимиста. В 1836 г. в петербургском свете стало известно, что Дантес усыновлен нидерландским посланником в Петербурге бароном Луи Борхардом ван Геккерном. В действительности голландское правительство отказало в просьбе об усыновлении, и Дантес получил право носить фамилию Геккерн только в январе 1838 г. См. об этом: *Sucsso F.* Dichter. Dama. Diplomat. Leiden, 1988. О Дантесе см.: Щеголев (по указателю) и *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. 2-е изд. Л., 1989.

[68] *Де Пина* Эммануил Иванович, маркиз, французский легитимист, бывший паж короля Карла X, был определен не в гвардию, а в армейский пехотный полк. По свидетельству П. П. Вя-

земского, был обвинен в краже серебряных ложек и вынужден был в мае 1836 г. выйти в отставку (см.: Пушкин по документам Остафьевского архива. М., 1880. С. 69).

[69] По замечаниям Николая I Пушкин изменил заглавие (он хотел назвать книгу „История Пугачева"), убрал цитату, взятую, по-видимому, из народной песни, о том, как старая казачка, стоя на берегу Яика, пригребала к себе трупы убитых, приговаривая: „Не ты ли мое детище? Не ты ли мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?" Против этого места царь написал: „Лучше выпустить, ибо связи нет с делом". Пушкин это место из текста перенес в примечания. Два вопросительных знака были поставлены перед эпитетами: „так *бедный* колодник отпраздновал свое возвращение" и „Суворов с любопытством расспрашивал *славного* мятежника" (курсив мой. — *Я. Л.*). Пушкин заменил эти слова на „темный" и „пленный". О других, также незначительных, поправках см.: *Зенгер Т.* Николай I — редактор Пушкина // Лит. наследство. Л., 1934. Т. 16—18. С. 526—582. См. также *Чхеидзе А.* „История Пугачева" А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963. С. 129—132 и след.; *Петрунина Н. Н.* Как увидела свет „История Пугачева" // Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 124—187.

[70] *Скарятин* Яков Федорович (ум. в 1850) — штабс-капитан Измайловского полка, один из участников убийства Павла I. Современники по-разному пишут о роли Скарятина в убийстве Павла I. Ланжерон и Фонвизин свидетельствуют, что Павел был задушен шарфом Скарятина (Цареубийство 11 марта 1801 года. 2-е изд. СПб., 1908. С. 189). Саблуков упоминает шарф самого императора, который снял Скарятин, А. Н. Вельяминов-Зернов пишет, что Павел был задушен шарфом, снятым с поручика Аргамакова (там же. С. 88—89, 130), в воспоминаниях Коцебу активная роль приписывается не Скарятину, а Яшвилю и Мансурову (там же. С. 385).

[71] Об обилии балов в зимний сезон 1834 г. Пушкин писал П. В. Нащокину в середине марта: „Нынешняя зима ужасно изобильна балами — на масленице танцовали уже два раза в день. Настало последнее воскресение перед Великим постом. Думаю: слава Богу! Балы с плеч долой! Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой, — выкидывает" (XV, 117).

[72] Письмо Пушкина „с всепокорнейшею просьбою" о выдаче ему ссуды на печатание „Истории Пугачева" было написано им Бенкендорфу 26 февраля 1834 г. Письмо входило в дело III Отделения „О выдаче заимообразно 20 т⟨ыс⟩. р. камер-юнкеру двора его величества Александру Сергеевичу Пушкину на издание «Истории Пугачевского бунта»" (ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 101; Дела III Отд., с. 243—256). Ссуда была выдана Пушкину на два года. Проект указа о выдаче ссуды был подписан Николаем I 16 марта, но уже за неделю до этого, 8 марта, М. М. Сперанский записал распоряжение Николая печатать „Историю Пугачева" на казенный счет (ПиС. Вып. 16. С. 78). Пушкину пришлось оплатить только часть бумаги, пошедшей на печатание 1800 экземпляров его книги (из 3000 общего тиража). Казне же печатание „Истории" обошлось в 3291 руб. 25 коп. (там же. С. 86).

[73] *Суворова* — Любовь Васильевна Суворова-Рымникская, урожд. Ярцова (1811—1867), бывшая фрейлина Александры Федоровны, вышедшая 12 ноября 1830 г. замуж за князя флигель-адъютанта Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского. Ярцова была, по словам графини А. Д. Блудовой, „красавица" (РА. 1895. Кн. 1. С. 717). Имя ее раскрыто в списке Ефремова с Анненковской копии дневника Пушкина. В Анненковской копии раскрыто и имя графа Льва Петровича Витгенштейна. В 1832 г. он потерял жену и в октябре 1834 г. женился вторично на известной красавице фрейлине Леониле Ивановне Барятинской. Подробно о Суворовой и Витгенштейне см.: Дн. Модз. С. 93—94.

[74] *Соболевский* Сергей Александрович (1803—1870) — внебрачный сын богатых родителей (А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой, урожд. Игнатьевой) — библиограф и библиофил, известный своим остроумием, автор многочисленных эпиграмм. Воспитывался в Благородном пансионе при Главном Педагогическом институте в Петербурге вместе с Л. С. Пушкиным и М. И. Глинкой. В 1822 г. поступил на службу в московский архив Министерства иностранных дел и был одним из членов кружка „архивных юношей". Был близок к кружку „любомудров", а позднее к редакции „Московского вестника". С Пушкиным сблизился в 1826 г., когда тот жил некоторое время в Москве на квартире у Соболевского. В 1829 г. уехал за границу, вернулся в Россию осенью 1833 г. и привез для Пушкина томик „Дзядов" Мицкевича. В конце января 1836 г. вновь уехал за границу. Переписка его с Пушкиным свидетельствует о приятельских отношениях между ними и о взаимном уважении. По свидетельству Бартенева, Пушкин „поверял" Соболевскому „свои произведения до их выхода в свет, принимал его советы, дорожил его замечаниями, его тонким умением подметить слабую или смешную сторону, в самом ходе изложения, в оттенке ли слова или в отдельных выражениях" (РА. 1870. С. 2142). Влияние Соболевского на Пушкина

отмечал В. А. Соллогуб, считавший, что Соболевский был единственным человеком, который смог бы удержать Пушкина от дуэли (см.: П. в восп. Т. 2. С. 302).

[75] Виельгорский (*Вельгорский*) Михаил Юрьевич, граф (1788—1856) — гофмейстер двора, композитор-дилетант и знаток музыки; его романсы пользовались большой популярностью; им были положены на музыку стихотворения Пушкина „Песнь Земфиры" (из поэмы „Цыганы"), „Черная шаль" и „Шотландская песня", начата опера на сюжет „Цыган". Дом Виельгорского (в Москве, потом в Петербурге) был своеобразным музыкальным центром. Пушкин был дружен с ним. На обеде 13 декабря 1836 г., после первого представления „Жизни за царя" („Ивана Сусанина") Глинки, Вильегорский участвовал вместе с Пушкиным, Вяземским и Жуковским в сочинении шутливого „Канона в честь М. И. Глинки", для которого он вместе с В. Ф. Одоевским написал музыку. Виельгорский был одним из тех, кто получил 4 ноября 1836 г. пасквильный „диплом" на имя Пушкина, он же улаживал (вместе с Жуковским) отношения Пушкина с Геккерном после первого вызова. Полученный Виельгорским экземпляр „диплома" поступил затем в III Отделение (см.: Поляков. С. 13—16; ПД, ф. 244, оп. 2, № 3). После дуэли Пушкина с Дантесом Виельгорский в числе ближайших друзей был неотлучно у постели умирающего поэта. По свидетельству А. И. Тургенева, Пушкин, прощаясь с друзьями, „Велгурскому сказал, что любит его" (Щеголев. С. 248). По просьбе вдовы Н. Н. Пушкиной Виельгорский был назначен одним из трех опекунов детей поэта.

[76] *Одоевский* Влади́мир Федорович, князь (1803—1869) — писатель, критик, музыковед, участник московского кружка „любомудров", увлекался самыми разнообразными предметами, в том числе — химическими опытами и алхимией. Он был в хороших отношениях с Пушкиным, сотрудничал в „Современнике" и участвовал в редакционно-технической работе по журналу. Пушкин дорожил его участием в „Современнике", несмотря на серьезные расхождения в общественных и литературных взглядах. Одоевский — автор известного сообщения о смерти Пушкина в „Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду" и ряда статей о Пушкине (см.: *Заборова Р. Б.* Неизданная статья В. Ф. Одоевского о Пушкине // П. Исслед. и мат. Т. 1. С. 313—342). О Пушкине и об Одоевском см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и князь В. Ф. Одоевский // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 289—308; Письма посл. лет. С. 436—437 (заметка Б. Л. Бессонова).

[77] *Ланская* Надежда Николаевна, урожд. Маслова (1804—1874) — по первому мужу Полетика, во втором браке за Павлом Петровичем Ланским.

[78] *Одоевская* Ольга Степановна, урожд. Ланская (1797—1872) — жена В. Ф. Одоевского. Одоевские имели по субботам приемы, где собирались представители „большого света", занимавшие гостиную княгини, и литераторы, сидевшие обычно в кабинете у хозяина. О салоне Одоевских см.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 87—89 и воспоминания М. П. Погодина и В. А. Соллогуба в сборнике: В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 56—57.

[79] 13 июля 1826 г. — день казни декабристов. Фрейлина — Смирнова Александра Осиповна, урожд. Россет (1809—1882) — дочь французского эмигранта О. И. Россета, коменданта одесского порта, и его жены Н. И. Лорер, сестры декабриста Н. И. Лорера. Воспитывалась в Екатерининском институте, где была ученицей Плетнева; в 1826 г. назначена фрейлиной; в 1832 г. вышла замуж за Н. М. Смирнова. Была умна, наблюдательна, остроумна, любила литературу, в особенности поэзию, обладала тонким поэтическим вкусом. Смирнова была в дружбе с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, А. И. Тургеневым, позднее — с Лермонтовым. Имя ее упоминается в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым (ОА. Т. 3—5), в письмах Вяземского к жене (Звенья. Т. 6), в письмах и дневнике Пушкина. Пушкин писал о ней в стихотворении „Ее глаза" (1828). Ценя ее дар рассказчицы, он побуждал Смирнову писать записки и 18 марта 1832 г. подарил ей альбом с надписью на заглавном листе „Исторические записки А. О. Смирновой" и ниже, в виде эпиграфа , записал стихотворение „В тревоге пестрой и бесплодной" (см.: Рукою П. С. 658—659). Смирнова оставила записки, насыщенные данными о Пушкине и его окружении (см.: *Смирнова А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989). Пользовавшиеся прежде большой известностью „Записки А. О. Смирновой" (Сев. вестник. 1893. № 6—12; отд. изд. СПб., 1895—1897. Ч. 1—2) являются фальсификацией, составленной ее дочерью О. Н. Смирновой. Об отношениях Смирновой и Пушкина см.: Письма. Т. 3, по указ.; Письма посл. лет, по указ.; Дн. Модз., Дн. Сав., по указ.; П. в восп. Т. 2. С. 418—419 (заметка В. Э. Вацуро).

[80] Редакторы сочинений Пушкина (П. О. Морозов, П. А. Ефремов, С. А. Венгеров) расшифровывали „*ц. н. — анекдоты*" как „цициановские анекдоты", производя это слово от имени родственника Смирновой по матери — Д. Е. Цицианова. В комментариях к 6-томному изданию под ред. М. А. Цявловского аббревиатура Пушкина объясняется так: „вероятно, означает

царские нескромные анекдоты, т. е. касающиеся царской фамилии" (М.; Л., 1936. Т. 5. С. 706). Скорее всего, прав Б. В. Томашевский, который раскрывает „ц.н." как „царские наложницы" — на вечере у Смирновой обсуждались нравы при дворе российских императоров. Об интересе к ним Пушкина свидетельствуют и другие записи (см. в той же записи, ниже).

[81] *Бенкендорф* Александр Христофорович, с 1832 г. граф (1783—1844) — генерал-адъютант Александра I. Был одним из наиболее активных членов следственной над декабристами комиссии, где, по-видимому, и сложилось у него мнение о Пушкине, имя которого неоднократно упоминалось на следствии. В феврале 1826 г. Бенкендорфу была поручена организация секретного надзора в России, в том числе и над Пушкиным, в котором он видел только опасного вольнодумца (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925). С июля 1826 г. Бенкендорф стал во главе вновь организованных корпуса жандармов и III Отделения собств. е. и. в. канцелярии, в которых было сосредоточено высшее полицейское наблюдение в стране. К нему стекались все сведения о Пушкине, собранные тайными агентами и полученные на основании перлюстрированных писем. После вызова Пушкина из ссылки и свидания с Николаем I 8 сентября 1826 г. Бенкендорф стал посредником между царем и поэтом. С этого времени начинается переписка Пушкина с ним. По словам М. А. Корфа, Бенкендорф „имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно" (РС. 1899. № 12. С. 487). Царские замечания и решения он передавал Пушкину в холодно-официальных словах пополам со строгостью. В резкой форме Бенкендорф требовал от Пушкина объяснения о его поездках (в Москву, в Арзрум) и предписывал впредь испрашивать на каждую поездку разрешение, запрещал читать друзьям новые произведения до их предварительного просмотра и т. п. (см.: Лемке. С. 465—526). Существует легенда, идущая от Данзаса, что он знал о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, но послал жандармов в Екатерингоф „будто бы по ошибке" (П. в восп. Т. 2. С. 323).

[82] *Туркистанова* — Туркестанова Варвара Ильинична (1775—1819), княжна — фрейлина имп. Марии Федоровны. Умная и разносторонне образованная женщина, о чем свидетельствует ее переписка с Кристином, русским политическим агентом во Франции при Николае I (Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Lettres, écrites de Pétersbourg et de Moscou. 1818—1819. Préface par Mr. le Baron de Budberg. Moscou, 1882. См. также: РА. 1912. № 11—12). Историю ее романа с Александром I см. в ее биографии, написанной Е. Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой (РА. 1914. № 1, 2). После рождения дочери 24 апреля 1819 г. она, решив покончить с собой, приняла яд, который не подействовал сразу, и она прожила еще несколько мучительных недель.

[83] *Голицын Владимир* Сергеевич (1794—1861) — сын одной из племянниц Потемкина, учился в детстве у Крылова. Участник Отечественной войны. Красивый, ловкий и остроумный, он пользовался большим успехом в обществе и особенно у женщин. П. А. Вяземский писал, что „он был очень остер, краснобай, мастер играть словами и веселый рассказчик" (*Вяземский.* Т. 9. С. 261; см. также: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 1. С. 128). По преданию, Голицын держал пари, что добьется любви Туркестановой, и подкупил горничную, чтобы проникнуть к ней в комнату (см. предисловие Будберга к упоминавшейся выше переписке Туркестановой с Кристином, с. 17). После смерти Туркестановой он взял к себе ее дочь Марию. Не исключено, что отцом Марии был Александр I. Соображения кн. Шаховского об этом см.: РА. 1914. Февраль. С. 176.

[84] *Уваров* Федор Петрович (1769—1824) — при Павле I был генерал-адъютантом, шефом Кавалергардского корпуса, пользовался расположением Павла I. 11 марта находился с несколькими офицерами своего полка около комнат наследника, для его охраны. Сопровождал Александра I при объявлении войскам о кончине Павла. Пользовался неизменным расположением Александра I.

[85] *Аракчеев* Алексей Андреевич, граф (1769—1834) — военный министр и временщик при Александре I, организатор военных поселений. Свое отношение к Аракчееву Пушкин выразил в эпиграммах 1817—1820 гг. — „Всей России притеснитель", „В столице он капрал, в Чугуеве Нерон". По рассказу Я. И. Сабурова, Аракчеев сыграл решающую роль в высылке Пушкина из Петербурга в 1820 г. (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 337). После смерти Александра I он потерял прежнее влияние, но как исторический деятель продолжал интересовать Пушкина — мемуариста и историка.

[86] *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — литератор, издатель журнала „Сын Отечества", автор трудов по русской грамматике и словесности. До 14 декабря 1825 г. поддерживал тесные связи с прогрессивными писателями, был активным членом Вольного общества любителей российской словесности, одно время даже вице-президентом общества и слыл „отъявленным

либералом". Издаваемый им „Сын Отечества" был одним из печатных органов раннего декабризма. Однако уже с 1823 г. Греч стал переходить на охранительные позиции, а войдя в тесный контакт с Булгариным (вместе с которым стал в 1825 г. издавать „Северную пчелу"), превратился в официозного журналиста. В позднейших своих записках Греч пытался отделить себя от Булгарина и убедить в своей непричастности к травле Пушкина на страницах „Северной пчелы" (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 700—703, см. также по указ. имен). Об отношениях Греча и Пушкина см.: Письма посл. лет. С. 392—393 (заметка В. Э. Вацуро), здесь же библиография.

[87] *Плюшар* Адольф Александрович (1806—1865) — известный петербургский издатель и книгопродавец, владелец типографии. В 1835—1841 гг. издавал „Энциклопедический лексикон" — одну из первых русских энциклопедий. Из намеченных 24 томов вышло только 16. Пушкин, не согласившись на сотрудничество в „лексиконе", одобрял его идею и был подписчиком (см.: Библ. П., № 439). О Плюшаре см.: РБС; *Андерсон Вл.* Семейство Плюшар — типографы // Рус. библ. 1911. Кн. 1. С. 38—39; *Заборова Р. Б.* Автограф письма Пушкина к Плюшару // П. Исслед. и мат. Т. 2. С. 224—228.

[88] *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель и журналист, издатель журналов „Северный архив" (1822—1828), „Литературные листки" (1823—1824) (вместе с Н. И. Гречем), „Сын Отечества" (1825—1840) и газеты „Северная пчела" (1825—1859). В 1820-е гг. (до декабрьского восстания) старался казаться либеральным и поддерживал тесные связи с прогрессивными кругами. После 1825 г. Булгарин быстро переметнулся в реакционный лагерь и стал представителем реакционно-охранительного направления в литературе; был осведомителем III Отделения и писал доносы на Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925. С. 34—54, 71—76) и других литераторов. В 1826 г. он выступил в качестве секретного цензора „Бориса Годунова". После его отзыва трагедия не была разрешена (см.: *Винокур Г.* Кто был цензором „Бориса Годунова"? // П. Врем. Т. 1. С. 203—214). В печати вплоть до 1830 г. благожелательно и даже восторженно отзывался о поэзии Пушкина. Начало издания „Литературной газеты" (1830—1831), задуманной в противовес официозной „Северной пчеле", вызвало поток резких пасквилей и печатных доносов Булгарина на Пушкина. Поэт отвечал эпиграммами и памфлетами, в которых раскрывал его связь с III Отделением и коммерческий характер его литературной деятельности (см.: *Гиппиус В. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным. 1830—1831 гг. // П. Врем. Т. 6. С. 235—255). В 1832 г. Пушкин восстановил отношения с соиздателем Булгарина Н. И. Гречем, надеясь привлечь последнего к изданию задуманной газеты (см.: *Пиксанов Н. К.* Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник" (1831—1832) // ПиС. Вып. 5. С. 30—74). Это способствовало смягчению полемики с Булгариным в печати, но личное отношение Пушкина к нему не переменилось. Арк. Россет вспоминал слова поэта: „Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке — раскланяюсь с ним и даже иной раз поговорю; на большой улице — у меня не хватает храбрости" (П. в восп. Т. 2. С. 313). Об отношениях Пушкина и Булгарина, а также библиографию вопроса см.: Письма посл. лет. С. 371—372 (коммент. В. Э. Вацуро).

[89] *Полевой* Николай Алексеевич (1796—1846) — писатель, журналист, историк, критик, издатель „Московского телеграфа" (1825—1834). Пушкин вначале доброжелательно относился к Полевому, поддерживал его журнал и напечатал там несколько своих стихотворений, но вскоре начало определяться его отношение к Полевому как к „педанту и невеже" (XIII, 227). Отрицательное отношение усилилось после того, как в 1829 г. Полевой выступил с резкой критикой „Истории государства Российского" Карамзина, а в 1830—1831 гг. заключил союз с „Северной пчелой" против так называемой „литературной аристократии". В полемике выявилась антагонистичность позиций Пушкина и Полевого, тяготевшего к буржуазному радикализму. В своем дневнике (см. ниже) Пушкин приветствовал закрытие „Московского телеграфа" „как по идеологическим мотивам, так и по убеждению, что Полевой, подобно Булгарину, «баловень полиции»" (Письма посл. лет. С. 449—450, коммент. В. Э. Вацуро. Здесь же подробно об отношениях Пушкина и Полевого и библиография вопроса).

[90] *Свиньин* Павел Петрович (1787—1839) — поэт, романист, историк, автор описаний путешествий, издатель журнала „Отечественные записки". Отдельным изданием его описание путешествий вышло в 1815 г. („Опыт живописного путешествия по Северной Америке"). В описании этого и других своих путешествий Свиньин сильно преувеличивал, к правде примешивал вымыслы или, в лучшем случае, не умел разобраться критически в своем материале. Свиньин был осмеян А. Е. Измайловым в басне „Лгун", напечатанной в „Полярной звезде" на 1824 г. Пушкин написал сказку „Маленький лжец", также направленную против Свиньина.

[91] *Гаевский* Семен Федорович (1772—1862) — генерал-штаб-доктор Гражданской части,

почетный лейб-медик, член Медицинского совета, директор Медицинского департамента. Принимал участие в „Энциклопедическом словаре".

[92] *Галич* Александр Иванович (1783—1848) — адъюнкт-профессор философских наук, с 10 мая до 1 июня преподавал в Лицее российскую словесность вместо заболевшего Н. Ф. Кошанского. С 1819 г. читал философию и историю философии в Петербургском университете. В 1818—1819 гг. издал два тома своей „Истории философии". В 1821 г., когда началась травля прогрессивных профессоров университета, обвиненных в свободомыслии, Галич был лишен кафедры. В Лицее после себя он оставил добрую славу. Пушкин упомянул его в стихотворении „Пирующие студенты" и посвятил ему два стихотворения: „К Галичу" („Пускай угрюмый рифмотвор") и „Послание к Галичу".

[93] *Устрялов* Николай Герасимович (1805—1870) — адъюнкт-профессор истории в Петербургском университете, автор известной монографии о Петре I. В библиотеке Пушкина сохранились следующие издания Устрялова: „Сказания современников о Дмитрии Самозванце" (СПб., 1831—1834); „Сказания князя Курбского" (СПб., 1833); „О системе прагматической русской истории" (СПб., 1836) — последняя с дарительной надписью Пушкину (см.: Библиотека П. № 399—401). „Процесс" патриарха Никона, т. е. акты суда над Никоном в 1666 г., Устряловым не был издан.

[94] *Австрийский посланник* — граф Фикельмон.

[95] *Наследник* — Александр Николаевич (впоследствии Александр II) — родился 17 апреля 1818 г., следовательно, в 1834 г. ему исполнялось 16 лет. Так как этот день приходился на шестую неделю Великого поста, празднование было отсрочено и состоялось 22 апреля, т. е. в день Пасхи.

[96] *Нарышкин* Кирилл Александрович (1786—1838) — обер-гофмаршал двора, член Государственного совета, был известен своим остроумием.

[97] *Полье* Варвара Петровна, графиня — урожд. княжна Шаховская, в первом браке графиня Шувалова, в третьем — княгиня де Бутера (1796—1870). В 1830 г. умер ее второй муж граф А. А. Полье, швейцарец из Лозанны, принявший русское подданство. После его смерти графиня поселилась в своей усадьбе в Парголове, под Петербургом. Сюда летом 1830 г. приезжал Пушкин к Е. И. Загряжской, которая жила у графини Полье.

[98] *Мещерский* Петр Иванович, князь (1802—1876) — подполковник гвардии, с 1828 г. муж Е. Н. Карамзиной.

[99] *Карцов* Дмитрий — отставной поручик. Дополнительные сведения об истории, рассказанной Пушкиным, содержатся в письме К. Я. Булгакова к брату от 19 марта: „Трагическое приключение Карцовой с прибавлениями: муж ее не убил, не обезобразил, а пугнул порядочно. По крайней мере так я слышал от своих знакомых" (РА. 1904. Кн. 1. С. 414).

[100] *Трубецкой Николай* Иванович, князь (1797—1874) — отставной ротмистр, с 1831 г. почтовый инспектор, камергер, впоследствии обер-гофмейстер, член Государственного совета. В записной книжке Вяземского сохранились сведения, что 4 января 1831 г. к нему в Остафьево приезжал Трубецкой вместе с Денисом Давыдовым, Пушкиным и Н. А. Мухановым (Вяземский. Т. 9. С. 140).

[101] *Норов* Авраам Сергеевич (1795—1869) — писатель, переводчик.

[102] *Кукольник* Нестор Васильевич (1808—1868) — писатель позднеромантического реакционного направления, пользовавшийся в 30-х гг. большой популярностью. Из его драматических произведений особую известность получила казенно-патриотическая драма „Рука всевышнего отечество спасла" (1834), изображающая подвиг Минина и Пожарского. За резко отрицательный отзыв о ней был запрещен „Московский телеграф". Пушкин познакомился с Кукольником в конце марта 1834 г. (см.: XII, 323). К личности Кукольника он относился иронически и не признавал в нем таланта (см. записи в дневнике А. В. Никитенко в январе 1836 г.: Никитенко. Т. 1. С. 178 и воспоминания Е. А. Драшусовой: РВ. 1881. № 9. С. 152). Кукольник знал об отношении к нему Пушкина и после его смерти записал в дневнике: „...он был злейший мой враг" (Баян. 1881. № 9. С. 152). В пьесе Кукольника „Доменикино" под именем Ланфранко — низкого завистника — выведен Пушкин (см.: Там же. № 10. С. 90). Об упоминаемой Пушкиным трагедии „Ляпунов" имеется следующая запись в дневнике А. В. Никитенко от 10 апреля 1834 г.: „Зван сегодня к Каратыгину (В. А.), чтобы выслушать конец трагедии Кукольника «Ляпунов». Но первые три акта этого рабского писания мне слишком опротивели. Я не поехал" (Никитенко. Т. 1. С. 141).

[103] *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, впоследствии один из идеологов славянофильства. Хомяков входил в кружок „любомудров", предпринявших в 1827 г. издание „Московского вестника"; 24 декабря на обеде у Хомякова по случаю „рождения" журнала

был Пушкин. В 1827—1828 гг. Хомяков жил в Петербурге, посещал салоны Е. А. Карамзиной и В. Ф. Одоевского, где несомненно часто встречался с Пушкиным (см.: Рус. библ. 1916. № 6. С. 67). В Москве встречи бывали у Погодина (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 2. С. 45) и в других местах. Пушкин хорошо отзывался о стихах Хомякова и критически о его трагедиях (XI, 141, 180; XIV, 241). Смерть Пушкина произвела на Хомякова сильное впечатление, причем главную долю вины он приписывал „гадости общества Петербургского" (см. его письма к Н. М. Языкову: РА. 1884. Кн. 3. С. 202—203; см. также: Дн. Модз. С. 118—120; Дн. Сав. С. 335—339).

[104] *Розен* Егор (Георгий) Федорович, барон (1800—1860) — поэт, драматург, критик, издатель альманахов „Царское село" (вместе с Н. М. Коншиным, 1830) и „Альциона" (1831—1833). Примыкал к литераторам, группировавшимся вокруг Пушкина и Дельвига, постоянно сотрудничал в „Подснежнике" и „Северных цветах" Дельвига, а затем в „Литературной газете" и „Современнике". Автор мемуаров о Пушкине, написанных в 1847 г. (см.: Сын Отечества. 1847. № 6. Отд. III. С. 10—30), точных по фактам, но преувеличивающих фигуру самого Розена в восприятии пушкинско-дельвиговского кружка.

[105] *Смирнов* Николай Михайлович (1807—1870) — богатый помещик, с 1829 г. камер-юнкер, с марта 1835 по сентябрь 1837 г. чиновник при русской миссии в Берлине, впоследствии калужский (1844—1851), петербургский (1855—1861) губернатор и сенатор. Пушкин познакомился с ним в 1828 г. и был к нему дружески расположен. В январе 1832 г. Смирнов женился на А. О. Россет, причем Пушкин был его шафером на свадьбе. Он оставил небольшие, но ценные воспоминания о Пушкине за последние шесть лет жизни поэта (см.: Из памятных заметок Н. М. Смирнова // П. в восп. Т. 2. С. 234—243, 456—457). См. также публикацию отрывка из дневника Смирнова 1834 г. (Пушкину тридцать пять лет // Неделя. 1962. № 40. С. 50 — публ. А. А. Зимина).

[106] *Икскуль* Александр Карлович, барон (1805—1880) — лицеист IV курса, камер-юнкер, переводчик в канцелярии Главного морского штаба.

[107] *Смирнов* — игрок; по предположению Б. Л. Модзалевского — Владимир Саввич Смирнов, единственный человек с этой фамилией в С.-Петербургском Английском собрании (Дн. Модз. С. 123).

[108] *Чернышев* Александр Иванович, граф (1785—1857) — военный и государственный деятель. Член Следственной комиссии по делу о декабристах. За свою деятельность в Комиссии в 1826 г. возведен в графское достоинство. С 1832 г. — военный министр.

[109] *Гладков* Иван Васильевич (1766—1832) — генерал-лейтенант, московский (1808—1811), затем петербургский обер-полицеймейстер (1821—1825), с 1825 г. — сенатор. Несколько раз участвовал в усмирении крестьянских бунтов, был активным помощником архимандрита Фотия в его действиях „противу сонмища зловредных" (см.: РС. 1896. № 7. С. 179). Полицейско-жандармские действия Гладкова и были, вероятно, причиной его забаллотирования в Английском клубе. Избран в члены клуба он был в 1824 г. (см.: Столетие С.-Петербургского Английского собрания. СПб., 1870. С. 101; о нем: Дн.Модз. С. 124—125).

[110] *Зайцевский* Ефим Петрович (1801—1861) — поэт и переводчик, служил на флоте. Печатался в „Полярной звезде" А. Бестужева и К. Рылеева, был хорошо знаком с Пушкиным и другими поэтами пушкинского круга. Сотрудничал в „Северных цветах" и „Литературной газете". О нем см.: Дн.Модз. С. 125—128.

[111] *„Северная пчела"* — газета „политическая и литературная", основанная в 1825 г. Ф. В. Булгариным и руководимая им совместно с Н. И. Гречем. Первоначально газета не имела того рептильного характера, который приобрела после разгрома восстания декабристов, когда Булгарин стал агентом III Отделения. Была самым распространенным периодическим изданием николаевского времени, что обеспечивалось поддержкой правительства (политическая часть газеты направлялась III Отделением). Она была единственной частной газетой, имевшей право давать политическую информацию. После появления „Литературной газеты", задуманной в противовес официозной „Северной пчеле", — в газете появляется ряд резких памфлетных статей, направленных против Пушкина. См. об этом: *Вацуро В. Э.* Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции. Ситуация 1825—1837 годов // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 220—221.

[112] *„Библиотека для чтения"* — журнал, основанный в 1834 г. книгопродавцом А. Ф. Смирдиным и редактировавшийся О. И. Сенковским. Пушкин сперва сотрудничал в нем, но потом он, как и все писатели его круга, отказался от участия в журнале. Гоголь писал, что журнал „глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают, еще и восхищаются

дрянью" (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 10. С. 331). „Библиотека для чтения" с ее установкой на энциклопедичность и развлекательность, с ее балагурством, буржуазной моралью и модными картинками была действительно популярна в провинции. Тираж журнала — 5000 экз. — был необычно большим для своего времени.

[113] *„Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств".* Издавался с 1825 г. Н. А. Полевым; был закрыт по распоряжению Николая I за резкий отзыв о драме Кукольника „Рука всевышнего отечество спасла"; один из наиболее значительных русских журналов, боровшийся с литературными староверами и эпигонами классицизма и горячо отстаивавший романтизм, пропагандируя в особенности французских романтиков — В. Гюго и др. В начале его издания (1825—1827) в журнале принимал деятельное участие Вяземский. Пушкин в те же годы считал „Московский телеграф" одним из лучших наших журналов (XIII, 198). Журнал отличался энциклопедичностью: в нем печатались статьи по литературе, философии, естественным наукам, помещались картинки мод. Отношение Пушкина к журналу потом постепенно меняется — он обвиняет Полевого в опрометчивости критических суждений и в невежестве. К 1830 г. относится резкая полемики „Московского телеграфа" с „Литературной газетой". Пропагандируя буржуазно-демократические завоевания Французской революции 1789 г., Полевой „в значительной мере опирался на официальную политику николаевского правительства" — этим отчасти и объясняется резкий отзыв Пушкина о журнале. Подробнее см.: *Вацуро В. Э.* Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции. Ситуация 1825—1837 годов // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 221—225.

[114] *Брюнов* (Брунов) Филипп Иванович, барон (1797—1875) — действительный статский советник, с 28 января 1833 г. — член Главного управления цензуры со стороны Министерства иностранных дел. По предложению Д. Н. Блудова, бывшего тогда министром внутренних дел, он в 1834 г. занялся просмотром „Московского телеграфа" — и вскоре, по докладу Уварова, журнал был запрещен. См.: РБС. Т. „Б". С. 371—372.

[115] *S.* — А. О. Смирнова.

[116] *„Пиковая дама"* была напечатана в „Библиотеке для чтения" (1834. Т. 2, кн. 3. С. 107—140). П. В. Анненков, основываясь на рассказах современников, пишет, что „Пиковая дама" произвела при появлении своем „всеобщий говор и перечитывалась от пышных чертогов до скромных жилищ с одинаковым наслаждением. Общий успех этого легкого и фантастического рассказа особенно объясняется тем, что в повести Пушкина есть черты современных нравов, которые обозначены, по его обыкновению, чрезвычайно тонко и ясно" (Анненков. Материалы. С. 394).

[117] *Наталья Петровна* Голицына, урожд. графиня Чернышева (1741—1837), известная в обществе под прозвищем „Princesse Moustache"; в молодые годы она любила путешествовать, была в Париже при Людовике XVI и выехала из Франции незадолго до революции. Она пользовалась уважением светского общества обеих столиц, ей оказывали внимание и члены царствующей семьи начиная от Екатерины II и кончая Николаем I. О Н. П. Голицыной см.: *Лернер Н. О.* Оригинал Пиковой дамы // Столица и усадьба. 1916. № 52. С. 11—13; Дн. Модз. С. 132—133.

[118] *S. K.* — Карамзина Софья Николаевна (1802—1856), старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака. Вместе с мачехой Е. А. Карамзиной играла главную роль в салоне Карамзиных. Пушкин относился к ней дружественно; в 1827 г. он записал в ее альбом стихотворение „Три ключа". Однако наблюдательность и ум Карамзиной при всей остроте не были очень глубокими. Начиная с осени 1836 г. ее письма к брату Андрею дают последовательную, хотя и неполную и одностороннюю, хронику развития отношений между Пушкиным, его женой и Дантесом. Но именно эти письма показывают, что, постоянно встречаясь с Пушкиным и Дантесом и имея возможность следить почти изо дня в день за развитием трагической ситуации, она долго не могла правильно оценить положение. Драму поэта она изображает как обычный в свете „треугольник", причем связанная с ней тревога поэта и его поведение кажутся ей неоправданными и смешными. После предложения Дантеса Е. Н. Гончаровой сочувствие Карамзиной всецело на его стороне — и только смерть Пушкина заставила ее глубже взглянуть на события и пересмотреть свое отношение к ним. Подробнее о Карамзиной см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Карамзины. С. 26—30; Письма. Т. 3. С. 288—289.

[119] *Гр. Л.*** — граф Иван Степанович Лаваль (1761—1846), тайный советник, член Главного правления училищ. Был женат на А. Г. Козицкой (1772—1850) и имел четырех дочерей. Старшая, Екатерина, была замужем за декабристом князем С. П. Трубецким и уже разделяла с ним сибирскую ссылку; младшая, Александра (1811—1886), в 1829 г. вышла замуж за графа Станислава Осиповича Коссаковского, бывшего церемониймейстером и состоявшего в ведом-

стве иностранных дел. Ее имеет в виду Пушкин под аббревиатурой „гр. Кас". Софья (1809—1871) была замужем за камергером Александром Михайловичем Борхом (1804—1867), а Зинаида за австрийским посланником в Петербурге графом Людвигом Лебцельтерном. См.: Дн. Модз. С. 134.

[120] В камер-фурьерском дневнике Александры Федоровны сделана запись о всех, кто представлялся 8 апреля. В списке имя Пушкина стоит на третьем с конца месте. Приводим конец списка: „Камер-юнкер Пушкин — благ⟨одарил⟩ за пож⟨алование⟩ в сие звание. Статский Совет⟨ник⟩ Болховской — представл⟨ялся⟩. Потом Ее же Величеству чрез Обер-Церемониймейстера Графа Воронцова-Дашкова представлялся Греческий полковник *Калержи*" (Дн. Модз. С. 136).

[121] Имеется в виду Степан Федорович *Паскевич* (брат генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича). 2 апреля 1834 г. он был назначен губернатором в Курск, по этому поводу он и представлялся императрице. В камер-фурьерском журнале его имя стоит на две ступеньки выше Пушкина.

[122] *Шереметев* Василий Александрович (1795—1862) — коллежский советник, с 1833 до 1838 г. орловский губернский предводитель дворянства. В 1816—1819 гг. служил в л.-гв. Гусарском полку, стоявшем в Царском Селе. С тех времен и мог быть знаком с Пушкиным.

[123] *Болховской* (Бологовский) Яков Дмитриевич (1798—1851) — статский советник, с 4 апреля 1830 г. служил в Одессе начальником Таможенного округа. Был членом Петербургского Английского клуба, где мог встречаться с Пушкиным (см.: Дн. Модз. С. 191—195).

[124] *Два Корфа*: Модест Андреевич (1800—1876) и его брат Федор (1808—1839). Первый — лицейский сокурсник Пушкина, быстро делавший служебную карьеру. В 1834 г. он уже статс-секретарь, пользуется милостью и доверием Николая I и исполняет должность государственного секретаря. В Лицее он был антиподом Пушкина и его кружка. Тем не менее он аккуратно посещал все лицейские „годовщины" и по-товарищески держался с бывшими лицеистами. Как ловкий чиновник, он понимал выгоды приобщения к „лицейскому духу" при полной внутренней благонамеренности, недаром он пошел в гору при М. М. Сперанском. Оставил о Пушкине воспоминания, в которых ценные фактические данные сочетаются с пристрастным, иногда злобным отношением к поэту (см.: П. в восп. Т. 1. С. 116—122, 458—460; Дн. Модз. С. 138—139). Младший брат его Федор, о котором упоминает Пушкин, в 1834 г. был камер-юнкером и служил столоначальником в Департаменте разных податей и сборов.

[125] *Вольховский* Владимир Дмитриевич (1798—1841) — товарищ Пушкина по Лицею. При выпуске награжден золотой медалью и определен на службу в Гвардейский генеральный штаб по квартирмейстерской части. Еще в лицейские годы стал членом ранней преддекабристской организации „Священная артель", потом был членом „Священного союза" и „Союза Благоденствия". Привлекался к следствию по делу декабристов, но был освобожден, однако включен в „Алфавит декабристов" и в 1826 г. был отправлен на Кавказ в действующую армию. Участвовал в персидской и турецкой кампаниях 1826—1829 гг. В 1829 г. с ним встречался Пушкин во время поездки в действующую армию и описал эту встречу в „Путешествии в Арзрум". В 1831—1837 гг. Вольховский — генерал-майор, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, но его декабристское прошлое не было забыто, и в 1837 г. он по приказу Николая I был отстранен от должности, был назначен бригадным генералом в Западный край, а в 1839 г. был вынужден выйти в отставку. О нем см.: *Гастфреинд Н.* Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса. СПб., 1912. Т. 1. С. 1—286; Дн. Модз. С. 139—143; *Шадури В.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 172—173, 236—237.

[126] *Sa tante...* — Загряжская Екатерина Ивановна (1779—1842) — тетка Н. Н. Пушкиной, единокровная сестра ее матери Н. И. Гончаровой, фрейлина с 1808 г., влиятельная при дворе. Нежно любила Н. Н. Пушкину, оплачивала ее туалеты, была для нее „моральным авторитетом", „руководительницей и советчицей в свете и, наконец, материальной опорой" (Щеголев. С. 45, 59—62). Относилась с симпатией к Пушкину. Письма поэта полны благодарных и сердечных упоминаний о „тетке". О постоянном участии Загряжской в семейных делах Пушкина писала О. С. Павлищева мужу (см.: ПиС. Вып. 12. С. 107—108). Загряжская играла видную роль в истории последней дуэли Пушкина, вместе с Жуковским улаживала конфликт в ноябре 1836 г. после первого вызова. После смерти Пушкина она непримиримо относилась к его врагам и недоброжелателям. И. Г. Полетика, враждебная к Пушкину, писала о ней в ноябре 1838 г. Е. Н. Гончаровой-Дантес: „Удивительно, как эта женщина меня любит, она скрежещет зубами, когда должна здороваться со мною" (Звенья. Т. 9. С. 180).

[127] *Воронцов* Михаил Семенович, граф, впоследствии князь (1782—1856) — с мая 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области, под

началом которого находился Пушкин во время пребывания в Одессе. Относился к Пушкину строго официально, видя в нем лишь опального чиновника. Отношения обострились в связи с увлечением Пушкина Е. К. Воронцовой, а потом и в связи с известной командировкой Пушкина на борьбу с саранчой. Стараниями Воронцова Пушкин был выслан из Одессы в Михайловское. Об отношениях Пушкина и Воронцова см.: П. в восп., по указ.; Дн. Модз. С. 143; *Абрамович С. Л.* К истории конфликта Пушкина и Воронцова // Звезда. 1974. № 6. С. 191—199.

[128] *Котляревский* Петр Степанович (1782—1851) — известный генерал, покоритель Закавказья. Пушкин упоминает о нем в эпилоге к „Кавказскому пленнику".

[129] *Воронцова* Елизавета Ксаверьевна, графиня, впоследствии княгиня, урожд. гр. Браницкая (1792—1880) — жена М. С. Воронцова. Пушкин был сильно увлечен Воронцовой, и это послужило одним из поводов для ссылки его из Одессы в Михайловское. О ней и Пушкине см.: Летопись (по указ.); Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926. Вып. 3; *Цявловская Т. Г.* 1) Неясные места биографии Пушкина // П. Исслед. и мат. Т. 4. С. 33; 2) „Храни меня мой талисман..." // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 12—92; Письма посл. лет. С. 377—378 (заметка Н. Н. Петруниной).

[130] *Уваров* Сергей Семенович (1786—1855), с 1846 г. граф. С 1818 г. — президент Академии наук, с 1833 — управляющий Министерством народного просвещения, с апреля 1834 — министр народного просвещения. Председатель Главного управления цензуры. Был одним из основателей „Арзамаса", однако потом перешел на охранительные позиции. Ему принадлежит известная формула: „Православие, самодержавие, народность". До 1834 г. отношение Уварова к Пушкину было внешне благожелательным, он разыгрывал роль покровителя Пушкина и ценителя его таланта. Резкая перемена отношений связана „с борьбой, которую Уваров вел против Бенкендорфа за разграничение сфер влияния, и в частности за полную власть над цензурой" (*Петрунина Н. Н.* Уваров С. С. // Письма посл. лет. С. 477). В апреле 1834 г. Уваров практически отменил право прохождения произведений Пушкина в печать по разрешению царя и приказал цензуровать их „на общем основании" (Никитенко. Т. 1. С. 140—142, 195). Это явилось переломным моментом в их отношениях. Враждебное отношение Уварова к Пушкину послужило основанием считать его причастным к анонимному пасквилю, полученному Пушкиным 4 ноября 1836 г. (см.: Щеголев. С. 330; *Гордин Я. А.* Право на поединок. Роман в документах и рассуждениях. Л., 1989).

[131] *S.* — А. О. Смирнова.

[132] *Строганов* Григорий Александрович, граф (1770—1857) — член Государственного совета, свойственник Пушкина (двоюродный брат Н. И. Гончаровой). Строганов и его жена Юлия Петровна были посажеными отцом и матерью Е. Н. Гончаровой на ее свадьбе с Дантесом. После дуэли сочувствие Строганова было полностью на стороне убийцы Пушкина. Тем не менее он был назначен председателем Опекунства над детьми и имуществом поэта, взял на себя все расходы по похоронам поэта. О Строганове см.: Щеголев, по указ. имен; Дн. Модз. С. 150—154.

[133] *Лелевель* Иоахим — см. с. 216 наст. изд.

[134] *Пулавский* — ксендз, деятель польского восстания 1830—1831 гг., член польского „Патриотического клуба".

[135] *Ворцель* Станислав, граф (1800—1856) — эмигрант, польский политический деятель.

[136] Речи, о которых упоминает Пушкин, произносились в Брюсселе 25 января 1834 г. в годовщину свержения Николая I с польского престола, а также в память декабрьского восстания 1825 г. И. Лелевель в своей речи дважды упомянул Пушкина как выразителя политических убеждений русской молодежи и привел две вольнодумные „сказочки", будто бы принадлежащие Пушкину и присланные им из ссылки Николаю I „из глубины изгнания" (содержание их см.: Дн. Модз. С. 153). Одна из них под заглавиями „Деспот" и „Бич" ходила в рукописях с именем Пушкина. В действительности это была басня Сегюра „Дитя, Зеркало и Река", в прозаическом переводе помещенная в „Новостях русской литературы на 1802 год" (Т. 4. С. 65—66), а затем переведенная в стихах Д. Давыдовым под заглавием „Река и Зеркало". Заметка „Франкфуртского журнала" встревожила Пушкина, бывшего под постоянным подозрением со стороны властей. Очевидно, он переписал заметку из „Франкфуртского журнала" для того, чтобы дать ответ на нее, но ответ этот не был написан.

[137] Об этом *концерте* К. Я. Булгаков писал брату в Москву: „Никогда я не видал столько народа, как вчера на концерте в пользу Патриотического Общества. Я пробыл только начало, но не мог снести жару и давку. Множество дам принуждены были стоять. Государь и императрица удостоили концерт своим присутствием. Государь, пробыв немного в ложе, сошел в залу с великим князем и наследником, и все время там простояли" (РА. 1904. Кн. 1. С. 417). Другие отзывы об этом концерте см.: Дн. Модз. С. 155—156.

[138] *Будущий бал* — по случаю совершеннолетия наследника Александра Николаевича (см. о нем примеч. 151).

[139] *Долгорукова* Екатерина Федоровна, княгиня, урожд. княжна Барятинская (1769—1849) — дочь убийцы Петра III князя Ф. С. Барятинского, вдова действительного тайного советника князя В. В. Долгорукова, мать обер-шталмейстера и Петербургского губернского предводителя дворянства В. В. Долгорукова, который устраивал бал от дворянства для наследника. „Одна из первых красавиц своего времени, — пишет ее биограф, — княгиня Долгорукая блистала при дворе Екатерины. В армии под Очаковым, где она была с мужем, у ее ног лежал сам великолепный князь Тавриды (Потемкин-Таврический. — *Я. Л.*) и творил по ее капризу всякие безумства, встретив с ее стороны необычную и непривычную для него неприступность. Даже сравнительно уже не в молодых годах княгиня сохранила свою красоту и продолжала одерживать победы..." (Русские портреты. Т. 4. № 19). Другие современники также говорят о Долгорукой как о женщине, верной мужу и отклонявшей ухаживания Потемкина, — так что отзыв о ней Пушкина, по-видимому, несправедлив. См. о ней: Дн. Модз. С. 157—158.

[140] *Полевой* был вызван в Петербург 21 марта. Ему пришлось убеждать Бенкендорфа и Уварова в своей благонамеренности и доказывать, что отзыв о драме Кукольника, напечатанный в „Московском телеграфе", касался только литературных достоинств драмы и не порицал ее патриотическое содержание (см.: *Сухомлинов М. И.* Н. А. Полевой и его журнал „Московский телеграф" // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 365—431). Попытка Полевого оправдаться была неудачной. Выехал он обратно в Москву 1 апреля, т. е. за две недели до записи Пушкина.

[141] *Наталья Николаевна* Пушкина уехала в Полотняный Завод с двумя детьми.

[142] *Литта* Юлий Помпеевич, граф (1763—1839) — обер-камергер двора. После получения Пушкиным звания камер-юнкера он стал прямым его начальником по придворной службе. О вызове к графу Литте и сообщении Жуковского Пушкин писал жене 17 апреля в письме, где почти дословно передает эпизод с Литтой.

[143] *Нарышкин* Кирилл Александрович (1786—1838) — обер-гофмаршал двора, член Государственного совета, был известен своим остроумием.

[144] Слух об издании указа о запрещении русским подданным жить за границей вскоре оправдался. Ср. запись от 3 мая.

[145] Вопреки городским сплетням сын княгини Суворовой родился „вовремя" (см.: Дн. Модз. С. 161).

[146] О Кочубее см. с. 225.

[147] *Мердер* Карл Карлович (1788—1834) — воспитатель наследника, будущего Александра II. Современники отмечали доброту и порядочность Мердера (см.: Дн. Модз. С. 163—165).

[148] Об Аракчееве см. с. 230. Грузино — имение Аракчеева. О смерти его писал Пушкин жене: „Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один. Не удалось мне с ним свидеться и наговориться" (XV, 130). Нижегородский гражданский губернатор приезжал к Д. Н. Блудову как к министру внутренних дел за указаниями относительно бумаг и имущества Аракчеева (тот не оставил завещания), но Блудов не захотел вмешиваться в распоряжения, не касающиеся его прямо, и направил губернатора к Бенкендорфу. Как свидетельствует Пушкин, в Грузино были посланы клеврет Аракчеева генерал-лейтенант Петр Андреевич Клейнмихель (ум. в 1869 г.) и управляющий Временным департаментом военных поселений Павел Николаевич Игнатьев, тогда полковник л.-гв. Преображенского полка (ум. в 1879 г.).

[149] *Минувшее торжество* — присяга наследника.

[150] Друзья Смирновой опасались за исход ее родов, так как в 1832 г. она при тяжелых родах потеряла ребенка (см.: ОА. Т. 3. С. 211—212). 18 июня 1834 г. Смирнова родила двойню, один ребенок через несколько месяцев умер, другим была дочь Ольга, впоследствии автор фальсифицированных „Записок А. О. Смирновой", изданных в 1893 г. в „Северном вестнике".

[151] Речь идет о бале, который давало дворянство по случаю совершеннолетия наследника в. к. Александра Николаевича в доме Д. Л. Нарышкина (наб. Фонтанки, ныне д. 21), в зале, специально приготовленном для этого случая А. П. Брюлловым. 30 апреля Пушкин писал об этом бале жене: „...поговорю тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление)" (XV, 137).

[152] По так называемой жалованной грамоте „о даровании вольности и свободы всему рос-

сийскому дворянству", изданной Петром III в 1762 г., дворяне могли беспрепятственно выезжать за границу на любой срок, пока „нужда" не „потребует" их возвращения. Указ от 17 апреля ограничивал пребывание за границей дворянам до пяти лет, а лицам других сословий до трех лет.

[153] Традиционное гулянье 1 мая в Екатерингофе (около Петербурга) в память победы Петра I в 1703 г. происходило ранее в саду около построенного Петром I в 1711 г. дворца. М. А. Милорадович, в бытность военным генерал-губернатором Петербурга, начал приводить Екатерингоф в более благоустроенный вид. В 1824 г. там уже многое было сделано, и Екатерингоф стал одним из любимых загородных мест петербуржцев. Восторженное описание Екатерингофа в 1824 г. напечатано Булгариным в „Литературных листках" (Ч. 2. № 8. С. 291—312). Тогда же Д. И. Хвостов воспел Екатерингоф в отдельно изданной брошюре „Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года. Графу Милорадовичу".

[154] *Графиня Хрептович* Елена Карловна (род. в 1813 г.) — дочь вице-канцлера и министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде, жена (с 1832 г.) графа Михаила Иринеевича Хрептовича (1809—1892).

[155] Автор стихов неизвестен. По предположению Б. Л. Модзалевского, они могли принадлежать самому Пушкину (см.: Дн. Модз. С. 172).

[156] Гоголь читал у Дашкова, по-видимому, свою комедию „Владимир 3-й степени".

[157] *Скверные стихи* — очевидно, ходившее в списках псевдо-пушкинское стихотворение „Первая ночь брака".

[158] Речь идет о письме Пушкина к жене от 20 и 22 апреля, где поэт, рассказывая о празднике совершеннолетия наследника, писал: „Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет" (XV, 129—130).

В действительности хотя Николай I и знал содержание письма, но текст его до него не дошел. Копия письма была спрятана от Бенкендорфа почитателем Пушкина, бывшим лицеистом П. И. Миллером. Впервые об этом рассказал в печати сын поэта-лицеиста М. Д. Деларю в 1880 г. После этого сам Миллер внес в рассказ Деларю следующие уточнения: „Факт из жизни Пушкина, описанный г. Деларю в сентябрьской книжке «Русской старины» 1880 года, рассказан не совсем верно.

Дело происходило в 1834 году, когда я состоял секретарем при графе Бенкендорфе. В апреле месяце этого года граф получил от тогдашнего московского почт-директора Булгакова копию с письма Пушкина к жене, отмеченную припискою «с подлинным верно». Подлинное же письмо было послано своим порядком к Наталье Николаевне. ⟨...⟩

Прочитав копию, граф положил ее в один из двух открытых ящиков, стоявших по обеим сторонам его кресел перед письменным столом. Так как каждый ящик был перегорожен на три отдела, и этих отделов выходило шесть, то граф нередко ошибался и клал полученную бумагу не в тот отдел, для которого она предназначалась. Это, разумеется, вело к тому, что он потом долго искал ее и находил не прежде, как перебрав бумаги. Такая процедура ему, наконец, надоела, и он поручил мне сортировать их каждый день и вынимать залежавшееся.

Когда я увидел копию в отделе бумаг, назначенных для доклада государю, у меня сердце дрогнуло при мысли о новой беде, грозившей нашему дорогому поэту. Я тут же переложил ее под бумаги в другой отдел ящика и поехал сказать М. Д. Деларю, моему товарищу по лицею, чтобы он немедленно дал знать об этом Пушкину, на всякий случай. Расчет мой на забывчивость графа оказался верен: о копии уже не было речи, и я через несколько дней вынул ее из ящика вместе с другими залежавшимися бумагами" (РА. 1902. № 10. С. 232). О П. И. Миллере и „услуге", оказанной им Пушкину, см.: *Эйдельман Н. Я.* О гибели Пушкина: (По новым материалам) // Новый мир. 1972. № 3. С. 214—217.

[159] Перефразировка цитаты из письма Ломоносова к И. И. Шувалову (19 января 1761 г.): „Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет". Эти же слова повторяет Пушкин в письме к жене от 8 июня 1834 г. (XV, 156) и в главе „Ломоносов" „Путешествия из Москвы в Петербург" (XI, 254). Письмо Ломоносова впервые было опубликовано в альманахе „Урания... на 1826 год" (М., 1825. С. 54—58).

[160] *Видок* — François-Eugène Vidocq, начальник парижской тайной полиции, автор мемуаров, изданных в 1828—1829 гг. („Mémoires de Vidocq, chef de police de Sûreté"). В „Литературной газете" (1830. № 20) Пушкин напечатал статью об этих мемуарах, содержание которой завуалированно было направлено против Булгарина.

[161] *Полетика* Петр Иванович (1778—1849) был членом „Арзамаса", где имел прозвище „Очарованный челн". Он сам литературою не занимался, но был в близких отношениях с кружком Карамзина и до конца дней сохранял дружеские отношения с Жуковским. Служил по дипломатической части. С 1833 г. Полетика был первоприсутствующим сенатором в I Отделении 5 департамента Сената, а 22 апреля, в день совершеннолетия наследника, награжден орденом Александра Невского за долговременную службу по разным возлагаемым на него должностям. По поводу его смерти Жуковский писал: „Пристал к берегу наш Челнок. Его введут в пристань без досмотра, — на нем контрабанды нет; все чистый позволенный товар" (РА. 1900. Кн. 3. С. 45).

[162] *Чертков* Евграф Александрович (ум. в 1797 г.) — один из главных участников переворота 1762 г., способствовавших возведению Екатерины II на трон.

[163] *Зубов* Платон Александрович (1767—1822) — последний фаворит Екатерины II, с 1793 г. — граф, с 1795 г. — князь, с 1801 г. — член Государственной думы совета, генерал-фельдцейхмейстер. Рассказанный Полетикой эпизод мог произойти только после июня 1789 г., когда Зубов попал в „случай" при императрице.

[164] *Константин* — великий князь Константин Павлович (1779—1831). Лагарп (Laharpe) Фридрих-Цезарь (1754—1838) — воспитатель императора Александра I в 1782—1794 гг., потом деятель Швейцарской революции 1797 г. Письмо, о котором говорит Пушкин и где Александр выражает надежду в будущем устроить судьбу России на конституционных основаниях, а затем покинуть родину и жить частным человеком, впервые было опубликовано Н. К. Шильдером в биографическом очерке об Александре I в „Русском биографическом словаре" (Т. 1. С. 159).

[165] *Ланжерон* Александр Федорович, граф (1763—1831) — француз, эмигрировавший в Россию после революции. Участвовал во всех войнах Екатерины II и Александра I вплоть до Отечественной войны. В 1822 г. был новороссийским генерал-губернатором и жил в Одессе одновременно с Пушкиным. Письма Александра I к Ланжерону, о которых говорит Пушкин, неизвестны.

[166] *Медем* Павел Иванович, граф (1800—1854) — дипломат. 20 июня он был назначен в Лондон не полномочным министром, а только исправляющим должность поверенного в делах и пробыл в этом звании до 31 января 1835 г.

[167] *Ливен* Христофор Андреевич (1774—1838) — светлейший князь, бывший послом в Англии с 1812 г. В 1834 г. был назначен попечителем к наследнику престола. Сам Ливен говорил П. Г. Дивову, что „польщен своим новым назначением, хотя пост посланника вполне соответствовал его желаниям" (РС. 1900. № 7. С. 191).

[168] Ставя при имени *Каннинга* в скобках имя *Strangford*, Пушкин, по замечанию Б. Л. Модзалевского, „соединил в одно два похожих имени двух различных английских дипломатов" (Дн. Модз. С. 184). Один из них —Percy-Clinton-Smith viscount Strangford (1780—1855) — был английским послом в период междуцарствия 27 ноября—14 декабря 1825 г. Другой дипломат — лорд Stratford Canning (1788—1880) — в 1833 г. получил назначение на пост посла в Петербурге, но Николай I отказался принять его верительные грамоты. Единственная встреча его с Николаем I произошла в Париже в 1815 г., но сведений о столкновении их во время этой встречи не сохранилось. Неприятие Каннинга могло быть вызвано общими натянутыми отношениями между Россией и Англией в это время.

[169] Е. Н. и П. И. Мещерские ехали с сыном Николаем и с С. Н. Карамзиной. Пушкин провожал их до пироскафа (парохода), шедшего из Кронштадта в немецкий порт Любек, от которого начиналось путешествие по Германии. Путешествие их (по Германии, Швейцарии, Италии) продолжалось больше года (см.: Карамзины. С. 29—30). Настроение С. Н. Карамзиной перед отъездом выражено в ее письме к И. И. Дмитриеву от 25 мая 1834 г.: „Я еду завтра с Мещерскими на пароходе в чужие края на целый год. Хочу, чтобы последние строки мои были к Вам. Мне грустно неизъяснимо, и все желание мое путешествовать, и вся радостная физиономия Швейцарии, Италии — все исчезло в моем воображении и заменилось одной тоскою. Пожелайте нам счастливого возвращения в милую Россию" (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 439—440).

[170] *Великая княгиня* Елена Павловна, урожд. принцесса Вюртембергская (1806—1873), — жена в. к. Михаила Павловича. Была образованна, начитанная, интересовалась литературой и

искусством, а также общественными вопросами. Это выделяло ее среди других членов царской семьи (см.: Дн. Модз. С. 186—189). Вяземский в письме к жене 2 января 1832 г. выражал опасение, что Елена Павловна „здесь не заживется, ибо не уживется, и что разногласие ее с прочими членами царской семьи слишком резко" (Звенья. Т. 9. С.237). Елена Павловна была хорошо знакома с Пушкиным, находила его беседу „очень занимательной" (письма ее к мужу 26 декабря 1836 г.: ЛН. Т. 58. С. 135; там же характеристика ее отношения к трагедии Пушкина); в ее записках к Жуковскому, написанных после дуэли поэта с Дантесом, выражается глубокая тревога по поводу ранения Пушкина (см.: Щеголев С. 165; ЛН. Т. 58. С. 134—136). Встречи с Еленой Павловной не раз отмечаются в дневнике и письмах поэта.

[171] *Красовский* Александр Иванович (1780—1857) — цензор петербургского Цензурного комитета (1821—1828), потом председатель Комитета цензуры иностранной (с 1833 г. до смерти), наиболее реакционный, тупой и фанатичный из цензоров. 13 июня 1824 г. Пушкин писал брату в связи с назначением А. С. Шишкова министром народного просвещения: „С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры. А жаль… la coupe était pleine <чаша была полна>. Бируков и Красовский невтерпеж были глупы [и] своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться" (XIII, 97—98).

[172] В это время шло печатание „Истории Пугачевского бунта" в типографии II Отделения собственной е. и. в. канцелярии, подведомственной М. Сперанскому. 8 марта 1834 г. Сперанский записал распоряжение Николая I печатать „Историю Пугачева" на казенный счет. Пушкину пришлось оплатить только часть бумаги, пошедшей на печатание 1800 экземпляров его книги (из 3000 общего тиража). Казне же печатание „Истории" обошлось в 3291 руб. 25 коп. (см.: Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине / Предисл. и ред. С. Сухонина. СПб., 1906. С. 86). Естественно, что члены царской семьи были осведомлены об этой работе Пушкина.

[173] *Тайцы* — мыза близ Гатчины под Петербургом, которая, как считал ошибочно Пушкин (см.: *Старк В. П.* Пушкин и семейные предания его рода // Легенды и мифы о Пушкине. Л., 1994. С. 81—83), была пожалована Ганнибалу вместе с мызой Елицами, с пятью деревнями, мызой Суйдой (где Ганнибал провел последние годы своей жизни) и мызами Руновом и Кобрином. Впоследствии Тайцы перешли в другое владение.

[174] *Давыдов* — скорее всего, приятель Вяземского сахарозаводчик Дмитрий Александрович (1786—1851).

[175] *Киселев* Павел Дмитриевич (1788—1872) был полномочным председателем диванов княжеств Молдавии и Валахии и командующим войсками, которые были там расположены. После решения убрать оттуда русские войска был по собственной просьбе уволен от занимаемой должности и приехал в Петербург 8 мая 1834 г., а 6 сентября был пожалован в звание члена Государственного совета.

[176] Ср. с отзывом Пушкина об Ермолове в „Путешествии в Арзрум" (с. 127—128 наст. изд.). По этому поводу Е. Г. Вейденбаум пишет: „Если припомнить, что в характере Ермолова была известная доля двуличности и хитрости, давшая великому князю Константину Павловичу повод называть его патером Губером (известный генерал ордена иезуитов в Петербурге), то сравнение Пушкина („голова тигра на Геркулесовом торсе". — Я. Л.) должно признать более метким, чем сравнение со львом, придуманным безусловно панегиристами Ермолова. Оно еще раз подтверждает независимость мнений Пушкина и правдивость его в отзывах даже о тех, кого он искренно почитал" (Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899. С. 112).

[177] *Смирновы* — Александра Осиповна и Николай Михайлович. Смирнов был страстным карточным игроком. Рассказывая о нем, Я. П. Полонский пишет, что он был „очень богатый человек, чуть ли не миллионер и все же настолько зажиточный (после того как значительная часть его состояния была им проиграна в карты), что мог проживать в год несколько десятков тысяч рублей" (Голос минувшего. 1917. № 11—12. С. 145).

[178] *Болховской* (Бологовский) Дмитрий Николаевич (1775—1852) — отставной офицер, советник, вице-директор Департамента внешней торговли в 1836—1837 гг. Он присутствовал при первых минутах после смерти Екатерины II, был очевидцем, а по некоторым свидетельствам (например, декабристов М. А. Фонвизина и И. Д. Якушкина) участником убийства Павла I. Подробно о Болховском см.: Дн. Модз. С. 192—195.

[179] *Elisa* — Хитрово Елизавета Михайловна, урожд. Голенищева-Кутузова (1783—1839), в первом браке гр. Тизенгаузен, известная своей восторженной привязанностью к Пушкину. По словам П. А. Вяземского, Хитрово питала к Пушкину самую нежную, страстную дружбу, а после его смерти „безусловно и исключительно" стала на сторону защитников Пушкина от светских нареканий и пересудов и „глубоко оплакивала" в нем „друга и славу России" (Вязем-

ский. Т. 8. С. 494). Письма к ней Пушкина свидетельствуют о его дружеских чувствах и о постоянном и деятельном их умственном общении. Хитрово была в числе лиц, получивших 4 ноября 1836 г. анонимный пасквиль для передачи Пушкину. О ней и ее взаимоотношениях с Пушкиным см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин и Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 143—204; Письма. Т. 2—3, по указ.; Письма посл. лет. С. 484—485 (заметка Р. В. Иезуитовой).

[180] *Нащокин* Павел Воинович (1801—1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Воспитывался вместе с Л. С. Пушкиным в Благородном пансионе при Царскосельском лицее, где и познакомился с ним Пушкин. После службы в армии вышел в отставку в 1823 г. в чине поручика. Оригинальный ум, доброе сердце и широкая натура Нащокина привлекали Пушкина. Особенно сблизились они в 1830-е гг.: тогда поэт, приезжая в Москву, постоянно останавливался у Нащокина, а в переписке они делились друг с другом житейскими заботами. Пушкин крестил дочь Нащокина от цыганки Ольги Андреевны Солдатовой. В июне 1833 г. Нащокин приезжал в Петербург, чтобы крестить сына Пушкина Александра. Его воспоминания о Пушкине записал в 1851—1853 гг. П. И. Бартенев (Рассказы о П. С. 24—28; 32—39), ср.: П. в восп. Т. 2. С. 184—196 и 439—440 (заметка Р. В. Иезуитовой). О Нащокине и Пушкине см.: Письма. Т. 1—3, по указ.; Письма посл. лет. С. 432 (заметка Н. Н. Петруниной); *Раевский Н. А.* Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. Л., 1976. Пушкин, как следует из этой записи, вернул Нащокину часть своего долга. Из письма Нащокина к Пушкину от января (не позднее 26) 1834 г. видно, что Пушкин был ему еще должен „4 т⟨сячи⟩, считая проценты" (XV, 105). Подробнее об этом см.: Письма посл. лет . С. 215.

[181] На поле рукописи дневника в этом месте сделана приписка рукой П. А. Вяземского: „Надобно было бы кончить: Не знаю хоть убей". Очевидно, Пушкин давал читать свой дневник некоторым из своих друзей. Вряд ли эту приписку Вяземский мог сделать после смерти поэта.

[182] Наследный принц прусский Фридрих-Вильгельм (будущий король Фридрих-Вильгельм IV — 1795—1861) был родным братом императрицы Александры Федоровны. Приехал в Россию 13 июня и пробыл до 1 августа. 12 мая Пушкин писал жене: „Сюда ожидают Прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике" (XV, 146).

[183] Речь идет о попытке Пушкина выйти в отставку. Пушкин уже 25 июня написал Бенкендорфу письмо, в котором, ссылаясь на семейные дела, требующие „присутствия то в Москве, то в провинции", просил „исходатайствовать" ему разрешение „оставить службу" (XV, 165). Однако выйти в отставку ему не удалось. Конфликт с правительством, возникший вследствие этого письма, был улажен с помощью Жуковского (о записях в дневнике Жуковского, связанных с „делом об отставке", см.: *Иезуитова Р. В.* Пушкин и „Дневник" В. А. Жуковского 1834 г. // П. Исслед. и мат. Т. X. С. 226—241). Ход событий представляется в следующем виде. На просьбу Пушкина Бенкендорф ответил сухим письмом, в котором сообщал, что царь никого не хочет удерживать на службе против воли, но что после отставки Пушкину будет закрыт вход в архивы (XV, 171). Это делало невозможным продолжение исторических занятий Пушкина, в частности работы над „Историей Петра". Но еще до получения ответа Бенкендорфа Пушкин отказался от своего намерения (см. его письмо к Бенкендорфу от 3 июля и к Жуковскому от 4 июля: там же. С. 172—173; Письма последних лет. № 47, 48), так как был предупрежден Жуковским об опасности ссоры с правительством. Жуковский узнал о просьбе поэта от царя, который, видимо, выразил ему свое недовольство отставкой Пушкина. 2 июля Жуковский писал поэту: „Государь опять говорил со мною о тебе". Николай сказал Жуковскому, что он Пушкина „не удерживает", но в случае отставки „все между ними кончено", добавив при этом, что Пушкин „может, однако, еще возвратить письмо свое" (там же. С. 171). Получив письмо Жуковского 2 или 3 июля, Пушкин 3 июля написал Бенкендорфу письмо с просьбой остановить отставку и уже после этого получил ответ Бенкендорфа на свое прошение об отставке, посланный 30 июня (там же), а также новое письмо от встревоженного Жуковского, от 3 июля (там же. С. 173). Жуковский предупреждал Пушкина, что он может „повредить себе на целую жизнь", и убеждал поэта написать Николаю I. Пушкин написал 4 июля второе письмо, но, вопреки совету Жуковского, не самому царю, а снова Бенкендорфу (там же. С. 174), и это письмо Бенкендорф переправил вместе с первым Жуковскому, который снова выразил свое недовольство Пушкину (письмо от 6 июля: там же. С. 175). Он нашел, что в письме „есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело", ибо в нем Пушкин не пишет ничего о том, хочет ли „оставаться в службе или нет". Первое же письмо поэта, от 3 июля (Жуковский называет его „последним"), в котором он просил, „чтобы все осталось по-старому", по мнению Жуковского, „так сухо, что оно может показаться государю новой неприличностью". Жуковский искренне верил в доброе отношение царя к Пушкину, просьбу об отставке он рассматривал как проявление горячности поэта, а его стремление к независимости считал неблагодарностью. Вместе с тем Жуковский хорошо понимал, в какое

тяжелое положение поставил бы себя Пушкин своей отставкой, которая не только не дала бы ему независимости, но еще более усилила подозрительность и надзор III Отделения (именно на него Жуковский, идеализируя царя, возлагал всю ответственность за притеснения, тяготившие поэта).

Результатом увещеваний Жуковского явилось последнее письмо Пушкина к Бенкендорфу от 6 июля (там же. С. 176—177). Однако вопрос о „прощении" был решен Бенкендорфом и Николаем I уже раньше, после первой просьбы Пушкина остановить отставку — в письме от 3 июля. Это письмо цитирует Бенкендорф в недатированной докладной записке царю, которую, основываясь на упоминаниях писем Пушкина к Бенкендорфу от 3 июля и к Жуковскому от 4 июля, можно датировать 5 июля. В ней шеф жандармов писал: „Письмо Пушкина ко мне и другое, от него Жуковскому. Так как он сознается в том, что просто сделал глупость и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным, так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде, то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо (от 25 июня) как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен себе!!". Резолюция Николая гласит: „Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства" (Стар. и нов. СПб., 1903. Кн. 6. С. 10—11; подлинник по-французски).

[184] *Маршал Мезон* — Николя-Жозеф (1771—1840) — французский генерал, участник наполеоновских войн; после отречения Наполеона (1814) перешел на сторону Людовика XVIII, который сделал его пэром Франции; с декабря 1833 г. был французским послом при русском дворе.

[185] По этому поводу Б. Л. Модзалевский пишет: „Говоря о доме князя Трубецкого, Пушкин несколько ошибается: Сенат был помещен не в доме Трубецкого, а в особом здании Судебных мест, построенном знаменитым зодчим Матвеем Федоровичем Казаковым в 1771—1785 гг. на месте дома князей Ивана Юрьевича и Юрия Юрьевича Трубецких; Сенатское здание, однако, заняло еще соседние места церквей Козьмы и Дамиана, Петра Митрополита и Введения Богородицы и Конюшенного двора Чудова монастыря" (Дн. Модз. С. 207).

[186] *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1749—1829) — при Екатерине — член Главного почтового правления; он был среди сопровождающих Павла I на коронацию в Москву и получил от него ряд милостей и наград, но 6 апреля 1799 г. был уволен от должности президента Главного почтового правления, через год отставлен от службы. После убийства Павла Трощинскому было поручено написать манифест о вступлении на престол Александра I, и он быстро сделал служебную карьеру. В 1814 г. был назначен министром юстиции и пробыл на этом посту до выхода в отставку в 1817 г. Отец Н. В. Гоголя приходился родней Трощинскому, и молодой Гоголь благодаря хлопотам своего родственника был принят в Нежинскую гимназию. По предположению Б. Л. Модзалевского, возможно, Гоголь рассказал Пушкину про памятную ночь 11—12 марта 1799 г. (см.: Дн. Модз. С. 208).

[187] 4 августа Пушкин, оставив попечение о печатающейся „Истории Пугачева" М. Л. Яковлеву, подал прошение об отпуске и вечером 16 августа или утром 17-го выехал из Петербурга в Болдино (о дате отъезда его см. коммент. Н. Н. Петруниной в кн.: Письма посл. лет. С. 242). 18 октября он вернулся в Петербург и продолжал печатать „Пугачева", который вышел в свет в последних числах декабря 1834 г.

[188] Открытие Александровской колонны состоялось в день именин покойного Александра I 30 августа. Вскоре вышла брошюра, освещающая это событие: *Бутовский И. Г.* Об открытии памятника императору Александру I. СПб., 1834.

[189] *Раевский Александр* Николаевич (1795—1868) — старший сын генерала Н. Н. Раевского, участник войны 1812 г. Пушкин сблизился с ним летом 1820 г. и в пору общения на Кавказе и в Крыму испытал некоторое влияние Раевского. Свое отношение к нему Пушкин выразил в стихотворении 1823 г. „Демон". По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Раевский сыграл неблаговидную роль в высылке Пушкина из Одессы в 1824 г. (см.: П. в восп. Т. 1. С. 226—228). С этим эпизодом комментаторы связывают стихотворение Пушкина 1824 г. „Коварность" (см.: Венг. Т. 3. С. 528—531). Раевский был арестован в связи с делом декабристов, но вскоре освобожден. В 1828 г. по просьбе М. С. Воронцова, ревновавшего его к Е. К. Воронцовой, выслан из Одессы в Полтаву. В январе 1834 г. Раевский получил разрешение жить в Москве. Здесь с ним встречался Пушкин. 11 ноября 1834 г. он женился на Е. П. Киндяковой. О Раевском см.: Дн. Модз. С. 208—210; Дн. Сав. С. 478—482; Путеводитель. С. 306; Письма. Т. 1. С. 214—215; Т. 2. С. 135—136; Т. 3. С. 615—616.

[190] *Тарутино* — село в Боровском уезде Калужской губернии, принадлежавшее графу С. П. Румянцеву. Там 6 октября 1812 г. Кутузов одержал победу над Наполеоном. По ходатайству С. П. Румянцева крестьяне села Тарутино в ознаменование этой победы были признаны вольнонаемными с предоставлением принадлежащих им угодий. Крестьяне должны были за это на свой счет поставить в Тарутине памятник в честь битвы с французами. Это предложение графа Румянцева было утверждено правительством 20 декабря 1828 г., а сам памятник открыт 25 июня 1834 г. На нем была надпись: „На сим месте Российское воинство, предводимое фельдмаршалом Кутузовым, спасло Россию и Европу".

[191] В Калужской губернии было имение Гончаровых Полотняный Завод, где в это время находилась Наталья Николаевна с детьми. Около 25 августа Пушкин писал Наталье Ивановне Гончаровой: „Теперь я в Заводах, где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправлю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее..." (XV, 188).

[192] Рассчитывая поправить дела семьи и спасти родовое имение от разорения, Пушкин взялся управлять Болдиным. При этом он должен был обеспечивать содержание родным: 6 апреля родители поэта написали в Варшаву своей дочери О. С. Павлищевой, что он взял на себя уплату долгов Льва Сергеевича и выплату ей ежегодного содержания (см.: ПиС. Вып. 17—18. С. 200; ср.: *Левкович Я. Л.* По неизвестным письмам // Звезда. 1974. № 6. С. 186). Это сообщение вызвало поток наглых писем Н. И. Павлищева, мужа Ольги Сергеевны, который требовал денежных компенсаций (XV, 133, 197; XVI, 9—10, 20—21). Пушкин отказался удовлетворить эти требования до приведения имения в порядок. 4 мая 1834 г. он писал Павлищеву: „Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным, и доходам. Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь*, что недоимок *тысячи три*, а что доходов *тысяч 22*. Я просил все это определить с бо́льшею точностию, и батюшка, не успел того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного	190,750
Что процентов ежегод⟨ных⟩	11,826
Что недоимок	11,045
(Частных долгов полагаю около	10,000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22,000, выдет, что, за уплатою казен⟨ных⟩ процентов, остается до 10,000.

Из оных если батюшка положит по 1,500 Ольге Серг⟨еевне⟩ да по стольку же Л⟨ьву⟩ Серг⟨еевичу⟩, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Серг⟨еевича⟩, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамест не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать О⟨льге⟩ С⟨ергеевне⟩ и не обещаю. Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать" (там же, XV, 141—142). Однако выплачивать содержание родителям и рассчитываться с долгами брата ему пришлось. П. Е. Щеголев опубликовал приходо-расходную тетрадь, которую Пушкин вел в период управления имением, с апреля 1834 г. по июнь 1835 г. (*Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928. С. 215—228, 126—146; см. также: Рукою П. С. 364—374). Анализ этих записей показывает, что расходы значительно превысили доход от имения. Еще не получив ничего из доходов, Пушкин в апреле из своих денег заплатил 866 руб. за отца и 1330 руб. за брата. В мае и июне расход еще увеличился (Пушкин и мужики. С. 131—137). 9 июня Пушкин подвел итог: расходы равнялись 4584 руб., а единственная приходная запись от 8 июня — 400 руб. К этим 400 руб. за все время управления имением прибавилось только 260 руб. оброку, так как бо́льшая часть доходов Болдина отсылалась управляющим в Опекунский совет на уплату процентов за заложенные души. Чтобы раздобыть денег, Пушкин прибегнул к испытанному средству — заложил оставшиеся свободными от залога крепостные души 74 кистеневских крестьян, за которые он 20 июля получил 13 242 руб. Однако и эта мера не спасла положение, и в июне 1835 г. Пушкин отказался от управления имением. Тем не менее ему удалось погасить скопившиеся недоимки и спасти имение от угрозы описи и аукционной продажи (там же. С. 146).

[193] „История Пугачевского бунта" в 2 частях была отпечатана в типографии II Отделения в конце ноября. 23 ноября Пушкин обратился к Бенкендорфу „с покорнейшею просьбою ⟨...⟩ предоставить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые

замечания, которых не решился ⟨он⟩ напечатать" (XV, 201). Однако сразу тираж не был выпущен. Для выпуска „Истории" вместо обычного билета на выпуск требовалось разрешение Бенкендорфа, так как книга проходила не по общей цензуре, а печаталась „с дозволения правительства". 16 декабря Бенкендорф отправил начальнику II Отделения М. М. Сперанскому отношение, которым предлагалось отпустить тираж книги. Однако и после этого Пушкин не получил тиража, так как Сперанский потребовал „высочайшего соизволения" на его выпуск, о чем Пушкин писал Бенкендорфу 17 декабря (там же. С. 203). Получив второе письмо Пушкина, Бенкендорф представил Николаю I записку, на которой тот написал: „Можно ему выдать, ежели ничего другого нет, как то, что я читал" (Дела III Отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине. СПб., 1906. С. 145). М. М. Сперанский распорядился выпустить книгу, если при сличении ее с „оригиналом, удостоенным высочайшего прочтения", в ней не окажется „никаких существенных перемен" (там же. С. 144). Однако сличавший чиновник не заметил, что Пушкин проделал дополнительную работу, внося исправления вплоть до корректуры. См. его переписку с М. Л. Яковлевым (XV, 182).

194 Николай I выехал из Петербурга 6 сентября на маневры через Москву, затем совершил поездку по некоторым губерниям России, а 25 октября вернулся (также через Москву) в Петербург, откуда 27 декабря с наследником отправился в Берлин. 26 ноября царское семейство снова было в Петербурге (см.: Месяцеслов на 1836 г. С. 212—218).

195 *Бутурлин* Дмитрий Петрович. См. о нем с. 221 наст. изд.

196 Завтра, т. к. 6 декабря был день именин Николая I.

197 О возрасте камер-юнкеров см.: *Рейсер С. А.* Три строки дневника Пушкина // Временник ПК. 1981. Л., 1985. С. 150. Среди камер-юнкеров было 23 человека старше Пушкина, моложе — 69.

198 Речь идет о княгине Ольге Александровне Долгоруковой (1814—1865), младшей дочери московского почт-директора Александра Яковлевича Булгакова (1781—1863). Пушкин относился к ней с симпатией. Свадьба ее была на три недели раньше свадьбы самого поэта, и, бывший на балу по случаю свадьбы, Пушкин говорил ее отцу: „Я глаз не спускаю с княгини Ольги Александровны; непонятно, как она всюду поспевает — не только занимается всеми, кои тут, но даже отсутствующим посылает корнеты с конфектами; я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь" (письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 19 февраля 1831 г. // РА. 1902. Кн. 1. С. 53—54). Булгаков с дочерью был и на балу, данном молодыми Пушкиными, а через день вместе с ними и на масленичном катанье (там же. С. 56, 57). Николай I, когда бывал в Москве, всегда отличал Долгорукую своим вниманием, о чем свидетельствуют письма ее отца к брату (см.: РА. 1902. Кн. 1. С. 112 и след., 312 и след.). Пренебрежительное отношение „старых сенаторов" к А. Я. Булгакову объясняется как его происхождением (он был незаконным сыном знаменитого дипломата Я. И. Булгакова), так и тем, что, будучи московским почт-директором, он занимался перлюстрацией писем, что, конечно, было известно в обществе; подозревали его и в принадлежности к тайной полиции (см.: РА. 1901. Кн. 2. С. 427). Вместе с тем он поддерживал дружеские связи с Жуковским, Вяземским и другими арзамасцами.

199 Пушкин имеет в виду не Михаила, а Ивана Федоровича *Голицына* (1792—1835), заведовавшего Секретным отделением Канцелярии московского генерал-губернатора и имевшего в своем ведении тайных агентов, которые вели дела губернии, не имевшие политического характера.

200 *Лекс* Михаил Иванович (1793—1856) — в 1834 г. директор канцелярии Министерства внутренних дел. Будучи в должности экспедитора в штабе наместника Бессарабской области и живя в Кишиневе, познакомился с Пушкиным. В 1823 г. был назначен начальником Отделения Канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова. Доброжелательные воспоминания о Лексе оставили Ф. Вигель и И. Липранди (см.: П. в восп. Т. 1, по указ.).

201 *Ермолова* Жозефина-Шарлотта, урожд. графиня де Лассаль (1794—1850-е гг.) — дочь наполеоновского генерала, жена генерал-майора М. А. Ермолова. Каламбур основан на ее девичьей фамилии (Lassale — la sale — грязная).

202 *Курваль* — графиня, дочь знаменитого генерала Жана-Виктора Моро, смертельно раненного в сражении под Дрезденом 15 августа 1813 г.; плодовитая писательница, автор романов для юношества и книг для детей.

203 *Каннинг* Чарльз (у Пушкина неправильно: Кеннинг) — сын английского дипломата лорда Страдфорда Каннинга.

204 *Дуро де* — маркиз, английский путешественник.

205 *Ленский* Адам Осипович (1799—1883) — в 1834 г. камергер, действительный статский

советник, помощник статс-секретаря Гос. совета по Департаменту дел Царства Польского. В 1836 г. из-за Ленского чуть было не произошла дуэль между Пушкиным и В. А. Соллогубом. Поводом послужил превратно истолкованный присутствовавшими дамами разговор о Ленском между Н. Н. Пушкиной и Соллогубом (см.: П. в восп. Т. 2. С. 308—309).

[206] *Мицкевич* Адам (1798—1855) — польский поэт, знакомство его с Пушкиным относится к 1826 г., позднее они неоднократно встречались в Москве и Петербурге, вплоть до отъезда Мицкевича за границу 15 мая 1829 г. Польское восстание 1830—1831 гг. привело к резкому расхождению их политических позиций. Политическая полемика двух поэтов сочеталась с высокой взаимной оценкой поэтического творчества. На смерть Пушкина Мицкевич отозвался некрологом, опубликованным во французском журнале „Le Globe" (1837. № 1). Существует легенда, согласно которой Мицкевич после смерти Пушкина собирался вызвать на дуэль Дантеса.

[207] *S.* — Смирнова А. О.

[208] *Нординг* — Нордин Густав (1799—1867) — в 1830-е гг. секретарь шведско-норвежскго посольства. После смерти Пушкина Нордин направил своему правительству донесение о дуэли и смерти поэта, в котором высоко отозвался о поэте и обнаружил знакомство с его творческими замыслами (см.: Щеголев. С. 376—377).

[209] Пушкин, вероятно, имеет в виду Карла и Федора (Фридриха) Скавронских, братьев Екатерины I, получивших в 1727 г. графский титул, а также Гендриковых и Ефимовских — потомков сестер Екатерины (Анны и Христины), получивших графское достоинство в 1742 г. (о Екатерине I см.: *Вознесенский С.* Биография Екатерины I // Государи из рода Романовых. М., 1913).

[210] Гербы появились в России только во второй половине XVII в., вместе с усилением западного влияния (слово „герб" польского происхождения — herb). Официальная регламентация русских дворянских гербов началась только при Петре I, когда была учреждена Герольдмейстерская контора (1722), ведавшая всеми делами русского дворянства. Первый сборник русских дворянских гербов был составлен А. Т. Князевым в 1785 г. (издан в 1912 г.).

[211] Вел. кн. Михаил Павлович имел в виду статью, напечатанную в „Северной пчеле" 13 сентября. № 206. С. 821.

[212] Имеется в виду постановление 1832 г. об учреждении звания потомственного почетного гражданина. По мысли законодателя оно должно было открывать купечеству и образованным людям выход в почетное сословие, освобождая их от рекрутчины, телесного наказания и подушной подати.

[213] Упадок политического и экономического влияния старого родовитого дворянства постоянно вызывал интерес и озабоченность Пушкина. Ср. в отрывке „Гости съезжались на дачу" (1831) слова одного из персонажей: „Древнее русское [дворянство] ⟨...⟩ упало в неизвестность и составило род третьего состояния. Наша благо⟨род⟩ная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха. ⟨...⟩ Но настоящая аристокр⟨атия⟩ наша с трудом может назвать и своего деда. Древн⟨ие⟩ роды их восходят от Петра и до Елисаветы. Денщики, Певчие, Хохлы — вот их родоначальники ⟨...⟩. Мы так положительны, что стоим на коленях пред настоящим случаем, успехом и славою, но у нас нет очарования древностию, благодарности к прошедшему и уважения к нравственным достоинствам. Прошедшее для нас не существует. Карамзин недавно рассказал нам нашу Историю. Но едва ли мы вслушались. — Мы гордимся не славою предк⟨ов⟩, но чином какого-нибудь дяди-дурака или балом двоюродной сестры. [Заметьте], что неуважение к предкам есть первый признак дикости ⟨и⟩ безнравственности" (VIII, 42).

[214] *Никитенко* Александр Васильевич (1805—1877) — профессор русской словесности, цензор, критик, автор известного Дневника. Родом из крепостных крестьян графа Шереметева, он только в 1827 г. получил вольную и в 1828 г. поступил в Петербургский университет. В 1835 г. получил степень доктора философии. Эпизод с арестом подробно рассказан им самим в его дневнике, в записи от 1 января 1835 г. (см.: Никитенко. Т. 1. С. 160). Стихотворение Гюго „Красавица" в переводе Михаила Даниловича Деларю (1811—1868) было помещено в кн. 12 „Библиотеки для чтения". Возмущение цензора вызвали следующие стихи:

И если б Богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй.

[215] Имеется в виду Серафим (Глаголевский) (1757—1843) — митрополит Петербургский и Новгородский, реакционер и „престарелый фанатик", по определению современника (*Малышев А. А.* Из воспоминаний о прошлом // Истор. вестник. 1885. Июнь. С. 650). В 1828 г. при выборах Пушкина в члены Российской Академии не дал своего голоса за Пушкина „единственно потому, что он ему неизвестен" (см.: *Модзалевский Л. Б.* Пушкин — член Российской Академии // Вестник АН СССР. 1937. № 2—3. С. 246).

[216] И. И. Ханенко подтвердил это сообщение (см.: РА. 1869. С. 704). Слышал его из уст самого Крылова и Н. М. Калмыков (см.: РС. 1881. Т. 30. С. 191).

[217] „Ухарский псалом" поэта-декабриста Федора Николаевича Глинки (1786—1880) — по-видимому, его стихотворение „Слова Адонаи к мечу (Из Исайи)", начинающееся словами Бога-Адонаи:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

[218] Имеется в виду Бог.

[219] В 1831 г. Пушкин заложил у купца Н. А. Вейера бриллианты своей жены (см.: РА. 1904. Кн. 3. С. 442; 1902. Кн. 1. С. 56). Собираясь в Москву, он надеялся их выкупить. 22 октября 1831 г. он писал Нащокину: „Не приехать ли мне самому в Москву? а мне что-то очень хочется с тобою поболтать, да я бы сам кой-какие дела обработал, напр. бриллианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкрутства тещи моей и от лап Семена Федоровича. Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке на дает" (XIV, 237). Выкупить бриллианты Натальи Николаевны в этот приезд Пушкин не мог. Они были выкуплены в феврале 1832 г. (см. письма Пушкина к Нащокину от 8, 10 и около 29 января, от первой половины февраля 1832 г., а также письмо А. Ф. Рохманова, доверенного лица Пушкина и Нащокина, к Пушкину от 9 февраля 1832 г. — XV, 3, 8, 11).

[220] *Волконский* Петр Михайлович, князь (1776—1852) — министр двора и управляющий кабинетом, человек, близкий к царской семье и доверенное лицо Николая I. „По отзывам современников, — как пишет его биограф, — он всегда отличался беспристрастием, не знал ни друзей, ни родных, не выпрашивал им ни милостей, ни наград и был известен своею ненавистью к непотизму" (Вел. кн. Николай Михайлович. Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913. С. 45—47).

[221] *Великая княгиня* — Елена Павловна. См. о ней с. 239—240 наст. изд.

[222] *Записки* Екатерины II считались секретными и были известны только в списках. Пушкин снял с них копию в Одессе, со списка, бывшего в библиотеке М. С. Воронцова. Впервые были изданы А. И. Герценом в 1859 г. в Лондоне.

[223] *Смирнова* Софья Михайловна (1809—1835) — единственная и нежно любимая сестра Н. М. Смирнова, горбатая вследствие падения. По словам ее племянницы О. Н. Смирновой, „Пушкин очень любил ее, и она горячо привязалась к моей матери ⟨А. О. Смирновой-Россет⟩, Пушкину и Жуковскому" (*Смирнова А. О.* Записки. М., 1929. Ч. 1. С. 170—172).

[224] *Свояченица* Пушкина — Екатерина Николаевна Гончарова (1809—1843), старшая сестра Н. Н. Пушкиной. С осени 1834 г. вместе с сестрой А. Н. Гончаровой жила в Петербурге в семье Пушкиных. 6 декабря 1834 г. была пожалована во фрейлины. Случай, о котором пишет Пушкин, произошел тогда, когда она ездила во дворец поздравить великую княгиню Елену Павловну с днем ее рождения и благодарить за пожалование во фрейлины. Е. Н. Гончарова была влюблена в Дантеса и, по свидетельству В. Ф. Вяземской, „нарочно устраивала свидания Наталии Николаевны с Геккерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти" (ср. в письме Ал. Н. Карамзина: Карамзины. С. 190—191). 4 ноября 1836 г. Дантес сделал ей предложение, а 10 января 1837 г. состоялась их свадьба. Пушкин в сватовстве Дантеса видел лишь желание уклониться от дуэли и не верил в то, что свадьба состоится. Последнее засвидетельствовано С. Н. Карамзиной (Карамзины. С. 151) и В. А. Соллогубом (П. в восп. Т. 2. С. 369). Пушкин не был на свадьбе свояченицы, а Н. Н. Пушкина „согласно воле своего мужа" „уехала сейчас же после службы, не оставшись на ужин" (письмо Г. Фризенгофа к А. П. Араповой от 14(26) марта 1887 г. // Красная Нива. 1929. № 24. С. 10). Ранение и смерть Пушкина не огорчили Гончарову, она была счастлива, что Дантес вне опасности (см.: *Толь Ф. Г.* Со слов княгини Е. А. Долгоруковой // Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. С. 143). Уехав за границу после высылки Дантеса 1 апреля 1837 г.,

она уже не возвращалась в Россию и умерла 15 октября (н. ст.) 1843 г. в Сульце (Эльзас) от родильной горячки, оставив четырех детей. О Е. Н. Гончаровой см.: *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 181—240.

[225] О коменданте *Мартынове* см. с. 223 наст. изд.

[226] 6 декабря праздновался день тезоименитства Николая I. В „С.-Петербургских ведомостях" по этому поводу сообщалось: „...вечером сего торжественного дня был при Дворе, в Белом зале великолепный бал, к которому приглашено до 1200 обоего пола особ, а потом в большом Мраморном зале ужин, в продолжение коего раздавались звуки музыки двух хоров" (№ 287. С. 1111).

[227] *Панин* Виктор Никитич, *граф* (1801—1874) — статс-секретарь, исполняющий должность министра юстиции. Отличался очень высоким ростом и худобою, поэтому в маскарадном детском костюмчике выглядел особенно смешно.

[228] *Брызгалов* Иван Семенович (1753—1838) — кастелян и комендант Михайловского замка. Пользуясь особым доверием Павла I, он после смерти Павла I продолжал носить форму, им введенную. Демонстрируя свою приверженность Павлу, Брызгалов сумел извлекать для себя выгоды из покровительства Марии Федоровны, которая помогала ему воспитывать его уродов-детей. Своих детей (Александра и Константина), экстравагантно одетых, он водил с собой по улицам. Толпа зевак принимала его за помешанного, хотя он обладал трезвым умом, помогавшим ему извлекать вы́годы из своих чудачеств. А. О. Орловский нарисовал несколько карикатурных портретов Брызгалова (см.: *Верещагин В. А.* Русская карикатура. III. А. О. Орловский. СПб., 1913. С. 46—49). О Брызгалове см.: РБС; Дн. Модз. С. 237—238.

[229] *Измайловский полк* участвовал в дворцовом перевороте 1801 г.

[230] *Bertrand и Raton* — персонажи басни Лафонтена (1621—1695) „Le Singe et le chat", в которой хитрая обезьяна (Bertrand) заставляет простодушного кота (Raton) таскать для нее каштаны из огня. Их имена вскоре стали нарицательными. В этом смысле употребил их Скриб (1791—1861) в своей комедии „Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer", поставленной в Париже 14 ноября 1833 г. в театре „Comédie Française". В аллегорической форме и перенеся действие в Данию, Скриб рассказывает о событиях июльской революции 1830 г.

[231] *Блум* — Бломе Оттон, граф (1770—1849) — посланник и полномочный посол Дании в Петербурге. Сохранились два его донесения своему правительству о смерти Пушкина (см.: Щеголев. С. 320—322).

[232] *Филарет* (Дроздов Василий Михайлович) (1782—1867) — с 1826 г. митрополит Московский и Коломенский. У него были давние счеты с протоиереем и профессором Петербургской духовной академии и университета о. Герасимом Петровичем *Павским* (1787—1863). В 1826 г. Павский по выбору К. К. Мердера был назначен учителем закона Божия к вел. кн. Александру Николаевичу, а затем и к вел. кн. Марии, Ольге и Александре Николаевнам. Еще до этого, по инициативе Павского, Синод остановил печатание Катехизиса Филарета. Случай отомстить Павскому представился в 1834 г., когда до Филарета дошли изданные в небольшом количестве экземпляров две тетради его лекций („Христианское учение в краткой системе" и „Начертание церковной истории"). Павский доказал несостоятельность предъявленных ему обвинений, и Николай I не придал доносу значение, однако после вмешательства петербургского митрополита Серафима, который „лично явился к государю, пал перед ним на колени и от лица всей церкви просил прекратить «соблазн», Николай, нехотя, должен был уступить" (Дн. Сав. С. 534). После этого Павский сам попросил уволить его от всех занимаемых должностей, т. е. из духовной академии, университета и лицея. После удаления на покой Павский занялся филологическими исследованиями и в 1841—1842 гг. издал три тома „Филологических наблюдений над составом русского языка". В 1858 г. он был избран в ординарные академики Отделения русского языка и словесности Академии наук. Преемником Павского стал Василий Борисович Бажанов (1800—1883), профессор богословия Петербургского университета. А. В. Никитенко писал о нем: „...привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать свой предмет просто и выразительно, стремление к духу, а не к букве — все это хоть немного смягчает для нас потерю Павского. В богословских лекциях наших вообще господствует здравый философский дух, который ставит религию на твердую почву, недоступную для фанатиков" (Никитенко. Т. 1. С. 55). После смерти Пушкина Бажанов по рекомендации Жуковского стал духовником вдовы поэта. „Пушкина все еще слаба, но тише и спокойнее, — писал Вяземский А. Я. Булгакову 10 февраля 1837 г., — она говела, исповедовалась и причастилась и каждый день беседует со священником Бажановым, которого рекомендовал ей Жуковский. Эти беседы очень усмирили ее и, так сказать, смягчили ее скорбь" (РА. 1879. Кн. 2. С. 254).

[233] *Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, президент Российской акаде-

мии, почетный член имп. Академии наук, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения и глава цензурного ведомства. Председатель и вдохновитель „Беседы любителей русского слова" (1811—1816), филолог, известный своим знаменитым „корнесловием", автор „Рассуждения о старом и новом слоге российского языка" (1802). Пушкин еще в Лицее активно включился в борьбу карамзинистов против шишковистов (см. дневниковые записи на с. 7—10 наст. изд. и стихотворения „К Жуковскому", два послания к В. Л. Пушкину, „Тень Фонвизина"). Однако, когда Шишков сменил на посту министра народного просвещения мракобеса А. Н. Голицына, Пушкин приветствовал его, надеясь на облегчение цензуры, ожидал „добра для литературы вообще" (XIII, 97, 100, 101; см. также стихотворение 1824 г. „Второе послание цензору") и „оживление" в словесности приписывал его влиянию (там же. С. 177). В 30-е гг. отношение Пушкина к историческим и филологическим трудам Шишкова оставалось отрицательным. 3 декабря 1832 г. Пушкин по предложению Шишкова был избран членом Российской академии (вместе с П. А. Катениным, М. Н. Загоскиным, А. И. Маловым и Д. И. Языковым) (см.: *Модзалевский Л. Б.* Пушкин — член Российской Академии // Вестн. АН СССР. 1937. № 2—3. С. 245—250). В 1835 г. в Российской академии было 9 членов духовных: Евгений, митрополит Киевский и Галицкий, иеромонах Аникита (князь Ширинский-Шихматов), Филарет, митрополит Московский, Серафим, митрополит Новгородский и С.-Петербургский, Григорий, архиепископ тверской и кашинский; Поликарп, архимандрит; Кочетов Иоаким Семенович, протоиерей (см.: *Модзалевский Б. Л.* Список членов имп. Академии наук 1725—1907. СПб., 1908).

[234] *Кочетов* Иоаким Семенович (1787—1854) — член Российской академии, протоиерей Петербургской консистории, профессор и законоучитель Царскосельского Лицея.

[235] Пушкин рассчитывал получить от продажи „Истории Пугачева" 40 тыс. рублей и даже составил список предстоящих уплат (см.: Рукою П. С. 377—380), однако надежды его не оправдались. По подсчету П. Е. Щеголева, Пушкин выручил от продажи „Истории Пугачева" не больше 20 тыс. рублей. После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров „Истории", оставшихся из 3000 напечатанных (*Щеголев П. Е.* 1) Бюджет А. С. Пушкина в последний год его жизни // Прожектор. 1929. № 11. С. 23; 2) Материальный быт Пушкина // Искусство. 1929. № 3—4. С. 42; см. также: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 359—370). Одни не покупали „Историю Пугачева" потому, что считали ее „возмутительным" сочинением, для других это была „мужицкая история" без великих подвигов и славных побед, третьи считали, что поэт взялся не за свое дело и что историк из него не получится.

[236] Характеристика *Уварова* из этой дневниковой записи через полгода перейдет в памфлет „На выздоровление Лукулла". Факты с кормлением детей у Канкрина и кражей казенных дров подтверждаются в письме А. И. Тургенева к Вяземскому (см.: ОА. Т. 3. С. 33) и в рассказе сенатора К. И. Фишера (см.: Истор. вестник. 1908. № 1. С. 49; № 2. С. 459). Раздражение Пушкина на Уварова накапливалось раньше. В апреле 1834 г. Уваров наложил вето на поэму „Анджело", которая появилась в печати в искаженном цензурой виде. Председателем С.-Петербургского цензурного комитета был в это время М. А. Дундуков-Корсаков. Пушкин сперва пытался найти защиту у Бенкендорфа (см.: *Левкович Я. Л.* К цензурной истории „Путешествия в Арзрум" // Временник ПК. 1964. М.; Л., 1967. С. 34—37), а затем обращается в Цензурный комитет, напоминая о том, что в 1826 г. „государь император изволил объявить ⟨ему⟩, что ему угодно быть самому ⟨его⟩ цензором" и что теперь это право у него отнято (прошение от 28 августа 1835 г.). Полученный ответ подтверждал, что все его сочинения теперь обязательно должны проходить общую цензуру (подробно об этом см.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь умственные плотины. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 184—240).

[237] *Канкрин* Егор Францевич, граф (1774—1845) — военный инженер, архитектор, писатель; в 1822—1844 гг. министр финансов и член Государственного совета.

[238] О *Е. Р. Дашковой* см. с. 222 наст. изд.

[239] *Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839) — министр юстиции, статс-секретарь, член Государственного совета, в прошлом член „Арзамаса", где носил кличку „Чу", человек высокообразованный и отличавшийся литературным вкусом. Пушкин, по свидетельству П. И. Бартенева, называл Дашкова „бронзою" в противоположность другому министру, которого называл „тестом" (РА. 1891. Кн. 1. С. 333).

[240] „Сказка о золотом петушке" была напечатана в „Библиотеке для чтения" (Т. 9, № 16. Отд. I. С. 111—117) с пропуском указанных Пушкиным стихов.

[241] О *Красовском* см. с. 240 наст. изд.

[242] *Бируков* Александр Степанович (1772—1844) — со 2-го апреля 1821 г. до 2-го октября

1826 был цензором С.-Петербургского цензурного комитета, отличался необыкновенной тупостью и строгостью. „Что Красовский, Бируков?" — спрашивал Вяземский А. И. Тургенева и прибавлял: „Право скучно! Уж лучше объявили бы мне именное повеление не держать у себя бумаги, перьев, чернил и взять расписку, что отказываюсь навсегда от грамоты" (Остафьевский архив. СПб., Т. 2. С. 323). Уже в 1836 г. Пушкин вспоминал „последнее пятилетие царств⟨ования⟩ покойн⟨ого⟩ имп⟨ератора Александра I⟩", когда „вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову" (письмо к Д. В. Давыдову в августе 1836 г. — XVI, 160).

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАПИСИ ДНЕВНИКОВОГО ХАРАКТЕРА

[1] Запись на л. 9 тетради № 830.

Впервые напечатана П. В. Анненковым в кн.: Пушкин. Соч. 1857. Т. 7. С. 65—66. Ср.: Рукою П. С. 291.

На этом же л. 9 тетради — заглавный лист „Кавказского пленника": „Кавказ. Поэма 1820. Гурзуф. Августа 24". Это дало основание Анненкову считать, что „Владимир" — имя героя поэмы. Со слов Анненкова это мнение повторили П. А. Ефремов и П. О. Морозов. В действительности запись свидетельствует о задуманной Пушкиным поэме „Владимир". Косвенное указание на это содержится в рецензии П. А. Вяземского на „Кавказского пленника": „Ожидая с нетерпением давно обещанной поэмы «Владимира», который и после Хераскова еще нуждается в достойном себе песнопевце, желаем, чтобы молодой поэт ⟨...⟩ не заставил нас, как и он, жаловаться на давно просроченные обязательства" (Сын отечества. 1822. Ч. 32, № 49). Правильное объяснение записи впервые дал Якушкин в кн.: *Пушкин.* Соч. СПб.: Изд. имп. Академии наук, 1905. Т. 2. С. 382.

[2] Помета чернилами под карандашным рисунком с датой „1 avril" в тетради № 831, на л. 51 об. среди записей 1821 г.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // РС. 1884. Март. С. 103 (здесь в неправильном прочтении: „30 may"); затем: Рукою П. С. 292. С. А. Фомичев датирует эту запись 1822 г. (*Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832. Из текстологических наблюдений // П. Исслед. и мат. Л., 1986. Т. 12. С. 232).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с десятитомника под редакцией Б. В. Томашевского (М.; Л., 1949. Т. 8. С. 485).

Гартинг Елена Григорьевна (см. о ней с. 210 наст. изд.). Жила в разводе с мужем и, по словам К. К. Данзаса, „не отличалась строгим нравом и однажды приняла его сидя в ванне" (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 338).

[3] Запись на л. 40 об. тетради № 831.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... Апрель. С. 98; затем: Рукою П. С. 292.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 485).

На л. 40 той же тетради № 831 нарисована карикатура Пушкина на Дегильи. Под карикатурой записано: „Ma femme? ..... ma culotte! ..... et mon donc duel! ..... ah mo foi, gu'elle s'en tire comme elle voudra puisque c'est elle gui porte culotte....." ⟨Жена! ..... штаны ..... а дуэль-то моя! ..... эх, право, пускай она сама как хочет отыгрывается, раз она играет первую скрипку. — Во французском тексте непереводимая игра слов: porter la culotte в прямом смысле означает „носить штаны", в переносном — „держать мужа под башмаком"⟩. Даты в этой записи, как пишет Т. Г. Зенгер-Цявловская, означают следующее: „4 июня ночью произошел скандал, побудивший Пушкина драться с Дегильи на дуэли. 5 июня поутру Пушкин послал к нему секунданта для вызова. 6 июня, вероятно, получив отказ, Пушкин написал Дегильи негодующее письмо, затем нарисовал карикатуру и, уже несколько успокоившись, начал записывать в дневнике текст письма, но оборвал его словами: „Оставим этого несчастного" (Рукою П. С. 397).

[4] Запись на л. 45 об. тетради № 831.

Впервые напечатана Анненковым в статье „Пушкин в Александровскую эпоху" (ВЕ. 1874. Кн. 1. С. 23). Ср.: Рукою П. С. 292.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией П. А. Ефремова (8-е изд., испр. и доп. М., 1882. Т. 5. С. 6).

Наполеон умер на острове св. Елены 23 апреля (5 мая) 1821 г.

Армянский архиепископ — Григорий Захарьянов. См. о нем: Арх. Гавриил (Айвазовский).

Армяно-грегорианские архиереи в Бессарабии // Зап. Одесского Об-ва истории и древностей. 1875. Т. 9. С. 163.

[5] Запись с росчерками на внутренней стороне передней крышки переплета тетради № 834.

Впервые напечатана: *Бартенев П.* Рукописи Пушкина // РА. 1881. Кн. 1. С. 221; ср.: Рукою П. С. 264; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина № 834. История заполнения // П. Исслед. и мат. Л., 1995. Т. 15.

До недавнего времени запись трактовалась как день, когда Пушкиным была заведена эта тетрадь, а записанные по-французски фамилии читались как „Пушкин, Алексеев, Пу⟨шкин⟩" (см.: Рукою П. С. 264). В правильности такого прочтения усомнилась Т. И. Краснобородько. Пушкин свою фамилию по-французски писал „Pouchkine", и первая из написанных фамилий несомненно переводится как „Пущин". Имеется в виду Павел Сергеевич Пущин. Запись в кишиневском дневнике от 26 июня 1821 г. свидетельствует, что за год до этого Пущин, Алексеев, но еще и вместе с Пестелем заехали к поэту поздравить его с днем рождения. Ситуация повторилась в 1822 г., но неизвестные нам обстоятельства заставили их поздравить Пушкина только на следующий после дня его рождения день. В подарок ему Н. С. Алексеев принес три так называемые масонские тетради, которые стали потом его рабочими тетрадями. Их приход и отмечен Пушкиным в этой записи. Работа же в тетради началась значительно позже. Следует отметить, что, начав писать собственную фамилию тоже по-французски, Пушкин передумал и написал ее по-русски с привычными для его русской подписи росчерками.

[6] Запись на л. 30 об. тетради № 834.

Впервые напечатана П. И. Бартеневым: 1) Рукописи Пушкина // РА. 1881. Т. 1. С. 228; 2) Пушкин. М., 1881. Т. 1. С. 140; *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июнь. С. 69; Рукою П. С. 299.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Л., 1931, Т. 5. С. 483.

Бартенев и Якушкин связывают эту запись с именем Амалии Ризнич, Т. Г. Цявловская — с Марией Раевской. Первое чтение представляется более убедительным — тетрадь № 834 буквально заполнена зарисовками Ризнич. Попадается там и М. Н. Раевская, но значительно реже (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина № 834).

[7] Запись на л. 29 об. тетради № 834.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июнь. С. 298; затем: Рукою П. С. 298.

В собр. соч. Пушкина не печаталась.

Датируется 1823 г. по положению в тетради. В книге „Рукою Пушкина" записи дается такое объяснение: „6 ноября 20 рублей ассигнациями Алексееву" или „Алексеев". Однако запись можно прочитать и так: „6 ноября 20 страниц Алексееву". Мы знаем, что Алексееву Пушкин отдавал переписывать свои произведения, в частности так называемые „Некоторые исторические замечания", или „Заметки по русской истории XVIII века". Были у него и другие рукописи Пушкина (см.: *Эйдельман Н. Я.* „По смерти Петра I..." // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 302—350). То же: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 73—142.

[8] Запись на л. 48 об. тетради № 834 сбоку черновика первой строфы 3-й главы „Евгения Онегина".

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июнь. С. 570. Ср.: Рукою П. С. 300.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 483).

Имена, упоминаемые Пушкиным, расшифрованы впервые Т. Г. Цявловской (Рукою П. С. 300).

Шаховской Валентин Михайлович (1801—1850) — адъютант М. С. Воронцова, впоследствии действительный статский советник.

Сенявин Иван Григорьевич (1801—1851) — тоже адъютант М. С. Воронцова, с 1830 г. полковник в отставке, впоследствии член Кабинета его величества, товарищ министра внутренних дел, тайный советник. О приятельских отношениях его с поэтом свидетельствует письмо последнего к брату от 1 апреля 1824 г.: „Письмо это доставит тебе Сенявин ⟨...⟩ славнейший малый, мой приятель" (XIII, 91).

[9] Записано на внутренней стороне форзаца переплета тетради № 835.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 1. Ср.: Рукою П. С. 301; *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 835 // П. Исслед. и мат. Л., 1983. Т. 11. С. 29.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 485).

Байрон умер 19 апреля нового стиля, и дата его смерти записана Пушкиным по старому и новому стилю. Узнал Пушкин о его смерти от приехавшей 7 июня в Одессу В. Ф. Вяземской. Таким образом, запись эта сделана не раньше 7 июня.

[10] Запись на л. 26 тетради № 833.

Впервые напечатана: *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху // ВЕ. 1874. Кн. 2. С. 501 и отд. изд. СПб., 1874. С. 244; затем: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Май. С. 343; Рукою П. С. 301.

Запись сделана непосредственно под черновым текстом стихотворения „Иностранке" и, по предположению Т. Г. Цявловской, „как-то связана с этим стихотворением" (Рукою П. С. 301). Последние аббревиатуры объяснить не можем. Анненков читает их „Point de D." и предполагает, что последняя буква может относиться к Дегильи. Якушкин прочел эту запись так: „pl. d. D".

[11] Запись на кн.: „Almanach dédié aux Dames pour l'An 1824" (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 536).

Впервые напечатана Д. П. Якубовичем (*Якубович Д. П.* Неизвестные автобиографические записи Пушкина // Пушкин: Временник ПК. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 34).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1949 г. под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 485).

Сделана во время поездки Пушкина на саранчу. 26 мая — день рождения Пушкина; провел он его, очевидно, в одиночестве. По поводу книжки, на которой сделаны записи, Якубович пишет: „Трудно предположить, что Пушкин сам купил для себя «Альманах, посвященный дамам». Естественно, что изящный иностранный календарик на текущий год, остававшийся незаполненным до конца мая 1824 г, был подарен Пушкину незадолго перед этим какой-либо из дам его одесского окружения, например Е. К. Воронцовой, всегда имевшей под рукой свежие новинки заграницы" (*Якубович Д. П.* Неизвестные автобиографические записи Пушкина. С. 32). Т. Г. Цявловская заметила, что почти все записи Пушкина в этой книжечке „были связаны" с Воронцовой (см.: *Цявловская Т. Г.* „Храни меня, мой талисман..." // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 29).

[12] Следующая запись на кн.: „Almanach dédié aux Dames pour l'An 1824". Paris.

Впервые напечатана: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина, № 536. Точнее — в статье Д. П. Якубовича „Неизвестные автобиографические записи Пушкина".

Этой записью отмечено посещение театра — оперы Россини „Турок в Италии". Т. Г. Цявловская отмечает: „Едва ли провел бы Пушкин последний вечер в Одессе в театре, если бы там не было Воронцовой" (*Цявловская Т. Г.* „Храни меня, мой талисман...". С. 30). Отметим, что перед 30 июля в календарике записаны еще две даты без каких-либо пояснений: „28" и „29". Возле дат 29 и 30 поставлены черточки. По мнению Цявловской, „эти условные пометы обозначают, вероятнее всего, интимные свидания" (там же. С. 30). Пушкин уехал из Одессы 1 августа, а 31 июля в книжечке, как отметил М. А. Цявловский, обозначен отъезд из Одессы Е. К. Воронцовой (см.: там же. С. 67). День отъезда Пушкина указан В. Ф. Вяземской, которая 1 августа писала по этому поводу мужу: „Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает..." (там же. С. 31).

[13] Запись на л. 11 об. тетради № 835.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 6.

Инициалы в этой публикации остались непрочитанными. Эту запись в таком виде: „1 сентября 1824 года. — Une lettre de***" — привел П. Е. Щеголев в статье „Амалия Ризнич в поэзии Пушкина" (ВЕ. 1904. Кн. 1. С. 311), затем в кн.: *Щеголев П. Е.* Пушкин. Очерки. СПб., 1912. С. 204).

Щеголев связал запись со свидетельством О. С. Павлищевой о письмах, которые Пушкин получал из Одессы и „которые, — по ее словам, — читал с торжественностию, запершись в кабинете" (П. в восп. М., 1985. Т. 1. С. 39), но не назвал имени отправительницы этого письма. На Воронцову указал М. О. Гершензон в статье „Пушкин и гр. Е. К. Воронцова" (ВЕ. 1909. Кн. 2. С. 537). Правда, Гершензон утверждал, что буквы „V" в записи нет и что после слова „de" стоит буква, „похожая на R". Гершензону возражал Щеголев в статье „Из разысканий в области

биографии и текста Пушкина" (Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып.XIV. С. 488; ср.: *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. Л., 1931. С. 176). Он считал, что „Пушкин написал сначала Pr, потом это Pr покрыл буквою V, а затем горизонтальными линиями зачеркнул их". В книге „Из жизни и творчества Пушкина", где была перепечатана эта статья, Щеголев предложил другое, более определенное чтение: „Pr. V.", считая, что запись Пушкина отмечает получение письма от В. Ф. Вяземской, отправленного ею из Одессы после 9 августа 1824 г. Это мнение решительно отвергла Т. Г. Цявловская, связав запись с получением письма от Воронцовой (см.: Рукою П. С. 301—302; ср. ее „Храни меня мой талисман...". С. 37). Это мнение подкреплено С. А. Фомичевым (*Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 835. С. 40).

В собр. соч. Пушкина не печаталась.

[14] Запись на л.12 тетради № 835.

Впервые напечатана: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 835. С. 40. Расшифровывается как „П⟨исьмо⟩ о⟨т⟩ У⟨оронцовой⟩".

[15] Запись на л. 33 об. тетради № 832.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Май. С. 335. Ср.: Рукою П. С. 295 (здесь датируется 1822 г. „по положению в тетради"). Более обоснованно датирована С. А. Фомичевым (*Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832. С. 241—242). В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 483.

Записав фамилию Кюхельбекера только согласными буквами, Пушкин также одними согласными написал и свою, сперва в прямом, потом в обратном порядке. Затем анаграммой, но уже другими чернилами, записана слева и справа снова своя фамилия и фамилия другого лицейского товарища — И. И. Пущина.

[16] Запись на л. 66 тетради № 833.

Впервые напечатана (только дата): *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Май. С. 353; ср.: Рукою П. С. 307.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 487.

В книге „Рукою Пушкина" предположительно расшифровывается как Gon⟨zaga⟩ — фамилия бразильского поэта, стихотворение которого („Там звезда зари взошла") в 1825 г. перевел Пушкин. Г. А. Невелев на том основании, что четко читаются только две первые буквы, высказал предположение, что этой записью Пушкин обозначил место захоронения декабристов остров Голодай (см.: *Невелев Г. А.* Истина сильнее царя. М., 1985. С. 142—143). В 1989 г. запись была сфотографирована в инфракрасных лучах, которые позволили прочитать ее с большей долей определенности. А. Чернов предложил новое прочтение этой записи: Gon⟨oropolo⟩ — островок, на котором, по его мнению, и были 14 июля 1826 г. похоронены декабристы. Эта позиция утверждается им в статье „Поминовение" (Огонек. 1989. № 4. С. 24—25). Прочтение Чернова так же, как и первые два, представляется неубедительным. Запись расположена рядом с тем местом в тетради, где была вырвана целая тетрадочка — явный след „чистки" Пушкиным своего архива летом 1826 г. Следующая за этими вырванными листами запись также относится к 1826 г. (см.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина № 833: История заполнения // П. Исслед. и мат. Л., 1990. Т. 15). Летом 1826 г. о месте, куда были свезены тела казненных, Пушкин знать не мог. Кроме того, первые четыре буквы укороченного в записи слова, скорее всего, могут быть прочитаны так: Gouv. Естественным продолжением их является слово Gouverneur. Такое прочтение соответствует биографическим событиям лета 1826 г. В мае Пушкин предпринял еще одну попытку вырваться из ссылки. Известно его письмо к Николаю I с просьбой разрешить выехать из Михайловского в Москву, Петербург или за границу для операции аневризма. К письму на отдельном листе приложена расписка в том, что он не принадлежал ни к какому тайному обществу и не знал о его существовании. Расписка датирована 11 мая. Письмо в академическом издании датируется 11 мая—первой половиной июня 1826 г. К этому же письму приложено медицинское свидетельство, выданное Пушкину Врачебной управой в том, что он действительно страдает аневризмом. Это свидетельство имеет дату „19 июля 1826 г.". Из письма Пушкина к Вяземскому от 27 мая мы знаем, что он показывался в Пскове „молодому доктору", который „спьяна" сказал ему, что без операции он не дотянет до 30 лет (XIII, 280). Хотя Пушкин и был у врача до 27 мая, официальная справка ему была выдана только 19 июля. В тот же день, 19 июля, псковский гражданский генерал-губернатор Б. А. Адеркас пересылает „прошение Пушкина на высочайшее имя, свидетельство о болезни и взятую от него, Пушкина, подписку о небытии им ни в каком тайном обществе" „по начальству".

Сперва все эти документы направляются Рижскому военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генерал-губернатору Ф. О. Паулуччи. Паулуччи 30 июля отсылает их министру иностранных дел К. В. Нессельроде. Чем был вызван перерыв между подачей Пушкиным прошения для пересылки „по начальству" и свидетельством, выданным Врачебной управой, — мы не знаем, но несомненно, что два месяца, разделяющие эти два документа, не были спокойными. Пушкин, конечно, ждал официального освидетельствования (беседа с „молодым доктором" 27 мая, очевидно, была своего рода предварительной разведкой). Можно думать, что 14 мая и пришло известие от псковского губернатора о необходимости прибыть в Псков для врачебного освидетельствования. Эту важную для его судьбы дату и зафиксировал Пушкин в аббревиатурной записи. Более подробную аргументацию см.: *Левкович Я. Л.* Гонорупуло или Губернатор // Временник ПК. Л., 1992. № 26. С. 214—217.

[17] Запись под беловым текстом посвященного Амалии Ризнич стихотворения „Под небом голубым страны своей родной", над которым написано: „29 июля 1826 г." (ПД, № 895, л. 1).

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 195—196. Пятую букву во второй строчке Анненков прочитал как „И" — это привело его к выводу, что буквы, записанные здесь, „остаются тайной, которую объяснить теперь с достоверностью весьма затруднительно". К. П. Зеленецкий повторил воспроизведение Анненкова, но рядом с буквой „И" заметил: „не П. ли?", т. е. правильно соотнес запись с известием, полученным Пушкиным, „о смерти нескольких из своих старых петербургских знакомых, последовавшей около того времени" (*Зеленецкий К. П.* Г-жа Ризнич и Пушкин // РВ. 1856. № 11, кн. 1). Это чтение фамилий и истолкование второй строчки было принято всеми редакторами сочинений Пушкина начиная с 3-го издания под ред. П. А. Ефремова (СПб., 1880. Т. 2. С. 415). С первой строкой записи дело обстоит сложнее. Ее читали и как „1825 год", и как „25 июля 1826 г." и печатали без указания года. Без указания года печатал ее П. О. Морозов (см.: *Пушкин А. С.* Соч. СПб.: Изд. Об-ва для пособия нуждающимся литераторам, 1887. Т. 1. С. 2; *Пушкин А. С.* Соч. и письма. СПб., 1903. Т. 2. С. 393; Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908. Т. 2. С. 577).

Д. Сапожников раскрывает дату как „25 июля 1826 г." (см.: РА. 1899. № 2. С. 355; *Сапожников Д.* 1) Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. Симбирск, 1899. С. 2; 2) Ценная находка: Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина. СПб., 1899. С. 35).

П. Е. Щеголев в первой редакции своей статьи „Амалия Ризнич в поэзии Пушкина" читает помету так: „Услышал о смерти Ризнич в 1825 году" (ВЕ. 1904. Кн. 1. С. 319), а во второй цифру „25" относит к июлю 1826 г. (*Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. Л., 1931. С. 268).

П. А. Ефремов и В. Я. Брюсов читали помету как „1825 год" (см.: *Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 262. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. со сводом вариантов и объяснительными примечаниями / Ред., вступ. статья и примеч. Валерия Брюсова. М., 1919. Т. 1. С. 233).

В. Вересаев в статье „К психологии пушкинского творчества. В связи с вопросом о датировке элегии на смерть Амалии Ривнич" (Красная Новь. 1923. Кн. 5), затем в своей книге „В двух планах" (Л., 1929) приходит к выводу, что первую помету нужно читать: „Услышал о смерти 25 июля". На основании приводимых им аргументов вытекает, что год записи — 1826, хотя из осторожности он прямо об этом не пишет.

В правильном прочтении запись введена в издание: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 486; затем в кн.: Рукою П. С. 307—308.

[18] Запись на л. 1 тетради № 833. Помета карандашом вверху страницы.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Май. С. 339. Ср.: Рукою П. С. 310.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского. Т. 8. С. 20.

Николай I короновался в Москве 22 августа 1826 г.

[19] Помета на рукописи стихотворения „Как счастлив я, когда могу покинуть..." (ПД, № 84).

Впервые напечатана в издании под ред. Б. В. Томашевского. Т. 8. С. 485.

Козырьково — село на пути из Михайловского в Москву. Было принято чтение Козакоково. Правильное — „Козырьково" — было прочитано С. В. Березкиной. Т. Г. Цявловская задается вопросом: „Какое отношение имеет Воронцова к этому тексту?" и отвечает на него так: „Быть может, просто совпадение, возникло воспоминание о ней — и поэт записывает над стихами ее монограмму? А может быть, что-то тайно связывает образ любимой князем русалки с образом Элизы?" (*Цявловская Т. Г.* „Храни меня, мой талисман..,". С. 57—58).

[20] Запись на л. 66 тетради № 833 — ниже записи, сделанной 14 июля 1826 г., но явно в другой день и другими чернилами.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Май. С. 487. Ср.: Рукою П. С. 311. Якушкин читал в записи 4 августа вторую букву как „И". Цявловская высказала предположение, что ее можно читать как J, т. е. начальную букву французского написания лицейского прозвища И. И. Пущина: „Жанно" (см. запись ее рукой на принадлежащем ей экземпляре книги „Рукою Пушкина", хранящемся в Пушкинском Доме). Р. В. Иезуитова рассматривает эту запись в контексте „декабристских" записей в тетради (*Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // П. Исслед. и мат. Л., 1983. Т. 11. С. 114). С. П. Жихарев, с которым Пушкин активно общался в Москве осенью 1826 г., был близок к семейству Тургеневых.

[21] Запись на декабрьском листке книги „Almanach dédié aux Dames pour l'An 1824" (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. № 536).

Впервые напечатана: там же; точнее: *Якубович Д. П.* Неизвестные автобиографические записи Пушкина. С. 30. По поводу этой записи Т. Г. Цявловская вспоминала: „М. А. Цявловский, знавший, что в декабре 1827 года Воронцова была в Петербурге, понял, что эти записи, так же как и записи в той же книжечке в 1824 году, связаны с нею", и дальше объясняет эти записи так: „12 pr. bil" — „первая записка Пушкина к Воронцовой, положившая начало новому периоду отношений". „13 — Jouk" — „какая-то встреча с Воронцовой, связанная с Жуковским". „14 — Semenov" — „может быть, Семеновская улица? Во всяком случае, судя по условной черточке вслед за словом «Semenov», речь идет об интимном свидании". „15 — Corb." — „corbeille — подношение или корзина цветов". „16 — Mag. Ang." — „В «Magasin Anglais» был и ресторан, и кафе, и отдельные кабинеты, и выход на другую улицу" (*Цявловская Т. Г.* „Храни меня, мой талисман...". С. 67). Тут же Цявловская дает и другое возможное толкование этих же записей. „Semenov" может относиться к цензору В. Н. Семенову. Для „Corb." она предлагает чтение „Corbeau": „В 1826 г. вышло в свет собрание «Chants populaires», в котором появилась баллада «Les Deux corbeaux» („Два ворона"), переведенная Пушкиным. Возможно, уже в это время Пушкин приметил эту балладу для перевода, который осуществил только в 1828 г." (там же. С. 66). Мнение М. А. Цявловского представляется более убедительным.

[22] Запись на л. 14 тетради № 838.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 40 (в неправильном прочтении: „9 мая 1828, море. On day"). Правильно прочитана В. Б. Сандомирской (*Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина № 838: История заполнения // Пушкин: Исслед. и мат. Л., 1982. Т. 10. С. 242).

9 мая состоялась прогулка на пироскафе с *Олениными* и художником *Дж. Дау*, послужившая поводом для стихотворения „Зачем твой дивный карандаш". Увлечение А. А. Олениной отразилось в многочисленных анаграммах и простых записях ее имени и фамилии, а также ее имени в сочетании со своей фамилией в рабочей тетради № 838 (см.: Рукою П. С. 314, 317, 318; *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина № 838. С. 252).

[23] Запись на л. 15 об. тетради № 838.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 40. Якушкин так читает эту запись: „18 мая у княгини Голицыной". Также напечатана она Цявловской в книге „Рукою Пушкина" (С. 315). В. Б. Сандомирская раскрывает ее иначе: „18 мая у Киселе⟨ва⟩ Голиц. etc." (*Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина № 838. С. 241). Первое прочтение подтверждается автографом.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 487.

Голицына — Евдокия Ивановна (1780—1850) или Мария Аркадьевна (1802—1870) — и та и другая были предметом увлечения поэта.

[24] Запись на л. 15 об. тетради № 838, справа у первых стихов стихотворения „Ты и вы", посвященного А. А. Олениной.

Впервые опубликована: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 40. Ср.: Рукою П. С. 315. Здесь запись сопровождается следующим примечанием: „Из-за невозможности прочесть слово, начинающееся на буквы «при», смысл записи остается темен". Как „Приютино" прочитано Н. В. Измайловым в Большом академическом издании (III, 655), а затем В. Б. Сандомирской в статье „Рабочая тетрадь Пушкина № 838" (с. 241).

Приютино — усадьба Олениных, где Пушкин весной и летом 1828 г. бывал часто. Его сватовство к А. Олениной окончилось неудачей. Местоположение записи рядом со стихотворе-

нием „Ты и вы" подсказывает, что случайная обмолвка Олениной, когда она сказала поэту „ты", и отмечена записью в тетради.

[25] Запись на л. 17 об. тетради № 838 сбоку стихотворения „Волненьем жизни утомленный...".

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Июль. С. 41. Ср.: Рукою П. С. 315.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 487.

Фанни — возможно, та же „звезда полусвета", упомянутая Пушкиным в стихотворении „К Щербинину" (1819). Т. Г. Цявловская предполагает, что запись может означать случайную встречу со старой знакомой. Записью „Няня †" Пушкин отметил смерть Арины Родионовны, скончавшейся в доме О. С. Павлищевой 31 июля 1828 г.

Elisa e Claudio — по указанию Н. О. Лернера (РС. 1911. № 1. С. 653—654), опера итальянского композитора Меркандате, первое представление которой в Петербургском Большом театре было 15 июня 1828 г. Очевидно, Пушкин был на втором спектакле, который состоялся 22 июня, что и отметил через три дня после того.

[26] Запись на листе в 4 д. л.: ПД, № 98, л. 1.

Впервые напечатана В. И. Срезневским: ПиС. Т. 4. Кн. 10. № 36а. Ср.: Рукою П. С. 317.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. Т. 5. С. 487.

В письме к царю Пушкин признавался в авторстве „Гавриилиады" (впервые это было объяснено Н. О. Лернером (*Лернер Н. О.* „Заметки Пушкина о «Гавриилиаде»" // Книга и революция. 1921. № 8—9. С. 118)).

В 1951 г. в Государственном историческом архиве Московской области был найден документ, который не без основания может считаться копией части этого письма, выполненной А. Н. Бахметьевым (см.: *Гурьянов В. П.* Письмо Пушкина о „Гавриилиаде" // Пушкин. Исслед. и мат. Л., 1978. Т. 8. С. 284—292). В послесловии к этой статье, написанном Т. Г. Цявловской и Н. Я. Эйдельманом, содержится полемика с М. И. Яшиным, утверждавшим, что найденный документ является подлогом, совершенным Бахметьевым (см.: *Яшин М. И.* Поэт и царь (1820—1829) // Нева. 1972. № 8. С. 184—189; впервые — более кратко: *Яшин М. И.* Ответ царю // Пушкинский праздник. Спец. вып. „Лит. газеты" и „Лит. России". 1972. 31 мая—7 июня. С. 16).

В этой статье Яшин делает попытку объяснить и слово „le cadavre" как упоминание о покойном Д. П. Горчакове, на которого поэт 2 октября 1828 г. в письме к царю свалил вину за „Гавриилиаду". Под впечатлением этой ситуации, по мнению Яшина, Пушкин и пишет (в конце сентября 1828 г.) балладу „Утопленник".

Цявловская и Эйдельман отмечают, что трактовка записи „труп — Горчаков" натянута и фантастична. „В записи Пушкина, — отмечают они, — соединены разнообразные сюжеты. Почему «труп» должен быть обязательно трупом Д. П. Горчакова (тем более что об умершем несколько лет назад куда более уместным было бы другое выражение, например le défunt); почему это не могло быть записью увиденного в тот день или какого-то известия с войны, или следом творческого замысла?" (см.: *Гурьянов В.* Письмо Пушкина о „Гавриилиаде". С. 292). Объяснение Цявловской и Эйдельмана представляется убедительным.

Dorliska — опера Россини „Torvaldo e Dorliska", поставленная в Петербурге первый раз 15 сентября 1828 г. (см.: Сев. пчела. 1828. 22 сент. № 114). Запись Пушкина свидетельствует, что он был на втором представлении оперы (см.: Рукою П. С. 318).

Кн. Dolg. — скорее всего имеется в виду Василий Андреевич Долгорукий (1804—1868), в это время офицер Конного полка, впоследствии военный министр и шеф жандармов (предположение Т. Г. Цявловской; см.: Рукою П. С. 318). 22 января 1830 г. Пушкин писал о нем М. О. Судиенке как о добром знакомом (XIV, 59—60).

[27] Запись на клочке бумаги под текстом последних стихов третьей песни „Полтавы" (ПД, № 838).

Впервые напечатана В. И. Срезневским: ПиС. Вып. 10. № 36. Полностью: Рукою П. С. 319.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 21).

Речь идет об ответе Николая I на письмо Пушкина с признанием в авторстве „Гавриилиады". Из этого ответа Пушкин узнал, что следствие о „Гавриилиаде" прекращено. „Граф Толстой" — Петр Александрович (1761—1844), управляющий Главным штабом. Принимал

участие в комиссии по разбору дела о распространении отрывка из стихотворения „Андрей Шенье" и поэмы „Гавриилиада".

Ям. — вероятно, Ямская улица в Петербурге. В какой связи этот адрес находится с предыдущим сообщением, неясно.

[28] Запись на внутренней стороне передней крышки переплета тетради № 838.

Впервые напечатана: Рукою П. С. 329.

В собр. соч. Пушкина не включалось.

По предположению Т. Г. Цявловской, „помета, возможно, связана с поездкой в первой половине июля 1830 г. в Захарово" (Рукою П. С. 329). Об этой поездке см. рассказ дочери Арины Родионовны в воспоминаниях Н. В. Берга „Сельцо Захарово" // П. в восп. М., 1985. Т. 1. С. 40—43.

[29] Запись в тетради № 997, л. 6 об.

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Ноябрь. С. 339. Ср.: Рукою П. С. 330.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 22).

В записи отмечены даты окончания повести „Гробовщик" и получения письма от Н. Н. Гончаровой. Это письмо, как и другие ее письма к Пушкину, неизвестно. О содержании данного письма можно судить по письму Пушкина к П. А. Плетневу от 9 сентября 1830 г.: „...невеста пуще цензора Щеглова язык и руки связывает ⟨...⟩. Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца..." (XIV, 112).

[30] Запись на листе с черновым текстом последних строф восьмой главы „Евгения Онегина" (ПД, № 167, л. 2 об.).

Впервые напечатана: ПиС. Вып. 11. Ср.: Рукою П. С. 330.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 22).

На это письмо невесты Пушкин, очевидно, отвечал 30 сентября 1830 г. (XIV, 114—115).

Следующая запись не очень понятна. Возможно, что запись о кистеневских крестьянах связана со следующим эпизодом деревенской жизни Пушкина, о котором он 29 сентября писал Плетневу: „...я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка" (XIV, 113). Известно, что во время пребывания в Болдине Пушкин получил от Лукояновского предводителя дворянства В. В. Ульянина какое-то поручение, связанное с надзором над карантинными заставами (см.: РА. 1874. Кн. 1. С. 799—800). Возможно, что начатые в этой записи слова и означают „поручение" и „карантины", а pt — ужатое французское слово „pest" (т. е. чума).

[31] Помета в верхнем левом углу на рукописи стихотворения „Стамбул гяуры нынче славят..." (ПД, № 917). По расположению (в верхнем левом углу, близко к краю листа) видно, что она записана после того, как лист с начальными строфами стихотворения был уже заполнен.

Впервые напечатана П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина" (СПб., 1855. С. 310) в следующем виде: „Передъ раз. ст.". Анненков считал, что ее можно читать как „перед разбитой статуей". Чтение Анненкова (не раскрывая последних двух аббревиатур) повторил Якушкин (см.: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Октябрь. С. 82). Т. Г. Цявловская прочитала эту запись так: „предч. разб. ст." (III, С. 857), не раскрывая ее смысла.

Попытки раскрыть смысл записи принадлежат У. Викери и Р. Е. Теребениной. Викери, связывая запись с текстом стихотворения, расшифровывает ее: „предчувствует(ся) разбитие столицы" (*Викери У.* Загадочная помета Пушкина // Временник ПК. 1977. Л., 1980. С. 91—93). Ему возразила Теребенина. Согласившись, что первая аббревиатура означает „предчувствие", она предложила как возможные две следующие расшифровки: „разбор статей" и „разбитое стекло (ставни, столб и др.)". Она же отмечает, что „осенью 1830 г. Пушкин написал много полемических статей — опровержений на критики...". Однако некие разбитые предметы кажутся ей более сопоставимыми со словом „предчувствие" (*Теребенина Р. Е.* Пометы Пушкина на рукописях // Там же. С. 95—101). Отметим, что если бы речь шла о предметах из стекла, Пушкин обозначил бы сами предметы, а не материал, из которого они сделаны, т. е. написал бы: лампа, окно, зеркало и т. д. Таким образом, „разбитое стекло" скорее всего отпадает. В то же время со словами „разбор статей" слово „предчувствие" никак не вяжется. Правда, можно в середине фразы поставить точку, не связывая предчувствие с критическими статьями. Тогда запись может выражать внутреннее состояние поэта в Болдине и замысел опровержений на критики, который он уже начал осуществлять в начале октября 1830 г. Дата „2 октября" стоит в конце предисловия

к „Опровержению" (см.: *Краснобородько Т. И.* Болдинские полемические заметки Пушкина: Из наблюдений над рукописью // П. Исслед. и мат. Л., 1990. Т. XIX. С. 168). Первое слово, сильно ужатое, можно прочитать и как „проз⟨аи⟩ч⟨еский⟩ разбор статей" — тогда речь пойдет о критике, написанной прозой. Как могла возникнуть такая запись? 9 октября Пушкин закончил „Домик в Коломне". В первоначальном черновом автографе, написанном еще в 1829 г., были октавы, являвшиеся непосредственным откликом на первый резкий выпад критики конца 20-х гг. по его адресу. В отброшенных строках есть такие:

Пока серьезно требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян,
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут.

Этот текст был оставлен и в „беловом автографе с поправками", как определяется единственный автограф поэмы; упреков в адрес критики уже нет, но в первых октавах упоминается сражавшийся в Персии Ширванский полк („Видали ль в Персии Ширванский полк?"). Эти октавы в окончательном тексте поэмы тоже были отброшены, и стихотворение „Стамбул гяуры нынче славят...", таким образом, является первым откликом поэта на „победы россиян". Отброшенное начало, состоящее из девяти строф и датированное самим Пушкиным „5 окт⟨ября⟩", по предположению С. А. Фомичева, „еще не предполагало поэмного развития" (*Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 206). Оторвав его от будущей поэмы, Пушкин снял и тему войны, и военных „хрипунов", и побед Ширванского полка. Возможно, именно после этого он и стал дорабатывать начатое еще в 1829 г. стихотворение. 17 октября может означать одновременно и дату, когда стихотворение было закончено, и воспоминание о начатой ранее стихотворной полемике, которая теперь в Болдине заменилась серией полемических заметок. Одна из заметок „Опровержения на критики" начинается воспоминанием об Арврумской поездке: „Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю ** ..... Юсупову. В свете оно тотчас было замечано и..... были мною недовольны" (XI, 153). Стихотворение „Стамбул гяуры нынче славят..." явилось свидетельством несправедливости обвинений в отсутствии патриотизма, а помета на нем зафиксировала работу над „опровержением" на критики. Как бы ни читать первую аббревиатуру — „предчувствие" или „прозаический" — обе они не вызывают сомнений, что 17 сентября 1830 г. Пушкин зафиксировал работу над „опровержением", которое год тому назад намеревался дать в стихах, а теперь — в серии прозаических заметок.

[32] Запись на л. 12 об. тетради № 996, на полях текста конца „Метели", датированной „20 окт⟨ября⟩".

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Ноябрь. С. 339. Ср.: Рукою П. С. 331, где неверная дата „18 окт.".

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией Б. В. Томашевского (Т. 8. С. 22). Томашевский здесь также читает дату „18 окт.", в следующих изданиях десятитомника эта дата исправлена (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1958. Т. 8. С. 22).

В день „лицейской годовщины" Пушкин сжег десятую главу „Евгения Онегина".

[33] Подпись под рисунком в записной книжке № 43, л. 95 об.

Впервые напечатана: *Бычков И. А.* Бумаги Краевского // Отчет Публичной библиотеки за 1889 г. Пб., 1893. С. 37. Ср.: Рукою П. С. 399—400.

Рисунок впервые воспроизведен: Лит. наследство. Л., 1934. № 16—18. С. 917.

В записи Пушкин отметил день, когда он занимался в библиотеке Вольтера, находившейся тогда в Эрмитаже. В библиотеке помещалась и статуя Вольтера работы Гудона, которую Пушкин и срисовал.

[34] Запись находится в рукописи „Дубровского" (ПД, № 1011).

Впервые напечатана: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Ноябрь. С. 344 — с ошибкой в чтении: Х вместо К. Правильное чтение см.: *Якубович Д. П.* Работа Пушкина над прозой // Работа классиков над прозой. Л., 1929. С. 17. Раскрытие записи как „Крестины Великого Князя" см. в заметке Якубовича „Дубровский" (Путеводитель по Пушкину. Л., 1931. С. 132).

8 ноября были крестины великого князя Михаила Николаевича (род. 13 окт. 1832—ум. в 1909). Сообщение об этом см.: Сев. пчела. 1832. 9 янв. № 262.

Запись эта сделана, очевидно, для памяти. Как видим, Пушкин и до своего камер-юнкерства принимал или должен был принимать участие в придворной жизни.

[35] Запись на л. 59 тетради № 831.

Публикуется впервые.

Судя по точно указанному времени — это запись для памяти. „С. П. Б.", по всей вероятности, инициалы неизвестного нам лица, к кому Пушкин был приглашен на бал. Чтение предположительное. В записи 16 октября 1828 г. Пушкин буквами С. П. Б. обозначает Санкт-Петербург. Но за буквами следует конкретный адрес. В этой записи адреса нет — это исключает связь букв с названием города.

[36] Запись на внутренней стороне обложки книги „Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleriddge". London, 1835 („Образцы застольных бесед покойного С.-Т. Кольриджа". Лондон, 1835). Книга сохранилась в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 760).

Напечатана впервые: в книге Модзалевского „Библиотека А. С. Пушкина". Ср.: Рукою П. С. 602.

Что подразумевается под *Демидовским праздником*, неизвестно.

Кольридж умер 25 (13 по старому стилю) июля 1824 г. Связь записи со смертью Кольриджа высказана впервые Н. В. Яковлевым: „Не была ли эта покупка своего рода поминками по Кольридже?". *Яковлев Н. В.* Пушкин и Кольридж // Пушкин в мировой литературе. М.; Л., 1926. С. 139.

ЗАПИСКИ

ОСТАТКИ СОЖЖЕННЫХ ЗАПИСОК

„Вышед из Лицея..."

Впервые опубликовано: Анненков. Материалы. С. 43, по автографу: первая запись — кончая словом „толпу", вторая — кончая словами „...до обеда". Полностью впервые напечатано Н. О. Лернером в Полн. собр. соч. Пушкина. Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 год. Л., 1931. Т. 5. С. 483).

Печатается по автографу: ПД, № 415.

Автограф обеих записей — на двух сторонах обрывка отдельного листа. Дата, поставленная перед текстом, дала возможность Б. В. Томашевскому отнести этот отрывок к дневникам Пушкина (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 17). Позднее к этому мнению присоединился А. М. Гордин (*Гордин А. М.* Из текстологических заметок // Временник ПК. Вып. 22. С. 110—113). Однако этому противоречит сам текст. Весь рассказ подан как воспоминание о прошлом („вышед", „уехал" и т. д.). Воспоминание о прошлом соотнесено с сегодняшним состоянием поэта, лишенного суетной, но приятной городской жизни („Я любил и поныне люблю..."). Отметим, что по размеру и вержировке этот клочок бумаги с текстом сходен с листами, на которых записан и отрывок о Карамзине (см. с. 55), но несколько отличается от него по фактуре. Такое отличие может объясняться разными условиями хранения бумаги, так что вполне возможно, что оба отрывка могли быть вырваны Пушкиным из одной тетради (т. е. из тетради с Записками). Несомненно прав Анненков, назвавший этот отрывок „уцелевшим клочком его ⟨Пушкина⟩ записок 1824 года" (Анненков. Материалы. С. 43). По-видимому, Пушкин сперва пропустил этот эпизод в Записках и дописал его после новой встречи со своим двоюродным дедом Петром Абрамовичем Ганнибалом (1742—1826). А. М. Гордин высказал справедливое предположение, что отрывок на обратной стороне листа относится уже к встрече со „старым арапом" осенью 1824 г. Начало рассказа об этой встрече вполне могло находиться на оборванной половинке листа (*Гордин А. М.* Из текстологических заметок. С. 110—113).

Последний раз Пушкин встречался с П. А. Ганнибалом в августе—начале сентября 1825 г. 11 августа он писал П. А. Осиповой: „Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне

необходимо раздобыть у него записки, касающиеся моего прадеда" (XIII, 205. Оригинал по-французски). Долгое время считалось, что в 1824 г. П. А. Ганнибал жил в Петровском. Г. Ф. Симакина предположила, что Пушкин мог ездить к нему не в Петровское, а в деревню Сафонтьево, близ Новоржева (см.: Пушкинский край. 1977. 20 авг. С. 3). От П. А. Ганнибала Пушкину достались копия биографии „арапа Петра Великого" А. П. Ганнибала, написанная на немецком языке его зятем А. К. Роткирхом (1746—1809), неоконченные воспоминания самого А. П. Ганнибала и ряд других документов (см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 115—119).

[1] Пушкин выехал из Петербурга в Михайловское 8—10 июля 1817 г., вскоре после окончания Лицея, и находился там до конца августа.

[2] Где происходила эта встреча с П. А. Ганнибалом, окончательно не установлено. А. М. Гордин предполагает, что дед Пушкина переехал из Петровского в Сафонтьево „в конце 1824—начале 1825 г., по зимнему пути" (*Гордин А. М.* Из текстологических заметок. С. 112). Если так, то „зимний путь" в средней полосе России мог установиться и в ноябре. 2 и 3 ноября 1829 г. написаны, например, стихотворения Пушкина „Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю..." и „Зимнее утро".

„...⟨запечат⟩лены печатью вольномыслия"

Впервые часть текста со слов „Болезнь остановила на время..." и кончая словами „...черта моей жизни" опубликована А. В. Никитенко в „Сыне Отечества" (1840. Т. 2, кн. 3. С. 469—471) в составе текстов, объединенных заглавием „Отрывки из записок А. С. Пушкина". По цензурным соображениям здесь исключен был текст со слов „Молодые якобинцы негодовали...", кончая словами „...скромности и умеренности", и слова „...не понимающие спасительной пользы самодержавия". Также вместо имен „Мих. Орлов" и „Никита Муравьев" и „Вяземский" поставлены инициалы „О.", „М." и „В.".

Вторично этот текст напечатан в посмертном издании сочинений Пушкина (Т. 11. 1841. С. 200—204, в разделе „Отрывки из записок А. С. Пушкина"). Исключенный из „Сына Отечества" текст напечатан здесь в цензурной переделке редакторов. Начальные слова (до слова „Болезнь") и расшифровка инициалов впервые напечатаны В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Декабрь. С. 553).

Последняя часть „Кстати замечательная черта..." и до конца напечатана в кн.: *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 118—119.

Отрывок напечатан в „Северных цветах" на 1828 г. в составе статьи „Отрывки из писем, мысли и замечания" (см. с. 95 наст. изд.).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания П. А. Ефремова 1880 г. (Т. 5. С. 46).

Автограф: ПД, № 825. Текст беловой, расположен на двух листах, с несколькими поправками. Бумага, на которой он записан (№ 82 по каталогу Модзалевского и Томашевского), больше в рукописях Пушкина не встречается. С оговорками ее можно сопоставить с бумагой, на которой написан отрывок „Вышед из Лицея...". Эти листы несомненно вырваны Пушкиным из тетради с Записками — все остальное было сожжено, когда он „чистил" свой архив после декабрьского восстания. Предположение В. Э. Вацуро, что фрагменты о Карамзине „не были механически извлечены из старой рукописи, а представляют собой заново написанный текст, быть может, с опорой на Записки начала 1820-х годов, — причем текст, явно рассчитанный на использование в печати" (*Вацуро В. Э.* „Подвиг честного человека" // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь умственные плотины. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 359—361), представляется неубедительным. Полемику с ним см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 83—89.

Датируется не ранее сентября 1824 и не позднее середины июля 1826 г., когда Пушкин начал уничтожать свои записки.

[1] Пушкин сильно болел в январе—феврале 1818 г. *Гнилая горячка* — по-видимому, тиф.

[2] *Одна дама...* — княгиня Евдокия Ивановна Голицына. См. о ней с. 280 наст. изд.

[3] *Каченовский* Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор, историк и переводчик, издатель журнала „Вестник Европы", где в 1819 г. (№ 1—6) напечатал статью „От киевского жителя к его другу" с резкой критикой двух французских переводов предисловия к „Истории государства Российского".

[4] *„Ноты Русской истории"* — обширные примечания Карамзина к „Истории государства Российского".

[5] *„Подвиг честного человека"* — цитата из письма Гальяни о цензуре. Карамзину нравилось употребление этой формулы применительно к нему самому. В кругу Карамзина эта формула была хорошо известна. Пушкин это знал и еще раз употребил эту формулу в записке „О народном воспитании" (XI, 41). См.: *Вацуро В. Э.* „Подвиг честного человека". С. 68, 88, 95, 98.

[6] *Муравьев* Никита Михайлович (1796—1843) — капитан Генерального штаба, один из крупнейших деятелей Северного тайного общества, автор проекта конституции. Им был написан разбор предисловия к „Истории" Карамзина, получивший распространение в списках.

[7] *Орлов* Михаил Федорович (1788—1861) — см. о нем с. 267 наст. изд. Письмо его к Вяземскому см.: *Вильде Л. Я.* Михаил Орлов — критик „Истории" Карамзина // ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 565. Позднее Вяземский в „Старой записной книжке" приводил рассказ Пушкина об отзыве кн. Голицыной на „Историю" Карамзина и вспоминал, что „другой приверженец княгини, умный и образованный Михаил Орлов, был также недоволен трудом Карамзина: патриотизм его оскорблялся и страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк" (*Вяземский. П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 384).

[8] Имеется в виду эпиграмма „В его Истории изящность, простота..." (о принадлежности этой эпиграммы Пушкину см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 224—227).

[9] *...любимые парадоксы.* — Мысль Карамзина о необходимости в России абсолютной монархии и крепостного права.

[10] *Шихматов* — Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, князь (1783—1837) — член „Беседы любителей русского слова" (см. с. 208 наст. изд.).

[11] *Кутузов* — Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829), сенатор, поэт и переводчик, член Российской Академии, литературный и политический враг Карамзина.

[12] Пушкин ребенком не раз видел Карамзина в доме своих родителей еще в Москве, но тесное их общение началось в марте 1816 г., когда Карамзин с семьей поселился на летние месяцы в Царском Селе. Последний раз Пушкин мог видеться с Карамзиным только в 1820 г., до своей высылки из Петербурга на юг. Однако в так называемой „Программе записок" под 1813 г. читаем: „...безначалие. Приезд Карамзина. Первая любовь. Жизнь Карамзина". Все пункты после „безначалия" в „программе" вычеркнуты, но очевидно, что общение с Карамзиным началось в Царском Селе еще до 1816 г. Можно предположить, что „шестилетнее знакомство" началось в 1814 г. и вычеркнутые слова в „программе" должны были относиться не к 1813, а к 1814 г.

[13] Карамзин отправлялся в Павловск для посещения Марии Федоровны, вдовы Павла I, которая проводила там лето.

ПРОГРАММА ЗАПИСОК

I

Впервые напечатана: Анненков. Материалы. С. 20. Дополнено Анненковым в его кн.: Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 28. Здесь неправильно расшифрована аббревиатура Пушкина. Вместо „граф Кочубей" следует читать „графиня Кочубей". В несколько исправленном виде по автографу напечатана: *Пушкин.* Собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. Между с. 574—575.

Печатается по автографу (ПД, № 417).

Датируется сентябрем 1833 г., т. е. временем пребывания Пушкина в Болдине. В Академическом издании (XII, 471) печатается под заглавием „Первая программа записок" и датируется осенью 1830 г. Между тем так называемая „вторая программа" (см. о ней ниже) скорее всего является продолжением первой, а отсутствующее звено, хронологически связывающее эти две программы (между 1815 и 1820 г.), по-видимому, до нас не дошло. Программа I написана на бумаге, встречающейся в рукописях Пушкина дважды (№ 38 по каталогу Б. Л. Модзалевского и Б. В. Томашевского). Кроме программы на такой бумаге написано стихотворение „Гусар", которое в рукописи имеет дату „18 апреля 1833". Трудно предположить, чтобы в петербургских рукописях Пушкина сохранились лишь два листка записей на одинаковой бумаге, отделенных одна от другой трехлетним перерывом. Более вероятно, что эту бумагу Пушкин приобрел в 1833 г. и захватил с собой в Болдино и что эта программа написана болдинской осенью 1833 г.

В процессе написания Пушкин внес в „программу" правку. В основном эти исправления

касаются записей под годами 1813 и 1814. В записях под 1814 г. зачеркнуты пункты „Экзамен. Галич. — Державин — стихотворство — смерть" и „Приезд Карамзина. Первая любовь. Жизнь Карамзина". Экзамен состоялся 8 января 1815 г., и именно с экзамена Пушкин начинает записи под 1815 г., но, переписывая, пропускает имена Державина и Галича и зачеркивает начатую строку. Зачеркивает также пункты „Приезд Карамзина" и „Жизнь Карамзина". Карамзины только в мае 1816 г. поселились в Царском Селе, и именно в эту пору Пушкин мог наблюдать за „жизнью" Карамзина. Однако пункт о Карамзине в программе Пушкин считал необходимым, поэтому, собираясь перенести его в 1816 г., он сперва слова „Жизнь Карамзина" вычеркнул, но потом подчеркнул, т. е. выделил как важные. Потом, зачеркнув под датой „1814" пункт „Первая любовь", он под датой „1813" над строкой вписал „Гр. Коч⟨убей⟩". При этом, очевидно, изменяется функция этого образа в будущих Записках. Место „первой любви" занимает знакомство с девочкой, яркий, неординарный характер которой будет привлекать Пушкина всю жизнь (см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 59—60).

Очевидно, в программе зафиксировано то, что некогда уже было оформлено им в сожженные в 1826 г. записки, т. е. программа позволяет судить об общем плане уничтоженных записок поэта.

[1] *Семья моего отца.* — Дед поэта Лев Александрович Пушкин (1723—1790) вторым браком с 1763 г. был женат на Ольге Васильевне Чичериной (1737—1802). От нее у него было четверо детей: два сына — Василий и Сергей (отец поэта) и две дочери — Анна и Елизавета. Об Л. А. Пушкине поэт вспоминает в „Моей родословной":

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью Третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой — в крепость, в карантин.

Архивные документы не подтверждают сведений о „верности" Л. А. Пушкина Петру III (см. с. 272—273 наст. изд.).

[2] О службе С. Л. Пушкина в гвардии рассказывает О. С. Павлищева: „...Сергей Львович не был создан для службы, особенно для военной. Записанный при рождении в Измайловский полк, он служил в нем некоторое время и при государе Павле Петровиче перешел в Гвардейский егерский. Тогда, как известно, офицеры носили трости. Сергей Львович, любя сиживать в приятельском кружке у камина, сам мешал в нем, не замечая, что мешает своею офицерскою тростью. Когда он с такой тростью явился на ученье, начальник сделал замечание, сказав: «Господин поручик, вы лучше бы пришли с кочергою». Это очень озадачило Сергея Львовича, и он, возвратясь домой, жаловался Надежде Осиповне, как трудно служить. Еще труднее для него было отказаться от какой-либо привычки. Он не любил носить перчаток и обыкновенно или забывал их дома, или терял. Явившись однажды ко двору, на бал, он чрезвычайно смутился и даже струсил, когда государь Павел Петрович изволил подойти к нему и спросить по-французски: «Отчего вы не танцуете?» — «Я потерял перчатки, Ваше величество». Государь поспешно снял с руки своей перчатки и, подавая их, ободрительным тоном сказал: «Вот вам мои», — взял его под руку и, подведя к одной даме, прибавил: «А вот вам и дама»" (П. в восп. Т. 1. С. 50). Очевидно, эти же анекдоты об отце слышал и поэт — не исключено, что они могли войти в его Записки. В. Л. Пушкин также служил в л.-гв. Измайловском полку, но каких-либо деталей и эпизодов, связанных с его службой, мы не знаем. Очевидно, что еще больше, чем отец поэта, увлеченный литературой и принимавший непосредственное участие в литературном процессе, он также относился к военной службе без особого рвения.

[3] Среди литературных друзей С. Л. и В. Л. Пушкиных были Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, В. В. Измайлов, Ксавье де Местр. Вспоминая о литературных вечерах в доме родителей, О. С. Павлищева пишет: „Между тем в доме родителей собиралось общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов. Между этими эмигрантами замечательнее был граф де Местр, занимавшийся тогда портретною живописью и уже готовивший в свет свой «Voyage autour de ma chambre» („Путешествие автора вокруг комнаты". — *Я. Л.*); он, бывая почти ежедневно, читывал разные свои стихотворения. Нельзя также не упомянуть о миловидной, умной и талантливой девице Перше-рон-де-Муши, происхождения аристократического; как превосходная пианистка она содержала себя уроками музыки и сделалась потом женою знаменитого Фильда. В числе прочих посе-

тителей первое место занимал родной дядя Василий Львович Пушкин. Он тогда уже пользовался известностью как литератор и часто читывал свои послания и басни" (П. в восп. Т. 1. С. 45). Эти вечера очень рано пробудили интерес ребенка Пушкина к литературе. Писатель-карамзинист М. Н. Макаров вспоминает, что будущий поэт „никогда не вмешивался в дела больших и почти всегда сиживал в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздивался какой-нибудь добрый оратор, басенный эпиграмматист, а еще чаще подле *какого же нибудь графчика чувств*; этот тоже читывал и проповедовал свое; и если там и сям, то есть у того или другого, вырывалось что-нибудь превыспренне-пиитическое, забавное для отрока, будущего поэта, он не воздерживался от улыбки. Видно, что и тут уж он очень хорошо знал цену поэзии.

Однажды, точно при подобном же случае, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи и где-то как-то пришлось:

И этот кортик,
И этот чертик! —

Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знак — и Александр Сергеевич нас оставил" (там же. С. 54).

[4] *Бабушка и ее ⟨моя⟩ мать — их бедность.* — У Пушкина явная описка: „Бабушка и ее мать". Правильное чтение предложено А. М. Гординым (см.: Временник ПК. Л., 1988. Вып. 22. С. 108—110). Имеется в виду бабушка поэта по матери и троюродная сестра его отца Мария Алексеевна Ганнибал, урожд. Пушкина (1745—1818). В 1773 г. она вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, младшего сына „арапа Петра Великого". В 1777 г. была оставлена мужем, который без развода 9 января 1779 г. венчался вторично с У. Е. Толстой. Брошенная мужем, М. А. Ганнибал бедствовала и жила вместе с дочерью Надеждой в доме своей тетки Анны Юрьевны Квашниной-Самариной (урожд. Ржевской). В 1784 г. состоялся благоприятный для Марии Алексеевны раздел имения О. А. Ганнибала. Ей достались деревни Кобрино и Рунево, близ Петербурга (см.: Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 13. С. 61). О Марии Алексеевне и ее родственных связях см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 13—36, 156—157. После замужества дочери Мария Алексеевна продала Рунево и Кобрино и купила под Москвой имение Захарово, куда на летние месяцы приезжали Пушкины до поступления поэта в Лицей. По словам П. И. Бартенева, она „любила вспоминать старину, и от нее Пушкин наслышался семейных преданий, коими так дорожил впоследствии" (Летописи Гос. лит. музея. С. 451, 456—457; *Благово Д.* Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 337—338; см. также воспоминания О. С. Павлищевой. С. 51—52).

[5] *Иван Абрамович* Ганнибал (1731—1801) — старший сын А. П. Ганнибала. О нем Пушкин рассказывает в так называемом „Начале автобиографии" (см. с. 60 наст. изд.). Биограф И. А. пишет: „Судя по имеющимся данным о службе и жизни И. А. Ганнибала и его письмам, он был умнее и образованнее своих братьев. Кроме того, и по своему темпераменту, характеру, рассудительности, благородству он отличался от них в выгодную сторону. Так, он старался образумить своего беспутного брата Осипа, деда Пушкина; принял участие в судьбе покинутой братом жены Марии Алексеевны; был опекуном его дочери Надежды Осиповны, причем предоставил матери и дочери 10 000 рублей, которые следовало получить Осипу Абрамовичу из отцовского капитала" (*Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллинн, 1980. С. 170—174). Иван Абрамович привез невестку в Петербург, где выдал Надежду Осиповну за Сергея Львовича. Свадьба состоялась 28 сентября 1796 г. Он был и крестным отцом их первого ребенка — Ольги.

[6] Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г.

[7] Старшая сестра поэта Ольга (по мужу Павлищева) родилась 20 декабря 1797 г. в Петербурге.

[8] С. Л. Пушкин вышел в отставку из л.-гв. Егерского полка в чине майора и переехал на жительство в Москву. В 1800 г. он служил в Комиссариатском штате, с 1811 г. числился военным советником, с 1814 г. был начальником Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве, а в 1817 г. вышел в отставку в чине статского советника.

[9] Пушкин родился 26 мая 1799 г. в Москве на Немецкой улице в доме Скворцова (см.: *Романюк С. К.* Пушкины в Москве в конце XVIII—начале XIX в. По новым документальным данным // Временник ПК. 1979. Л., 1982. С. 5—51). В церковной книге (церковь Богоявления в Елохове) сделана следующая запись: „Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильеви-

ча Скворцова, у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина.

Последнее время устоявшаяся версия о том, что Пушкин родился в доме Скворцова на Немецкой улице (теперь д. 40 по Бауманской улице) взята под сомнение (см.: *Кожинов С. К.* Где родился Пушкин? // Неделя. 1983. 23—28 апр.).

[10] *Юсупов сад* — сад в Москве около дома Н. Б. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке (ныне д. 22).

[11] 14 октября 1802 г. в Москве произошло легкое землетрясение. Описание его см.: ВЕ. 1802. Ч. 6, № 21. С. 69. По мнению П. В. Анненкова, пушкинское изложение должно было строиться на основе „няниных рассказов" о необычайном феномене (Анненков. Материалы. С. 21).

[12] *Няня* — Арина Родионовна Яковлева (1758—1828). О. С. Павлищева вспоминала: „От самого рождения до вступления в Царскосельский лицей он ⟨Пушкин⟩ был неразлучен с сестрою Ольгою Сергеевною, которая только годом была его старше. Детство их протекло вместе, и няня сестры Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Улиана" (П. в восп. Т. 1. С. 43).

[13] Возможно, *первые неприятности* связаны с тем, что в раннем детстве Пушкин отличался от своих сверстников: „Своею неповоротливостью, происходившей от тучности тела, — вспоминает О. С. Павлищева, — и всегдашней молчаливостью ⟨он⟩ приводил иногда мать в отчаяние. Она почти насильно водила его гулять и заставляла бегать, отчего он охотнее оставался с бабушкою Марьею Алексеевною, залезал в ее корзину и смотрел, как она занималась рукодельем" (там же. С. 44).

[14] *О гувернантках* и упоминаемых ниже гувернерах Пушкина мы также знаем из воспоминаний О. С. Павлищевой: „Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Первым воспитателем был французский эмигрант граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец; потом Русло, который писал хорошо французские стихи, далее Шедель и другие: им, как водилось тогда, дана была полная воля над детьми. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски ⟨...⟩. Чтению и письму выучила его сестру бабушка Марья Алексеевна, потом учителем русским был некто Шиллер, а, наконец, до самого вступления Александра Сергеевича в Лицей священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, довольно известный тогда своими произведениями и изданием «Духа Масилиона»: он, уча закону божию, учил русскому языку и арифметике. Прочие предметы преподавались им по-французски домашними гувернерами и приватными учителями. Когда у сестры была гувернантка англичанка (M-me Бели), то он учился и по-английски, но без успеха. Немецкого же учителя у них никогда не бывало; была одна гувернантка-немка, но и та всегда говорила по-русски" (там же. С. 44—45, 47).

[15] В рукописи слова „*ранняя любовь*" зачеркнуты. По справедливой догадке Н. О. Лернера, поэт был влюблен в С. Н. Сушкову (1800—1844). Ее, по-видимому, он упоминает в „Послании Юдину" (см.: *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 29—37). М. А. Цявловский относит этот эпизод к 1808 (?) г. (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 15). Но программа записок составлена Пушкиным строго хронологически, поэтому этот эпизод следует перенести на 1805 (?) г., т. е. ко времени до рождения Л. С. Пушкина. В статье „Байрон" Пушкин останавливается на „ранней любви" английского поэта. Очевидно, воспоминание Байрона поразило Пушкина адекватностью ситуации и чувства, им самим испытанных (подробнее об этом см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма А. С. Пушкина. С. 44—45).

[16] Л. С. Пушкин родился 17 апреля 1805 г. в Москве.

[17] Брат Пушкина Николай (род. в 1801 г.) умер 30 июля 1807 г. в имении М. А. Ганнибал с. Захарово под Москвой и похоронен в с. Вяземы. П. В. Нащокин рассказывал о нем: „У Пушкина был еще, кроме Льва, брат, который умер в малолетстве. Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли, и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кроватке с участием; больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер" (П. в восп. Т. 2. С. 188).

[18] Слова *нестерпимое состояние* следуют сразу за упоминанием о гувернантках. Возможно, это связано с отношением учителей к ранним попыткам сочинительства поэта, о которых рассказывает О. С. Павлищева: „...лет десяти от роду, начитавшись порядочно, особенно «Генриады» Вольтера, написал он целую герои-комическую поэму, песнях в шести, под названием «Toliade», которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карлицами ⟨...⟩. Гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что m-r Alexandre занимается таким вздором, отчего и не знает никогда

своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку" (там же. Т. 1. С. 47—48).

[19] Об *охоте к чтению* читаем также в воспоминаниях О. С. Павлищевой: „Учился Александр Сергеевич лениво, но рано обнаружил охоту к чтению и уже девяти лет любил читать Плутарха или «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе. Не довольствуясь тем, что ему давали, он часто забирался в кабинет отца и читал другие книги; библиотека же отцовская состояла из классиков французских и философов XVIII века. Страсть эту развивали в нем и сестре сами родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читывал им Мольера" (там же. С. 45). И. И. Пущин в своих воспоминаниях говорит, что Пушкин еще в Лицее „многое прочел, о чем мы и не слыхали: все, что читал, помнил" (там же. С. 74).

[20] В середине июля (между 16 и 20) 1811 г. В. Л. Пушкин вез поэта в Петербург, чтобы определить его в Лицей.

[21] Первоначально родители предполагали отдать сына в Иезуитский коллегиум в Петербурге. Вот как рассказывает об этом О. С. Павлищева: „В то время Иезуитский коллегиум в Петербурге пользовался общею известностью, и первым намерением родителей было поместить его туда, для чего они ездили нарочно в Петербург. Но особенное обстоятельство — основание Царскосельского Лицея (1811) — изменило план их. Директором Лицея назначен был Василий Федорович Малиновский, брат Алексея Федоровича, секретаря Коллегии иностранных дел Московского архива, оба связанные с Сергеем Львовичем тесною дружбою. По этому-то случаю и особенно при содействии Александра Ивановича Тургенева двенадцатилетнего Александра Сергеевича приняли в Лицей. Отвез его в Петербург дядя Василий Львович" (там же. С. 48). Трудно сказать, как бы выстроился этот пункт Записок зрелого Пушкина. Раскрытие этого пункта могло привести Пушкина к важному в политической жизни России эпизоду изгнания иезуитов, в котором А. Тургенев (в то время директор Департамента иностранных исповеданий) принял ближайшее участие; для 1820-х гг. это очень важный и памятный эпизод.

[22] С июля по начало августа Пушкин жил у дяди Василия Львовича, где видел приходивших к нему *И. И. Дмитриева* (1760—1837), *Д. В. Дашкова* (1788—1839), *Д. Н. Блудова* (1785—1864). Имена их связываются с развернувшейся полемикой В. Л. Пушкина против А. С. Шишкова. Время приезда Пушкина с дядей в Петербург ознаменовано перепалкой между двумя литературными лагерями — карамзинистами и шишковистами. В. Л. Пушкин собирался напечатать в Петербурге свой ответ на выступление Шишкова. Его брошюра, содержавшая два послания (Жуковскому и Дашкову), вышла в конце 1811 г. (ценз. разрешение 30 сентября 1811 г.). На квартире В. Л. Пушкина его литературные союзники и обсуждали планы действий. Бурные литературные беседы запомнились юному поэту, который в то время с пиететом относился к своему дяде. По свидетельству отца поэта, „внимал он чтению басен и других стихотворений Дмитриева и родного дяди своего Василия Львовича Пушкина, затвердил некоторые наизусть и радовал тем почтенного родственника, который советовал ему заниматься чтением наших поэтов, приятным для ума и сердца" (*Бантыш-Каменский.* Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 60, прибавления). Ироническое отношение к дяде появилось у Пушкина позднее. Подробно о литературной ситуации 1810—1811 гг. и участии В. Пушкина и его литературных друзей в борьбе с шишковистами см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 8—11.

[23] В Большом академическом издании слово „его" написано неразборчиво. Б. В. Томашевский читает слова, следующие за фамилией „Блудов", так: „Война с Ш. ⟨т. е. с Шаховским⟩. Ан. Ник.". Автограф не дает четкого прочтения, а следующее за неясно написанным словом имя Анны Николаевны Ворожейкиной — гражданской жены В. Л. Пушкина — обращают нас к воспоминаниям И. И. Пущина, который часто бывал у Пушкина. Пущину запомнились „рановременные шутки" с этой „милой девушкой", которая „строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ" и которая иногда „требовала тут вмешательства и дяди" (П. в восп. Т. 1. С. 74).

[24] Торжественное открытие Лицея состоялось 19 октября 1811 г. Подробное описание этого события содержится в мемуарах И. И. Пущина. Торжество началось молитвой, затем „В лицейской зале, между колоннами поставлен был большой стол, покрытый красным сукном, с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стояли мы в три ряда; при нас — директор, инспектор и гувернеры; по левую — профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. Приглашены были все высшие сановники и педагоги из Петербурга. Когда все общество собралось, министр пригласил государя. Император Александр явился в сопровождении обеих императриц, в. к. Констан-

тина Павловича и в. к. Анны Павловны. Приветствовав все собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду. Министр сел возле царя". Далее Пущин рассказывает о выступлениях директора департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартынова, директора В. Ф. Малиновского и А. П. Куницына, речь которого произвела особое впечатление на лицеистов. („И мы пришли, и встретил нас Куницын", — напишет потом Пушкин в своем „19 октября"). После речей каждый из лицеистов был представлен императору, после чего начался праздничный обед (см.: П. в восп. Т. 1. С. 75—77). О Лицее и его торжественном открытии см.: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 9—169. На открытии присутствовал, судя по записи Пушкина, и Аракчеев.

[25] *Начальники наши.* — Очевидно, Пушкин имеет в виду директора В. Ф. Малиновского, человека доброжелательного и передовых взглядов, Ф.-Л. фон Гауеншильда, профессора немецкого языка и словесности, исполняющего обязанности директора Лицея в 1814—1816 гг. после смерти Малиновского, сухого педанта, и М. С. Пилецкого-Урбановича, который в 1811—1813 гг. был надзирателем в Лицее. Мистик и ханжа, вводивший в методы воспитания приемы сыска, он был ненавидим лицеистами.

[26] О мартинизме и „стариках"-мартинистах, с которыми он был знаком, Пушкин напишет в 1836 г. в статье „Александр Радищев" (XII, 31—32). Со „стариками"-мартинистами он мог встречаться в доме братьев Тургеневых. Их отец И. П. Тургенев — убежденный мартинист — умер в 1807 г., но в доме могли бывать его друзья, да и сами братья Александр и Николай состояли членами масонских лож. „Мартинистом" был И. Н. Инзов, под начало которого Пушкин попал в Кишиневе, позднее он познакомился с бывшим масоном „стариком" М. М. Сперанским. Так что суждение зрелого Пушкина о „стариках"-мартинистах могло складываться на протяжении более чем десятка лет. Трудно объяснить, почему он помещает воспоминания о мартинизме под датой „1811", т. е. связывает их с началом обучения в Лицее. Возможно, это связано с разговорами в доме дяди. В. Л. Пушкин не только был масоном, но и сочинил масонский гимн. В 1810 г. вышел сборник песен с нотами под заглавием „Hymnes et Cantiques pour la R<espectable> Loge des Amis Réunis à l'O: De St-Pétersbourg A Jerusalem. L'an 5810 L. v. h. (La vraie Lumière)". Среди песен, включенных в сборник, находится и гимн, написанный В. Л. Пушкиным (см.: *Соколовская Т. О.* Возрождение масонства при Александре I // Ма- сонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. С. 160). В Лицее масонами были Гауеншильд и Пилецкий. Очевидно, в 1811 г. лицеисты впервые познакомились с учением Сен-Мартена — с этим связан, по-видимому, и пункт плана „философические мысли", стоящий непосредственно перед словом „мартинизм".

[27] В ноябре 1812 г. лицеисты во главе с Пушкиным, Кюхельбекером, Малиновским, Дельвигом открыто выразили свое возмущение надзирателем Пилецким-Урбановичем, который вводил в Лицее методы политического сыска. Лицеистов поддержал В. Ф. Малиновский, который обратился к министру просвещения А. К. Разумовскому с просьбой об увольнении Пилецкого. Уходя их Лицея, Пилецкий получил награждение от министерства полиции, которое осведомлял о внутреннних делах Лицея (см.: *Руденские М.* и *С.* „Наставникам за благо воздадим". Л., 1986. С. 88—89).

[28] Как встретили лицеисты 1812 г., мы знаем из воспоминаний И. И. Пущина, который писал: „Жизнь наша лицейская сливается с политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!

Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душей торжественной за братьями летел...

Так вспоминал Пушкин это время в 1815 г., в стихах на возвращение императора ив Парижа.

Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; Кошанский читал нам их громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное" (П. в восп. Т. 1. С. 81—82).

[29] Императрица Елизавета Алексеевна одиноко жила в Царском Селе, покинутая Александром I. Некоторые из декабристов пропагандировали идею дворцового переворота и хотели возвести ее на трон. В 1818 г. Пушкин, вероятно, по просьбе Федора Глинки, написал стихотворение „К Н. Я. Плюсковой", которое было напечатано в „Соревнователе просвещения и благотворения" (1819. № 10) под названием „Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества императрицы Елизаветы Алексеевны".

[30] *Графиня Кочубей* Наталья Викторовна (1800—1854), с сентября 1820 г. Строганова — дочь В. П. и М. В. Кочубеев. В 1813—1815 гг. вместе с родителями приезжала на лето в Царское Село. По свидетельству М. А. Корфа, была „первым предметом любви Пушкина", отразившимся, по-видимому, в „Элегии" („Воспоминаньем упоенный"), помеченной 30 марта 1819 г. (II, 76). Пушкин, как видно из позднейших писем С. Н. Карамзиной, сохранил до конца жизни чувство почтительного благоговения к Н. В. Строгановой (см.: Карамзины. С. 109). Она должна была служить прототипом одной из героинь задуманного им в 1835 г. романа „Русский Пелам". По некоторым данным, Пушкин имел ее в виду, изображая Татьяну в строфах XIV—XVI восьмой главы „Евгения Онегина". Обстоятельную сводку сведений о Кочубей см.: *Шестериков С. П.* Одна из воспетых Пушкиным // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса. 1925. Вып. 1. С. 32—46. См. также: Рукою П. С. 631.

[31] Директор Лицея Василий Федорович Малиновский умер не в 1813 г., а 23 марта 1814 г. (ниже Пушкин повторяет этот пункт). На пост директора сразу никто не был назначен, и обязанности директора исполнял преподаватель немецкого языка Гауеншильд — сухой и заносчивый педант, в 1816 г. директором стал Е. А. Энгельгардт (1785—1837). И. И. Пущин писал, что „в историко-хронологическом отношении лицейское шестилетие можно разграничить тремя эпохами, резко между собою отличающимися: директорством Малиновского, междуцарствием (...) и директорством Энгельгардта" (П. в восп. Т. 1. С. 84). При Малиновском — это прогрессивное учебное заведение, где учеников учили мыслить, рассуждать, спорить о торжестве справедливости и об „общем благе". Гауеншильд пытался искоренить свободолюбивую направленность лицейской педагогики. Достойных помощников в том он нашел в лице надзирателей по учебной и нравственной части В. В. Чачкова (1779—1842) и С. С. Фролова (1765—после 1843). О первом М. Корф отзывался как о „совершенно ничтожном и безгласном человеке" (*Грот Я.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899. С. 242), второму лицеисты не раз пели в лицо: „Твой друг и барин Аракчеев" (там же. С. 241). Энгельгардт поддержал основные традиции лицейского воспитания, заложенные Малиновским (см.: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. С. 60—116). Несмотря на это, отношения Энгельгардта и Пушкина не сложились — поэтому, по-видимому, и не упоминается Энгельгардт в „Программе".

[32] Эти пункты зачеркнуты, так как экзамен в Лицее состоялся 8 января 1815 г. Пушкин рассказал о нем в позднейшей записи, включенной в „Table talk", озаглавив этот набросок „Державин" (см. с. 106 наст. изд.).

Галич Александр Иванович (1783—1848) — профессор российской и латинской словесности в Лицее, с 10 мая по 1 июня 1815 г. заменял заболевшего Н. Ф. Кошанского. Пушкин посвятил ему строфы в „Пирующих студентах" и два послания. Он предложил написать Пушкину стихотворение для переходного экзамена 8 января 1814 г. „Воспоминания в Царском Селе". Биограф Галича А. В. Никитенко писал, что Галич „нередко говаривал" своим ученикам после оживленной, далеко не школьной беседы, взяв в руки Корнелия Непота: „Теперь потреплем лавры старика". Ср. то же выражение в XL строфе второй главы „Евгения Онегина".

[33] Союзные войска вступили в Париж 19 марта 1814 г.

[34] В 1814 г. Пушкин болел трижды. По справедливому суждению Т. Г. Цявловской, здесь он отмечает последнее пребывание в лицейской больнице 12—14 октября, когда он прочитал товарищам свое новое стихотворение „Пирующие студенты" (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 368).

[35] Н. О. Пушкина переехала в Петербург из Москвы в 1814 г. и впервые вместе с детьми навестила Пушкина в Лицее 12 апреля.

[36] С. Л. Пушкин приехал в Петербург из Варшавы, где он служил в это время, и впервые посетил сына в Лицее 11 октября 1814 г.

[37] И. И. Пущин писал в своих воспоминаниях: „При самом начале — он наш поэт" (П. в восп. Т. 1. С. 84). Поэтическое дарование Пушкина было отмечено очень рано и преподавателями. 12 сентября 1813 г. гувернер Чириков в ведомости о „свойствах" воспитанников записывает о Пушкине: „Имеет особенную страсть к поэзии" (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 29). Однако, по-видимому, сперва товарищи первенство в поэзии отводили не Пушки-

ну, а Илличевскому. Его прославляет сочиненный лицеистами восторженный „Хор по случаю рождения почтенного поэта нашего Александра Демьяновича Илличевского" (*Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1911. С. 33). О том, что „посредственные" стихи Илличевского, „заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки ⟨...⟩ были расхвалены и прославлены как «чудо»", вспоминал впоследствии сам Пушкин (XI, 274). Раньше других оценил дарование Пушкина Дельвиг, напечатавший в 1815 г. панегирическое послание Пушкину („Кто как лебедь цветущей Авзонии..."). Первое стихотворение Пушкина „К другу стихотворцу" было напечатано в „Вестнике Европы" (1814. № 13 — вышел в свет 4 июля). В связи с этим следует понимать и следующую запись Пушкина „Мое тщеславие".

II

Впервые напечатано В. Е. Якушкиным: *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина... // Сентябрь. С. 648.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. 437.

Автограф: ПД, № 963.

Датируется октябрем 1833 г. Ориентир для датировки дает рукопись. Программа записана на сложенном полулисте, где кроме нее размещены черновые наброски „Медного всадника", „Песен западных славян" и стихотворения „Когда б не смутное влеченье". Все эти отрывки относятся к осени 1833 г. („Медный всадник" закончен в октябре, до отъезда Пушкина в Петербург). Расположение записей на листе показывает, что они начинались с программы, со слов: „Кишинев. — Приезд мой с Кавказа...". Датировка этой программы позволяет и так называемую „первую программу" отнести к болдинской осени 1833 г. Сверху известного текста вписано неразборчивое, сильно ужатое слово. О. С. Соловьева читает это слово как „осень" (см.: *Соловьева О. С.* Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. М.; Л., 1964. С. 26). Такое прочтение противоречит принципу составления плана: Пушкин обозначал в нем только имена и события, не проставляя дат (тем более времен года). Только период пребывания в Лицее расписан по годам, где каждый год соответствует новому курсу обучения. В Кишинев Пушкин приехал 21 сентября, т. е. действительно осенью, однако в данном контексте „Кишинев" обозначает лишь начало нового жизненного пути, так как за ним следует „Приезд мой из Кавказа и Крыму" — рассказ о событиях, которые относились к лету.

[1] В Кишинев Пушкин приехал из Симферополя. В Крыму он прожил три недели с семьей генерала Н. Н. Раевского, проведя с ними до того более двух месяцев на Кавказе (см. письмо к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. (XIII, 17) и письмо к Дельвигу, написанное в мае—декабре 1825 г. (XIII, 252)).

[2] *Орлов* Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, член „Арзамаса" (кличка „Рейн"), член Союза Благоденствия и глава кишиневского отделения Союза. В это время он был командиром дивизии на Пруте, которая входила в состав Южной армии под командованием Витгенштейна. Еще до начала восстания Ипсиланти он заявил о своей готовности сражаться за освобождение Греции. 27 июня 1820 г. он писал А. Н. Раевскому: „Янинский Али-паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился бы" (цит. по кн.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 282). Об этом же пишет и греческий историк участник этерии И. Филимон (см.: *Двойченко-Маркова Е. М.* Заметки о Пушкине, о беженцах этерии в Кишиневе // Временник ПК. 1973. Л., 1975. С. 23). В 1823 г. Орлов был отстранен от службы в связи с делом В. Ф. Раевского, обвиненного в политической пропаганде среди солдат. После декабрьского восстания полгода сидел в крепости, потом был отдан под надзор полиции. О трагичности политической жизни Орлова писал Герцен в дневнике (запись 26 марта 1842 г., см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 201—203). Пушкин знал Орлова в Петербурге, после выхода из Лицея, но особенно часто бывал в доме Орловых (Орлов был женат на Ек. Н. Раевской) в 1821—1822 гг. в Кишиневе, где Орлов командовал 16-й пехотной дивизией. К этому времени относятся его политические споры с Орловым, которые отразились в заметке „О вечном мире" и в стихотворении „В стране, где Юлией венчанный" (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и вечный мир //

Звезда. 1930. № 7. С. 22—230; *Алексеев М. П.* Пушкин и проблема „вечного мира" // РЛ. 1958. № 3. С. 3—39). В так называемом „Начале автобиографии" Пушкин иронически отозвался о возражениях Орлова на „Историю государства Российского" Карамзина (с. 56 наст. изд.; см. об этом: *Нечкина М. В.* Декабрист Михаил Орлов — критик „Истории" Карамзина // ЛН. Т. 59. С. 558, 560—561). Отзывы Орлова о творчестве Пушкина см.: РА. 1885. Кн. 1. С. 142. Об Орлове см.: *Гершензон М. О.* История молодой России. М.; ПГ., 1923. С. 9—78; Восстание декабристов. Материалы. Т. 8. Алфавит декабристов / Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925. С. 368—370; *Ланда С. С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова) // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 67—231.

[3] *Ипсиланти* см.: с. 211 наст. изд.

[4] *Каменка* — имение Давыдовых в Чигиринском уезде Киевской губернии. Здесь в ноябре 1820 г. происходил съезд членов Южного тайного общества. Пушкин прожил в Каменке с середины ноября 1820 по начало марта 1821 г. О пребывании его в Каменке см.: Воспоминания декабриста И. Д. Якушкина // П. в восп. Т. 1. С. 363—366. Сам Пушкин писал Н. И. Гнедичу 4 декабря из Каменки: „Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. — Женщин мало, много острых слов, много книг, немного стихов" (XIII, 20). Помимо конспиративных разговоров, которые велись только среди членов тайного общества, в Каменке беседовали о современных политических событиях — западноевропейских революционных движениях, восстании в Семеновском полку и др. Отзвуки этих „демагогических" разговоров видны в стихотворном послании Пушкина „В. Л. Давыдову" (1821).

[5] *„Фонт"* расшифровывалось как первые следы замысла поэмы „Бахчисарайский фонтан" (коммент. Б. В. Томашевского в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 375). Т. Г. Цявловская и Л. А. Черейский полагают, что так Пушкин записал имя своего кишиневского знакомого Фантона де Веррайона (*Цявловская Т. Г.* Неясные места биографии Пушкина // Пушкин. Исслед. и мат. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 36; *Черейский Л. А.* Забытые знакомые Пушкина // Прометей. М., 1974. Кн. 10. С. 402—407). А. Е. Тархов читает этот пункт „Фонтанка", считая его неким шифром, за которым стоит история зарождения декабристского общества (в доме Е. Ф. Муравьевой на Фонтанке „сбирались члены сей семьи" (см.: Временник ПК. 1978. Л., 1981. С. 125—130). Предположение о шифре представляется неосновательным. План Пушкина составлен хронологически. Следует обратить внимание на то, что этот пункт выделен в плане графически (подчеркнут). Таким образом, выделена его функциональная особенность среди других пунктов, что позволяет вернуться к традиционному объяснению этого слова как „Бахчисарайский фонтан".

[6] *Греческая революция* началась в конце января 1821 г., когда „гетеристы" подняли восстание против турецкого ига. 21 февраля глава „гетеристов" Александр Ипсиланти выехал к турецкой границе и в Яссах обнародовал прокламацию к грекам с призывом к единению и борьбе. Дело освобождения Греции живо волновало Пушкина. Был момент, когда он готовился принять участие в борьбе за освобождение древней Эллады (см. стихотворение „Война"). В Кишиневе он собирает сведения о самом восстании и его участниках (см.: „Note sur le révolution d'Ipsylanty" и „Note sur Penda-Déka" — с. 62—63 наст. изд.). Отношение к Греческой революции выразилось в письмах Пушкина, адресатами которых предположительно считаются В. Л. Давыдов и А. Н. Раевский (XIII, 22—24, 104, 529), и в дневниковой записи 2 апреля 1821 г. Письмо к А. Н. Раевскому известно только в черновом отрывке „...из Константинополя" (адресат и дата отрывка называются в статье Я. Л. Левкович „Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 г." (Временник ПК. Л., 1987. Вып. 21. С. 16—23)). Восторженное отношение к вождям революции постепенно сменяется у Пушкина скептическим отношением. Такими же скептическими настроениями проникнуты письма к Раевскому и к Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. (там же, с. 153). Т. И. Левичева высказала предположение, что отрывок „...из Константинополя" не является частью письма, а примыкает, как и две указанные выше записи, к наброскам для записок Пушкина. К этому мнению присоединяются С. А. Фомичев и Н. Е. Мясоедова, включившие отрывок в раздел „Записок" Пушкина в кн.: *Пушкин А. С.* Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 82. Левичева опирается на следующие доводы: 1) отрывок „...из Константинополя" написан на той же бумаге (№ 106 по каталогу Б. Модзалевского и Б. Томашевского), что и заметка о революции Ипсиланти, и других автографов на такой же бумаге нет; 2) обобщенно-личный стиль отрывка указывает на его „не эпистолярный характер" (*Левичева Т. И.* К заметкам Пушкина о Греческой революции // Временник ПК. Л., 1989. С. 109—110).

Эти доводы не могут быть приняты. Трудно поверить, что действительно у Пушкина в Кишиневе было только два листа бумаги № 106. Он безусловно располагал бóльшим ее количеством (очевидно пачкой), но другие автографы на этой бумаге до нас не дошли. Кроме того, эмоциональный, глубоко личный стиль этого отрывка не соответствует сжатому, конспективному изложению событий в отрывках об Ипсиланти и Пенда-Деке. И хотя эти две заметки написаны на бумаге разных сортов, их общее целевое назначение не вызывает сомнений. Обобщенно-личные обороты, на которые указывает Левичева, имеются и в упомянутом письме к Вяземскому, которое она цитирует и где речь идет тоже об отношении Пушкина к греческим делам.

Среди творческих замыслов Пушкина была поэма о гетеристах, от которой имеется только план и несколько малоразборчивых стихов (V, 153). О греческой революции и отношении к ней Пушкина см.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 309; *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1960. Кн. 1. С. 459—469; *Левкович Я. Л.* Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 г. // Временник. С. 16—23.

[7] *Липранди* Иван Петрович (1790—1880) — участник Отечественной войны. С апреля 1822 г. подполковник Егерского полка, расквартированного в Бессарабии. С ноября 1822 г. — отставной полковник, с ноября 1822 г. состоял чиновником особых поручений при Воронцове. Был близок к тайному обществу. Фактическое его участие в кишиневской ячейке декабристов подтверждается рядом документов и воспоминаний современников (см.: *Садиков П. А.* И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов // Временник ПК. М.; Л., 1941. С. 266—295; *Базанов В. Г.* Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951; *Раевский В. Ф.* Воспоминания. Публикация и вступит. статья М. К. Азадовского // ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 45—128; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1954. С. 356—357). Впоследствии был тайным агентом полиции, предатель петрашевцев. Оставил ценные воспоминания о Пушкине, о кишиневском и одесском периодах жизни Пушкина. Послужил для Пушкина прототипом Сильвио в повести „Выстрел". О различных этапах биографии и мировоззрения Липранди см.: *Эйдельман Н. Я.* Где и что Липранди? // Пути в незнаемое. М., 1972. С. 125—178.

[8] О первой жене Липранди было известно из двух источников — от К. К. Данзаса и В. Ф. Раевского. Первый служил в 1820 г. в 6-м пионерском батальоне, расквартированном в Бессарабии, и был знаком с Липранди. Позднее он вспоминал: „Липранди часто бывал с Пушкиным. — Он был тогда подполковником генерального штаба, потерял жену-француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся". В. Ф. Раевский пишет еще более скупо: „Подполковник Иван Петрович Липранди женат был на француженке в Ретеле. Жена его умерла в Кишиневе. У нее осталась мать" (ЛН. М., 1956. Т. 60. Кн. 2. С. 75). Имя этой женщины и сведения о ней обнаружила С. Н. Тихомирова в Архиве внешней политики России (см.: *Тихомирова С. Н.* К расшифровке „второй программы" автобиографических записок Пушкина // Временник ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 169—171).

[9] Смысл записи *„Паша арзрумский"* неясен. Также необъяснимо и слово le renegat, относящееся к Липранди. Графически оно связано с предыдущей записью о смерти жены Липранди, но почему этот эпизод и „отступничество" Липранди Пушкин через много лет ввел в свои записки, пока остается неясным.

⟨ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОГРАММЕ ЗАПИСОК⟩

Впервые напечатано в Большом академическом издании (XI. С. 388).

Печатается по автографу: ПД, № 136.

Датируется: октябрь 1830 г.

В Большом академическом издании определяется как „План части статьи «Опровержение на критики»" (XI. С. 388), т. к. история рода Пушкиных излагается впервые в „Опровержении" (см. с. 83—84 наст. изд.). Через всю историю рода прослеживается мотив „гонения". Первые пункты плана („Древние, нынешние обряды" и т. д.) ведут нас к „Некоторым историческим замечаниям". „Замечания" охватывают события русской истории XVIII в., которые в 1830-е годы занимают главное место в размышлениях Пушкина о судьбах русского дворянства и судьбе своего рода. Б. В. Томашевский отметил, что, обращаясь к царствованию Екатерины II, Пушкин „наиболее резкому изобличению подвергает те стороны ее деятельности, которые находят соответствие в политике Александра I" (*Томашевский Б. В.* Пушкин. Т. 2. С. 169). При следующем приступе к Запискам, Пушкин, по-видимому, полагал необходимым поместить в них такое же публицистическое введение, как это было сделано в 1822 г. Тема „гонений"

намечала переход от введения к мемуарам в их традиционной форме. Но мемуары в такой форме не осуществились, и тема осталась неразработанной.

[1] Гаврила Пушкин — см. о нем примеч. с. 271 наст. изд.
[2] Казненный Пушкин — Пушкин Федор Матвеевич — см. примеч. на с. 269 наст. изд.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

Впервые напечатано А. В. Никитенко в „Сыне Отечества" (1840. Т. 2, кн. 3. Апрель. С. 463—469) в составе текстов, объединенных заглавием „Отрывки из записок А. С. Пушкина". Здесь слова: „В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки", а также и следующая зачеркнутая в автографе фраза (см. с. 58) по цензурным требованиям были исключены. Также слова: „...во время возмущения остался верен Петру III" были заменены словами: „...при вступлении на престол Екатерины II". Были исключены и слова: „Шорн шорт, говорила она, делит мне шорни репят и дает им шертовск имя".

В собр. соч. входит (с большими купюрами) с посмертного издания (*Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1841. Т. XI. С. 193—199).

Купюры в этом издании сделаны после возмущенного отклика С. Л. Пушкина на публикацию в „СО". В 1840 г. он выступил в журнале „Современник" со статьей „Об отрывке из дневника А. С. Пушкина" (т. 19, с. 102—106) в защиту своего отца Л. А. Пушкина. С. Л. Пушкин писал, что сын его не намеревался публиковать свои автобиографические записки, так как сказанные им самим слова: „Все это я знаю темно, и никогда отец мой не говорил об этом", по его мнению, прямо свидетельствуют о том, что записки эти не предназначались „для всеобщего известия". С. Л. Пушкин обвинял в публикации записок сына Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, не зная, что „Сын Отечества" с 1838 г. перешел к А. Ф. Смирдину. Об источнике информации для поэта С. Л. Пушкин писал: „Я подозреваю виновного, но да простит ему Всевышний, и он уже давно предстал пред суд Божий". Н. Я. Эйдельман справедливо усматривает в этих словах намек на В. Л. Пушкина (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 12—15). После статьи С. Л. Пушкина, по-видимому, и были сделаны дополнительные купюры в посмертном издании сочинений поэта.

Купюры, сделанные в тексте „Сына Отечества", напечатаны В. Е. Якушкиным (РС. 1884, декабрь. С. 552 и 554).

Текст со слов „Несколько раз принимался я..." до слов „...скажу несколько слов о моем происхождении" был вклеен в сшитую жандармами из отдельных листов тетрадь (ЛБ, № 2387 А, л. 50), теперь: ПД, № 827.

Текст от слов „Мы ведем свой род" до слов „...в Святогорском монастыре" сохранился в беловом автографе на л. 25, 60, 26, 59 и 62 в „жандармской" тетради № 2387 А. Теперь: ПД, № 828.

Датируется 1834 г. Обоснование датировки см.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 364 (комментарий Т. Г. Цявловской. Ср.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 180).

Рукопись настоящей книги была в типографии, когда вышла книга „Легенды и мифы о Пушкине" (СПб., 1994). В статье В. П. Старка „Пушкин и семейные предания его рода" (с. 65—83) приводятся уточненные данные о предках Пушкина со стороны отца, в комментариях Н. К. Телетовой к статье В. В. Набокова „Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора" (с. 42—52) — уточненные данные о предках со стороны матери.

[1] См. дневниковые записи 1815—1835 гг.

[2] Первое упоминание о Записках, или „воспоминаниях", содержится в письме к Дельвигу от 22 марта 1821 г.: „...Скажу тебе, что у меня в голове бродят еще две поэмы, но что я ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями" (XIII, 12). О начале работы Пушкина над Записками см. с. 174—175 наст. изд.

[3] Пушкин уничтожил свои записки не „в конце 1825 года", а в период со второй половины апреля до середины августа 1826 г. после получения письма от Жуковского, в котором тот писал: „Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в руках каждого из действовавших ⟨декабристов. — *Я. Л.* ⟩ находятся стихи твои ⟨...⟩ ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать..." (XIII, 271). Подробнее об этом см.: *Левкович Я. Л.* 1) Когда Пушкин

уничтожил свои записки // Временник ПК. 1979. Л., 1982. С. 102—105; 2) Автобиографическая проза и письма Пушкина. С. 77—82.

[4] Очевидно, что в первую очередь Пушкин имеет в виду декабристов, с многими из которых он был знаком.

[5] В „Опровержении на критики" Пушкин также называет Радшу „прусским выходцем", основываясь на „Бархатной книге", изданной в 1787 г. Н. И. Новиковым. В. К. Лукомский справедливо пишет, что Радша происходил из „словен". Сведения эти содержатся в „Гербовнике", напечатанном после смерти Пушкина в 1840 г. (*Лукомский В. К.* Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше // Временник ПК. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 407). Это не противоречит утверждению Пушкина, который, вероятно, знал, что пруссы были славянским племенем, завоеванным тевтонским орденом, — именно на этом факте строится коллизия поэмы Мицкевича „Конрад Валленрод", отрывок из которой перевел Пушкин („Сто лет минуло, как тевтон..."). В действительности Радша был серб, родом из Петравардина и прибыл на Русь через Трансвалию („Седмиградье").

[6] Пушкин ошибается — Радша не был современником Александра Невского. Из родословной Мусиных-Пушкиных В. К. Лукомский почерпнул сведения, что в 1198 г. Радша служил киевскому князю, а современником Александра Невского был правнук Радши Гавриила Олексич (*Лукомский В. К.* Архивные материалы... С. 407; ср.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 312). О нем пишет Карамзин в „Истории государства Российского": „Витязь Российский Гавриил Олексич гнал Принца, его сына, до самой ладии; упал с конем в воду, вышел невредим и бодро сразился с Воеводою Шведским" (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 4. С. 16). Карамзин не связывает Гавриила Олексича с Пушкиными и другими фамилиями, ведущими свой род от Радши. Н. Я. Эйдельман отмечает, что „в настоящее время, благодаря усилиям ученых, больше всего С. Б. Веселовского, о предках поэта известно много больше, чем знал он сам" (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин. С. 313. Имеется в виду работа: *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина // Веселовский С. Б. Исследования по истории служилых землевладельцев. М., 1969).

[7] Перечисленные Пушкиным фамилии соответствуют фамилиям, указанным в „Бархатной книге" (только вместо Шерефетдиновых следует читать Шафериковы-Пушкины). Не упомянуты Пушкиным Чеботовы, Чулковы, Жулебины, Слизневы, Чемеднины и Курицыны.

[8] В „Истории государства Российского" Карамзина имя Пушкиных упоминается 21 раз. Подробнее см.: *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина.

[9] Ср. о Радше в „Моей родословной": „Его потомство гнев венчанный / Иван IV пощадил". С. Б. Веселовский так пишет о судьбе Пушкиных при Иване Грозном: „Пушкиных разных фамилий было не менее 90 человек, из которых в дворянах служили 53 человека. Таким образом, около трети Пушкиных по своему служебному положению не имели случая обратить на себя внимание Ивана Грозного и попасть под его горячую руку. Тем не менее несколько Пушкиных все-таки пострадало от опальчивого царя" (Род и предки А. С. Пушкина. С. 91).

[10] *Григорий Гаврилович* — явная описка Пушкина. Он имел в виду отца упомянутого деятеля — Гаврилу Григорьевича. Гаврила Григорьевич Пушкин вводится в число действующих лиц „Бориса Годунова". Это о нем и о его родне Годунов говорит: „Противен мне род Пушкиных мятежный". Сам поэт пишет о нем еще и в письме, предположительно адресованном Н. Н. Раевскому: „Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента (30 июля 1829 — XIV, 47, 395—396. Ориг. на франц. яз.). С. Б. Веселовский полагает, что Пушкин сильно преувеличивал гонения на его предков при Борисе Годунове (Род и предки А. С. Пушкина. С. 109). Ему возразил Р. Г. Скрынников, который считает, что отправка Г. Г. Пушкина воеводою в Сибирь была все же серьезной опалой (особенно учитывая, что Г. Пушкин был женат на падчерице Ивана Грозного) (*Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и предки Пушкина // РЛ. 1974. № 2. С. 131—133; подробнее см.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин. С. 315—317).

[11] *Другой Пушкин...* — брат Гаврилы Григорий также служил Шуйскому и участвовал в сражениях с поляками, тушинцами, восставшими крестьянами, которыми руководил Болотни-

ков. Рассказывая о сражениях с Лжедмитрием, Карамзин пишет: „Другие воеводы, встретив неприятеля в поле, бежали: Хованский от Михайлова в Переяславль-Рязанский, Хилков от Венева в Коширу, Боротынский от Тулы в Алексин, на голову разбитый предводителем изменников князем Андреем Телятевским, который успел прежде него занять Тулу и Дедилов. Только Измайлов и Пушкин честно сделали свое дело: первый, рассеяв многочисленную шайку изменника князя Михайла Долгорукова, осадил мятежников в Козельске; второй спас Нижний-Новгород, усмирял бунт в Арзамасе, в Ардатове и еще приспел к Хилкову в Коширу, чтобы идти с ним к Серебряным Прудам, где они истребили скопище злодеев и взяли из двух начальников, князя Ивана Масальского и литвина Сторовского, но близь Дедилова были разбиты сильными дружинами Телятевского и в беспорядке отступили к Кошире" (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 12. С. 46).

[12] Грамота об избрании Романовых была подписана в 1613 г. Зная, что Карамзин продолжает работать над „Историей", Пушкин пишет в июне 1825 г. Дельвигу: „Видел ли ты Николая Михайловича? идет ли вперед «История»? где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я..." (XIII, 182). В действительности в избрании династии участвовало семеро Пушкиных (см. коммент. Б. Л. Модзалевского в кн.: Пушкин. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 455). С. Б. Веселовский отмечает, что на соборе род Пушкиных был представлен „самыми незначительными по службе"; более важные Пушкины отсутствовали, так как были на воеводстве, а Гаврила Григорьевич бился с поляками" (*Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина. С. 123).

[13] *Под соборным деянием об уничтожении местничества* в 1682 г. подписался Матвей Степанович (внук Гаврилы Григорьевича). Аналогичное высказывание о местничестве находим в статье Пушкина „Отрывки из писем, мысли и замечания": „Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести, очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания условного правила, во всем блеске своего безумия, видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая царскому суду свои родословные распри" (XI, 54).

Это оправдание сурового режима местничества, когда знатный дурак „сидел" выше менее родовитого, но талантливого человека, может показаться странным, и сам Пушкин в „Борисе Годунове" вполне разделяет слова Бориса Годунова: „Не род, а ум поставлю в воеводы / Пускай их спесь о местничестве тужит; / Пора презреть мне ропот знатной черни/ И гибельный обычай уничтожить". Н. Я. Эйдельман справедливо пишет, что в „Отрывках" „речь идет о чувстве собственного достоинства", которое утверждает Пушкин, рассуждая об отношении бояр к старинному обычаю, и что стремление Пушкина к историзму („исторический подход требует судить исторического деятеля по законам его времени, его нравственности") сопрягается с положением самого Пушкина, униженного и перлюстрацией своих писем, и придворным хамством (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин. С. 321—323).

[14] *Федор Матвеевич* Пушкин за участие в стрелецком бунте был казнен 4 марта 1697 г. вместе с полковником И. И. Циклером и окольничим А. П. Соковниным. Заговор Соковнина и Циклера вызвал опалу отца Федора Матвея Степановича, который был лишен боярства и сослан в Енисейск, и имущество которого было конфисковано. Заговор 1697 г. „вывел навсегда весь род Пушкиных из среды московской знати и из правящих верхов государства" (*Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина. С. 135).

[15] В „Опровержении на критики" сведения об Александре Петровиче Пушкине дополнены (см. с. 85—86 наст. изд.). А. П. Пушкин 31 января 1721 г. женился на Евдокии Ивановне Головиной (дата эта установлена Н. К. Телетовой — *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 9—10). Отец ее не был графом и Андреевским кавалером. Пушкин ошибочно приписал своему деду по материнской линии титул и награду его двоюродного брата Федора Алексеевича Головина. Правильные даты жизни А. П. Пушкина установлены Ю. И. Левиной. Она опубликовала и „Дело о сержанте Преображенского полка Александре Петрове Пушкине, виновном в убийстве жены своей..." (*Левина Ю. И.* „Прадед мой Пушкин" (Из автобиографических записок) // П. Исслед. и мат. Л., 1989. Т. 13. С. 256—266).

[16] Обращение к документальным источникам не подтверждает услышанного Пушкиным предания о верности Л. А. Пушкина (1723—1790) Петру III во время переворота 28 июля 1762 г. В наиболее обстоятельном исследовании о предках Пушкина, принадлежащем Б. Л. Модзалевскому, указывается, что рассказ поэта „не поддается проверке" (*Модзалевский Б. Л.* Род Пушкиных // Библиотека великих русских писателей / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. Пушкин.

СПб., 1907. С. 5). В так называемом „Лефортовском" архиве (Центральный гос. военно-исторический архив) имеются бумаги, освещающие хлопоты Л. А. Пушкина об его отставке в 1761 и 1763 гг. Модзалевский воспользовался двумя документами из этого архива — формулярным списком Л. А. Пушкина и распоряжением Екатерины II об его отставке в 1763 г. Более обстоятельно изучил это дело Р. Овчинников. Полученные им данные свидетельствуют, что 4 июля 1761 г. в челобитной на имя императрицы Елизаветы Пушкин просил разрешения выйти в отставку по причине „разных болезней". Военная коллегия вместо отставки предоставила ему отпуск на год, в течение которого он собирался жить в своей вотчине (в Болдине). По истечении года Пушкин в Военную коллегию не явился, о нем забыли, и лишь 2 сентября 1763 г. Военная коллегия обратилась к рассмотрению его дела, после чего и было разрешено ему выйти в отставку. Таким образом, 28 июля 1762 г. в Петербурге его не было и участвовать в перевороте он не мог, а следовательно, несостоятельна и версия о его двухгодичном тюремном заключении. Из определения Военной коллегии видно, что в сентябре 1763 г. он находился в Москве. Весной этого же года он, также в Москве, женился на О. Чичериной. Подробно см. об этом: *Овчинников Р. В.* К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина (Версия об участии Льва Александровича Пушкина в дворцовом перевороте 1762 года) // История СССР. М., 1988. Вып. 3. С. 156—165. Недавняя архивная находка С. К. Романюка подтверждает, что в Москве он был и в 1762 г. и, более того, участвовал в процессии при вступлении Екатерины II в Москву в числе отобранных тридцати московских дворян „российского знатного шляхетства" (*Романюк С. К.* Артиллерии майор. К 187-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Московская правда. 1986. 6 июня).

[17] Ср. в письме к Н. Н. Гончаровой от 30 сентября 1830 г: „...ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен)" (XIV. С. 417. Оригинал на франц. яз.). Первым браком Л. А. Пушкин был женат на Марии Матвеевне Воейковой. Факт с повешенным учителем опровергается формулярным списком о службе Л. А. Пушкина, где значится, что „за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианца Харлампия Меркади был под следствием, но по именному указу повелено его, Пушкина, из монаршей милости простить" (*Пушкин.* Письма. Л., 1926. Т. 2. С. 469). Отец поэта, вступаясь за „священную память" своего отца, писал по этому поводу: „История о французе и первой жене его много увеличена. Отец мой никогда не вешал никого, не содержался в крепости двух лет. — Он находился под домашним арестом — это правда, но пользовался свободой. В поступке его с французом содействовал ему родной брат его жены, Александр Матвеевич Воейков: сколько я знаю, это ограничилось телесным наказанием, — и то не выдаю за точную истину. Знаю, что отец мой и в счастливом супружестве с моею матерью, вспоминал о первой жене своей, на которой он женился 16-ти лет, с нежностию" (Сын Отечества. 1840. Т. 19. С. 102—106). О полемическом выступлении С. Л. Пушкина см.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин. С. 12—18. Ошибка Пушкина объясняется тем, что о характере и поступках Л. А. Пушкина, как пишет сам поэт, в семье старались не говорить. Источником семейных преданий действительно мог быть Василий Львович Пушкин, который скончался почти на руках у племянника за месяц с небольшим до цитированного письма к Н. Н. Гончаровой. По предположению Ю. И. Левиной, сведения о своих предках поэт мог слышать от бабушки М. А. Ганнибал (урожденной Пушкиной). А. П. Пушкин приходился ей двоюродным дедом, и в семье хорошо знали его историю. Но услышанное в раннем детстве внесло путаницу в воспоминания поэта, и рассказ о жестокостях прадеда он перенес на своего деда Л. А. Пушкина. Таким образом, возмущение С. Л. Пушкина по поводу публикации„Начала автобиографии" было вполне оправданно (*Левина Ю. И.* „Прадед мой Пушкин" (Из автобиографических записок) // П. Исслед. и мат. С. 256—266). Второй женой Л. А. Пушкина (с 1763 г.) была Ольга Васильевна Чичерина (1737—1802), бабушка поэта.

[18] Сведения об А. П. Ганнибале см. также в выполненном Пушкиным переводе его немецкой биографии на с. 67—69 наст. изд.

[19] Сомнение в справедливости этих слов выражает Н. Я. Эйдельман: „Обнаруженные через много лет после гибели Пушкина отчаянные письма из Парижа Ганнибала и других русских «стажеров» об их безденежье, — пишет он, — как будто показывают, что им было не до большого света". Так, 8 октября 1717 г. Абрам Петров и его напарник Алексей Юров пишут кабинет-секретарю А. В. Макарову: „...на плечах ни кафтана, ни рубашки почитай нет, мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще..." (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин. С. 239). Это и другие письма Ганнибала приведены в кн. Г. Лееца (с. 37—42) по материалам А. С. Ганнибала, М. Вегнера, П. П. Перкарского, М. Д. Хмы-

рова. В противоположность мнению Н. Я. Эйдельмана Н. К. Телетова считает, что материальное положение Ганнибала после поступления в артиллерийскую школу было сносным, так как „будучи офицером королевской армии и проходя обучение в артиллерийской школе, юный арап получал жалование, вероятно, уже вполне достаточное, как для бевбедного существования, так и для поездок в Париж" и что его „жалобные письма" этих последних лет во Франции — простая дань эпохе, „клянчить тогда было в обычае" (Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 138—139).

[20] Пушкин ошибается, когда пишет, что Ганнибал вернулся из ссылки тайно. Перевод его из Сибири в Пернов был легальным (см.: там же. С. 145).

[21] По архивным данным, семейная жизнь Ганнибала предстоит несколько в ином свете. Первая его жена Евдокия Андреевна Диопер имела до свадьбы жениха флотского поручика Александра Кайсарова и была выдана замуж насильно. Венчание состоялось 17 января 1731 г. Перед свадьбой она сошлась с Кайсаровым. Когда Ганнибалы переехали в Пернов, она вновь сошлась с подчиненным Ганнибала „кондуктором" Яковом Шишковым. По доносу мужа, который ее бил „смертельными побоями необычно", она была как „прелюбодеица" отдана под суд и пять лет содержалась на госпитальном дворе, живя милостыней. В 1736 г. Ганнибал, не имея развода с первой женой, женился вторично, на дочери капитана Матвея фон Шёберга Христине Регине по подложной „венечной памяти". Е. А. Ганнибал, после приговора над ней „гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на Прядильный двор, на работу вечно", хлопотала о пересмотре дела. В декабре 1743 г. дело поступило в Синод. По распоряжению епископа санкт-петербургского Никодима она отдана была на поруки и жила у своих знакомых. Сойдясь с подмастерьем Академии наук Абумовым, забеременела снова и вынуждена была обратиться в консисторию с покаянием, где просила развести ее с Ганнибалом, указав, что он уже женат вторично. После этого пришлось обратиться в консисторию с просьбой о разводе и самому Ганнибалу. Дело о разводе закончилось только 9 сентября 1753 г. Е. А. Ганнибал была заключена в женский Староладожский (а не Тихвинский) монастырь. Ее „белая" дочь Евдокия (а не „Поликсена") родилась в 1731 г. (подробно о Е. А. Ганнибал и о второй женитьбе А. Ганнибала см.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. С. 80—90).

[22] *Иван Абрамович* (1731—1801) — генерал-поручик, строитель Херсона, герой Наваринской битвы. Памятник ему был воздвигнут Екатериной II в Царском Селе с надписью: „Победам Ганнибала". Другой памятник был поставлен в Херсоне. Первые биографические сведения о Ганнибале помещены в „Словаре достопамятных людей Русской земли" Д. Бантыш-Каменского (СПб., 1847. Ч. 1). О Ганнибале см. также: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. С. 170—174. Пушкин упоминает Ганнибала в стихотворениях „Воспоминания в Царском Селе" (1829) и в „Моей родословной" (1830).

[23] *Осип Абрамович* (1744—1806) — флота артиллерии капитан 2-го ранга, женатый на Марии Алексеевне Пушкиной (1745—1818), в 1779 г. он, представив фальшивое свидетельство о своем вдовстве, женился вторично — на Устинье Ермолаевне Толстой, урожд. Шишкиной.

[24] Надежде Осиповне Пушкиной в это время было не три года, а девять лет.

[25] П. А. Ганнибал умер 12 октября 1806 г. в Михайловском.

МАТЕРИАЛЫ К ЗАПИСКАМ

NOTE SUR LA REVOLUTION D'IPSYLANTI

Впервые напечатано П. В. Анненковым в статье „Пушкин в Александровскую эпоху" (ВЕ. 1874. Кн. 1. С. 42. Отд. изд.: СПб., 1874. С. 202).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1881 г. под редакцией П. А. Ефремова (Т. 5. С. 11).

Черновой автограф: ПД, № 1066. Печатается по автографу.

Датируется 1821 г. (после августа), так как представляет собой запись сведений о событиях Греческой революции, которые Пушкин мог получить в Кишиневе в 1821 г., очевидно, непосредственно от греческих деятелей.

Анненков назвал заметку Пушкина „Журнал греческого восстания" (см. его: Пушкин в

Александровскую эпоху. С. 11). Возможно, что это одна из заготовок Пушкина к Запискам, о которых он всерьез начал думать в 1821 г. Пункт „Греческая революция" находим в позднейшем плане его Записок (см. с. 58 наст. изд.).

[1] *Господарь Ипсиланти* Константин, князь (1760—1816), господарь Молдавии с 1799 г. и Валахии в 1802—1806 гг., отец Александра Ипсиланти. В 1806 г. бежал вместе с семьей в Россию под покровительство Александра I. Пушкин получил неверные сведения. Делу гетерии Константин Ипсиланти не изменил, так же как не был и виновником смерти Риги (или Ригаса, как называет его Пушкин).

[2] *Ригас* — Константин Рига (1754—1798) — секретарь господаря, поэт, основатель гетерии — тайного общества, целью которого было освобождение Греции от турецкого ига. Был казнен турками.

[3] Ипсиланти Александр Константинович, князь (1792—1828) — генерал-майор русской службы, активный участник гетерии и руководитель восстания гетеристов. Был разбит турками 7 июня 1821 г. под Дегошанами, бежал в Австрию, где был заключен в крепость; в 1827 г. был освобожден по требованию русского правительства. См. о нем также на с. 211 наст. изд.

[4] Имеется в виду граф Каподистрия Иоанн Антонович (1776—1831). Был на русской службе статс-секретарем, в 1816—1822 гг. возглавлял (с К. В. Нессельроде) Коллегию иностранных дел, к которой был причислен Пушкин. В 1822 г., когда была провозглашена независимость Греции, уехал туда и в 1827 г. стал президентом освобожденной Греции. Был сторонником союза с Россией; убит своими политическими противниками.

[5] *Кантакузин* Георгий Матвеевич, князь (ум. 1857) — полковник, участник восстания гетеристов, был женат на сестре лицейского товарища Пушкина Горчакова княжне Елене Михайловне (1794—1855), которой адресовано стихотворение „Красавице, которая нюхала табак" (1814). По свидетельству Липранди, Пушкин был частым посетителем дома Кантакузина в Кишиневе (П. в восп. Т. 1. С. 291—292).

[6] *Кантагони* (Кантагонис) Николай, Сафианос (Софианос) Георгий, Мано Георгий — греки, участники похода А. Ипсиланти. Первые двое были убиты в сражении под Скулянами, происшедшем 16—17 июня 1821 г.

[7] *Михаил Суццо* — см. примеч. к с. 212.

[8] *Александр Суццо* — молдавский господарь, смерть которого послужила поводом к началу Греческого восстания. Умер своей смертью после продолжительной болезни 18 февраля 1821 г. — так сказано в донесении консула Пини из Бухареста Инзову.

[9] *Формаки* — грек, сперва сражался в отрядах Т. Владимиреско, затем в отрядах А. Ипсиланти. После поражения А. Ипсиланти под Дегошанами часть гетеристов под руководством Иордаки и Формаки заперлась в молдавском монастыре Секу, где долго отбивала атаки турок, но под влиянием австрийских властей, гарантировавших им безопасность, сдалась туркам, после чего все, оставшиеся в живых, были казнены.

[10] *Иордаки-Олимбиотти* — Георгаки Олимпиот — также сражался в отрядах Т. Владимиреско, потом А. Ипсиланти. Погиб в монастыре Секу.

[11] *Калакотрони* Теодор (1770—1843) — видный деятель греческого восстания, впоследствии член временного правительства Греции.

[12] *Анастас* — гетерист, участник боя под Скулянами, после поражения переправился на русский берег.

⟨NOTE SUR PENDA-DÉKA⟩

Впервые напечатано П. В. Анненковым в статье „Пушкин в Александровскую эпоху" (ВЕ. 1874. Кн. 1. С. 42. Отд. изд.: СПб., 1874. С. 203—204).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1881 г. под редакцией П. А. Ефремова (Т. 5. С. 11).

Черновой автограф: ПД, № 1065. Печатается по автографу.

Датируется 1821 г. (после августа) на тех же основаниях, что и предыдущая заметка.

[1] *Penda-Déka* — Пендадека (Пентедека) Константин (род. 1799 (?)), московский купец, потом полковник гетерии. Пушкин встречался с ним в Кишиневе у И. П. Липранди и записывал от него молдавские предания (см.: П. в восп. Т. 1. С. 315—316). Участвовал в походе Ипсиланти.

[2] *Стинка* — село за Прутом, у которого накануне битвы под Скулянами происходили небольшие стычки между греками и турками.

[3] Из рапорта Инзова Александру I от 16 июня 1821 г. известно, что при наступлении турок на Яссы в начале июня „Кантакузен и Пенда-дека, начальник особого отряда волонтеров, с 16 гетеристами без оружия перешли на нашу сторону".

[4] Резня в Галице была устроена греком Василием Коровья 21 февраля 1821 г.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Впервые (в извлечениях) опубликовано В. Е. Якушкиным (Библиогр. зап. 1859. № 5. С. 130—132). Полнее (с цензурными сокращениями) — П. А. Ефремовым (РС. 1880. Декабрь. С. 1043—1047). Варианты — частично (РА. 1881. Кн. 1. С. 220).

В собр. соч. Пушкина входит с цензурными сокращениями начиная с издания 1881 г. под редакцией П. А. Ефремова (т. 5. С. 13—18).

Беловой автограф: ПД, № 285, л. 1—6. Текст написан на половинках листов. Вторая половинка, по-видимому, оставалась для возможных доработок.

Отрывки черновых набросков статьи см.: ПД, № 831, л. 61 и 62.

Печатается по беловому автографу.

Датировано Пушкиным 2 авг. 1822 г.

В автографе заметка не имеет названия и обычно печатается под редакторским заглавием „Заметки по русской истории XVIII века". В копии, хранящейся у кишиневского друга Пушкина Н. С. Алексеева, заметка озаглавлена „Некоторые исторические замечания". Н. Я. Эйдельман справедливо предположил, что это заглавие, скорее всего, „пушкинского происхождения" (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 133—134). Позже это заглавие повторится и в копии, принадлежавшей П. В. Анненкову. Историю публикации статьи (сперва по копии, потом по оригиналу) см. в указанной книге Н. Я. Эйдельмана. Впервые предположение, что „Замечания" относятся к Запискам Пушкина, высказали И. Л. Фейнберг, см. его „Незавершенные работы Пушкина" (М., 1976. С. 252—265), и Б. В. Томашевский, см. его „Пушкин" (М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 567; М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 169). См. также с. 177—179 наст. изд.

[1] Об указе, разорванном кн. Долгоруким, см. заметку в „Table talk" („Славный анекдот об указе..."). Долгорукий Яков Федорович, князь (1639—1720) — сенатор, председатель Ревизион-коллегии, гражданские доблести которого широко отмечены в „Деяниях Петра Великого" И. И. Голикова, в оде „Вельможа" Державина, в оде Рылеева „Гражданское мужество", в „послании Мордвинову" и в „Стансах" Пушкина.

[2] Пушкин имеет в виду легенду о письме, будто бы написанном Петром I в Сенат после того, как русская армия 10 июля 1711 г. во главе с Петром была окружена турками. В своем послании Петр предлагал в случае взятия его в плен „не почитать его царем и государем"; „но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберете между собой достойнейшего мне наследника". Это апокрифическое письмо, по предположению Ю. Г. Оксмана, Пушкин намеревался использовать в задуманной им в 1835 г. повести „Сын казненного стрельца" (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 391—392).

[3] *...Замыслы Долгоруких...* — князей Долгоруковых — Василия Лукича, Алексея Григорьевича и его братьев, пытавшихся ограничить самодержавие Анны Иоанновны аристократической конституцией с верховным советом во главе правительства. Были составлены „условия", которые подписала Анна Иоанновна при вступлении на престол в 1830 г. „Условия верховников" были уничтожены Анной в результате оппозиции среднего дворянства, а Долгоруковы сосланы и имущество их конфисковано. „Условия" были составлены по образцу шведской конституции, но с устранением народного представительства. Пушкин считал, что, если бы вамыслы Долгоруких удались, в России был бы неизбежен гипертрофированный, „чудовищный феодализм". Крепостничество именем государства (когда его можно отменить законом), по его мнению, меньшее зло, чем укоренившаяся феодальная собственность (см. об этом: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. С. 85).

[4] Имеется прежде всего в виду манифест 18 февраля 1762 г., даровавший дворянству на вечные времена свободу и вольность, при этом предполагалось, что дворяне и без принуждения будут продолжать служить. Жалованная грамота в дополнение к этому манифесту подтверждала его основные начала и, кроме того, даровала дворянству значительные личные, имущественные

и сословные привилегии; им было разрешено вступать на службу в союзные европейские державы и выезжать за границу для обучения. Жалованная грамота облегчала пути приобретения дворянства, вводя помимо прежних способов (выслуга чина и пожалование) новые (например, ордена). Пушкин считал, что новые привилегии дворянства вредны и их следует стыдиться потому, что закону о „вольности дворянства" должен был бы сопутствовать соответствующий ему закон „о вольности крестьянской" (см.: там же. С. 85—86).

[5] Суждение Пушкина об *„униженной Швеции и уничтоженной Польше"* близко многим из декабристов. Ср., например, трактат Н. И. Тургенева „Теория политики", написанный в январе 1824 г. (Дневники и письма Н. И. Тургенва. Пг., 1921. С. 396—397). Своему отношению к дипломатии Екатерины II Пушкин остался верен и в 1836 г. — см. его статью о „Сочинениях Георгия Конисского" (XI, 14) и письмо к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (XVI, 172). В пушкинском черновике было сначала „Уничтоженная Польша, униженная, усмиренная Турция". Но как раз в начале 20-х гг., когда Турция расправлялась с восставшими греками, ее нельзя было назвать „усмиренной".

[6] В автографе второе из этих имен обозначено только инициалами („К. К."). *Зубов* Платон Александрович (1767—1822) —последний фаворит Екатерины II. Перед его обезьяной пресмыкались вельможи (см.: *Мертваго Д. Б.* Автобиографические записки. М., 1867. С. 80). М. И. Кутузов после возвращения из Константинополя, где он был чрезвычайным и полномочным послом, в ожидании нового назначения должен был выполнять все прихоти временщика. По рассказу Ф. В. Ростопчина, он „приходил к Зубову за час до его пробуждения готовить ему кофе (имел притязание особенно искусно варить его) и при множестве посетителей наливает его в чашку и несет бесстыдному фавориту, лежащему в постели" (РС. 1876. № 11. С. 452).

[7] Имеется в виду указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г., запрещающий употреблять слово „раб" при подписании бумаг, ей адресованных, и предписывающий заменять его впредь словами „всеподданнейший" и „верноподданный".

[8] *Шешковский* Степан Иванович (1742—1793) — обер-секретарь Тайной экспедиции Сената, руководитель дознаний по важнейшим политическим процессам второй половины XVIII в.

[9] Пушкин имеет в виду малодостоверное предание о том, что драматург Я. Б. Княжнин (1742—1791) умер под пытками в Тайной канцелярии в связи с дознанием о написанной им трагедии „Вадим".

[10] Б. В. Томашевский считает французскую фразу Пушкина очень вольным переложением следующей мысли Сталь, изложенной в ее книге „Десять лет изгнания" (Dix années d'exil. Bruxelles, 1821. P. 140): „Ces gouvernements despotiques, dont le seule limite est l'assassinat du despote bouleversent les principes d l'honneur et du devoir dans la tête des hommes" <Эти деспотические правительства, для которых единственным пределом является убийство деспота, опрокидывают понятия долга и чести в головах людей> (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 388). С тем, что острóта Пушкина является перефразировкой сентенции Сталь, согласен и Ю. Г. Оксман (см.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 340). Л. И. Вольперт предположила, что острóта Пушкина является отзвуком на интересовавшие его всегда обстоятельства убийства Павла I (*Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и м-м де Сталь. К вопросу о политических взглядах Пушкина // Французский ежегодник. М., 1974; 2) Еще о „славной шутке" госпожи де Сталь // Временник ПК. 1973. Л., 1975. С. 125—126). Еще одну версию предложил Ю. М. Лотман, полагая, что слова Пушкина могли опираться на устно переданный ему разговор Сталь об убийстве Павла I (*Лотман Ю. М.* Три заметки к пушкинским текстам // Временник ПК. 1974. Л., 1977. С. 91).

БИОГРАФИЯ А. П. ГАННИБАЛА

Впервые два отрывка (от слов „Он был родом из Абиссинии..." до слов „...был известен впоследствии под именем графа Рагузинского" и от слов „Его, по ходатайству Миниха, определили в Перновский гарнизон..." до слов „...жил со своею фамилиею") напечатаны Я. К. Гротом (см.: *Грот Я. К.* К родословной Пушкиных и Ганнибалов // Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 182—183). Полностью, по копии А. И. Незеленова, в кн.: *Шляпкин.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 319—322.

В собр. соч. входит с 1904 г. (*Пушкин А. С.* Собр. соч. / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1904. Т. VI. С. 690—694).

Беловой автограф: ПД, № 1195. Печатается по автографу.

Датируется: август (вторая половина) 1825—август 1826.

Текст представляет собой сокращенный перевод с немецкого биографии Ганнибала, написанной в конце 1781 г., незадолго до его смерти. Автором ее был Адам Карлович (Адольф-Рейнхольд) Роткирх (1746—1797), муж младшей дочери Ганнибала Софьи. В основе немецкой биографии — рассказы старого арапа. В бумагах Пушкина была и копия немецкой биографии, принадлежавшая Петру Абрамовичу Ганнибалу. Текст ее см.: Рукою П. С. 43—49. В руки Пушкина немецкая биография Ганнибала попала не раньше второй половины августа 1825 г. Хранилась она у П. А. Ганнибала. 11 августа поэт писал П. А. Осиповой: „Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда" (XIII, 543. Оригинал на франц. яз.). Копия этой биографии, очевидно, вскоре и стала собственностью поэта. Тогда же, полагает Н. К. Телетова, Пушкин стал обладателем и еще одних неоконченных воспоминаний — самого П. А. Ганнибала (*Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 117). Сокращенный вариант этих воспоминаний напечатан П. В. Анненковым в его книге „Пушкин в Александровскую эпоху" (СПб., 1874. С. 11—13), полный текст — в приложении к указанной книге Н. К. Телетовой. Телетова полагает, что на текст „Биографии Ганнибала" Пушкин опирался, когда писал примечание к первой главе „Евгения Онегина", и датирует перевод 1824 годом (там же, С. 117). Между тем сам Пушкин в примечании к „Онегину" пишет, что он опирался на „семейственные предания". Имеются и фактические расхождения между примечанием и „Биографией" (см.: Рукою П.). Письмо к Осиповой дает нам начальную дату перевода, конечной является август 1826 г., когда поэт прервал заниматься своими Записками и начал их уничтожать (см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма А. С. Пушкина. Л., 1988. С. 80).

[1] Ибрагим, или *Абрам Петрович Ганнибал* (1696—1781), эфиоп (абиссинец) по происхождению, был выдающимся русским математиком, фортификатором и гидротехником. Изображен Пушкиным в „Арапе Петра Великого". Упоминается в „Моей родословной". Биографию Ганнибала на основе новейших данных см.: *Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980; *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 115—158.

[2] Указание на происхождение прадеда Пушкина от Ганнибала неверно и свидетельствует о желании составителя немецкой биографии возвеличить своего родственника. Фамилией Ганнибал прадед Пушкина стал пользоваться только после смерти Екатерины I. До этого он подписывался Абрам Петров.

[3] В немецкой биографии Роткирха указано, что Ганнибал был увезен в Турцию не восьми лет, а на восьмом году жизни. Этот возраст указан Пушкиным и в примечании к 1-й главе „Евгения Онегина" (VI, 654—655). Подробно о возрасте Ганнибала и дате его рождения (1696) см.: *Леец Георг.* Абрам Петрович Ганнибал. С. 11—15.

[4] *Рагузинец* — уроженец гор. Рагузы в Далмации. По предположению Телетовой, Роткирх путает дядю, т. е. Савву Лукича Рагузинского, который задолго до приезда Ганнибала был определен Петром I в гражданскую службу, и племянника Саввы Лукича Ефима Ильича (1691—1740), близкого по возрасту к Ганнибалу. Ефим Ильич, как и Ганнибал, был военным и дослужился до чина генерал-поручика (см.: *Телетова Н. Е.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 127).

[5] Крестили Ганнибала в Вильне в православной церкви Параскевы Пятницы, очевидно, 13 июля 1705 г. Восприемниками были Петр I и неизвестная нам важная польская дама. Польской королевы Августы II Христины-Эбергардины в это время в Польше не было. Н. К. Телетова приводит свидетельство, что Ганнибал был крещен еще по пути из Константинополя в Москву, в Мунтени, когда и получил имя Авраам. Петр I, по-видимому, при втором крещении, изменил имя мальчика на Петр, которым ни крестный отец, ни сам Ганнибал не пользовались (см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи Пушкина. С. 121—124).

[6] Имеется в виду аналогия с библейским рассказом об Иосифе, проданном братьями в рабство.

[7] Очевидно, здесь в немецком тексте допущена неточность. Как сын младшей из жен своего отца Ганнибал вряд ли имел право претендовать на какое-либо владение в Африке. По предположению комментатора, очевидно, имелись в виду лишь хлопоты о титуле (Рукою П. С. 57).

[8] Абрам был не „послан" во Францию, а поехал туда в свите Петра I и был оставлен Петром для обучения точным наукам, военному делу, фортификации (см.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 136). Пушкин об обстоятельствах появления Ганнибала во Франции пишет, руководствуясь имеющимися у него документами, в частности прошением

А. П. Ганнибала Елизавете Петровне. Но слова „послан был", по мнению Телетовой, „выражают мысль в широком смысле слова" (с. 136).

[9] Излагая этот эпизод, Пушкин следует за немецкой биографией Ганнибала. В действительности Ганнибал вернулся в Россию тогда, когда Петр I находился в Москве, поэтому не мог выехать ему навстречу в Красное Село (там же. С. 118).

ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ УШАКОВЫХ

Два списка женских имен, записанных в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой среди других записей и рисунков, в том числе и рисунков Пушкина. Списки, вероятнее всего, сделаны в два приема и в разное время. Один — на л. 37 об. мягким карандашом, другой — на л. 48 об. более твердым и тонким карандашом. Записи сделаны в конце сентября—начале ноября 1829 г. на обратном пути из Арзрума в Петербург.

В альбоме рядом с некоторыми именами кем-то (очевидно, сестрами Ушаковыми) даны их расшифровки. Рядом с *Натальей I* тонким карандашом записано „лицейская", рядом с *кн. Авдотьей* — „princesse Nocturne" ⟨Голицына⟩, рядом с именем Аглая — синим карандашом „Давыдова в Каменке", рядом с Калипсо тем же самым карандашом записано и зачеркнуто „гречанка".

Впервые напечатано факсимильно в „Альбоме Пушкинской выставки 1880 года" (М., 1887. Табл. 4, 5, 6 после с. 116). Ср.: Рукою П. С. 629—630.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с 10-томника под редакцией Б. В. Томашевского (М.; Л., 1949. Т. 8. С. 74). В „Альбоме Пушкинской выставки" (М., 1887) помещен „Биографический очерк А. А. Венкстерна", где впервые дается осмысление этих списков, основанное на следующем мемуарном свидетельстве П. С. Киселева, сына Ел. Н. Ушаковой: „...это дон-жуанский список поэта, то есть перечень всех женщин, которыми он увлекался". Л. Н. Майков в статье „Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых" высказал мнение, что в альбоме записаны не два, а три списка (*Майков Л. Н.* Пушкин. СПб., 1899). Основанием для этого послужило то, что конец второго списка не уместился на одной странице и три имени перешли на следующую. В одном списке, по мнению Майкова, „находятся имена, большею частью не поддающиеся объяснению, в другом читаются имена женщин, хорошо известных по биографии поэта и действительно имевших в его жизни большее или меньшее значение" (там же. С. 373).

В работах Н. О. Лернера „Дон-Жуанский список Пушкина" (*Пушкин А. С.* ⟨Сочинения⟩ / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 4) и Н. К. Губера „Дон-Жуанский список Пушкина" (Пг., 1923) большинство имен этого списка расшифровано. Некоторые нуждаются в уточнении, часть имен до настоящего времени не поддается объяснению.

Первый список (кроме четырех последних имен) составлен хронологически — увлечения лицейские, петербургские, периода южной ссылки, ссылки в Михайловское, потом в Москве. Заканчивается первый список именем „Наталья" — т. е. Н. Н. Гончаровой. Три имени, предшествующие последней —„Наталье" (Евпраксия, Катерина IV и Анна), могли быть соединены и по принципу родства с П. А. Осиповой. В первый список, по-видимому, включены серьезные увлечения Пушкина, во втором отмечены женщины, увлечения которыми были мимолетными или которые Пушкин хотел представить как мимолетные.

⟨Первый список⟩

[1] *Наталья I* — либо крепостная актриса театра В. В. Толстого в Царском Селе (ей посвящены стихотворения Пушкина „К Наталье" — 1813, „К молодой актрисе" — 1815), либо гр. Наталья Викторовна Кочубей (см. о ней с. 265 наст. изд.).

[2] *Катерина I* — Екатерина Павловна Бакунина, чувство к которой нашло отражение в лицейском дневнике поэта. См. о ней с. 208 наст. изд.

[3] *Катерина II* — вероятнее всего, Екатерина Андреевна Карамзина (см. о ней с. 218 наст. изд.). Б. В. Томашевский называет (предположительно) актрису Екатерину Семенову (см.: *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 371).

[4] *NN* — кто это такая, определенный ответ дать трудно. Т. Г. Зенгер-Цявловская замечает, что „судя по тому, что первый список довольно точен в смысле хронологии, любовь к этой женщине должна относиться ко времени до ссылки Пушкина на юг. Если Наталья I — актриса,

то, может быть, NN — Наталья II, то есть Н. В. Кочубей. Но возможно — это и М. Н. Раевская (1805 или 1807—1863)". Дальше высказывается предположение, что под аббревиатурой скрывается неизвестная нам „северная" любовь Пушкина (Рукою П. С. 631—632). Наиболее убедительной представляется кандидатура Н. В. Кочубей. Ее имя встречается в программе записок Пушкина. О роли ее в программе записок см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 189—191.

[5] *Кн. Авдотья* — княгиня Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850), урожд. Измайлова, известная под именем „Princesse Nocturne". П. А. Вяземский писал о ней: „Пушкин, в медовые месяцы вступления своего в свет, был маленько приворожен ею ⟨кн. Голицыной⟩. Надолго ли, неизвестно, но во всяком случае неправдоподобно. В сочинениях его встречаются стихи, на имя ее написанные, если не страстные, то довольно воодушевленные" (П. в восп. Т. 1. С. 158). Имеются в виду стихотворения „Краев чужих неопытных любитель..." (1817) и „Простой воспитанник природы..." (1817). Отметим, что это единственный случай в списках, когда Пушкин дает намек, позволяющий угадать названную женщину, приписывая к имени „Авдотья" титул „Кн.".

[6] *Настасья* — по-видимому, билетерша при зверинце, о которой Вяземский писал А. И. Тургеневу: „Его ⟨беснующегося Пушкина⟩ мельком вижу, только тогда в театре, куда он заходит в свободное от зверей время. Впрочем, и жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть приведенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смиренный. Он влюбился в приемщицу билетов, сделался ее cavalier servant;* наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит gratis** (ОА. Т. 1. С. 350).

[7] *Катерина III* — Екатерина Николаевна Раевская (1797—1885), вышедшая в мае 1821 г. замуж за М. Ф. Орлова. Какие-то черты ее характера вошли в образ Марины Мнишек в „Борисе Годунове". 13 сентября 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: „Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! Знаешь ее? Не говори однако же этого никому" (XIII, 226). См. также в следующем письме от 7 ноября (XIII, 240).

[8] *Аглая* Антоновна Давыдова (1789—1847), урожд. герцогиня де Граммон, с 1804 г. жена А. Л. Давыдова, во втором браке за маршалом Себа де ла Порт Орас. Ей посвящено стихотворение „Кокетке" (1821) и на нее написаны эпиграммы „Иной имел мою Аглаю..." (1822), „A son amant..." и „Оставя честь судьбе на произвол ..." (1821).

[9] *Калипсо* — Полихрони (1804—1827), гречанка, бежавшая с матерью из Константинополя в Кишинев. Ее Пушкин неоднократно рисовал в своих рабочих тетрадях. Ф. Ф. Вигель рассказывает, что „любовный жар", которым горел к ней Пушкин, был недолог. Особенно привлекательным для поэта было ее пение. „У нее был — пишет Вигель, — голос нежный, увлекательный, не только тогда, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела ужасные, мрачные турецкие песни; одну из них, с ее слов, Пушкин переложил на русский язык, под именем „Черной шали" (П. в восп. Т. 1. С. 224). Ее, очевидно, имеет в виду Пушкин, говоря о „двух тенях милых" в черновых строфах „Воспоминания" (1828). См.: *Иезуитова Р. В.* „Утаенная любовь" Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 225—226.

[10] *Пульхерия* Егоровна Варфоломей (1802—1863), по мужу Мано — дочь богатого кишиневского „бояра". Ее холодность и равнодушие к замужеству поражали современников. А. Ф. Вельтман называет ее „механическим" существом и пишет, что „Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти". Об увлечении Пушкина Пульхерией вспоминали и В. П. Горчаков и И. П. Липранди (см.: П. в восп. По указ.). Ей посвящено стихотворение „Если с нежной красотой..." (1821).

[11] *Амалия* Ризнич, урожд. Рипп (ок. 1803—1825), жена одного из директоров Одесского коммерческого банка и Одесского театра. С весны 1823 г. жила с мужем в Одессе. Заболев чахоткой, в мае 1824 г. уехала в Италию, где вскоре умерла. Ее профилем заполнены рабочие тетради Пушкина. Ей посвящены стихотворения „Простишь ли мне ревнивые мечты..." (1823), „Под небом голубым страны своей родной..." (1826), „Для берегов отчизны дальной..." (1830). Она же — „негоцианка молодая" в „Евгении Онегине". О смерти Ризнич Пушкин узнал в Михайловском. См. его запись об этом на с. 49 наст. изд.

[12] *Элиза* — Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792—1880), урожд. Браницкая, жена новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова. Об увлечении Пушкина ею см.: *Цявловская Т. Г.* „Храни меня, мой талисман..." // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 12—92. Зарисовками

---

* поклонник (*франц.*).

** бесплатно (*франц.*).

ее также полны тетради Пушкина. Ей посвящены стихотворения: „Храни меня, мой талисман…" (1825), „Сожженное письмо" (1825), „Желание славы" (1825), „Все кончено, меж нами связи нет…" (1824), „Ненастный день потух…" (1824), „Талисман" и др. Отношения с Воронцовой были, очевидно, одной из причин, побудившей Воронцова хлопотать о высылке Пушкина из Одессы.

[13] *Евпраксия* Николаевна Вульф (1809—1883), дочь тригорской соседки Пушкина П. А. Осиповой, вышедшая в 1831 г. замуж за барона Б. А. Вревского (1805—1888). Пушкин общался с ней во время ссылки, а также в последующие приезды в Михайловское и во время ее пребывания в Петербурге. Она была одной из двух женщин, которые знали о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом (См.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 г. (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 273). Ей посвящены стихотворения „Если жизнь тебя обманет…", „Вот, Зина, вам совет…" (1826). Под именем Зизи она упоминается в „Евгении Онегине".

[14] *Катерина IV* — лицо неустановленное. Т. Г. Цявловская называет несколько „Катерин", которыми увлекался Пушкин: это — Екатерина Николаевна Карамвина (1809—1867), по мужу Мещерская, Екатерина Васильевна Вельяшева (1812—1865), по мужу Жандр, Екатерина Николаевна Ушакова (1809—1872), по мужу Наумова. Последнюю она отвергает на том основании, что запись Пушкин делал в альбоме ее сестры и что „это указывало бы на то, что чувство уже прошло". Нам представляется, что так как список составлен хронологически и фамилий дам своего сердца Пушкин не называл, то сестры Ушаковы вполне могли быть в этом списке.

[15] Т. Г. Цявловская и Б. В. Томашевский называют двух женщин. 1) Анну Алексеевну Оленину (1808—1888), по мужу Андро. В 1828 г. Пушкин сватался к ней и получил отказ. Ей посвящены стихотворения 1828 г.: „Ты и вы", „Предчувствие", „Ее глаза", „Город пышный, город бедный…", „Увы, язык любви болтливый…", „To Dawe, Esqr"; 2) Анну Петровну Керн, которой Пушкин был увлечен в 1825 г. в Михайловском и которой посвятил знаменитое стихотворение „Я помню чудное мгновенье…" (см.: Рукою П. С. 634; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л. Т. 8. С. 371). Если принять последнюю версию и считать, что в конце первого списка хронология нарушена, то имена могут группироваться по родству с П. А. Осиповой. Тогда Катерина IV не Ушакова, а Вельяшева, так как Вельяшева и Керн были племянницами П. А. Осиповой, но с одной Пушкин познакомился в 1825 г. в Тригорском, с другой — в 1828 г. в Старице.

[16] *Наталья* — несомненно Наталья Николаевна Гончарова (1812—1863), в которую поэт был влюблен, когда делал свою запись.

⟨Второй список⟩

[1] *Мария* — лицо неустановленное. Известно несколько женщин с именем Мария, в которых бывал влюблен Пушкин. Т. Г. Цявловская (Рукою П. С. 635) называет Марию Николаевну Раевскую (1805 или 1807—1863), Марию Егоровну Эйхфельд (1798—1855) — возлюбленную кишиневского приятеля Пушкина Н. С. Алексеева, Марию Васильевну Борисову (о ней Пушкин писал А. Н. Вульфу 27 октября 1833 г. из Малинников: „Мария Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и я намерен на днях в нее влюбиться" — XIV, 33; в одном из планов „Капитанской дочки" она под именем Марии Горисовой упомянута как прототип Маши Мироновой — VIII, 930) и княгиню Марию Аркадьевну Голицыну, урожд. княжну Суворову, внучку полководца (1802—1870), которой посвящено стихотворение „Давно об ней воспоминанье…" (1823). К этому списку можем прибавить графиню Марию Александровну Мусину-Пушкину (1801 —1853), урожд. княжну Урусову. По словам Вяземского, Пушкин был в нее влюблен (см.: *Барсуков Н. П.* Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. М., 1904. С. 38). Последняя кандидатура кажется нам наиболее вероятной. Знакомство Пушкина с Мусиной-Пушкиной состоялось в 1827 г. Ей посвящено стихотворение „Кто знает край, где небо блещет…" (ноябрь 1827—март 1828). Подробнее о Мусиной-Пушкиной см.: *Цявловский М. А.* К истории стихотворения „Кто знает край, где небо блещет…" (Пушкин и гр. М. А. Мусина-Пушкина) // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 369—378.

[2] *Анна* — вероятнее всего, Анна Алексеевна Оленина.

[3] *Софья* Федоровна Пушкина (1806—1862) — дальняя родственница Пушкина, к которой он сватался в 1826 г. по приезде из Михайловского в Москву и получил отказ. Ей посвящено стихотворение „Нет, не черкешенка она…" (1826).

[4] *Александра* Ивановна Осипова (ок. 1805—1864) — падчерица П. А. Осиповой, вышедшая

в 1833 г. за П. Н. Беклешова (ум. не ранее 1847 г.). Ей посвящено стихотворение „Признание" (1826).

[5] *Варвара* — возможно, Варвара Васильевна Черкашенинова (1804—1869), близкая знакомая семьи Вульфов, жившая в селе Сверчково, в 16 верстах от Малинников. Оставила дневник с записями о встречах с Пушкиным, который был ее „поэтическим кумиром" (запись 28 ноября 1828 г.). Дневник этот хранился в Старицком краеведческом музее и утрачен, сохранились лишь отдельные выписки (см.: *Черейский Л. М.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 462).

[6] *Вера* — по предположению Т. Г. Цявловской, это, может быть, Вера Федоровна Вяземская (1790—1876). Пушкин познакомился с ней в Одессе, куда она приехала с двумя детьми 7 июня 1824 г. Она увлекалась Пушкиным (см.: *Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине. М., 1925. С. 28, 78, 79) и вместе с гр. Е. К. Воронцовой подготовляла побег его за границу морем.

[7] *Анна* Николаевна Вульф (1799—1857) — старшая дочь П. А. Осиповой, соседка Пушкина по Михайловскому. Ей посвящены четыре стихотворения Пушкина 1825 г. („Я был свидетелем златой твоей весны...", „Хотя стишки на именины...", „Увы, напрасно деве гордой..." и „Примите «Невский альманах»..."). Все эти стихи объединяет общий тон полушутливый, полувлюбленный. О характере отношений Пушкина и А. Н. Вульф в 1824—1825 гг. см.: *Старк В. П.* Несколько пояснений к стихотворению Пушкина „Н. Н." („Примите «Невский альманах»...") // Временник ПК. 1978. Л., 1981. С. 121—125.

[8] *Анна* Ивановна Вульф (1799—1835) — племянница П. А. Осиповой, с 1834 г. жена Василия Ивановича Трувеллера. 16 октября 1829 г. Пушкин писал А. Н. Вульфу „*Netty* нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь ⟨...⟩. Вот уже третий день как я в нее влюблен" (XIV, 50). Ей посвящено шутливое стихотворение Пушкина „За Netty сердцем я летаю" (1828).

[9] *Анна* — лицо неустановленное. Возможно, это одна из трех сестер Ермолаевых (см. прим. 10).

[10] *Варвара* — Т. Г. Цявловская предполагает, что это может быть неизвестная нам Варвара, нарисованная Пушкиным на л. 46 об. альбома, с подписью „Варвара мученица". „Судя по одежде, — пишет Цявловская, — она могла быть горничной, и вероятнее всего, Ушаковых" (Рукою П. С. 636). Однако имя горничной не вписывается в общий контекст списка, где собраны дамы и девицы благородного происхождения. Возможно, что идущие подряд три имени Анна, Елизавета и Варвара имеют в виду сестер Ермолаевых, дочерей старицкого помещика Дмитрия Ивановича Ермолаева. По свидетельству их родственницы Е. Н. Вревской, Пушкин „не мог свести Лизу с ума, хотя и старался" (П. и совр. Вып. XXI—XXII, по указ.). Не исключено, что внимание поэта привлекли и младшие сестры Елизаветы — Варвара и Анна (род. ок. 1812 г.).

[11] Т. Г. Цявловская и Б. В. Томашевский считают наиболее подходящей кандидатурой для упомянутой Елизаветы Елизавету Михайловну Хитрово (1783—1839). Но в таком случае список теряет свою смысловую доминанту — Е. М. Хитрово была влюблена в Пушкина, но не пользовалась его взаимностью.

[12] *Надежда* — возможно, Надежда Борисовна Святополк-Четвертинская (1812—1909) — племянница В. Ф. Вяземской. Она хорошо помнила свою молодость и рассказывала своему правнуку, как она танцевала с Пушкиным на балах и как он бывал у них в доме (см.: Звенья. Кн. 3—4. С. 231; Кн. 9. С. 326).

[13] Графиня *Аграфена* Федоровна Закревская (1799—1879). Ей посвящены три стихотворения 1829 г. „Портрет" („С своей пылающей душой..."), „Наперсник", „Счастлив, кто избран своенравно...". Существует предположение, что Закревская явилась прототипом Вольской в отрывке „Гости съезжались на дачу" (1828) и что ей адресовано стихотворение „Когда твои младые лета..." (1829) (см.: *Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине. М., 1925. С. 29).

[14] *Любовь* — лицо неустановленное.

[15] *Ольга* — вероятно, Ольга Михайловна Калашникова (род. 1806), дочь М. И. Калашникова, управлявшего Михайловским, а потом Болдиным; „крепостная любовь" Пушкина во время ссылки в Михайловское в 1824—1826 гг. (см. о ней: *Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928. С. 7—58. Гл. „Крепостная любовь Пушкина").

[16] *Евгения* — лицо неизвестное. Возможно, это мать драматической актрисы Александры Михайловны Колосовой Евгения Ивановна (1782—1869), танцовщица петербургского театра. По воспоминаниям дочери, Пушкин часто бывал в их доме в 1818—1819 гг. и пользовался расположением ее матери. Та в это время была еще достаточно молода и привлекательна (П. в восп. Т. 1. С. 199—200).

[17] *Александра* — по-видимому, это Александра Александровна Римская-Корсакова (1803—1860). По словам Вяземского, сестры Римские-Корсаковы отличались красотой, „осо-

бенно одна из них, намеками воспетая в «Онегине»", была душою и прелестью собраний в доме родителей (Вяземский. Т. 7. С. 170). Ей посвящены стихи LII строфы 7 главы „Евгения Онегина": „Красавиц много на Москве..." и т. д. (1827—1828). Римскую-Корсакову Пушкин собирался вывести в незавершенном „Романе на Кавказских водах" (1831).

[18] *Елена* — Т. Г. Цявловская называет несколько женщин с именем Елена, которых мог иметь в виду Пушкин, это Елена Николаевна Раевская (1804—1852), которой посвящено стихотворение „Увы, зачем она блистает..." (1820), княжна Елена Михайловна Горчакова (1794—1855) в замужестве Кантакузен, сестра лицейского товарища Пушкина, которой он посвятил стихотворение „Красавица, которая нюхала табак" (1814) и с которой позднее общался в Кишиневе, и, наконец, Елена Федоровна Соловкина (ум. не позже 1826 г.). По словам Липранди, Пушкин был увлечен Соловкиной и „иногда бредил" ею (П. в восп. Т. 1. С. 294). К одной из двух последних Цявловская относит строки из написанной в пору знакомства с ними „Гавриилиады" — „Елену видел я".

[19] *Елена* — с этим именем Б. В. Томашевский связывает упомянутую выше Е. Ф. Соловкину (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 372). Цявловская полагает, что это может быть неизвестная нам Елена, которая упомянута в строках лишь начатого стихотворения 1829 г. „Зачем, Елена, так пугливо..." (Рукою П. С. 637).

[20] *Татьяна* — возможно, Татьяна Дмитриевна Демьянова (1810—1876), цыганка, певица московского цыганского хора. Накануне женитьбы Пушкина пела ему подблюдную песню „Ах матушка, что в поле так пыльно...". Ее рассказы о Пушкине записаны Б. М. Маркевичем (см.: *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 136—142).

[21] *Авдотья* — скорее всего, Евдокия (Авдотья) Ивановна (1804—1845) Овошникова — воспитанница Театрального училища (выпуска 1822). Петербургская знакомая Пушкина, дама сердца Н. В. Всеволожского. Она упоминается в послании к Всеволожскому „Прости, счастливый сын пиров..." (1819) и в программе романа „Русский Пелам".

ХОЛЕРА

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 280—282. Более полно (с воспроизведением зачеркнутых слов) Д. Н. Сапожниковым в его статье „Вновь найденные рукописи Пушкина" (РА. 1899. Кн. 1, вып. 2. С. 355—357).

Сохранился черновой автограф (карандаш) на шести листах: ПД, № 824.

Датируется 3 октября—началом (до 5-го) ноября 1830 г., т. е. временем между первой и второй попытками Пушкина прорваться из Болдина через карантины в Москву (см. его письма к П. А. Плетневу от 20 сентября, к Н. Н. Гончаровой от 18 и 26 ноября и к М. П. Погодину от конца ноября 1830 г. — XIV, 419, 420, 421). В заметке рассказывается только о первой попытке. Прерванный рассказ позволяет предположить, что заметка написана до второго карантинного „мытарства" Пушкина.

Принятая Т. Г. Цявловской, Б. В. Томашевским, О. С. Соловьевой, Г. В. Красновым, Н. Е. Мясоедовой предположительная датировка — 1831 г. (см.: XII. С. 472; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 472; *Соловьева О. С.* Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 г. Краткое описание. М.; Л., 1964. № 826; *Краснов Г. В.* Болдинские страницы Пушкина. Горький, 1984. С. 142; *Пушкин А.* Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 334 — комментарий Н. Е. Мясоедовой), очевидно, опиралась 1) на дату, указанную самим Пушкиным: в начале заметки он называет конец 1826 г., когда происходил его разговор с „дерптским студентом", предсказавшим появление холеры в России через пять лет (т. е. в 1831 г.); 2) на первоначальный вариант текста, где вместо слов „...променял свои книги на польские грязи" было „...ныне он гусарский офицер и давно променял свои книги ⟨...⟩ на гнедую лошадь и на настоящую войну" (XII, 429). Под „настоящей войной" в этом случае имелись в виду действия царских войск в Польше, которые начались в феврале и закончились в сентябре 1831 г. (см. комментарий Н. Е. Мясоедовой и работу Г. В. Краснова). Однако из содержания заметки (поездка в Нижегородскую губернию, т. е. в 1830 г. в Болдино) следует, что, говоря о пяти годах, Пушкин имеет в виду не фактический, а календарный год. Не согласуется с биографией А. Н. Вульфа и сопоставление „настоящей войны" в рукописи Пушкина с военными действиями в Польше. Вульф отправился в армию 7 февраля 1829 г., поменявшись перед отъездом с Пушкиным шубами. В это время шла русско-турецкая война, и, когда Пушкин видел его в последний раз, он ехал на ту войну. 6 сентября был заключен Адрианопольский мир, и полк, в котором служил Вульф, передислоцировался в Каменец-Подольскую губернию и только

в феврале 1831 г. был отправлен в Польшу, но участие в боях принять не успел (см.: *Вульф А. Н.* Дневник. М., 1929. С. 57 и след.). Не соотносится и само выражение „польские грязи", предполагающее бытовую, застойную обстановку, с серьезным отношением Пушкина к событиям, происходившим в Польше, и к действиям русских войск. Пушкин ожидал повторения 1812 г., т. е. движения западных народов на Россию. Польское восстание и опасение военной интервенции были значительными темами его стихов, писем, разговоров. „Того и гляди навяжется на нас Европа", — писал он Вяземскому 1 июня 1831 г. (XIV, 196). Е. Е. Комаровский вспоминает слова Пушкина: „...теперь время чуть ли не столь грозное, как в 1812 году" (РА. 1879. Кн. 1. С. 385). Когда Пушкин уезжал в Болдино, Ал. Н. Вульф был вместе с полком под Каменец-Подольском, где они стояли в небольших деревушках, а Каменец-Подольская губерния до 1793 г. принадлежала Польше: там сохранилось и польское население, и язык, и обычаи, и захолустная обстановка недавней польской провинции с ее осенними „грязями" на дорогах.

[1] *Дерптский студент* — Алексей Николаевич Вульф (1805—1881), сын П. А. Осиповой от первого брака. В 1822—1826 гг. был студентом Дерптского университета. С 1829 г. — унтер-офицер Гусарского полка принца Оранского.

[2] Холера азиатская, или индийская, появилась в Закавказье, Тифлисе и Баку в 1823 г. С 1829 г. распространилась по России, в Европу (в Пруссию, Австрию, Англию) была занесена в 1831 г.

[3] *Молдаванская княгиня* — лицо неизвестное.

[4] Пушкин ехал в Нижегородскую деревню, чтобы вступить во владение деревней Кистенево, выделенной ему отцом перед женитьбой. Из Москвы он выехал 1 или 2 сентября 1830 г. (см. письмо П. А. Вяземского к Е. М. Хитрово от 2 сентября 1830 г. — РА. 1899. Кн. 2. С. 85).

[5] О каком письме Вяземскому пишет Пушкин — неизвестно, но, очевидно, это же письмо послужило источником письма самого Вяземского к Е. М. Хитрово от 2 сентября 1830 г. Вяземский в это время находился в своем подмосковном имении Остафьево. Оттуда он и пишет следующее: „Из некоторых губерний приходят к нам сюда довольно печальные известия. Cholera morbus делает на них свои опустошения. Но не беспокойтесь: это не в той стороне, куда уехал Пушкин" (РА. 1899. Кн. 2. С. 86).

[6] О своем посещении лагеря зачумленных в Арзруме Пушкин пишет в „Путешествии в Арзрум" (см. с. 154 наст. изд.).

[7] *Макарьевская ярманка* — большой торг на Средней Волге. С середины XVII в. он происходил в г. Макарьеве, а в 1817 г. перекочевал в Нижний Новгород. Обычно ярмарка продолжалась с 15 июля по 15 августа.

[8] О беспорядках, производимых карантинами, ср. дневниковую запись от 26 июля 1831 г. (с. 26 наст. изд.).

[9] Скорее всего, Пушкин взял с собой в Болдино книгу „Spesimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge" (In 2 v. London, MDCCCXXXV), которая сохранилась в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 760).

[10] В Болдине осенью 1830 г. Пушкин написал „Сказку о попе и работнике его балде" и „Сказку о медведихе".

[11] Холера появилась в Москве в 10-х числах сентября. В дневнике П. А. Вяземского 3 октября записано: „Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве" (*Вяземский.* Т. 9. С. 140). Въезд в Москву был закрыт 1 октября 1830 г. (см. в письме Ф. Кристина к С. А. Бобринской от 2 октября 1830 г.: „Со вчерашнего дня Москва заперта, в течение 12 дней ее покинуло 60 тысяч человек. Теперь никто не выедет и не въедет без нового распоряжения... Все кричат о страшной опасности..." (РА. 1884. Кн. 3. С. 141).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО ПУШКИНА

Генеалогическая запись Пушкина, устанавливающая родство его родителей, сохранилась в копии П. И. Бартенева на листке, вплетенном в одну из его пушкинских тетрадей.

Впервые напечатано: *Цявловский М. А.* Из пушкинианы П. И. Бартенева // Летописи Гос. Литературного музея. М., 1936. Кн. 1. С. 536.

В собр. соч. входит начиная с академического издания (XII, 473).

Датируется предположительно 1830-м годом, когда Пушкин писал свое „Опровержение на критики", где впервые подробно рассказывает о своих предках.

[1] Здесь Пушкиным допущена неточность. Прадед его по матери Алексей Пушкин, женатый на Сарре Юрьевне Ржевской, был не Алексеем Петровичем, а Алексеем Федоровичем. По записи Пушкина выходит, что отец поэта приходился своей жене троюродным братом, тогда как в действительности он приходился ей троюродным дядей. Согласно этой записи, Пушкин и писал в „Начале автобиографии": „...дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводился внучатым братом моей матери)" (см. с. 60 наст. изд.).

[2] Дед поэта по матери Осип Абрамович Ганнибал (род. в 1744 г.) умер не в 1807, а в 1806 году.

⟨ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ⟩

При жизни Пушкина была опубликована одна заметка „Habent sua fata libelli", с сокращениями, в альманахе Максимовича „Денница на 1831 год" (М., 1830. С. 124—130) под названием „Отрывок из рукописи Пушкина („Полтава")" со следующим примечанием: „Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел". Одиннадцать заметок („Наши критики долго оставляли...", „Кстати о грамматике...", „Вот уже 16 лет, как я печатаю...", „Разговорный язык простого народа...", „Московский выговор чрезвычайно изнежен...", „Г. Федоров в журнале, который начал было издавать..." „Шестой песни не разбирали...", „Мы так привыкли читать бранчливые критики...", „Habent sua fata libelli") напечатано в „Сыне отечества" (1840. Т. 2, кн. 3). Все эти заметки, с добавлением еще 21-й („Будучи русским писателем...", „«Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно...", „«Кавк⟨азский⟩ плен⟨ник⟩» — первый неудачный опыт...", „«Бахч⟨исарайский⟩ фонт⟨ан⟩» слабее «Пленника»...", „Не помню, кто заметил мне, что невероятно...", „У нас многие...", „Иностранные собств⟨енные⟩ им⟨ена⟩...", „Как надобно писать: *Турков* или *Турок*...", „Многие пишут *юпка*...", „*Двенадцать*, а не *двѣнадцать*...", „Пишут *тѣлега, телѣга*...", „Пропущенные строфы подавали неоднократно повод...", „Критику 7-ой песни в «Сев⟨ерной⟩ Пчеле»...", „Шутки наших критиков приводят иногда...", „Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении...", „О Цыганах одна дама заметила...", „Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...", „Между прочими литературными обвинениями...", „«Граф Нулин» наделал мне много хлопот...", „В «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩»...", „Безнравственное сочинение...") напечатаны в посмертном собр. соч. (Т. 11. С. 11) в разделе, который имеет название „Отрывки из записок Пушкина" (в оглавлении он называется: „Отрывки: литературные, критические, грамматические замечания"). Еще более полно опубликовал заметки Анненков, добавив к названным выше заметку „В другой газете объявили, что я собой весьма неблагообразен..." (Материалы. С. 299). Наконец, объем частичных публикаций завершил В. Е. Якушкин, напечатав еще семь заметок („Шпионы подобны букве ъ", „Сам съешь", „В одной газете (почти официальной)...", „В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве...", „Иной говорит: какое дело критику или читателю...") в „Рус. старине" (1884. Декабрь. С. 291—295).

В позднейших изданиях заметки разделялись на несколько групп, например: „Заметки о ранних поэмах", „Заметки об «Евгении Онегине»" и т. п. (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к журн. „Красная нива" на 1930 г. Л., 1931. Т. 5. С. 510—526). Состав и число этих циклов не отличались постоянством.

Впервые в соответствии с расположением заметок в рукописи они размещены в Большом академическом издании (XI, 143—174). Здесь же заметкам дано редакторское название „Опровержение на критики". Заглавие опирается на определение самого Пушкина: „...вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения" (там же, 144).

В процессе работы Пушкин задумал статью „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений", в которую предполагал поместить часть уже написанных заметок. Сохранился план „Опыта", однако работа эта не была доведена до конца. Поэтому академическое издание печатает заметки Пушкина в том виде, как он их писал, повторяя некоторые в отдельно выделенной статье с пушкинским заголовком „Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений".

В 1962 г. Ю. Г. Оксман сделал попытку реконструкции текста „Опыта" на основе пушкинского „Плана" (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 324—351), однако реконструкция эта представляется спорной — мы не всегда можем быть уверены в том, какие заметки

выбрал бы Пушкин для наполнения своего плана и каким изменениям подверглись бы они при окончательном оформлении статьи.

Черновые автографы: ПД, № 1077 („Будучи русским писателем..."); ПД, № 1078 („«Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно...", „«Кавк⟨азский⟩ плен⟨ник⟩» — первый неудачный опыт...", „Бахч⟨исарайский⟩ фонт⟨ан⟩ слабее Пленника...", „Не помню, кто заметил мне, что невероятно...", „Наши критики долго оставляли меня...", „Пропущенные строфы подавали неоднократно повод...", „Кстати о грамматике...", „У нас многие...", „Иностранные собств⟨енные⟩ имена...", „Как надобно писать *Турков* или *Турок*...", „Вот уже 16 лет, как я печатаю...", „Многие пишут *юпка*...", „*Двенадцать*, а *не двънадцать*...", Пишут *тѣлега, телѣга*...", „Разговорный язык простого народа...", „Московский выговор чрезвычайно изнежен...", „Шпионы подобны букве ъ", „Г. Федоров в журнале, который начал было издавать...", „Шестой песни — не разбирали..."); ПД, № 1079 („Критику 7-ой песни в «Сев.⟨ерной⟩ Пчеле»...", „Шутки наших критиков приводят иногда...", „Молодой Киреевский, в красноречивом и полном мыслей обозрении...", „*Сам съешь*", „Отчего издатели «Лит⟨ературной⟩ Газеты»...", „В одной газете (почти официальной)...", „Возвратясь из-под Арзрума, написал я..."); ПД, № 1080 („О Цыганах одна дама заметила...", „Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха...", „Между прочими литературными обвинениями...", „Мы так привыкли читать ребяческие критики...", Вставка („Но от кого бы я ни происходил...") и примечание к заметке „В одной газете официально сказано было..."); ПД, № 1081 („«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот...", „В «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩»...", „Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста...", „Перечитывая самые бранчливые критики...", „*Habent sua fata libelli*...", „Кстати о «Полтаве»...", „Прочитав в первый раз в «Войнаровском»...", „В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве...", „Один из великих наших сограждан...", „В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен...", „Иной говорит: какое дело критику или читателю...").

Датируется сентябрем—октябрем 1830 г.

[1] Имеется в виду „Певец во стане русских воинов" В. А. Жуковского.

[2] Цитата из комедии Мольера „Мизантроп" (д. 1, явл. 2). У Мольера: „fort bons".

[3] Пушкин цитирует рецензию не на „Полтаву", а на седьмую главу „Евгения Онегина", написанную С. Раичем и напечатанную в № 14 „Галатеи" за 1830 г. У Раича: „Стихи, которые сами себя рекомендуют с невыгодной стороны".

[4] О „карантинном заключении" см. набросок „Холера" на с. 70 наст. изд.

[5] „Одной статьей в «В⟨естнике⟩ Е⟨вропы⟩»" Пушкин называет „Письмо к редактору" (1820. № 11), подписанное „Житель Бутырской слободы". По свидетельству М. П. Погодина, автором ее был А. Г. Глаголев.

[6] В № 20 „Сына Отечества" за 1820 г. было напечатано „Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила»"за подписью N. N. Оно состояло из вопросов, отмечавших недостатки поэмы, и было написано Д. П. Зыковым (1798—1827), другом и единомышленником Катенина и с 1823 г. членом тайного Северного общества.

[7] „*Двенадцать спящих дев*" — поэма Жуковского. О соотношении ее с поэмой Пушкина „Руслан и Людмила" см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 331—335, 360.

[8] Критический разбор 4-й и 5-й глав „Евгения Онегина" был напечатан в № 4 журнала за 1828 г. Пушкин начал писать ответ, но не закончил его (XI, 70—71).

[9] Пушкин имеет в виду следующие ошибки: 1. В „Кавказском пленнике" первоначально читалось:

Остановлял он долго взор
На отдаленные громады.

Ошибка была отмечена Плетневым в № 10 „Соревнователя просвещения".
2. В „Руслане и Людмиле" (песнь 3) первоначально было:

На теме полунощных гор.

3. В стихотворении „Буря" (Московский вестник. 1827. № 2) было напечатано:

И ветер воил и летал.

4. В издании „Полтавы" (СПб., 1829) примечание 4 читалось: „Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но был отказан". Ошибку отметил Н. И. Надеждин (Вестник Европы. 1829. № 9).
5. В сцене из „Бориса Годунова" „Ночь. Келья в Чудовом монастыре", напечатанной в „Московском вестнике" (1827. № 1), были два стиха:

А грозный царь, игуменом смиренным
. . . .
Он говорил игумену и братьи.

В отдельном издании драмы (СПб., 1831) эти стихи читаются так:

А грозный царь игумном богомольным
. . . .
Он говорил игумну и всей братье.

[10] В рецензии на роман Загоскина „Юрий Милославский, или Русские в 1812 году" (Литературная газета. 1830. № 5) Пушкин писал о „некоторых погрешностях противу языка" в романе (XI, 93). Возможно, Загоскина он имел в виду, говоря о Г⟨осподине⟩**.

[11] Заметку о пропущенных строфах Пушкин частично использовал в предисловии к изданию последней главы „Евгения Онегина" в 1832 г. (VI, 642).

[12] Б. Федоров в журнале „Санктпетербургский зритель" (1828. № 1) поместил рецензию на четвертую и пятую главы „Евгения Онегина". На замечания Федорова Пушкин отвечал в примечаниях к роману.

[13] В отдельном издании шестой главы „Евгения Онегина" (СПб., 1828) напечатано: „Sed altri tempora" вместо „Sed alltri tempora".[1]

[14] Резко отрицательный отзыв Булгарина напечатан в „Северной пчеле" (1830. № 25, 39). Пушкин собирался ответить на него в предисловии к двум последним главам романа, но отказался от этого намерения. Его ответ см.: VI, 539—542.

[15] В черновой рукописи вместо слов „описание Москвы взято из «Ивана Выжигина»" было: „Стихи

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядят

взяты из «Ивана Выжигина». Весь отрывок был напечатан в «Северной пчеле» года два прежде появления «Выжигина». А неправильное выражение *Архивны юноши* принадлежит не мне, а приятелю моему Соболевскому".

[16] Пушкин цитирует рецензию на „Северные цветы", напечатанную в „Вестнике Европы" (1830. № 2). В „Сыне Отечества" Булгарина была напечатана бранная статья против Дельвига, где, в частности, говорилось: „Если бы немцы знали по-русски, то сказали бы то же самое, что «Вестник Европы» — это стихи! — хи, хи, хи!".

Называя 1830 г. „прошлым", Пушкин имел в виду, что статья его будет напечатана в „Литературной газете" в 1831 г.

[17] Пушкин имеет в виду статью И. Киреевского „Обозрение русской словесности 1829 года", напечатанную в альманахе М. Максимовича „Денница... на 1830 год" (М., 1830).

[18] *...колкое стихотворение...* — эпиграмма Баратынского „Писачка в Фебов двор явился", напечатанная в „Литературной газете" (1830. № 33). На эпиграмму ответил Н. Полевой пародией „Пришел поэт и пущен на Парнас" (см.: Новый живописец. Приложение к „Московскому телеграфу". 1830. № 13). Пародия была подписана „Гамлетов".

[19] Стихотворение Пушкина „Собрание насекомых" (Подснежник на 1830 год. СПб., 1830) вызвало резкие и грубые пародии, напечатанные в „Вестнике Европы" (1830. № 8) и в „Московском телеграфе" (1830. № 8).

[20] В 1830 г. начались резкие нападки Булгарина на „литературную аристократию" — издателей и участников „Литературной газеты". Пушкин напоминает, что сам Булгарин прежде смеялся над купеческим происхождением Полевого.

[21] В „Северной пчеле" (1830. № 94) был напечатан пасквиль Булгарина „Второе письмо из

---

[1] Но времена иные!

Карлова на Каменный остров", где в издевательских тонах писалось об участниках „Литературной газеты", о самом поэте и о его прадеде Абраме Ганнибале, якобы купленном пьяным шкипером за бутылку рома. На памфлет Булгарина Пушкин ответил стихотворением „Моя родословная". При жизни Пушкина это стихотворение не было напечатано, и заметка Пушкина была еще одной попыткой ответить Булгарину на оскорбление. Н. И. Греч рассказывал, что пустил в оборот тот анекдот С. С. Уваров, со слов которого и пересказал его Булгарин в своей газете (см.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 702). По наблюдению В. Э. Вацуро, „манера иронически-серьезного воспроизведения журнальных нападок" заимствована Пушкиным у Бомарше (см.: *Вацуро В. Э.* Пушкин и Бомарше. (Заметки) // П. Исслед. и мат. Л., 1974. Т. 7. С. 214).

[22] В „Московском телеграфе" (1830. № 10) был напечатан памфлет Н. Полевого „Утро в кабинете знатного барина", где высмеивался Пушкин, якобы пришедший к Юсупову, чтобы поднести ему свое послание.

[23] *„Минерва"* — французский политический журнал, выходивший в 1818—1820 гг. Редактором его был Б. Констан. В журнале печатались фельетоны Жуи под названием „Пустынник в провинции", содержавшие сатирические нравоописательные очерки современной провинциальной жизни. По мнению Томашевского, „возможно, Пушкин имел в виду этот нравоописательный жанр в духе модных тогда «Пустынников»" (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 482).

[24] В апреле 1825 г. Рылеев писал Пушкину: „...характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и сбирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом" (XIII, 169). Такого же мнения придерживался и Вяземский. В рецензии на „Цыган", напечатанной в „Московском телеграфе" (1827. № 10), он писал: „Не хотелось бы видеть, как Алеко по селениям водит с пеньем медведя. Лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми".

[25] В „Северной пчеле" (1830. № 40) писали: „VII глава «Онегина» стоит 5 рублей. За пересылку прилагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12-ю долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 рублей. Первая часть сего романа в стихах еще не вышла в свет, а потому и невозможно определить цены всего сочинения". Ср. в рецензии на отдельное издание романа в „Московском телеграфе" (1833. № 6): „До сих пор «Онегин» продавался ценою, мало слыханною в летописях книжной торговли: за 8 тетрадок надобно было платить 40 рублей! Много ли тут было лишнего сбору, можно судить по тому, что теперь «Онегин», с дополнениями и примечаниями, продается по 12 рублей. Хвала поэту, который сжалился над тощими карманами читающих людей! Веселие Руси, в которой богатые покупают книги так мало, а небогатым покупать «Онегина» было так неудобно!" На издевательские отзывы рецензентов Пушкин собирался отвечать в одном из незаконченных стихотворений „Ты мне советуешь, Плетнев любезный" (см.: *Левкович Я. Л.* Наброски послания о продолжении „Евгения Онегина" // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 264—266).

[26] Термин *народный* был употреблен Вяземским в полемике по поводу „Бахчисарайского фонтана". В своем ответе М. И. Дмитриеву в „Дамском журнале" (1824. № 8) он писал: „У нас слово народный отвечает одно двум французским словам: populaire et national".

[27] В заметке Пушкин вспоминает рецензию Надеждина на „Графа Нулина" в „Вестнике Европы" (1829. № 3).

[28] В альманахе „Памятник отечественных муз... на 1827 год" Б. Федоров без ведома Пушкина напечатал пять его стихотворений, в том числе и лицейское стихотворение „Фавн и пастушка". О. М. Сомов писал по этому поводу в „Северных цветах" на 1829 г.: „В «Памятнике отечественных муз» на 1827 год напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина «Фавн и пастушка», от которого поэт наш сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой".

[29] В альманахе М. А. Бестужева-Рюмина были напечатаны за подписью „Ап" (т. е. „Anonime") семь стихотворений, из которых шесть принадлежало Пушкину („К Чаадаеву", „Моя эпитафия", „Орлову", „К Каверину", „Юрьеву", „Ее глаза") и одно Вяземскому. Стихи Пушкина печатались под произвольными заглавиями. Стихи были напечатаны вопреки протестам, которые подавали в Цензурный комитет Дельвиг и доверенное лицо Пушкина — Плетнев. Подробно историю этой публикации см.: *Левкович Я. Л.* К истории статьи Пушкина „Альманашник" // П. Исслед. и мат. Т. 1. С. 272—276.

[30] Выражение из сатиры И. Дмитриева „Чужой толк", где автор утверждает, что целью новых поэтов является иль дружество с князьком,

Иль похвала своих писателей, а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.

[31] *Habent sua fata libelli* — стих Тарентиана Мавра, жившего в 3-м веке нашей эры. Заметка, кончая словами „ужасного предмета", была напечатана в альманахе М. Максимовича „Денница". В рукописи „Опровержения" Пушкин зачеркнул следующее начало: „Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще не главное), «Полтава», которую Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, «Полтава» не имела успеха". По цензурным соображениям было пропущено упоминание о Кюхельбекере: „Низкими словами я, как В. Кюхельбекер, почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь низкие понятия, например, наливаться вместо напиться пьяным и т. п."

[32] Речь идет о рецензиях Булгарина в „Сыне Отечества" (1829. № 15 и 16) и Надеждина в „Вестнике Европы" (1829. № 8 и 9).

[33] Н. В. Измайлов полагает, что Пушкину могли быть известны письма, которыми обменялись Кочубей и Мазепа по поводу увоза Мазепой дочери Кочубея, а также любовные письма Мазепы к Матрене Кочубей. Они сохранились в копиях, современных „делу" Кочубея. Их знал Д. Н. Бантыш-Каменский, который пытался включить их в 1822 г. в свою „Историю Малой России". Попытки эти были безуспешны. Подробнее см.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 29—31.

[34] Цитата из комедии Я. Княжнина „Хвастун".

[35] Пушкин перечисляет персонажей из „Метаморфоз" („Превращений") Овидия: Леду, возлюбленную Юпитера, явившегося к ней в образе лебедя; Фелиру, любовницу Сатурна, превратившегося в коня; Пазифаю, которая родила от Минотавра; Пигмалиона, полюбившего изваянную им статую, и Мирру, бывшую в кровосмесительной связи с отцом. На тему о Мирре написал трагедию Альфиери (1791).

[36] В „Сыне Отечества" пушкинский Мазепа назван „безрассудным и мстительным старичишкой", „злым дураком", в „Вестнике Европы" — „лицемерным и бездушным старичишкой".

[37] Пушкин приводит цитату из „Войнаровского" Рылеева.

[38] В черновой рукописи вместо „несколько дней" читаем „неделю", „2 недели" (XI, 405). Первые наброски поэмы были сделаны еще весной 1828 г., но в основной своей части поэма писалась действительно очень быстро: первая песнь в значительной части написана в конце сентября 1829 г., вторая написана и перебелена к 9 октября, третья закончена к 16 октября (см.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. С. 6).

[39] *В одной газете...* — в „Северной пчеле" (1830. № 94) Булгарин, в статье „Второе письмо из Карлова" обрушившись на „литературную аристократию", писал: „Не могу удержаться от смеха, когда подумаю, что они ⟨сотрудники „Литературной газеты"⟩ приняли это за правду и в ответ на это заговорили в своем листке о дворянстве! Жаль, что Мольер не живет в наше время. Какая неоцененная черта для его комедии ⟨речь идет о комедии „Мещанин во дворянстве"⟩". Здесь же Булгарин рассказал и цитированный выше анекдот о негре, купленном за бутылку рома.

[40] Комментарий к родословной Пушкина см. с. 270—273 наст. изд.

ЗАМЕТКА О „ГРАФЕ НУЛИНЕ"

Впервые опубликована: Анненков. Материалы. С. 167.

Черновой автограф: ПД, № 306, л. 1—1 об. Печатается по черновому автографу.

Датируется 1830 г. по связи с другими заметками этого рода (см.: „Опровержение на критики").

К „утерянным запискам" Пушкина относит эту заметку Анненков (Анненков. Материалы. С. 167).

[1] В тексте здесь описка. Имя Публия Валерия (*Публиколы*) Шекспиром упомянуто только в кратком содержании, предваряющем поэму „Лукреция". В самой поэме его нет. Мужем Лукреции был Коллатин, упоминаемый Титом Ливием в его передаче римской легенды об изгнании царей и в поэме Шекспира.

[2] Происшествие в *Новоржевском уезде*, по рассказам современников, случилось с Алексеем Вульфом, ухаживающим за одной поповной.

[3] Ю. М. Лотман установил, что *странные сближения* являются реминисценцией одного из писем Л. Стерна: „Мелкие события, Санчо, сближаются столь же странно, как и великие". Лотман цитирует эту фразу по французскому переводу, которым пользовался Пушкин в книге: *Stern L.* Oeuvres completes de l'anglais. Paris, 1825. T. 3. P. 480. Лотман отмечает также, что „вопрос о «странных сближениях» в сфере исторических событий был поставлен еще в античности", в сочинениях Плутарха, которые были известны Пушкину. „Плутарх обратил внимание на закон повторяемости по отношению не только к крупным историческим событиям, но и к частным их деталям: «Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, не приходится, пожалуй, удивляться тому, что часто происходят сходные между собой события. Действительно, если количество основных частиц мироздания неограниченно велико, то в самом богатстве своего материала судьба находит щедрый источник для созидания подобий; если же, напротив, события сплетаются из ограниченного числа начальных частиц, то неминуемо должны помногу раз происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами»" (*Лотман Ю. М.* Три заметки к пушкинским текстам // Временник ПК. 1974. Л., 1977. С. 89—90). В заметке отразились и размышления Пушкина о роли случая в истории и в своей собственной судьбе (см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 15—16). О роли „случая" у Пушкина см. также: *Вацуро В. Э.* 1) Пушкин в сознании современников. М., 1974. Т. 1. С. 16—17; 2) Из разысканий о Пушкине: Пушкинский анекдот о Павле I // Временник ПК. 1972. Л., 1974. С. 100—104.

ДЕЛЬВИГ

I

Впервые напечатано: *Пушкин А. С.* Сочинения. СПб., 1841. Т. 11. С. 57—60.

Беловой автограф: ПД, № 326, л. 1—5. Печатается по беловому автографу.

Датируется предположительно 1834 г.

II

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 279—280. Первоначальные варианты автографа впервые напечатаны Н. А. Козминым в Академическом издании собр. соч. Пушкина (Л., 1929. Т. 9, кн. 2. С. 417).

Автограф беловой с поправками: ПД, № 327. Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1834—1836 гг.

После смерти Дельвига (14 января 1831 г.) Пушкин считал необходимым написать его биографию. 31 января 1831 г. он писал Плетневу: „Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит*. — Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это" (XIV, 148—149) — и еще раз этот замысел упоминается в письме от 22 февраля: „Что же ты мне не отвечал про жизнь Дельвига? Бар<атынский> не на шутку думает об этом. Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится. Но надобно подробностей — изложения его мнений — анекдотов, разбора его стихов etc. — —" (XIV, 152). Замысел коллективной биографии не был осуществлен, и Пушкин, по-видимому, решил его осуществить один, но ограничился только описанием становления поэтического таланта Дельвига и записью о своей последней встрече с ним. По справедливому замечанию В. С. Листова, „если бы Пушкину удалось завершить биографию Дельвига, то вся она, по-видимому, должна была «уложиться» между этими набросками. Они как бы отмечают собой начало и конец задуманного мемуарного сочинения" (см. его „К истории пушкинских заметок о Дельвиге" в кн.: Временник ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 171—172).

[1] Имеется в виду В. К. Кюхельбекер.

[2] Ода „На взятие Парижа" была напечатана в „Вестнике Европы" (1814, № 12, июнь) за подписью „Русский".

[3] Речь идет о стихах А. Д. Илличевского.

[4] В. С. Листов объяснил, почему Пушкин запомнил точную дату последней встречи с Дельвигом. 9 августа были именины Дельвига, которые праздновались тогда последний раз.

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Впервые (без подписи Пушкина) напечатано в „Северных цветах" на 1828 г. в составе 26 отрывков с пропуском двух заметок: „Стерн говорит..." и „Идиллии Дельвига для меня удивительны...". Первая опубликована Б. Л. Модзалевским (Рус. современник. 1924. № 2. С. 192), вторая — в „Современнике" (1846. № 4. С. 78) и в „Русском архиве" (1877. Кн. 3. С. 370).

В собр. соч. Пушкина входит с указанными пропусками начиная с издания под редакцией П. В. Анненкова (Материалы. Т. 5. С. 18).

Черновые автографы некоторых заметок — в тетради (ПД, № 833, л. 38, 40, 42 об., 46, 47 об., 56 об., 57, 58 об., 59 и ПД, № 295).

Черновые автографы замечаний — в тетрадях (ПД, № 833; ПД, № 836; ПД, № 834; ПД, № 293 и ПД, № 296).

Автографы: „Ученый без дарования" (ПД, № 833, л. 42 об.); „Жалуются на равнодушие..." (ПД, № 834, л. 2); „Мне пришла в голову..." (ПД, № 833, л. 47 об.); „Чем более мы холодны..." (ПД, № 833, л. 46); „Никто более Баратынского..." (ПД, № 833, л. 38); „Примеры невежливости..." (ПД, № 295); „Тредьяковский пришел однажды..." (ПД, № 293);„Un sonnet..." (ПД, № 833); „Tous les genres..." (ПД, № 833, л. 40 и 42 об.); „Иностранцы, утверждающие..." (ПД, № 833, л. 58 об.); „Гордиться славою..." (ПД, № 833, л. 53 об.); „Байрон говорил..." (ПД, № 833, л. 56 об.); „Милостивый государь..." (ПД, № 836, л. 30); „Coquette, prude..." (ПД, № 836, л. 30); „Некоторые люди..." (ПД, № 293); „Должно стараться..." (ПД, № 836, л. 30); „Появление «Истории Государства Российского»" — выписка из Записок Пушкина; „Идиллии Дельвига" (ПД, № 293).

Не сохранились рукописи отрывков „Однообразность в писателе доказывает...", „Стерн говорит...", „Один из наших поэтов...", „Все, что превышает геометрию...", „Путешественник Ансло...", „Л., состаревшийся волокита...", „Вдохновение есть расположение...", „Сказано: Les sociétés...", „Тонкость не доказывает...", „Москва девичья..." и „Французская словесность..."

[1] Эта заметка не была напечатана в „Северных цветах", очевидно, по цензурным соображениям. Пушкин цитирует „Сентиментальное путешествие" Стерна (1768).

[2] В рукописи далее следовало: „Руссо заметил уже, что ни одна из женщин-писательниц не доходила дале посредственности — кроме Сафы *и еще одной*, говорит Руссо, разумея Новую Элоизу, которую он выдавал за невымышленное лицо. Vitam impedere vero ⟨жизнью жертвовать истине. *Лат.*⟩ Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии! нежные умы не способны к мужественному напряжению мыслей; предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут чем более вслушиваетесь в их суждения, тем более вы изумитесь кривизне и даже грубости их понятия. Рожденные с чувствительностью самой раздражительной, они плачут над посредственными романами Августа Лафонтена и холодно читают красноречивые трагедии Расина. Поэзия скользит по слуху их, не достигая души" (XI, 323—324). Весь этот „отрывок" имел в виду жалобы А. Бестужева на равнодушие „прекрасного пола ко всему, писанному на нашем родном языке" (Полярная звезда ... на 1823 год. СПб., 1822. С. 43). Впоследствии Пушкин отказался от своих скептических высказываний о женщинах (см. его „Рославлев" — VIII, 149—158 и „Table talk" — наст. изд., с. 111).

[3] Отрывок „Примеры невежливости" имел следующее окончание: „Кстати или некстати некоторые критики, добровольные опекуны прекрасного пола, разбирая сочинения, замечают обыкновенно, что такие-то слова, выражения, описания дамам читать будет неприлично, как

слишком простонародные, низкие. Как будто остроумная басня Крылова или описания шотландских кабаков в романах Вальтера Скотта должны непременно оскорблять чувство модной дамы! Как будто женщина какое-то идеальное существо, чуждое всему земному, и должно ужасаться простых прозаических подробностей жизни!

Эта провинциальная чопорность доказывает малое знание света и того, что в нем принято и что нет.

Это-то, по несчастию, слишком у нас обыкновенно и приносит немалый вред нашей младенческой и жеманной литературе".

[4] *Один из наших поэтов...* — вероятно, Дельвиг. Похожее высказывание его приводит Вяземский в „Старой записной книжке".

[5] Цитата из „Мыслей" *Паскаля* (1623—1662).

[6] „Безупречный сонет один стоит длинной поэмы" (*франц.*) — цитата из „L'art poétique" „Искусства поэзии" Буало (1674).

[7] „Все жанры хороши, кроме скучного" (*франц.*) — цитата из предисловия Вольтера к комедии „Блудный сын" (у Вольтера: „...hors les genres ennuyeux", а не „exepté l'ennuyeux"). *Некто* — В. К. Кюхельбекер. Этот афоризм, как и предыдущий, является напоминанием о статье Кюхельбекера „О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" (Мнемозина. 1824. Ч. 2). В примечании Кюхельбекер писал: „Вольтер сказал, что все роды сочинений хороши, кроме скучного, но он сказал, что все равно хороши. Но Буало, верховный непреложный законодатель в главах толпы русских и французских Сен-Маров и Ожеров, объявил:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème!

Есть, однако же, варвары, в главах коих одна отважность предпринять создание эпопеи взвешивает уже всевозможные сонеты, триолеты, шарады и, может быть, баллады". Имени декабриста Кюхельбекера в это время употреблять в печати было нельзя.

[8] Речь идет о книге Жака-Франсуа Ансло „Six mois en Russie" ⟨ Шесть месяцев в России⟩ (Брюссель, 1827). „Какая-то грамматика" — Н. И. Греча, „роман" — „Иван Выжигин" Булгарина, „комедия" — „Горе от ума" Грибоедова. В книге Ансло она не упоминается, но замечание Пушкина, по-видимому, сделано специально, чтобы выразить свое отношение к комедии, которая распространялась в списках.

[9] Впервые эту мысль Пушкин высказал в полемике с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. В конце мая 1825 г. он писал Бестужеву: „У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница" (XIII, 179).

[10] *Государственное правило...* — видоизмененная цитата из предисловия к „Истории государства Российского" Карамзина. У Карамзина: „...добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному".

[11] *Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!* — цитата из басни Лафонтена „Старик и трое молодых".

[12] Взятие Измаила описано в восьмой песне „Дон-Жуана" (строфа LXIII), поездка Дон-Жуана в Петербург — в девятой песне (строфа XXX).

[13] *Сон Сарданапалов...* — имеется в виду монолог Сарданапала в трагедии Байрона „Сарданапал" (д. 4, явл. 1). Карикатура, о которой упоминает Пушкин, была издана не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 г. и изображала Суворова, подносящего Екатерине II отрубленные головы женщин и детей после взятия Варшавы.

[14] Стихотворение направлено против М. С. Воронцова — одесского начальника Пушкина.

[15] *Coquette, prude*. В черновике афоризм оканчивался: „Prude мужского рода не имеет, но есть мужья — prudes".

[16] В. Э. Вацуро установил, что этот афоризм принадлежит П. А. Вяземскому (см.: *Вацуро В. Э.* Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // П. Исслед. и мат. Л., 1969. Т. 6. С. 163—164). Этот же афоризм встречается и в „Романе в письмах": „Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит в своем кабинете" (наблюдение А. Алешкевич; см. ее: О малых жанрах критической и публицистической прозы А. С. Пушкина

(„Отрывки из писем, мысли и замечания") // Пушкин и русская литература: Сборник. Рига, 1986. С. 72). Противопоставление двух столиц встречается в „Путешествии из Москвы в Петербург" (XI, 245) и в „Медном всаднике".

[17] Отрывок из автобиографических Записок Пушкина (см. с. 55—56 наст. изд.). В „Северных цветах" имена Каченовского, Н. Муравьева, М. Орлова, Вяземского были заменены инициалами. Слова „в государстве самодержавном" в печатном тексте отсутствовали.

[18] Этот отрывок не был напечатан, очевидно, потому, что в „Северных цветах", издателем которых был Дельвиг, похвалы ему выглядели бы бестактными. В черновом тексте отрывок имеет следующее продолжение: „...напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием; сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, тонкость соображений, дабы оградить себя от прозаического влияния остроумия и умничания, от игривой неправильности романтизма, дабы сохранить полноту и равновесие чувств".

[19] Строки эти в первоначальной редакции записаны в наброске 1825 г. „О поэзии классической и романтической" (XI, 38).

МАТЕРИАЛЫ К „ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ"

Здесь собраны заметки, которые находятся в черновиках предыдущей статьи, но не вошли в ее беловой текст.

Впервые напечатаны: „Дядя мой однажды занемог..." (Неизданный Пушкин. Пг., 1922. Публ. Н. К. Козмина); „Сумароков лучше знал...", цитата (ПиС. СПб., 1909. Кн. 12. С. 22; полностью: Неизданный Пушкин. Публ. Н. К. Козмина); „Если все уже сказано..." (П. Временник ПК. М.; Л., 1937. Кн. 3. С. 14. Публ. Б. М. Эйхенбаума); „У нас употребляют прозу..." (*Пушкин А. С.* Собр. соч. М.; Л.: Изд. АН, 1928. Т. 9. С. 399; варианты: Там же. Т. 9, кн. 2. С. 873. Публ. Н. К. Козмина); „Браните мужчин вообще..." (РС. 1884. Май. С. 350. Публ. В. Е. Якушкина; варианты: *Пушкин А. С.* Собр. соч. Изд. АН. Т. 9, кн. 2. С. 872. Публ. Н. К. Козмина); „Одна из причин жадности, с которой читаем..." (РС. 1884. Май. С. 350. Публ. В. Е. Якушкина; варианты: *Пушкин А. С.* Собр. соч. Изд. АН. Т. 9, кн. 2. С. 872—873. Публ. Н. К. Козмина); „Кс. находит..." (РС. 1884. Июнь. С. 539. Публ. В. Е. Якушкина); „Проза князя Вяземского" (РС. 1884. Июнь. С. 539. Публ. В. Е. Якушкина); „Проза князя Вяземского" (РС. 1884. Июнь. С. 539. Публ. В. Е. Якушкина); „Есть различная смелость" (РС. 1884. Июнь. С. 349. Публ. В. Е. Якушкина. Исправлено Н. К. Козминым: *Пушкин А. С.* Собр. соч. Изд. АН. Т. 9, кн. 1. С. 43—44; варианты: Там же. Т. 9, кн. 2. С. 99. Уточнено С. М. Бонди: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Прилож. к „Красной ниве" на 1930 г. Л., 1931. Т. 5. С. 331); „Повторенное острое слово..." (РС. 1884. Июнь. С. 540. Публ. В. Я. Якушкина; варианты: *Пушкин А. С.* Собр. соч. Изд. АН. Т. 9, кн. 2. С. 872).

В собр. соч. Пушкина отдельные заметки входят начиная с издания 1887 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 5. С. 60, 162, 164—165).

Черновые автографы: „Дядя мой однажды занемог..." — ПД, № 293; „Сумароков лучше знал..." — ПД, № 293; „Если все уже сказано..." — ПД, № 295; „У нас употребляют прозу..." — ПД, № 295; „Браните мужчин вообще..." — ПД, № 833, л. 46 об.; „Одна из причин жадности..." — ПД, № 833, л. 47; „Кс. находит..." — ПД, № 836, л. 30; „Проза кн. Вяземского" — ПД, № 836, л. 30; „Есть различная смелость..." — ПД, № 833, л. 45; „Повторенное острое слово..." — ПД, № 836, л. 31.

Датируются осенью 1827 г.

[1] В альманахе „Литературный музеум на 1827 год" (СПб., 1827) были напечатаны афоризмы В. Л. Пушкина под названием „Замечания о людях и обществе". Пушкин пародирует следующий афоризм своего дяди: „Многие из нас готовы на советы, редкие на услуги. Тартюф и Мизантроп превосходнее всех нынешних трилогий. Не опасаясь гнева модных романтиков и несмотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера — Гете и Расина — Шиллеру. Французы перенимали у греков и сами сделались образцами в драматическом искусстве".

[2] *Если уже все сказано...* — цитата из статьи Вяземского „Сочинения в прозе В. Жуковского", напечатанной в „Московском телеграфе" (1826. № 23. С. 173).

[3] Та же мысль выражена в письме к Вяземскому от второй половины ноября 1825 г., написанного по поводу „Записок" Байрона: „Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой

мерзости, она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе" (XIII, 244).

[4] Ср. в незаконченной статье 1822 г. „О прозе": „Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат" (XI, 19). Эта же мысль повторена в статье „Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов" (1830—1831).

[5] Цитата из стихотворения Державина „Вельможа" (1794):

Орел, на высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных:
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых...

Есть у Державина и стихотворение, которое называется „На парение орла".

[6] Цитата из оды „На возвращение графа Зубова из Персии" (1797).

[7] Начальные стихи „Водопада" (1794).

[8] Цитата из стихотворения Жуковского „Певец в Кремле" (1814—1816).

[9] Цитата из басни Крылова „Муравей".

[10] Цитата из пролога к трагедии Расина „Эсфирь".

[11] Слово *vache* Делиль употребил в поэме „L'Homme des champs" (1800).

[12] Цитата из второй песни „Поэтического искусства" Буало.

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

Заметки, которые публикуются здесь, разбросаны в разных рабочих тетрадях Пушкина. Напечатав подборку подобных „мыслей" в „Северных цветах на 1828 год", Пушкин, возможно, собирался подготовить еще одну или несколько серий таких подборок. Некоторые из подобных „мыслей и замечаний" включены им в „Table talk".

„Только революционная голова..."

Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Май. С. 336).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1903 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 6. С. 424—425).

Автограф — в тетради (ПД, № 832, л. 39 об.). Датируется концом 1822 г. (см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 832. Из текстологических наблюдений // П. Исслед. и мат. Л., 1986. Т. 12. С. 233).

Имена Мирабо и Петра в автографе приведены в сокращенной, скорописной форме и читаются предположительно. В настоящем издании принят текст Большого академического издания. В более ранних публикациях первое имя читалось как „Мир" или „Мор" („Мирович", „Марат", „М. Орлов"), второе расшифровывалось как „Пестель". Б. С. Мейлах отметил, что в дружеском кругу именем „Мирабо" называли Н. И. Тургенева. Он же вновь вернулся к чтению второго имени как „Пестель" (см.: *Мейлах Б. С*. Еще о заметке Пушкина „Только революционная голова..." // Декабристы и Сибирь. Иркутск, 1981. С. 181).

О Петре как о революционере на троне Пушкин писал в 1830 г.: „Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoleon (La Révolution in carnée)" (Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон. (Воплощенная революция)) (XI, 205). О Мирабо как провозвестнике „великого разрушения" он писал в набросках статьи „О ничтожестве литературы русской" (XI, 272).

„Торвальдсен, делая бюст..."

Впервые напечатано Н. К. Козминым в книге „Неизданный Пушкин" (Пг., 1922. С. 182).

В собр. соч. входит начиная с издания 1931 г. Прилож. к „Красной Ниве" (Т. 5. С. 406).

Черновой автограф: ПД, № 156. Датируется 1928 г.

Речь идет о бюсте Александра I, изваянном датским скульптором Бертелем Торвальдсеном (1768/70—1844) в 1820 г. Ср. стихотворение „К бюсту завоевателя" (1829).

„Литература у нас существует, но критики еще нет"

Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Ноябрь. С. 358).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1903 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 6. С. 421).

Черновой автограф — в тетради (ПД, № 841). Датируется 10—15 сентября 1829 г. (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина № 841. История заполнения // П. Исслед. и мат. Л., 1986. Т. 12. С. 276).

Эта же мысль гораздо раньше выражена Пушкиным в его письме к А. А. Бестужеву, написанном в ответ на его статью в „Полярной звезде... на 1825 год": „У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает ⟨...⟩. Нет, фразу твою скажем наоборот; литература кой-какая у нас есть, а критики нет" (XIII, 177—178). Статью на эту тему, задуманную, очевидно, еще в период полемики с Бестужевым, Пушкин так и не написал.

„Франц⟨узские⟩ критики имеют свое понятие..."

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 259.

Черновой автограф — в тетради (ПД, № 841, л. 31 об.). Датируется: январь (после 7-го) — март 1830 г. (см.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина № 841. С. 277).

„Первый несч⟨астный⟩ воздыхатель..."

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 272.

Черновой автограф: ПД, № 300. Датируется: 1827—1830 гг.

„В миг, когда любовь исчезает..."

Впервые напечатано в „Отчете Публичной библиотеки за 1898 год". СПб., 1902. С. 146.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1903 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 6. С. 425).

Черновой автограф: ПД, № 945. Датируется: 1829, конец года.

„Острая шутка..."

Впервые напечатано: „Лит. газета". 1830. № 10. С. 82. 15 февраля, без подписи.

В собр. соч. и с именем Пушкина входит начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова (СПб., 1910. Т. 4. С. 548).

Автограф неизвестен. Датируется: 1830 г., февраль.

Каламбур, возможно, принадлежит самому Пушкину. Три истории — „История государства Российского" Карамзина, „История Российская" (1817—1818) С. Н. Глинки и „История русского народа" Н. А. Полевого.

„В одной из Шекспировых комедий..."

Напечатано впервые в „Лит. газете" (1830. № 12. 25 февраля, без подписи). С именем Пушкина — В. В. Виноградовым в кн.: П. Временник ПК. 1939. № 4—5. С. 462.

В собр. соч. входит начиная с Академического издания (XII, 178).

Автограф неизвестен. Датируется: 1830 г., февраль.

[1] *крестьянка Одрей...* — одно из действующих лиц в комедии Шекспира „Как вам это понравится?".

[2] Имеется в виду статья Н. И. Надеждина „О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии" (ВЕ. 1830. № 1 и 2). Надеждин в этой статье нападал на Пушкина, не называя его.

„Мильтон говаривал..."

Впервые напечатано: „Лит. газета". 1830. № 16. 17 марта. С. 130, без подписи. С именем Пушкина — В. В. Виноградовым (см.: П. Временник ПК. 1939. № 4—5. С. 462).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с Академического издания (XII, 178).
Автограф неизвестен. Датируется: 1830 г., март.

„В газете *Le Furet*..."

Впервые напечатано: „Лит. газета". 1830. № 45. 9 августа. С. 130, без подписи. С именем Пушкина — В.В. Виноградовым (там же. С. 473).
В собр. соч. Пушкина входит начиная с Академического издания (XII, 452).
Автограф неизвестен. Датируется: 1830 г., март.

[1] Газета „Le Furet" выходила в Петербурге на французском языке.
[2] Заметка является пародией на один из „китайских анекдотов" Булгарина, печатавшихся в „Северной пчеле" (1829, № 45, 9 августа), касающийся распри Каченовского с Полевым.

„Переводчики — почтовые лошади просвещения"

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 271, точнее — в собр. соч. 1931 г. (Т. 5. С. 407).
Автограф: ПД, № 166. Датируется: 1830 г., осень.

„Зависть — сестра соревнования..."

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 282.
Автограф: ПД, № 316. Датируется: 1831 г. (предположительно).

„Критикою у нас большею частию..."

Впервые опубликовано Н. К. Козминым в книге „Неизданный Пушкин" (Пг., 1922. С. 185).
В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания Академии наук 1828 г. под редакцией Н. К. Козмина (Т. 9. С. 400).
Беловой автограф: ПД, № 309. Печатается по автографу. Датируется 1833 г. (предположительно).

„В других землях...", „Д⟨ельвиг⟩ говаривал..."

Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Август. С. 318).
В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1887 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 5. С. 164).
Черновой автограф — в тетради (ПД, № 839, л. 59 об.). Печатается по автографу. Датируется: 1833 г., май.

„Не откладывай до ужина..."

Впервые напечатано: *Модзалевский* Б. Л. Библиотека Пушкина. Пб., 1910. С. 310.
В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1931 г., прилож. к „Красной Ниве" (Т. 5. С. 407).
Черновой автограф — на листке (ПД, № 332), найденном в книге: „*Brillat-Savarin*". Physiologie de goût (Физиология вкуса) — три афоризма на гастрономическую тему. Здесь же Пушкин начал и зачеркнул еще один афоризм: „Не предлагай своему гостю, что сам..." Печатается по автографу. Датируется 1834 г.

„Буквы, составляющие славенскую азбуку..."

Впервые напечатано В. Е. Якушкиным (РС. 1884, октябрь. С. 89—90).
В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1887 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 5. С. 165—166).
Автограф: ПД, № 1095. Печатается по автографу. Датируется 1834 г. (предположительно).

„Множество слов и выражений..."

Впервые напечатано: Анненков. Материалы. С. 255—256.

Черновой автограф: ПД, № 339. Печатается по автографу. Датируется 1835—1836 гг.

Рассуждение о славянском алфавите находится в книге Н. Ф. Грамматина „Слово о полку Игореве" (1823. С. 113).

РАЗГОВОРЫ

⟨ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1820—1822 гг.⟩

Впервые опубликовано в собр. соч. Пушкина под редакцией П. О. Морозова (СПб., 1887. Т. 5. С. 9) по автографу. Входит в собр. соч. Пушкина начиная с этого издания.

Автограф в записной книжке Пушкина 1820—1822 гг. (ПД, № 830, л. 40). Печатается по автографу.

Датируется началом 1821 г. по положению в тетради.

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I

Впервые напечатан отрывок черновика в кн.: *Анненков П. В.* Пушкин в Александровскую эпоху // ВЕ. 1874. Январь. С. 20. Полностью — В. Е. Якушкиным в „Русской старине" (1884. Июль. С. 21—23), исправлено Н. О. Лернером (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: Прилож. к журн. „Красная Нива" на 1930 г. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 484—485).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания 1887 г. под редакцией П. О. Морозова (Т. 5. С. 37—39).

Черновой автограф: ПД., № 835, л. 46—47.

Датируется: декабрь (двадцатые числа) 1824 г. См.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина № 835 (из текстологических наблюдений) // П. Исслед. и мат. Л., 1983. Т. 11. С. 51—52.

Текст очень черновой, со множеством исправлений, иногда противоречивых. В тексте дано окончательное чтение, предложенное Бонди и достигнутое в результате анализа всего процесса написания (*Бонди С. М.* Подлинный текст и политическое содержание „Воображаемого разговора с Александром I" // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 167—194).

Ранее наиболее сложная часть рукописи после слов „Я читал вашу оду «Свобода»" читалась так: „Прекрасно, хоть она написана немного сбивчиво, мало обдуманно; вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту оду. — В. В., я писал ее в 1817 году. — Тут есть три строфы очень хорошие... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы: вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь, даже в царе". В черновой рукописи перед фразой: „Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с Графом Воронцовым?" сохранился зачеркнутый Пушкиным текст: „Скажите, неужто вы все не перестанете писать на меня пасквили? Вы не должны на меня жаловаться, это не хорошо, если я вас и не отличал, еще дожидая случая, то вам все же жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ Король Гишпанский или Император Австрийский с вами не так бы поступили. За все ваши проказы вы жили в теплом климате; что вы делали у Инзова и у Воронцова?" — „Ваше Величество, Инзов меня очень любил и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, «Франкфуртский журнал». А его сиятельство Граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно..."

[1] *Свобода* — ода „Вольность".

[2] Имеется в виду распространение слухов о соучастии Александра I в убийстве своего отца Павла I.

[3] И. А. Крылов служил в это время библиотекарем в Публичной библиотеке.

[4] Ср. в письме Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г.: „Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым" (XIII, 102).

[5] *Цицианов* Дмитрий Евсеевич, *князь* (1747—1835) — по словам А. О. Смирновой, „сделался известен своим хлебосольством и расточительностью да еще привычкой лгать вроде Мюнхаузена" (*Смирнова А. О.* Автобиография. Неизданные материалы. М., 1931. С. 27, 74 и др.).

[6] Речь идет о письме, написанном В. К. Кюхельбекеру из Одессы в апреле—первой половине

мая 1824 г., в котором Пушкин признавался, что „берет уроки чистого афеизма" и что „святый дух иногда ему по сердцу", но что он „предпочитает Гете и Шекспира" (XIII, 92). Именно это письмо послужило поводом для высылки его из Одессы в Михайловское. Упоминание об этом свидетельствует, что Пушкин знал о перлюстрации своего письма.

[7] *Карл X* — французский король, вступивший на престол 16 сентября 1824 г.

[8] Имеется в виду ссылка Пушкина в Михайловское.

[9] *Ермак* Тимофеевич — завоеватель Сибири в XVI в.

[10] *Кочум* — Кучум, сибирский хан.

TABLE TALK

Среди рукописей Пушкина в одну обложку с надписью „Table talk" были сложены записи анекдотов о лицах исторических и о современниках. Почти каждый отрывок записан на отдельном листе, между отрывками стоит разделительная черта (так и предполагал печатать их Пушкин). В некоторых случаях указывается источник записанного анекдота, семь раз проставлены даты. Основная масса отрывков записана в 1835—1836 гг. Два отрывка впервые появились в так называемой „Арзрумской тетради" (теперь ПД, № 841) в 1829 г.: „Гете имел большое влияние на Байрона..." и „Одна дама сказывала мне...". Восьми анекдотам предшествовало заглавие „Разговоры Н. К. Загряжской". Одиннадцать анекдотов из общей пачки листов Пушкин опубликовал в „Современнике" (1836. Кн. 3. С. 187—191) и снабдил их следующей римской нумерацией: I. „На Потемкина часто находила хандра..."; II. „Надменный в отношениях своих..."; III. „Молодой Ш. как-то напроказил..."; IV. „Граф Румянцев однажды..."; V. „Некто отставной мичман..."; VI. „Всем известны слова Петра..."; VII. „Граф Самойлов получил..."; VIII. „Государыня Екатерина II..."; IX. „Петр I говаривал..."; X. „Любимый из племянников..."; XI. „Когда родился Иван Антонович..." (с цензурными изменениями).

Отдельные записи были опубликованы посмертно Жуковским и Плетневым в „Современнике" (1837. Т. 8. С. 219—242) под заглавием „Анекдоты и замечания" с римской нумерацией: I. „Славный анекдот об указе..."; II. „Один из адъютантов Потемкина"; III. „Сумароков очень уважал..."; IV. „Кречетников, при возвращении..."; V. „Херасков очень уважал..."; VI. „Езуит Посевин..."; VII. „Форма цифров арабских..."; VIII. „Отелло от природы не ревнив..."; IX. „Человек по природе своей склонен..."; X. „Divide et impere..."; XI. „Какой-то лорд, известный ленивец..."; XII. „У Крылова над диваном..."; XIII. „Одна дама сказывала мне..."; XIV. „Некто К⟨нязь⟩ Х**..."; XV. „NN, вышедший из певчих..."; XVI. „Когда граф д'Артуа..."; XVII. „Когда Пугачев сидел..."; XVIII. „Французские принцы..."; XIX. „Многие негодуют..."; XX. Разговоры Загряжской: „Потемкин приехал со мною проститься..."; XXI. То же: „Вы слыхали про Ветошкина..."; XXII. То же: „Потемкин меня очень любил..."; XXIII. То же: „Потемкин, сидя у меня..."; XXIV. „Лица, созданные Шекспиром..."; XXV. „Гете имел большое влияние..."; XXVI. „Денис Давыдов явился однажды..."; XXVII. „Сатирик Милонов..."; XXVIII. „Потемкину доложили..."; XXIX. „Генерал Раевский", *без окончания*; XXX. „Д⟨ельвиг⟩ однажды вызвал на дуэль..."; XXXI. „Дельвиг не любил поэзии мистической..."; XXXII. „О Дурове"; XXXIII. „Державин".

В „Библиографических записках" (1859. № 5. С. 136—140) Е. И. Якушкин опубликовал следующие записи (с арабской нумерацией): 1. „Я встретился с Надеждиным..."; 2. „Графа Кочубея похоронили..."; 3. „Будри, профессор французской словесности..."; 4. „Голландская королева..."; 5. „Об арапе графа С***"; 6. „Однажды Потемкин..."; 7. „Князь Потемкин во время Очаковского похода..."; 8. „Зорич был очень прост..."; 9. „Государь долго не производил..."; 10. „Дельвиг звал однажды..."; 11. „Потемкин, встречаясь с Шешковским..."; 12. „Когда родился Иван Антонович...", *с исправлениями*; 13. „Суворов наблюдал посты..." и две записи из разговоров Загряжской: „Orloff était mal élevé..." и „Государь Петр III однажды...".

Запись VIII („Однажды маленький арап...") опубликована: *Анненков П. В.* Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.

В сочинениях Пушкина 1881 г. под ред. П. А. Ефремова (Т. 5. С. 316—331) по копии Е. И. Якушкина опубликованы следующие записи: „Когда в 1815 году...", „Барков заспорил однажды...", „Дмитриев предлагал императору...", „Граф Кирилл Разумовский...", „Когда Потемкин вошел в силу..." и „Разговоры Загряжской": „Это было перед самым Петровым днем...", „Orloff était régicide..." и „Я была очень смешлива...".

Конец записи XXIV („Генерал Раевский...") опубликован В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Октябрь. С. 92).

В собр. соч. Пушкина включается начиная с посмертного издания (1841. Т. 11. С. 151—177), полнее — с издания 1881 г. (Т. 5. С. 312—334).

Беловой автограф: ПД, № 1134—1194.

Порядок расположения принят тот же, что и порядок хранения листков в Пушкинской обложке.

Датируются 1829, 1835—1836 гг.

[1] *Граф Поццо ди Борго* — граф Карл Осипович (1768—1842), корсиканец, французский эмигрант. С 1805 г. состоял на русской службе, в 1814—1832 гг. был русским послом в Париже. Автор записки о политическом положении в Европе, в частности в Польше, в 1814 г.

[2] *Сенька-бандурист* — граф Семен Федорович Уваров (ум. 1788), отец будущего министра народного просвещения и гонителя Пушкина С. С. Уварова. Ф. Ф. Вигель в своих „Записках" сообщает, что прозвище „Сеня-бандурист" дал Уварову Потемкин за мастерскую игру на балалайке; с нею в руках он „плясал вприсядку" (см.: *Вигель Ф. Ф.* Воспоминания. М., 1892. Ч. 3. С. 111).

[3] *Езуит Посвин* — Антонио Поссевино (1543—1611), при Иване Грозном приезжал в Россию, чтобы содействовать соединению православной и католической церквей и наладить дипломатические отношения между Россией и Польшей. Критиковал Макиавелли в своем сочинении „Суждение о четырех писателях" (1592). Пушкин прочел об этом в предисловии Периеса к французскому изданию сочинений Макиавелли, изданному в 1823—1826 гг. Все десять томов этого издания были в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). СПб., 1910. № 1118). В этом же издании даны сведения о возражениях Конринга, издавшего в 1660 г. книгу Макиавелли „О государстве" и изобличавшего Поссевино в ряде грубых ошибок.

[4] Словами „*Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале*" Макиавелли начинает свое „Рассуждение по поводу первой декады Тита Ливия".

[5] Французская фраза: „Я не ревнив... Если бы я ревновал когда-нибудь..." является словами Орозмана в трагедии Вольтера „Заира" (акт 1, сцена 5).

[6] *...маленький арап...* — Ибрагим (Абрам) Ганнибал, прадед Пушкина.

[7] *Барков* Иван Семенович (1732—1768) — поэт, переводчик Академии наук. *Сумароков* Александр Петрович (1717—1777) — поэт и драматург.

[8] Уничтожив в 1826 г. Записки, Пушкин, очевидно, по памяти восстановил эпизод с Державиным из своей лицейской жизни. О том, что этот эпизод в Записках был, свидетельствует письмо Пушкина к брату от 27 марта 1825 г., связанное с готовившимся изданием „Стихотворений" Пушкина: „Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Ц⟨арском⟩ С⟨еле⟩* с Notой, что они писаны мною 14-ти лет, — и с выпискою из моих записок (об Державине), ась?" Абзац зачеркнут, и ниже написано: „Нет" (XIII, 159).

[9] Этот анекдот в другой редакции записан в лицейском дневнике (см. с. 5 наст. изд.).

[10] Вызов Булгарина на дуэль, очевидно, относится к 1824 или 1825 г. П. В. Нащокин рассказывал по этому поводу П. Бартеневу: „Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Рылеев должен был быть секундантом у Б⟨улгарина⟩, Нащокин — у Дельвига. Б⟨улгарин⟩ отказался. Дел⟨ьвиг⟩ послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц" (см.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. Л., 1925. С. 23—24).

[11] Знакомство Пушкина с Н. И. Надеждиным состоялось 23 марта 1830 г. у М. П. Погодина (см.: П. в восп. Т. 2. С. 19).

[12] Имеются в виду рецензии Надеждина на „Графа Нулина" (Вестник Европы. 1829. № 3) и на „Полтаву" (ВЕ. 1829. № 8 и 9).

[13] *Милонов* Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт.

[14] *Гнедич* Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик.

[15] Под именем *Морелли* Потемкину был представлен авантюрист — итальянец Розатти, бывший скрипачом в одном из французских полков. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. он имел чин полковника.

[16] По предположению Б. В. Томашевского, речь идет о Николае Никитиче Спечинском, секунд-майоре в отставке (ум. в 1790-х гг.). См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 381. Этот рассказ имеется в „Записках Л. Н. Энгельгардта" (1868. С. 115—116). Пушкин, вероятно, записал его со слов сына Спечинского Владимира Николаевича (ум. не ранее 1843), который передавал Пушкину некоторые подробности биографии Булгарина. От этих рассказов Пушкин, по словам Спечинского, „помирал со смеху" (РА. 1884. № 6. С. 352—353).

[17] Пушкин сравнивает „Венецианского купца" Шекспира с комедией Мольера „Скупой" и

комедию Шекспира „Мера за меру" с „Тартюфом" Мольера. Фальстаф — действующее лицо в „Виндворских кумушках" и „Короле Генрихе IV" Шекспира. *Второй Фальстаф* — Александр Львович Давыдов (1773—1833), брат декабриста В. Л. Давыдова, один из владельцев Каменки; „четырехлетний сынок его" — Владимир. А. Л. Давыдову посвящено стихотворение „Нельзя, мой толстый Аристипп" (1824). Он же — „рогоносец величавый" в XII строфе первой главы „Евгения Онегина".

[18] Правильно: *„..на монетном дворе..."* — так указано и в „Истории Пугачева" (см. т. IX. Кн. 2, с. 410, 875).

[19] *Дмитриев* Иван Иванович (1766—1837) — поэт, в 1810—1814 гг. был министром юстиции.

[20] *Муравьев* — скорее всего Николай Николаевич (1768—1840), основатель московского учебного заведения для колонновожатых, из которого вышли многие декабристы.

[21] *Пален* — граф Петр Алексеевич фон дер Пален (1745—1826) — петербургский генерал-губернатор, стоявший во главе заговора против Павла I.

[22] *Рибас* — Иосиф де Рибас (1749—1800), адмирал, основатель Одессы. По свидетельствам современников, он первый подал мысль о низвержении Павла, но умер еще при жизни Павла.

[23] *Панин* Никита Петрович (1770—1837), граф — канцлер, предлагал объявить Павла сумасшедшим и Александра I — регентом. После вступления Александра на престол был вынужден подать прошение об отставке. В 1804 г. ему было запрещено проживать в Петербурге.

[24] *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт.

[25] *Костров* Ермил Иванович (1751—1796) — поэт и переводчик „Илиады". В 1779 г. получил звание бакалавра, а после 1782 г. его стали называть официальным университетским стихотворцем.

[26] *Разумовский* Кирилл Григорьевич (1728—1803) — гетман Малороссийский, президент Академии наук. Командовал л.-гв. Измайловским полком и принимал участие в перевороте 1762 г.

[27] *Орлов* Алексей Григорьевич (потом Орлов-Чесменский) (1737—1808) — один из участников дворцового переворота 1762 г., участник Чесменской битвы, генерал-аншеф, брат фаворита Екатерины II Григория Орлова.

[28] Пушкин ошибается — его дед в перевороте 1762 г. не участвовал — см. об этом с. 272 наст. изд.

[29] Пушкин упоминает „Деяния Петра Великого" И. И. Голикова (1-е изд. 1788—1789). Долгорукий Яков Федорович (1639—1720), князь — председатель ревизион-коллегии, сенатор, известен своей честностью и смелостью речей. Его упоминает Пушкин в стихотворении „Стансы", вспоминая Петра I:

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

[30] Отрывок с сокращениями переписан Пушкиным из тетради № 841, где эта заметка носила название „О дамах" (XVII, 64—65).

[31] Этот отрывок так же, как и следующий („Многие негодуют..."), переписан Пушкиным в папку „Table talk" из тетради № 841. В беловом тексте пропущены слова „творца" и „этим". Обращение к тетради позволило исправить ошибку, которая повторялась во всех печатных изданиях (см.: *Левкович Я. Л.* Из наблюдений над „арзрумской" тетрадью Пушкина // Временник ПК. Л., 1986. Вып. 20. С. 162).

[32] *Зорич* Семен Гаврилович (1745—1799) — фаворит Екатерины II. После поездки за границу поселился в своем имении Шклове около Могилева, где жил в роскоши, устраивая балы и спектакли.

[33] *Кн. Долгорукая* — княгиня Екатерина Александровна Долгорукова, урожд. Бутурлина (1750—1811), жена генерал-аншефа князя Юрия Владимировича Долгорукова (1740—1830).

[34] *Граф д'Артуа* (1757—1836) — впоследствии король Карл X (1824—1830). В 1793 г., будучи в эмиграции, приезжал в Петербург.

[35] *Княгиня Долгорукова* — Екатерина Федоровна, урожд. княжна Барятинская (1769—1849) — статс-дама.

[36] *Болдырев* Аркадий Африканович (ум. до 1758) — петербургский плац-майор, составивший состояние карточным выигрышем. Рассказ Пушкина повторяет гр. М. Д. Бутурлин в своих „Записках".

[37] О смерти В. П. Кочубея см. запись в дневнике Пушкина на с. 42 наст. изд.

[38] *Графиня...* — Мария Васильевна Кочубей, см. о ней на с. 222 наст. изд.

[39] *Новосильцова* — возможно, Екатерина Владимировна Новосильцова, урожд. графиня Орлова (1770—1849).

[40] *Кречетников* Михаил Никитич (1729—1793) — генерал-аншеф, впоследствии граф. Пользовался покровительством Потемкина, который ценил его военное мастерство. В 1792 г. командовал войсками в Литве и после второго раздела Польши стал генерал-губернатором вновь присоединенных к России земель.

[41] *Вельгорский* — граф Михаил Юрьевич Виельгорский. См. о нем с. 229 наст. изд.

[42] Имеются в виду сыновья французского короля Филиппа: Фердинанд-Филипп (1810—1842), герцог Орлеанский, и Луи-Шарль (1814—1896), герцог Немурский. Берлин они посетили 11—25 мая 1836 г. Целью их поездки было примирение европейских дворов с династией Орлеанов, пришедших к престолу революционным путем.

[43] *Голландская королева* — Фридерика-Луиза-Вильгельмина (1774—1837), жена короля Вильгельма I, сестра прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

[44] *Принц Орлеанский* — Фердинанд, старший сын французского короля Людовика-Филиппа (1810—1842). Встреча его с голландской королевой произошла в мае 1836 г. в Берлине.

[45] *Генерал Раевский* — Николай Николаевич, старший (1771—1829) — внучатый племянник Потемкина по матери Екатерине Николаевне Самойловой. Пушкин сблизился с семьей Раевского во время южной ссылки (см. его письмо к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г.).

[46] Имеется в виду русско-турецкая война 1810—1811 гг.

[47] *Каменский* Николай Михайлович (1776—1811), граф — главнокомандующий русской армией.

[48] *Будри* — Давид Иванович де Будри (1756—1821), брат Марата, приехавший в Россию в 1784 г. До 1793 г. носил фамилию Марат и занимался преподаванием французского языка в частных пансионах и домах. С 1811 по 1821 г. состоял профессором Царскосельского лицея по французской словесности. Даже желчный М. А. Корф вспоминал о нем вполне благожелательно; говоря о нем как об одном из лицейских наставников, который „вполне понимал свое призвание и, как человек в высшей степени практический, наиболее способствовал нашему развитию, отнюдь не в одном познании французского языка" (*Корф М. А.* Записка о Лицее // Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 262—263).

[49] *Дуров* Василий Андреевич (1799— ум. после 1860). С. 1814 г. был на военной службе, с 1825 г. служил городничим в г. Сарапуле, в 1829 г. за просрочку отпуска был уволен от должности. В 1831—1835 гг. был городничим в Елабуге. М. И. Пущин, который познакомился с Дуровым в одно время с Пушкиным, вспоминал: „Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним" (П. в восп. Т. 2. С. 96).

[50] *Кн. А. Н. Голицын* — Александр Николаевич (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения, известный своей реакционностью и ханжеством. В качестве члена особой комиссии по расследованию авторства „Гавриилиады" в августе 1828 г. допрашивал Пушкина. На Голицына Пушкин написал эпиграмму „Вот Хвостовой покровитель" (1817—1820).

[51] Анекдот о Василии Тредьяковском упоминается Пушкиным в статье 1833—1834 гг. „О ничтожестве литературы русской" (XI, 269).

[52] *Князь Х*** — Никита Андреевич Хованский. В рукописи Пушкина сделана зачеркнутая потом сноска, указывающая, что это князь Михаил Васильевич Хованский. Зачеркнув неправильное имя, Пушкин, по-видимому, не знал, кем его заменить. Н. А. Хованский (его имя упоминается среди прапорщиков, уволенных в отставку в 1731 г.) был обвинен официально в ябедничестве, и в связи с этим Елизавета Петровна издала специальный указ об искоренении ябедничества. Таким образом, анекдот о Хованском относится ко времени царствования не Екатерины II, а Елизаветы. „Бездельником" назван Хованский в письме М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 1 ноября 1753 г.: „...публикованного бездельника князя Хованского, который многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли" (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 496).

[53] *Иоанн Антонович* (1740—1764) — номинальный русский император, сын Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейгского, был 25 ноября 1741 г. свергнут Елизаветой Петровной и находился в заключении. Убит при попытке Мировича освободить его. *Леонард Эйлер* (1707—1783) — знаменитый математик, академик, уроженец Швейцарии, живший в России.

[54] *Граф Румянцев* — Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — генерал-фельдмаршал. Этот анекдот входит в „Русские анекдоты" С. Н. Глинки (1809) под № 236.

[55] *Шешковский* Степан Иванович (1727—1794) — начальник тайной экспедиции при Екатерине II, организатор политического сыска, лично производивший пытки при допросах.

[56] *N. N.* — Марк Федорович Полторацкий (1729—1795), сын протоиерея в г. Соснице Черниговской губернии, придворный певчий, затем регент придворного хора и директор Певческой капеллы при Екатерине II. В 1796 г. получил чин действительного статского советника, приравненный в гражданской службе к генеральскому чину; дед А. П. Керн, А. А. Олениной и приятеля Пушкина С. Д. Полторацкого.

[57] *Граф Самойлов* Александр Николаевич (1744—1814) — племянник Потемкина, участник русско-турецких войн, впоследствии генерал-прокурор; граф с 1795 г., был награжден орденом Георгия 2-й степени 16 декабря 1788 г. за отличие при взятии Очакова.

[58] Этот же анекдот сохранился в записной книжке Н. В. Кукольника. Запись Кукольника позволяет раскрыть имена действующих лиц, обозначенных Пушкиным только инициалами. *Ш.* — А. С. Шишков (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения и глава Цензурного ведомства в 1824—1828 гг.; *Б.* — Ф. С. Барятинский, обер-гофмаршал при дворе Екатерины II. Записная книжка Кукольника опубликована Е. Я. Кургановым. См.: Кукольник Нестор. Анекдоты // Искусство Ленинграда. 1991. Январь. С. 74—75.

РАЗГОВОРЫ Н.К.З⟨АГРЯЖСКОЙ⟩

О Н. К. Загряжской см. с. 222 наст. изд. Пушкин начал записывать анекдоты с ее слов по совету Жуковского. Еще не начиная „Table talk", он записал несколько ее анекдотов в дневнике (см. запись 4 декабря 1833 г.). По словам Вяземского, „Пушкин заслушивался рассказов Натальи Кирилловны. Он ловил при ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли; он в беседах с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую" (Вяземский. Т. 8. С. 184—185). Это подтверждает и В. И. Стефанович: „Загряжская любила рассказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкин записывал некоторые из ее анекдотов и языком, каким она рассказывала" (РА. 1903. Т. 1. С. 496).

[1] *Ветошкин* — Иван Евстратович Свешников, крестьянин-самоучка Тверской губернии, знавший древние языки. В 1784 г. И. И. Шувалов представил его кн. Е. Р. Дашковой и Г. А. Потемкину, который взял его с собой в Крым, где Ветошкин и умер. Рассказ об этом см. в „Письмах русского офицера" Ф. Н. Глинки (СПб., 1815. Ч. 3).

[2] *Граф А. С. Строганов* — Александр Сергеевич (1733—1811) — собиратель произведений искусств.

[3] *Ром* — Жильбер Ромм (1750—1795), француз, приехавший в Россию в качестве воспитателя сына Строганова Павла (1774—1817). В 1787 г. вместе с П. А. Строгановым вернулся во Францию и принял участие в революции. Был избран в Законодательное собрание, а потом и в Конвент. Голосовал за смертный приговор Людовику XVI без отсрочки. После Термидора был арестован и приговорен к смертной казни, но успел покончить жизнь самоубийством.

[4] *Шувалов Иван Иванович* (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, учредитель и первый куратор Московского университета, президент Академии художеств, меценат, покровитель Ломоносова.

[5] *Граф Никита Иванович* Панин (см. с. 303 наст. изд.).

[6] *Князь Григорий Александрович* Потемкин.

[7] *Знаменское* — имение графа К. Р. Разумовского около Петербурга.

[8] *Матушка* — графиня Екатерина Ивановна Разумовская, урожд. Нарышкина (1729—1771), статс-дама.

[9] *Сестра Елисавета Кириловна* — графиня Елизавета Кирилловна Разумовская (1749—1813), в 1776 г. вышла замуж за графа Петра Федоровича Апраксина (ум. 1813).

[10] *Батюшка* — граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), президент Петербургской Академии наук, с 1764 г. — гетман Малороссии, генерал-фельдмаршал.

[11] *Василий Иванович* Разумовский (1727—1800) — двоюродный племянник К. Г. Разумовского.

[12] *Миних* Христофор Антонович (1683—1767), граф — фельдмаршал при Анне Иоанновне, с 1742 г. был в ссылке, из которой возвращен Петром III в 1762 г.

[13] *Графиня Анна Карловна Воронцова*, урожд. Скавронская (1722—1775) — двоюродная сестра Екатерины I, жена канцлера графа М. И. Воронцова.

[14] *Графиня Елизавета Романовна* Воронцова (1739—1797) — фаворитка Петра III.

[15] В *Ораниенбаум* Петр III прибыл 29 июня 1762 г. и в этот же день был арестован; из Ораниенбаума отправлен в Ропшу и там 7 июля задушен.

[16] *Машенька* — княгиня Мария Васильевна Кочубей, племянница и воспитанница Н. К. Загряжской. См. о ней примеч. на с. 222 наст. изд.

[17] *Orloff* — Алексей Григорьевич Орлов (1737—1807), впоследствии граф Орлов-Чесменский. Был одним из главных деятелей переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II. В „Истории Пугачева" Пушкин упоминает о шраме на его лице (IX, 374).

[18] *Тамара* Василий Степанович (1746—1819), с 1799 г. русский посланник в Константинополе. До этого назначения исполнял различные (в том числе и дипломатические) поручения Потемкина.

[19] *Orloff* (см. о нем примеч. 17). После воцарения Павла I уехал за границу, где и оставался вплоть до воцарения Александра I.

[20] *Анна Алексеевна* Орлова-Чесменская (1785—1848), графиня — единственная дочь А. Г. Орлова, камер-фрейлина, владелица многомиллионного состояния, религиозная фанатичка, близкая известному изуверу архимандриту Фотию. Пушкин написал на нее и Фотия эпиграмму „Гр. Орловой-Чесменской" („Благочестивая жена...") и „Разговор Фотия с гр. Орловой".

БОГОРОДИЦЫНЫ ДОЧКИ

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в газете „Русь" (1885. № 22. 30 ноября).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с издания под редакцией П. О. Морозова (Т. 5. С. 167—168).

Беловой автограф: ПД, № 421, л. 15—16.

Датируется 1831 г. по положению в тетради № 421, где находятся черновые наброски „Езерского" и другие записи.

[1] Речь идет о казни *царевича Алексея Петровича*, решенной Петром I в 1718 г. (см. „Историю Петра" — X, 246).

[2] *Ведель* — барон Иродион Кондратьевич фон Ведель (ум. в 1754). Был женат не на Энгельгардт, а на Анастасии Богдановне Пассек и имел не трех, а двух дочерей: Анну (1745—1830), бывшую замужем за графом Захаром Григорьевичем Чернышевым, и Марию — за графом Петром Ивановичем Паниным.

[3] *Князь Одоевский* Иван Васильевич (1710—после 1764) — сенатор.

[4] Заговорщиков было не шестеро, а семеро: три брата Орловы: Григорий Григорьевич (1734—1783), граф, фаворит Екатерины II, впоследствии генерал-аншеф, обер-прокурор правительствующего сената, Алексей Григорьевич (1737—1808), граф, впоследствии генерал-аншеф, и Федор Григорьевич (1741—1796), граф, впоследствии полный генерал, участник Чесменской битвы, после которой получил название Чесменский; Петр Иванович Панин (1721—1789), граф; князь Михаил Никитич Волконский (1713—1786), впоследствии генерал-аншеф; граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), последний гетман малороссийский; Никита Иванович Панин (1718—1783), старший член Иностранной коллегии, известный дипломат.

⟨О САЛЬЕРИ⟩

Впервые опубликовано: Анненков. Материалы. С. 288.

Автограф беловой с поправками: ПД, № 323, л. 1.

Печатается по беловому автографу. Датируется летом 1832 г., так как находится на обороте письма Н. М. Смирнова к Пушкину, написанного в феврале—мае (?) 1832 г.

[1] Опера Моцарта „Дон Жуан" была поставлена в Праге в октябре 1787 г. Сальери присутствовал не на этом спектакле, а на следующем, в 1788 г., в Вене.

[2] Утверждают, что Антонио Сальери (1744—1825) перед смертью признался в отравлении

Моцарта, но насколько это соответствует действительности, до сих пор является предметом споров.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

„Старый генерал Щ....", „Шувалов, заспорив..."

Впервые напечатана: Лит. газета. 1830. № 8 (в отделе „Смесь").

В собр. соч. входит начиная с издания: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1957. Т. 8. В академическом издании включено в Справочный том (М.; Л., 1959; раздел „Dibia"). Мы знаем, что из всех участников и авторов „Литературной газеты" наибольший интерес к анекдоту проявлял Пушкин. Это, очевидно, и дало основание Б. В. Томашевскому включать записи в его сочинения уже без всяких сомнений.

„Разумовский. Никита Панин..."

Впервые напечатана: Рукою П. С. 332.

В собр. соч. Пушкина входит начиная с академического издания (XII, 204).

Автограф: ПД, № 314.

Запись передает конспективно рассказ А. М. Щербининой (1760—1831) о заговоре 1762 г., возведшем на престол Екатерину II. Разумовский Кирилл Григорьевич командовал тогда л.-гв. Измайловским полком, поддержавшим Екатерину, а граф Никита Иванович Панин (1718—1783) принадлежал к оппозиции Екатерине. Анастасия Михайловна Щербинина, по справедливому замечанию Т. Г. Цявловской, знала о заговоре со слов своей матери и известной княгини Е. Р. Дашковой. Дашкова в своих записках умалчивает о том, что ее муж, князь Михаил Иванович Дашков, был влюблен в Екатерину и что Петр III ревновал свою фаворитку, сестру Е. Р. Дашковой, графиню Ел. Р. Воронцову. Но все остальные сведения, записанные Пушкиным, находим у Дашковой в подробном изложении (см.: *Дашкова Е. Р.* Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 34—54). О близости Петра III с Ел. Р. Воронцовой рассказывала Пушкину и Н. К. Загряжская (см. с. 120 наст. изд.).

ПУТЕШЕСТВИЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА К Д.

Впервые напечатано: „Северные цветы" ⟨...⟩ на 1826 г. СПб., 1825. С. 101—106; затем перепечатано в кн.: Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. 1830. С. 41—46; Поэмы и повести Александра Пушкина. СПб., 1835. Ч. 1. С. 230—232. Кроме того, при жизни Пушкина перепечатывалось в хрестоматиях „Краткая французская грамматика" Е. Лефранка (СПб., 1830. С. 308—310) и „Российская хрестоматия, или отборные сочинения российских писателей в прозе и стихах" (изд. И. С. Пенинским. СПб., 1833. Ч. 1. С. 294—297).

В собр. соч. Пушкина входит начиная с „посмертного" издания (СПб., 1838. Т. 2. С. 188—190), где помещено в качестве приложения к „Бахчисарайскому фонтану".

Беловой автограф: ПД, № 249. Черновой автограф: ПД, № 835, л. 42 об.—44.

Печатается по альманаху „Северные цветы" на 1826 г. с исправлениями по автографу.

Черновой текст писан в декабре 1824 г. и переписан набело в конце 1825 г.

Текст включен в письмо Дельвигу от конца декабря 1825 г. и, естественно, печатается в Академическом издании среди писем Пушкина (XIII, 250—252). Таким образом, в академическом издании „Отрывок" печатается трижды — как письмо к Дельвигу, как приложение к „Бахчисарайскому фонтану" (IV, 175—176) и как произведение художественной прозы (VIII, 235—440). Вначале оно несомненно имело утилитарный характер. Пушкин, недовольный предисловием Вяземского к первому изданию „Бахчисарайского фонтана" в 1824 г., решил вдогонку к этому изданию напечатать свое „послесловие" в альманахе Дельвига „Северные цветы" на 1825 г., но текст, очевидно, был утерян или не дошел до Дельвига, и Пушкин послал ему его второй раз (см. *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 252—255). В качестве приложения к поэме оно попало во все ее издания после 1826 г. Оно

несомненно носит биографический характер, но нельзя согласиться с И. Л. Фейнбергом, утверждавшим, что „Отрывок" является сохранившейся частью сожженных Записок Пушкина (*Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1976. С. 218—219). Это описание поездки в Крым, состоявшейся в 1820 г., содержит элементы мистификации, не соответствующие реальным обстоятельствам и поэтому несовместимые с жанром подлинной „биографии". Такое несоответствие особенно проявляется при сопоставлении „Отрывка" с описанием той же поездки в письме к брату от 24 сентября 1820 г., большая часть которого посвящена характеристике семейства Раевского, вместе с которым совершалась поездка. В „Отрывке" спутники Пушкина отсутствуют. Это противоречит тому, что мы знаем о сожженных Записках, где поэт, по его собственному признанию, собирался говорить о лицах, „достойных замечания". К таким лицам несомненно относились и члены семьи Раевских. Д. Д. Благой, комментируя письмо к Дельвигу, справедливо заметил, что оно является „чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отдать его в печать" (XIII, 487). Это не исключает использования этого письма в новых Записках Пушкина в качестве материала к ним. Подробнее см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина.

Посылая „Отрывок" Дельвигу, Пушкин написал: „...а начала и в самом деле не нужно". Вот это начало, не появившееся в печати: „...«Путешествие по Тавриде» прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время, как и И. Муравьев-Апостол. Очень жалею, что мы не встретились. Оставляю в стороне остроумные его изыскания; для поверки оных потребны обширные сведения самого автора. Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? — Различие наших впечатлений. Посуди сам". В рукописи этот абзац зачеркнут. Также зачеркнут и конец „Отрывка" начиная со слов: „Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М<уравьев-Апостол>..." (XIII, 252). Очевидно, Дельвиг решил напечатать этот зачеркнутый Пушкиным конец, чтобы подтвердить эпистолярный жанр „Отрывка".

[1] В черновом тексте после упоминания Митридатовой гробницы следовало: „...там я тотчас привык к природе полуденной и наслаждался ею со всем равнодушием природного неополитанца. Холодность моя посреди прелестей природы досаждала** и смешила". Последняя фраза зачеркнута. После слов „влюбленного хана" в черновом тексте следует: „К *** поэтически описал мне его и называл la fontaine des larmes". В беловом тексте Пушкин заменил мужской род женским.

[2] Книга И. Муравьева-Апостола „Путешествие по Тавриде в 1820 году" (СПб., 1823) состоит главным образом из исторических и археологических разысканий. Внимание Пушкина обратили, в частности, рассуждения о месте расположения храма Дианы (не на месте Георгиевского монастыря, а значительно восточнее, в районе Аюдага). Именно эти рассуждения Пушкин называет „холодными сомнениями" в стихотворной части письма.

[3] Пушкин не точно понял текст Муравьева — в его „Путешествии" описывается переход по скалам Симеиза.

[4] *Горная лестница* — подъем на Яйлу в районе Мухалатки, известный под названием Чертова лестница (Шайтан мердвень). Этот подъем был вырублен в скале крупными ступенями.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА

Впервые с цензурными сокращениями напечатано в „Современнике" (1836. Т. 1. С. 17—84). Дополнения к тексту „Современника" были напечатаны в „Библиографических записках" (1859. Т. 2. С. 140—141 — о проповедовании Евангелия среди черкесов) и в „Полярной звезде на 1861 год" А. Герцена и Н. Огарева (С. 121—123 — встреча с Ермоловым; перепечатано: РА. 1863. С. 441—442).

Полный текст предисловия в трех рукописных редакциях напечатан в „Летописях Гос. Литературного музея" (1936. Кн. 1. С. 311—317).

Отрывок под названием „Военная Грузинская дорога" опубликован в „Литературной газете" (1830. № 6).

Беловая рукопись (ПД, № 1028—1034) вместе с новым предисловием и приложениями готовилась Пушкиным для неосуществившегося отдельного издания в 1835 г. См. его письмо к Бенкендорфу от 11 апреля 1835 г., в котором он просит передать „на рассмотрение его величества сочинение", которое он хотел бы напечатать „по причинам, объясненным в предисловии"

(XVI, 18). О том, что в этом письме речь идет о „Путешествии в Арзрум", см.: *Левкович Я. Л.* К цензурной истории „Путешествия в Арзрум" // П. Временник ПК. 1964. Л., 1967. С. 34—37. Отдельное издание не осуществилось, вероятно, потому, что вскоре Пушкиным был задуман журнал, в котором он и решил поместить „Путешествие".

В собр. соч. входит начиная с „посмертного" издания.

Датируется „3 апреля 1835" — дата поставлена Пушкиным в конце второй редакции „Предисловия".

В беловой рукописи публикации опущены следующие три первых абзаца предисловия: „Сии записки, будучи занимательны только для немногих, никогда не были бы напечатаны, если б к тому не побудила меня особая причина. Прошу позволение объяснить ее и для того войти в подробности очень неважные, ибо они касаются одного меня.

В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича-Эриванского позволение приехать в Армию. Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как-то о том проведали. В Газете (политической) побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Зная, что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и о требованиях рецензентов, я не стал оправдываться. Но обвинение важнейшее заставляет меня прервать молчание" (VIII, 1024).

„Политическая газета", о которой пишет Пушкин, — „Северная пчела" (см.: № 35 за 1830 г.). Почему это начало опущено Пушкиным? Можно предположить, что важнейшей причиной было нежелание ставить себя в неловкое положение перед Бенкендорфом и императором. Оба они знали, что Пушкин в апреле 1828 г. просил разрешения на поездку в действующую армию, а не на воды. Но скорее всего оно было опущено потому, что само упоминание о поездке на воды не подкреплялось текстом „Путешествия". Пушкин, как мы видим, „заехал на воды" из чистого любопытства, чтобы отдать дань воспоминаниям молодости, а вовсе не для лечения и пробыл он там меньше одного дня. Да и прежние уколы критики, обвинявшие Пушкина в отсутствии патриотизма и нежелании воспеть политику Николая I на Востоке (см. отзыв Булгарина на публикацию статьи „Военная Грузинская дорога" в № 6 „Литературной газеты" за 1830 г. — Сев. пчела. 1830. № 35). Гораздо большее значение имел для Пушкина выход в 1834 г. книги Фонтанье „Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства в 1830—1833. Второе путешествие в Анатолию" (*Fontanier V.* Voyages en Orient entrepris par ordes du Gouvernement Français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, 1834). Пушкин был задет ироническим упоминанием о „бардах, находящихся в свите" Паскевича, и счел необходимым парировать высказывание Фонтанье, что поэт нашел в арзрумском походе „сюжет не поэмы, а сатиры". С возражения на книгу Фонтанье Пушкин и начал свое предисловие; обвинения Булгарина в отсутствии патриотизма было несопоставимо с характеристикой Фонтанье, задевающей гражданское самосознание поэта.

[1] Комментарий к встрече Пушкина с Еромоловым см. на с. 214 наст. изд. (примеч. 1—3).

[2] *Граф Пушкин* — Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, см. о нем примеч. 11 на с. 214 наст. изд.

[3] Цитата из думы Рылеева „Петр Великий в Острогожске".

[4] *Орловский* (наст. фамилия Смирнов) Борис Иванович (1772—1837) — художник и скульптор.

[5] *В мое время...* — см. примеч. 15 на с. 215 наст. изд.

[6] *Граф Гудович* Иван Васильевич (1741—1820) — генерал-фельдмаршал.

[7] *Минарет* — см. примеч. 16 на с. 215 наст. изд.

[8] Ср. в письме к брату от 24 сентября 1820 г.: „Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносящая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии ⟨...⟩. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала.

И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца" (XIII, 18).

[9] *Мансур* (по-арабски „победоносный"), или Шейх-Мансур — уроженец села Алды в Большой Чечне, по имени Ушурма, провозгласил газзават (войну против русских христиан) среди кавказских горцев; в 1791 г. был взят в плен и скончался в Шлиссельбургской крепости 13 апреля 1794 г.

[10] Цитата из стихотворения Чарльза Вульфа (1791—1823) „Погребение сэра Джона Мура". В переводе И. И. Козлова оно было опубликовано в альманахе Дельвига „Северные цветы ⟨...⟩ на 1826 год".

[11] См. примеч. 15 на с. 215 наст. изд.

[12] *Шереметев* Петр Васильевич (1799—1837) — чиновник дипломатической службы.

[13] Пушкин ссылается на книгу Н. Н. „Записки во время поездки на Кавказ и в Грузию в 1827 году", вышедшую в 1829 г. *Н. Н.* — Николай Александрович Нефедьев (1800—1860), служивший на Кавказе с 1829 по 1833 г.

[14] Ссылки на Плиния сделаны Пушкиным по книге И. Потоцкого „Путешествие в степях Астрахани и Кавказа" (1829; подлинник на французском языке). Название реки „Дириодорис" — ошибочно. Латинские слова diri odoris значат „дурного запаха".

[15] *Граф И. Потоцкий* — Потоцкий И. О. (1761—1815) — путешественник, писатель-историк.

[16] *Князь Казбек* — Михаил Габриэлевич Казбеги (1805—1876), происходивший из семьи владетельных грузинских князей селения Стефан-Цминде.

[17] *„...подпирающую небосклон"* — см. примеч. 24 на с. 215 наст. изд.

[18] Приезд в Россию Хозрева-Мирзы (1813—1875), сына персидского наследного принца, был вызван событиями в Тегеране, во время которых был убит Грибоедов. О торжественных приемах, которые оказывали принцу в России по пути его следования, аккуратно сообщала „Северная Пчела" (см. номера за 6, 11, 18 июня, 4, 27 июля и 1, 6, 8, 13 августа).

[19] *О**** —Огарев Николай Гаврилович — подполковник, командир пионерской роты путей сообщения, заведующий работами на Военно-Грузинской дороге.

[20] Сведения об этом обвале Пушкин заимствовал из книги Н. Нефедьева, но при этом допустил неточность — обвал произошел в конце мая. У Нефедьева сказано: „Такой обвал случился до нас за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега, по которым стремилась вода и, местами показываясь, опять исчезала" (Н... Н... Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году. М., 1829). Книга Нефедьева имелась в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1810. № 252). В книге Нефедьева имеется еще несколько описаний, схожих с описаниями Пушкина.

[21] *Городничий* — Рафаил Сергеевич Ягулов, отставной майор.

[22] *Н. Н. Раевский* младший (1801—1843) командовал в действующей армии сводной кавалерийской бригадой, в состав которой входили Сводный уланский полк и Нижегородский драгунский полк.

[23] *Санковский* Павел Степанович (1793—1832) — тифлисский журналист. „Тифлисские ведомости" — еженедельная газета, основанная в 1828 г. и выходившая на трех языках — русском, грузинском и персидском. В „Тифлисских ведомостях" были опубликованы три заметки о путешествии Пушкина (26 апр., 28 июня и 9 авг. 1829 г.).

[24] Пушкин приводит грузинское стихотворение „Весенняя песня" Димитрия Туманишвили (ум. 1821). В бумагах Пушкина сохранился грузинский оригинал и буквальный перевод, сделанный неизвестным лицом, плохо знавшим русский язык. Перевод был обработан Пушкиным. На мелодию этой песни, сообщенную Грибоедовым и обработанную М. И. Глинкой, Пушкин написал слова романса „Не пой, красавица, при мне". О создании этого романса см.: *Иезуитова Р. В.* „Не пой, красавица, при мне" // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 121—138. Ю. П. Фесенко связывает рассказ о грузинской песне с развитием грибоедовской темы в „Путешествии в Арзрум" (*Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов // Временник ПК. Л., 1983. С. 110).

[25] Английский герцог Георг *Кларенс* был приговорен к смертной казни с правом выбора рода казни. Он пожелал, чтобы его утопили в бочке мальвазии (1478).

[26] *Тбилис-калар* у Пушкина написано ошибочно. Должно быть: Тбилис-калак. Пушкин пользовался книгой Гюльденштедта „Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа" (1809), где на с. 181 имеется опечатка, повторенная Пушкиным.

[27] *Граф Самойлов* Николай Алексеевич (ум. 1847) — брат (по матери) Н. Н. Раевского-старшего, адъютант Ермолова; с июня 1827 г. отставной полковник.

[28] По Туркманчайскому договору пленные, изъявившие желание вернуться на родину, передавались России. В основном к ним принадлежали армяне, страдавшие в Персии от национального и религиозного гнета. Неукоснительное выполнение указанной статьи договора явилось заслугой Грибоедова (см.: *Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов).

[29] Цитата из сатиры Акима Николаевича Акимова (1782—1814) „Восплачь, канцелярист...".

[30] *Генерал Сипягин* Николай Мартемьянович (1785—1828) — участник Отечественной войны, с марта 1827 г. был тифлисским военным губернатором.

[31] *Генерал Стрекалов* Степан Степанович — тифлисский военный губернатор. Ему было предписано установить за Пушкиным „надлежащий надзор" по прибытии поэта в Грузию. „Я лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание", — писал Стрекалов 24 октября 1824 г. Бенкендорфу, после отъезда Пушкина из Тифлиса (*Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. С. 198).

[32] Рассказ о встрече повозки с телом Грибоедова рассчитан, как указывали неоднократно исследователи, на сопоставление с изображением персидской миссии, где Ховрев-Мирза передвигается в сопровождении кортежа (см.: *Михельсон В. А.* „Путешествие" в русской литературе. Ростов, 1874. С. 28). Отметим, что весь этот эпизод передан неверно. В действительности Пушкин не мог встретить тело Грибоедова, так как его перевезли через границу 1 мая 1829 г. Известно, что от границы тело сопровождала рота солдат Тифлисского пехотного полка во главе с прапорщиком Макаровым. Без сопровождения от границы несколько ранее шла арба с телом Сулеймана хана Меликова, также убитого в Тегеране при разгроме русской миссии и захороненного в Эгменазине (см.: *Мясоедова Н. Е.* [Изложение доклада на Грибоедовской конференции] // Рус. литература. 1992. № 1. С. 231). Возможно, произошла путаница и кто-то из знакомых Пушкина встретил именно эту арбу и передал ему рассказ возчика, который точно не знал, кого именно из убитых в Тегеране он везет. Ответ возчика, назвавшего Грибоедова „Грибоедом", позволяет предположить достоверность рассказанного Пушкину эпизода.

[33] По мнению Ю. П. Фесенко, Пушкин полемизирует тут с Булгариным, который в „Памятных записках титулярного советника Чухина" (СПб., 1835. С. 119) выводит образ Александра Сергеевича Световидова, в котором легко угадываются грибоедовские черты. Булгарин заканчивает свои рассуждения о необыкновенных способностях Световидова репликой: „Он был рожден быть Бонопартом или Могометом" (*Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов. С. 108).

[34] Имеется в виду громкая и скандальная „дуэль четверых" 12 ноября 1817 г. между Шереметевым и Завадовским и их секундантами Грибоедовым и Якубовичем из-за балерины А. И. Истоминой. Шереметев был ранен и через 26 часов скончался. Необходимые заботы о раненом отложили дуэль между Грибоедовым и Якубовичем. Она состоялась только 23 октября 1818 г. у селения Куки близ Тифлиса. После смерти Шереметева по Петербургу, с подачи Якубовича, ходили слухи о якобы неблаговидном поведении Грибоедова, которые тот счел недостойными опровержения.

[35] *Несколько времени потом...* — хронологически точно определяются тремя годами — после 1824-го и до назначения послом в 1828 г. Это время декабрьского восстания, арестов, следствия, в том числе и ареста самого Грибоедова (см.: *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. С. 308).

[36] По предложению Паскевича Грибоедов вел дипломатические дела России с Турцией и Персией. Переговоры закончились выгодным для России Туркманчайским договором. Грибоедов приехал с договором в Петербург, был представлен императору, получил чин статского советника, орден Анны второй степени с алмазами и четыре тысячи червонцев и был назначен министром-резидентом в Персию, где и погиб, выполняя свой долг.

[37] Эти слова написаны после того, как биография Грибоедова была написана и опубликована Булгариным (Сын Отечества. 1830. № 1), где Булгарин изобразил себя чуть ли не единственным другом Грибоедова.

[38] *Бутурлин* Николай Александрович (1801—1867) — адъютант военного министра графа Чернышева. Доносил в Петербург о „вольном и дружеском" обращении Н. Н. Раевского-младшего с разжалованными декабристами, которые участвовали в военных операциях (см.: Декабристы. Новые материалы / Под ред. М. К. Азадовского. М., 1955, по указ.).

[39] Пушкин ошибается: из Гумров виден не Арарат, а Алгез; очевидно, эту гору ему назвали ее армянским именем — Арагац.

[40] *Генерал Бурцов* Иван Григорьевич (1794—1829) — участник преддекабристской организации Священной артели, затем Союза Спасения, Союза Благоденствия и Северного общества. Провел год в крепости, а в 1827 г. его перевели на Кавказ. Во время встречи с Пушкиным

был командиром Херсонского полка. Знакомы они были с лицейских лет поэта, когда некоторые из лицеистов, в том числе ближайшие друзья Пушкина Дельвиг и Кюхельбекер, посещали политический кружок,организованный Бурцовым. 19 июля 1829 г. был ранен в местечке, находившемся в 130 верстах от Арзрума, и умер через три дня. Пушкин пишет об этом ниже. Г. П. Макогоненко полагает, что ни Пушкин, ни Паскевич 19 июля не могли внать о его гибели (*Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. С. 317—318).

[41] *Вольховский* Владимир Дмитриевич (1798—1841) — лицейский товарищ Пушкина, член Союза Спасения и Союза Благоденствия, привлекался по делу декабристов в 1826 г., был переведен на Кавказ и занимал ответственный пост в штабе Паскевича.

[42] *Пущин Михаил* Иванович (1800—1869) — брат лицейского товарища Пушкина, участник восстания 14 декабря, приговорен к лишению дворянства и к отдаче в солдаты до выслуги. С начала 1827 г. служил на Кавказе в 8-м Пионерном батальоне. Ко времени приезда Пушкина в действующую армию был уже произведен в поручики и служил в военно-инженерных войсках.

[43] Цитата из оды Горация (кн. 2, ода 9).

[44] Цитата из оды Горация Руфу Вальгию (кн. 2, ода 9).

[45] Ниже Пушкин описывает сражение 14 июля 1829 г., в котором он принимал участие. Сам Пушкин набросал свой шуточный автопортрет в альбоме Ел. Н. Ушаковой: верхом на коне, в бурке и цилиндре, с пикою в руках. Генерал Н. И. Ушаков так описал этот эпизод, который мог закончиться трагически для поэта: „Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в Инжа-Су, неприятель внезапно атаковал переднюю цепь нашу, находившуюся под начальством полковника Басова. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и бурке. Это был первый и последний дебют любимца муз на Кавказе" (*Ушаков Н. И.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Варшава, 1843. Ч. 2. С. 303).

[46] *Семичев* Николай Николаевич (1792—1830) — член Южного общества. После шестимесячного пребывания в Петропавловской крепости был переведен капитаном в Нижегородский драгунский полк на Кавказ. В мае 1829 г. за храбрость получил звание майора и был назначен эскадронным командиром.

[47] *Остен-Сакен* Павел Ерофеевич (1802—1855) — штабс-капитан Нижегородского драгунского полка, брат начальника Отдельного кавказского корпуса барона Дмитрия Ерофеевича.

[48] *...смотрел я на язидов...* — Пушкина интересовала секта езидов, сочетающая веру в единого бога Аллаха с уважением к христианской религии, а культ дьявола — с эротическими обрядами. Для отдельного издания „Путешествия в Арзрум" Пушкиным была приготовлена заметка миссионера Маурицця Гардзони „Notise sur la secte des Yézidis" („Заметка о секте езидов"). В переводе ориенталиста Сильвестра де Саси она была приложена к книге Ж.-Ж. Руссо „Описание Багдадского пашалыка" (1809), откуда и заимствовал ее Пушкин (см.: Рукою П. С. 866—871; *Иезуитова Р. В.* Легенда // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. С. 158—160).

[49] *Генерал Муравьев* — Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1795—1866), в 1829 г. бригадный командир резервной Гренадерской бригады, непосредственный начальник Н. Н. Раевского. Впоследствии наместник Кавказа и член Гос. совета. Был причастен к декабристскому движению и покровительствовал находившимся на Кавказе декабристам. Об этом неоднократно доносил в Петербург Паскевич, относящийся враждебно к Муравьеву.

[50] *Полковник Симонич* Иван Осипович (ум. 1850) — командир Грузинского гренадерского полка.

[51] В фразе о *сводном уланском полке* слово „сводный" при публикации было заменено***, так как этот полк был сформирован из частей полков, участвовавших в декабрьском восстании.

[52] *Анреп* Роман Романович (ум. в 1830) — командир Сводного уланского полка. Его считали наушником у Паскевича. Страдал приступами сумасшествия. Во время одного из таких приступов забрел в болото и погиб.

[53] *Поэт Юзефович* Михаил Владимирович (1802—1889) — штабс-ротмистр Чугуевского полка, адъютант Н. Н. Раевского, боевой товарищ и близкий друг А. С. Пушкина. Автор воспоминаний об А. С. Пушкине.

[54] *Гаджи-Баба* — персонаж из английского романа Мориера „Приключения Гаджи-Баба Испаганского" (1824). Роман был переведен на русский язык О. Сенковским в 1830 г. и напечатан под заглавием „Гаджи-Баба из Испагани". Пушкин имеет в виду эпизод из 7-й главы 3-й части, где рассказывается, как персидский посол, секретарем которого был Гаджи-Баба, поймал в Арзруме обокравшего его скорохода. Посол приказал обрезать вору уши, несмотря на протесты арзрумского беглербея. Слуги обманули посла, показав ему вместо ушей беглеца два кусочка баранины.

[55] *Турнфор* — Ж.-П. Турнфор (1656—1708), путешественник, автор книги „Отчет о путешествии на Восток". Пушкин цитирует XVIII письмо книги.

[56] *Амин-Оглу* — лицо вымышленное. Стихи принадлежат Пушкину.

[57] *Сухоруков* Василий Дмитриевич (ок. 1795—1841) — поручик гвардейского казачьего полка, историк войска Донского; за причастность к делу декабристов был взят под тайный надзор, исключен из гвардии и переведен на Кавказ, собранные им исторические материалы отобраны. Во время похода 1829 г. собирал материалы по истории похода, которые также были отобраны у него в 1830 г.

[58] *Мушский паша* — Ибрагим-бек, дядя Эмин-паши, бывшего пашой вилайета в городе Муше. Часть вилайета была занята русскими войсками, и Ибрагим-бек добивался, чтобы Паскевич назначил его на место ушедшего с войсками племянника.

[59] *Бей-булат* — Таймазов; в 1825 г. стал во главе восставших горских племен на Северном Кавказе. В 1829 г. перешел на сторону русских.

[60] Е. Г. Вейденбаум полагал, что под буквой А. следует видеть ротмистра Абрамовича. Но Абрамович в это время не состоял при Паскевиче. Офицеров, фамилии которых начинались с буквы А., при Паскевиче было несколько. Кого из них имеет в виду Пушкин — неизвестно.

[61] *Коновницын* Петр Петрович, граф (1802—1830) — подпоручик гв. Генерального штаба, член Северного общества, с конца 1826 г. рядовой на Кавказе, в 1829 г. прапорщик 8-го Кавказского саперного батальона.

[62] *...уединенный монастырь...* — описание его см. в стихотворении „Монастырь на Казбеке".

[63] *Дорохов* Руфин Иванович (1801—1852) — в 1829 г. прапорщик Нижегородского драгунского полка, известный бретер, „за буйство" неоднократно был разжалован в рядовые. Прототип Долохова в романе Толстого „Война и мир". О совместной поездке его и Пушкина из Владикавказа на Кавказские минеральные воды рассказывает М. И. Пущин (см.: П. в восп. Т. 2. С. 93—95).

[64] Речь идет о статье Н. И. Надеждина в „Вестнике Европы" (1829. № 7, 8) о „Полтаве". В рукописи сказано: „Пущин остановил меня, требуя чтобы я читал с большим мимическим искусством,

Не так как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой".

Цитату из „Горя от ума" Пушкин из печатного текста убрал.

ДОПОЛНЕНИЯ

Участь моя решена, я женюсь...

Впервые напечатано П. В. Анненковым: в отрывках (Материалы. С. 276—277); полностью им же в кн.: *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1857. Т. 7. С. 139—142 второй пагинации.

Черновой автограф — в тетради (ПД, № 839, л.70 об.—66). Печатается по автографу.

Написано в мае 1830 г. Рукопись (ПД, № 839) имеет даты: „12 мая" на л. 68 после слов: „...Вот моя холостая жизнь" и „13 мая" на л. 67 после слов: „я жених".

Набросок традиционно соотносится с биографией Пушкина. Б. В. Томашевский, комментируя его, пишет: „Набросок ⟨...⟩ носит автобиографический характер и связан с помолвкой Пушкина в мае 1830 г. Подробности (например, визит к больному дяде — умиравшему В. Л. Пушкину, описание черт холостой жизни, мысли о поездке за границу и т. д.) совпадают с фактами жизни самого Пушкина этого времени" (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 768). Исключением является мнение И. Л. Фейнберга, который считает, что набросок сочтен автобиографическим „без достаточно глубоких, в сущности, оснований"

(*Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1976. С. 284). О наброске см. с. 173 наст. изд.

[1] В это время болел В. Л. Пушкин. Он умер 20 августа 1830 г. Поэту, который был в Москве, пришлось взять на себя все хлопоты и расходы по похоронам (см.: *Майков Л.* Пушкин. СПб., 1899. С. 80—81).

[2] Неточная цитата из „Чайльд Гарольда" Байрона (прощание героя с Англией, из первой песни).

[3] Впечатления от совместной с Пушкиным поездки на пироскафе в мае 1828 г., где поэт встретился с этой „молодой женщиной", содержатся в письме П. А. Вяземского к жене: „...на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась ⟨...⟩ гроза ⟨...⟩. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка ⟨...⟩. У меня в глазах только одна картина: англичанка молодая, бледная, новобрачная, прибывшая накануне с мужем из Лондона, прострадавшая все плавание, страдает и на пароходе. Удивительно милое лицо, выразительное. Пушкин нашел, что она похожа на сестру игрока des eaux de Ronan. Они едут в Персию, он советник посольства, недавно проезжал через Москву из Персии" (Письмо от 28 мая / 7 июня 1828 г. // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 80). Л. М. Аринштейн установил, что этой молодой женщиной является леди Грейс Элизабет Кэмпбелл (см.: *Аринштейн Л. М.* Знакомство Пушкина с „сестрой игрока Des eaux de Ronan"* // Временник ПК. 1979. Л., 1982. С. 109—120).

[4] *В летние ночи* 1828 г. обдумывалась и отчасти писалась „Полтава". В июльском номере „Вестника Европы" ее резко критиковал Н. И. Надеждин — „болван-семинарист" пушкинской эпиграммы.

[5] Каламбур, смысл которого Я. М. Боровский объясняет так: „...молодые люди начинают чиниться с Пушкиным, видя в нем уже не прежнего члена их холостой компании, не приятеля, а человека другой общественной группы" (*Боровский Я. М.* К тексту наброска „Участь моя решена..." // Временник ПК. 1973. Л., 1975. С. 77).

[6] Светские пересуды о предстоящей женитьбе поэта повторяют толки, которые ходили в Москве вплоть до самой его свадьбы. А. Я. Булгаков писал брату: „Итак, совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, а все сожалеют о ней" (РА. 1902. Т. 2, кн. 1. С. 54).

ОТРЫВОК

Впервые напечатано: Современник. 1837. Т. IV; вставки в текст В. Е. Якушкиным (РС. 1884. Декабрь. С. 533).

В собр. соч. Пушкина входит с 1855 г. См.: Анненков. Материалы. С. 455—458.

Беловой автограф: ПД, № 1001. Черновик вставок в текст („⟨О⟩ невзгодах реме⟨сла⟩"): ПД, № 1002. Печатается по беловой рукописи.

Написано 26 сентября 1830 г.

С некоторыми сокращениями вошел в „Египетские ночи" в качестве характеристики Чарского. Из текста были убраны автобиографические намеки.

Даты и размышления о невесте „рюриковой крови" совпадают с размышлениями Пушкина о предстоящей женитьбе. В рукописи „Отрывок" помечен „26 сент." — в этот день Пушкин получил, после долгого ожидания, письмо от Н. Н. Гончаровой (см. его письмо к ней от 4 ноября 1830 г.: „Письмо ваше от 1-го октября получил я 26-го ⟨...⟩ оно шло ровно 25 дней" (XIV, 119) (см.: *Листов В. С.* Один мотив болдинского „Отрывка" А. С. Пушкина „Несмотря на великие преимущества..." // Болдинские чтения. 1982. С. 109—110, 117).

[1] Ср. с непоявившимся в печати началом „Предисловия" к „Путешествию в Арзрум" (VIII. 2. С. 1024).

[2] Род Елецких действительно существовал и был „рюриковой крови". Его родоначальник Федор Иванович Елецкий, участник Куликовской битвы; имя Елецких встречается на многих страницах „Истории государства Российского" Карамзина. К XVIII в. этот род начал приходит в упадок. Имя Елецких Пушкин упоминает в „Арапе Петра Великого" и в „Пиковой даме"

---

* Из Ронанских вод (*франц.*). Имеется в виду роман Вальтер Скотта „Сен-Ронанские воды" (1823).

(*Листов В. С.* Один мотив болдинского „Отрывка" А. С. Пушкина „Несмотря на великие преимущества...". С. 111—114).

[3] В. С. Листов отметил, что вместо официального „ваше сиятельство" Пушкин использует несколько ироничное домашнее обращение и что в этом сказалась болдинская специфика. Ср. в письме к Вяземскому из Болдина от 5 ноября 1830 г.: „Здесь крестьяне величают господ титулом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат" (XIV, 122).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Анненков. Материалы. — Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. / Изд. П.В. Анненкова. Т. 1. Материалы для биографии А.С. Пушкина. СПб., 1855.

БЗ — Библиографические записки.

Библиотека П. — *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX—X.

ВЕ — Вестник Европы.

Венг. — Пушкин. Т. I—IV. СПб.: Изд-во Брокгауза—Ефрона, 1907—1915 (Библиотека великих писателей / Под ред. С.А. Венгерова).

Временник ПК — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд. АН СССР — Наука, 1963—1986 (АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия).

Вяземский — *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878—1896.

Дн. Модз. — *Пушкин А.С.* Дневник. 1833—1835 / Под ред. и с объяснит. прим. Б.Л. Модзалевского и со статьей П.Е. Щеголева. М.; Пг.: Госиздат, 1923.

Дн. Сав. — *Пушкин А.С.* Дневник. 1833—1835 гг. / Под ред. В.Ф. Саводника. М.: Госиздат, 1923.

Звенья — Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. / Под ред. Влад. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Изд. Academia — Госкультпросветиздат, 1932—1951.

ИВ — Исторический вестник.

Карамзины — Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960 / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

ЛБ — Гос. Библиотека СССР им. Ленина.

Лемке — *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1908.

ЛН — Литературное наследство.

Никитенко — *Никитенко А.В.* Дневник: В 3т. Л.: Гослитиздат, 1955—1956.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899—1913.

П. в восп. — А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит-ра, 1974.

Письма — Пушкин. Письма 1815—1833. Т. 1—2 / Под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Госиздат, 1926—1928 (Труды Пушкинского Дома АН СССР). Т. 3 / Под ред. и с прим. Л.Б. Модзалевского. М.; Л.: Academia, 1935.

Письма посл. лет — *Пушкин А.С.* Письма последних лет. 1834—1837. Л.: Наука, 1969.

Поляков — *Поляков А.С.* О смерти Пушкина. (По новым данным). Пб., 1922 (Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук).

Путеводитель — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Приложение к журналу „Красная нива" на 1930 г. Т. 6: Путеводитель по Пушкину. М.; Л.: ГИХЛ. 1931.

П. Временник ПК — *Пушкин.* Временник Пушкинской комиссии: В 6 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936—1941.

ПД — Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

ПиС — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. I—XXXIX. СПб., 1903—1930.

П. Исслед. и мат. — Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1—15. М.; Л., 1956—1991.

РА — Русский архив.

Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1855—1860 годах / Вступит. статья и прим. М. Цявловского. М., 1925.

РБС — Русский биографический словарь.

РВ — Русский вестник.

Рукою П. — Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский, Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935.

Рук. ПД — *Модзалевский Л.Б., Томашевский Б.В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937 (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)).

СВ — Северный вестник.

Сев. пч. — Северная пчела.

Стар. и нов. — Старина и новизна.

Щеголев — *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3 изд., просмотренное и доп. М.; Л., 1987.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Составила Л. А. Тимофеева.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ

ЗАПИСКИ

МАТЕРИАЛЫ К ЗАПИСКАМ

〈ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ〉

МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

РАЗГОВОРЫ

ПУТЕШЕСТВИЯ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ДНЕВНИКИ. ЗАПИСКИ

Утверждено к печати
Редколлегией серии „Литературные памятники“ РАН

Редактор В.Н. Немнонова. Художник Л.А. Яценко
Технический редактор Н.Ф. Соколова
Корректоры О.И. Буркова, М.В. Орлова и А.Х. Салтанаева
Компьютерная верстка Л.Н. Напольской

ЛР 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 21.05.1993 г. Подписано к печати 25.04.95. Формат 70×90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24.57. Уч.-изд. л. 29.80. Тираж 5000. Тип. зак. 3367. С 1095

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

Санкт-Петербургская типография №1 РАН. 199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12